

МІЗА КВЕНІАЄ

Смер
Себєра

Не только жену потерял в пламени пожара неотразимый маркиз Стоукхерст, но и веру в любовь — как он полагал, навек. Но точно чистый ангел нового счастья встретила ему Тася, русская красавица, бежавшая от несправедливого обвинения в убийстве. Мстительные враг преследуют Тасю, и, чтобы спасти возлюбленную, Стоукхерсту придется отыскать истинного убийцу. Таинственные приключения, запутанные интриги и нежная всепоглощающая любовь — в замечательном романе «Ангел Севера»...

Лайза Клейпас

Ангел севера

Перевод с английского Е.Ф. Левиной

*Дженнифер Голо, чудесному другу!
Спасибо за посещение России*

1870 год

— Говорят, ты ведьма. — Надзиратель вошел в полутемную камеру и закрыл за собой дверь. — Говорят, ты можешь читать мысли. — Из его горла вырвался грубый и наглый смешок. — Ну-ка, о чем я сейчас думаю? Можешь мне сказать?

Тася упорно не поднимала головы. У нее даже шея заболела от напряжения. Самым отвратительным в ее заключении были появления Семки Блудова. Этого мерзкого типа, который расхаживал по тюрьме с таким важным видом, словно еле сходящийся на толстом брюхе мундир мог ввести кого-то в заблуждение насчет его важности. Он не смел прикоснуться к ней... Пока... Но с каждым днем становился все наглее.

Она сидела, сжавшись, на соломенном тюфяке в углу и кожей ощущала, как он ее разглядывает. Три месяца заключения, она прекрасно это понимала, не могли не сказаться на ее внешности. Всегда стройная, сейчас она выглядела просто изможденной. Смугловатая, цвета слоновой кости, кожа приобрела меловой оттенок, и это только подчеркивали тяжелые черные косы.

Стражник приблизился.

— Сегодня ночью мы будем одни, — пробормотал он. — Погляди на меня. Видишь, что тебя ждет?

Я постараюсь, чтобы твоя последняя ночь запомнилась надолго.

На рябом лице Семки блуждала похотливая ухмылка. Не отрывая глаз от заключенной, он теребил ширинку своих мешковатых брюк, возбуждая себя. Медленно повернув голову, Тася стала пристально смотреть на него. Она старалась сосредоточить на его лице немигающий взгляд. Ее холодные, светлые, серо-голубые, как невская вода зимой, глубоко посаженные глаза со слегка приподнятыми вверх уголками говорили о примеси татарской крови. Многие суеверные люди боялись взгляда ее глаз — они страшились, что она украдет их душу. Все русские — от последнего крестьянина до царя — с недоверием относились к необычному.

Этот охранник был похож на многих других. Улыбка сползла с его лица, вздыбившаяся под брюками плоть резко опала, липкий пот выступил на лбу. Тася продолжала в упор смотреть на него. Блудов в ужасе попятился и стал креститься:

— Ведьма! Правду люди говорят: тебя не вешать надо, а сжечь и пепел развеять.

— Убирайся прочь! — низким голосом проговорила она.

Едва он успел сделать шаг к двери, как в дверь камеры стали стучать. Тася услышала голос своей старой няньки Варвары, требовавшей, чтобы ее впустили. Выдержка чуть было не оставила Тасю, когда она увидела свою преданную служанку. Варвара заметно постарела за время тяжелых испытаний последних месяцев, и Тасе трудно было без слез смотреть на ее убитое горем лицо.

Растянув губы в усмешке, Блудов впустил служанку и ушел, бормоча на ходу:

— Мерзкая ведьма, черная душа...

Полная фигура Варвары была закутана в серое, голову покрывала шаль с вышитыми крестами, которые должны были отпугивать злых духов. Переступив порог полутемной камеры, Варвара рванулась к девушке:

— Ох, моя Тасенька! — Голос старухи дрогнул, когда она увидела кандалы на ногах девушки. — Видеть тебя такой...

— Со мной все хорошо, — тихо промолвила Тася и крепко стиснула руки Варвары, стремясь успокоить старушку. — Все это кажется мне каким-то нереальным. Словно в страшном сне. — Мрачная улыбка скривила ее губы. — Я все жду, что он кончится, а конца все нет и нет. Иди сюда, посиди со мной.

Варвара промокнула глаза кончиками головного платка.

— Почему Господь допустил это?

Тася покачала головой:

— Не знаю, почему так случилось. Но на все воля Божья, и мы должны ей покориться.

— Многое довелось мне в жизни пережить, но этого..., не могу!

Тася ласково обняла ее:

— Варварушка, у нас мало времени. Скажи, отнесла ты письмо дяде Кириллу?

— Отдала ему прямо в руки, как ты мне велела. Я стояла рядом, пока он читал, а потом он поднес письмо к пламени свечи и держал, пока оно не обратилось в пепел. Затем он заплакал и сказал: «Передай моей милой племяннице, что я не подведу ее. Клянусь в этом памятью ее отца, моего возлюбленного брата Ивана...»

— Я знала, что дядя Кирилл мне поможет. Варварушка... а как насчет того, другого, о чем я тебя просила?

Служанка медленно полезла в квадратный вязаный кисет, висевший на перевязи у нее под грудью, и достала оттуда крохотный стеклянный пузырек.

Тася взяла его и стала наклонять в разные стороны так, что черная жидкость медленно заколыхалась, отливая маслянистым блеском. Она задумалась, сможет ли заставить себя выпить это зелье.

— Не позволяй им хоронить меня, — проговорила она с отрешенным видом. — Если я проснусь, не хочу очнуться в гробу.

— Бедное мое дитя! А если это слишком много, слишком сильно? Что, если оно убьет тебя?

Тася продолжала вглядываться в страшное зелье.

— Тогда приговор будет приведен в исполнение, — с горечью отозвалась она.

Если б не была она такой трусихой, если бы верила в милость Божью, то встретила бы свою смерть с достоинством. Много часов провела она на коленях перед святой иконой в углу камеры: молила Бога, чтобы дал ей силы смириться с судьбой. Но ничто не помогало. Снова и снова ее охватывал ужас, снова и снова билась она о незримую стену в поисках выхода, мечтая о побеге. Весь Петербург хотел ее смерти. Жизнь за жизнь. Даже ее огромное состояние не могло унять вой толпы.

Она заслужила их ненависть. Она убила человека... По крайней мере полагала, что убила. На суде все говорило против нее. У нее был мотив, возможность... Все улики свидетельствовали о ее вине. Других подозреваемых не было. За долгие месяцы заключения, когда только молитва спасала ее от умопомешательства, не нашлись новые свидетели, новые улики, позволившие усомниться в ее вине. Ее казнь должна была состояться завтра утром.

Но в голове у Таши сложился безумный план, навеянный строками Ветхого Завета из истории об Иове: «...и спрячешь ты меня в могиле, и сохранишь в тайне...»

Спрячешь в могиле!.. Если б она нашла какой-то способ притвориться мертвой и бежать...

Тася встряхнула пузырек с ядовитым составом, тайно добытым у одного петербургского аптекаря. Ощущение нереальности происходящего снова охватило ее.

— Ты помнишь все, о чем мы договорились? — снова спросила она.

Дрожащая Варвара кивнула.

— Ладно. — Тася решительно сломала восковую печать. Высоко подняв руку с ядом, она произнесла тост:

— За справедливость, — и опустошила сосуд одним глотком.

От невыносимого вкуса она содрогнулась и, прижав ко рту ладонь, закрыла глаза, дожидаясь, чтобы отступила волна тошноты. — Теперь все в руках Божьих, — произнесла она, возвращая пузырек Варваре.

Та склонила голову и зарыдала:

— Ох, барышня...

— Позаботься о матери. Постарайся утешить ее. — Тася погладила седые волосы няньки и прошептала:

— Уходи, Варварушка, да побыстрей.

Она откинулась на тюфяке и устремила взгляд на икону, уже не глядя на уходящую Варвару. Ей стало холодно, очень холодно, в ушах стоял странный звон. Страх овладел ею, она старалась сосредоточиться на дыхании. Вдох. Выдох. Сердце молотом стучало в груди.

Возлюбленные мои и друзья мои, станьте на страже... родные, посторонитесь...

Печальное лицо Богоматери стало расплываться, таять в воздухе.

«...и спрячешь ты меня в могиле..., сохранишь в тайне, пока гнев твой не иссякнет...» Слова святой книги замерли на губах. Боже мой, что со мной происходит? Папа, помоги мне...

Так вот что значит умереть: все тело немеет, превращается в камень. Жизнь уходит, как вода отлива, память уплывает прочь, и она погружается в серую зыбь между жизнью и смертью.

На веках моих тень смертная...

Спрячь меня в могилу...

Долгое время она ничего не сознавала, потом пришли сны. Вереница образов: ножи, лужи крови, распятия, священные реликвии. Она узнавала святых со своих любимых икон: святой Никита, святой Иоанн, святой Лазарь, полуокутанный саваном, его торжественно-печальный взгляд устремлен прямо ей в глаза. Образы растворились во мгле, и снова она стала ребенком.

Лето на загородной даче Каптеревых. Она сидит, свесив пухлые ножки, на золоченом стульчике и ест мороженое с золотой тарелочки.

— Папа, можно, я отдам остаток Призраку? — спрашивает она, а белый пушистый щенок выжидательно сидит рядом.

— Можно, если ты больше не будешь. — На бородатом лице отца появляется улыбка. — Тася, мама считает, что нам надо назвать собаку как-нибудь повеселее... Снежинка или Светлячок...

— Но, папа, ночью, когда спит в углу моей комнаты, он так похож на призрак.

Отец ласково смеется:

— Тогда будем звать ее, как тебе хочется, умница ты моя!

Картина меняется, и вот Тася уже в библиотеке дворца Ангеловских — всюду книги в тисненых золотом кожаных переплетах. За спиной у нее слышится какой-то шум, она круто оборачивается и видит Михаила, своего двоюродного брата. Он заплетающимися ногами делает шаг к ней, его лицо искажено гримасой. Из горла у него торчит нож, и алый поток льется на золотую парчу его кафтана. Кровь брызжет ей на руки, на платье. С криком ужаса она поворачивается и убегает. Она перед массивными деревянными воротами церкви. Она колотит в них, пока они не открываются. Церковь озарена блеском тысячи свечей, их свет трепещет на потемневших от копоти иконах. Лики святых печально смотрят на нее с высоты. Троица, Богородица, Иоанн Креститель... Упав на колени, она касается лбом каменного пола и начинает молиться об избавлении...

— Анастасия!

Она смотрит вверх и видит перед собой темного красавца. Волосы его черны, как уголь, глаза сверкают голубым огнем. Она отшатывается от него, съеживается. Это дьявол.

Он пришел забрать ее жизнь за грехи.

— Я не хотела так поступить, — всхлипывает она. — Я никому не хотела зла. Пожалуйста, сжалитесь...

Он не обращает внимания на ее мольбы, протягивает к ней руку.

— Нет, — кричит она, но он хватает ее в охапку и несет прочь в темноту. Потом эти руки, так больно сжавшие ее, исчезают, и он пропадает куда-то.

Она снова оказывается в мире шумных звуков и ярких красок, нервы ее напряжены. Мощная сила тянет ее сквозь леденящие потоки боли. Она сопротивляется, пытается вырваться, но ее неотвратимо тянет вверх, на поверхность.

Тася открыла глаза и сразу зажмурилась от света фонаря, стоявшего рядом. Она застонала от боли, и свет тут же прикрутили.

Расплывающееся лицо Кирилла Каптерева нависло над ней, и его бас тихо пророкотал:

— Я думал, что спящие красавицы бывают только в сказках. А тут у меня на корабле такая же. Значит, где-то на земле должен быть и прекрасный принц, который спрашивает у месяца, где ему искать свою любимую.

— Дядя, — попыталась выговорить она, но с уст ее слетел лишь дрожащий вздох.

Он улыбнулся ей, хотя лоб его пересекли тревожные морщины.

— Ты снова вернулась в наш мир, племянница.

Тасю успокоил его голос, такой похожий на голос ее отца.

И внешность у него была как у всех Каптеревых: сильное лицо с густыми бровями, высокими скулами, остро подстриженной бородкой. В отличие от ее отца Кирилл страстно любил море. В юности он служил в Российском флоте, а со временем основал свою торговую морскую компанию и стал владельцем огромных верфей и нескольких торговых кораблей. Нередко он и сам водил один из своих кораблей, перевозивших ткани и машины, в Англию и обратно в Россию.

Еще будучи маленькой девочкой, Тася с восторгом ждала, когда придет Кирилл, потому что он рассказывал ей увлекательные истории, привозил подарки из дальних стран и всегда от него пахло морем.

— Я не верил в твое воскрешение, — сказал Кирилл, — но увидел его собственными глазами. Я сам снял крышку с твоего гроба, ты была холодная, окоченевшая, как труп. А теперь ты снова оживаешь. — Он помолчал и сухо добавил:

— Хотя, возможно, я это говорю рано. Давай я помогу тебе сесть.

Тася застонала от резкой боли, когда он приподнял ее за плечи и подсунул под них подушку. Они находились в кают-компани корабля. Стены в ней были обшиты красным деревом, иллюминаторы задернуты шитыми бархатными занавесями. Налив из узорчатого эмалевого кувшина в хрустальный стакан воды, Кирилл поднес его к губам Таси. Она попыталась втянуть в себя глоточек, но сразу почувствовала судорожный позыв к рвоте. Лицо ее побелело, и она затрясла головой, отказываясь пить.

— Весь Петербург говорит о твоей загадочной смерти в тюрьме, — начал Кирилл, стараясь ее отвлечь. — Труп, извини за эти слова, девочка, хотелось осмотреть многим официальным лицам, включая градоначальника и министра внутренних дел, ни больше ни меньше... Но к этому времени семья уже забрала, так сказать, твое тело, и верная Варька, доставив тебя ко мне, устроила похороны прежде, чем кто-нибудь догадался, что случилось. Горюющие родственники и не подозревали, что в землю опустили гроб с мешками песка. Твоя бедная мать страдает, — добавил он с сожалением в голосе и нахмурился, — но ей нельзя говорить, что ты жива. Она ведь не сможет удержаться, чтобы не рассказать об этом кому-нибудь. Очень жаль! Хотел бы я, чтобы нашелся другой способ, но...

Тасе стало больно при мысли о горе матери. Значит, все верят в то, что она мертва. Какое это странное чувство — понимать, что для тех, кого ты знала и любила всю жизнь, тебя больше не существует!

— Ты должна попытаться пройти несколько шагов, — сказал Кирилл.

Она постаралась спустить ноги с постели и, опираясь всем телом на Кирилла, встала. Все суставы болели так, что на глаза у нее набежали слезы. Кирилл просил ее сделать хотя бы несколько шагов.

— Надо немного походить, чтобы у тебя кровь разошлась.

— Да, — выдохнула она, заставляя себя послушаться его уговоров. Больно было дышать, прикосновения к коже были мучительны, ноги ныли от невыносимой тяжести ее веса. Она мерзла... В жизни не было ей так холодно!

Кирилл тихо уговаривал ее двигаться. Его крепкая рука, поддерживая, обвивала ее дрожащую фигуру.

— Твой отец, смотря на меня с небес, наверное, сердится: как я мог допустить, чтобы с его единственным дитятей приключилось такое?! Когда я думаю о том, какой видел тебя в последний раз... — Кирилл покачал головой. — Ты танцевала мазурку в Зимнем дворце.

Твои ножки едва касались пола. Сам царь остановился и любовался тобой. Такой огонь, столько жизни! Не было мужчины, который бы не смотрел на тебя с восторгом. Прошло меньше года..., а кажется — целая жизнь.

Теперь от подобной живости не осталось и следа. Каждый шаг давался с мукой, каждый вдох обжигал холодом легкие.

— Пересечь Балтику весной — дело хитрое, — продолжал Кирилл. — Кругом битый лед. Мы остановимся в Стокгольме, погрузим железо, а потом махнем в Лондон. У тебя есть там кто-нибудь, у кого можно укрыться?

Ему пришлось еще раз повторить вопрос, прежде чем она сумела собраться с силами для ответа.

— Эшборны, — выдохнула Тася.

— Двоюродная сестра твоей матери? Гм-гм... Не могу сказать, что меня это радует. Я не слишком высокого мнения о ее семье. И еще худшего — об англичанах.

— П-почему?

— Все они снобы и лицемеры. Англичане воображают, что они самая цивилизованная нация на свете, хотя натура у них грубая и жестокая. Невинности там долго не продержаться... Запомни это. Не верь никому из них. — Кирилл замолчал и, видимо, сообразив, что его характеристики вряд ли покажутся утешительными девушке, которая собирается начать там новую жизнь, постарался вспомнить что-то хорошее об англичанах. — С другой стороны, корабли они строят отличные.

Слабая улыбка тронула губы Таси. Она остановилась и, сжав пальцами его большую руку, прошептала:

— Спасибо.

Лицо его помрачнело от этой трогательной благодарности.

— Нет, племянница, я не заслужил, чтобы ты меня благодарила. Я должен был больше сделать для тебя. Я должен был сам убить Ангеловского до того, как он протянул к тебе свои грязные лапы. Подумать только, что твоя дура-мать обручила тебя с этим мерзавцем! Я ведь слышал, какие ходят о нем слухи..., о том, что он появлялся на людях одетый в женское платье, что он целыми днями курил опиум, обо всех его извращениях... — Он замолчал, потому что Тася глухо ахнула. — Ладно, не стоит теперь вспоминать об этом. — И он снова легонько подтолкнул ее, заставляя сделать еще один шаг. — После этой нашей прогулки я велю юнге принести тебе чаю. Ты должна выпить его весь, до последней капли.

Тася издала какой-то хриплый звук и кивнула. Она мечтала об отдыхе, но мучительная «прогулка» продолжалась до тех пор, пока Кирилл, решив, что на сегодня достаточно, заботливо не усадил ее в кресло. Она буквально обмякла в нем бесформенной грудой, как ревматическая старуха. Кирилл укрыл ее одеялом.

— Жар-птичка ты моя, — ласково произнес он, задержав на мгновение ее пальцы в своей ладони.

— Папа... — еле слышно пробормотала она.

— Да, помню, что он любил так тебя называть. Для Ивана в тебе сосредоточились весь свет и краса мира. А ведь жар-птица — это символ счастья. — Он задумчиво улыбнулся. — Как в сказке говорится, жар-птица может заснуть мертвым сном, а потом пробудиться к новой жизни. — Он принес и положил рядом с ней на полку несколько предметов. — Твоя мать хотела, чтобы их похоронили вместе с тобой. Можешь взять их в Англию. Это кусочки твоего прошлого, они помогут не забыть о нем.

— Нет!

— Возьми, — настаивал он. — Когда-нибудь ты будешь рада, что они у тебя остались.

У Таши перехватило горло, когда она увидела филигранный крестик на золотой цепочке. Его носила всю жизнь ее бабка, Галина Васильевна. В центре его был бриллиантик, окруженный кроваво-красными рубинами. Рядом лежала небольшая, размером с ладошку, иконка Богородицы с младенцем Иисусом. Головы их окружало золотое сияние. При виде последнего предмета глаза Таши наполнились слезами — это был резной золотой перстень, принадлежавший ее отцу. Она потянулась к нему, и тонкие пальцы сжали холодный металл.

Кирилл заметил ее безнадежный взгляд и, одобрительно улыбнувшись ей, сказал:

— Ты в безопасности. Ты жива. Думай об этом, и тебе станет легче.

Тася проводила его взглядом. Затем попробовала облизать потрескавшиеся губы. Во рту у нее пересохло. Да, она была жива, но насчет безопасности... До конца своих дней она будет чувствовать себя загнанным зверьком, за которым идет охота... Все время будет она думать, не пришел ли ее конец. Что это будет за жизнь?

Я жива, подумала она и замерла, ожидая, что почувствует хоть искорку радости, облегчения, чего угодно, лишь бы хоть немного рассеялся этот мрак, заполнивший все ее существо.

Леди Алисия Эшборн нервно ломала руки:

— Люк, у меня чудесная новость! Мы нашли гувернантку для Эммы. Это замечательная молодая женщина, умная, с прекрасными манерами..., идеальная во всех отношениях. Вы должны немедленно встретиться с ней, и тогда сами увидите...

Лорд Лукас Стоукхерст, точнее, маркиз Стоукхерст, иронически улыбнулся в ответ:

— Вот, оказывается, почему вы пригласили меня сегодня. А я-то надеялся, что вам приятно мое общество.

Уже целых полчаса он сидел в гостиной дома Эшборнов на Куин-сквер, пил чай и поддерживал светскую беседу. Люк дружил с Чарльзом Эшборном еще со времен Итона. Чарльз был человеком общительным и обладал редким даром видеть в людях только хорошее, даром, которым Люк не обладал ни в коей мере. Узнав, что Стоукхерст приехал на денек в Лондон, Чарльз пригласил его зайти на чашку чая, когда он завершит свои дела. Едва войдя в гостиную, Люк по выражению лиц обоих Эшборнов понял, что его будут просить о какой-то любезности.

— Она просто совершенство, — повторила Алисия. — Ведь правда, Чарльз?

Чарльз с энтузиазмом поддержал ее:

— Безусловно, дорогая.

— С тех пор как вам не повезло с последней гувернанткой, — продолжала Алисия, — я присматривала подходящую замену. Вы же знаете, как нежно я отношусь к вашей дочери, и поскольку у нее нет матери... — Она умолкла в нерешительности. — О Боже, я не хотела напоминать о вашей утрате...

Смуглое лицо Люка осталось бесстрастным. Прошло уже несколько лет со смерти Мэри, его жены, но ему по-прежнему было больно слышать ее имя. Эта боль останется с ним до смерти.

— Продолжайте, — ровным голосом произнес он. — Расскажите мне подробнее об этом идеальном создании.

— Ее зовут Карен Биллингз. Большую часть своей жизни она провела за границей, но теперь решила поселиться в Англии. Она сейчас живет у нас, пока мы не найдем ей подходящего места. По моему мнению, она достаточно зрелый человек, чтобы научить Эмму необходимым правилам поведения, приличным манерам, но при этом ее молодость позволит ей стать подругой вашей дочери. Я уверена, что когда вы ее увидите, то сразу поймете, насколько она подходит для этой должности.

— Хорошо. — Люк допил чай и сел поудобнее на крытом узорной тканью диванчике, вытянув свои длинные ноги. — Пришлите мне ее рекомендации. Я просмотрю их, когда у меня будет время.

— Я бы так и сделала, но..., тут есть одна маленькая проблема.

— Маленькая проблема? — повторил Люк, поднимая темную бровь.

— У нее нет рекомендаций.

— Никаких?

Волна румянца поднялась от кружевного воротника Алисии, заливая шею и лицо.

— Она предпочитает не отвечать на вопросы о своем прошлом. Боюсь, что я не могу объяснить вам почему. Хотя должна сказать, что причина этого весьма уважительна. Вам придется поверить мне в этом на слово.

Немного помолчав. Люк засмеялся. Он был красивым мужчиной лет тридцати пяти, черноволосым, с ярко-синими глазами. Лицо его отличалось скорее интересной мужественностью, чем правильностью черт. Сурово сжатые губы, нос красивой формы, но длинноват, улыбка...

У него была улыбка человека, пренебрежительно относящегося к своему положению в обществе. Он обладал каким-то циничным обаянием, которое многие стремились копировать. Когда он смеялся, вот как сейчас, глаза всегда оставались холодными.

— Достаточно об этом, Алисия. Я уверен, что она хорошая гувернантка. Настоящее сокровище. Пусть какая-нибудь другая семья изведает счастье заполучить ее.

— Но прежде чем вы откажетесь, вам надо хотя бы поговорить с ней...

— Нет, — непреклонно произнес он. — Эмма — это все, что у меня есть. Для своей дочери я хочу только самое лучшее.

— Мисс Биллингз и есть самое лучшее.

— Она ваша последняя протееже? Это что, проявление вашей благотворительности? — язвительно спросил Люк.

— Чарльз! — умоляюще проговорила Алисия, и в спор включился ее муж.

— Стоукхерст, — мягко сказал он, — чем повредит вам встреча с этой девушкой?

— Это будет пустая трата времени. — По голосу Люка было ясно, что он все решил окончательно.

Эшборны обменялись огорченными взглядами. Собрав всю свою храбрость, Алисия нерешительно сделала несколько шагов к Люку.

— Люк, ради своей дочери согласитесь познакомиться с этой женщиной. Эмме уже двенадцать лет... Она на пороге чудесных и пугающих перемен. Ей нужен кто-то, способный помочь разобраться в себе самой и окружающем мире. Вы же знаете, я никогда не предложила бы вам никого недостойного этого места. И мисс Биллингз именно такая, особенная... Позвольте мне сбегать наверх и привести ее.

Обещаю, что не задержусь. Пожалуйста!

Люк нахмурился и отнял руку, которую она просительно сжала в своих ладонях. Она так настаивала, что отказать было неудобно.

— Ладно, ведите ее сюда, пока я не передумал.

— Вы сама любезность. — Алисия поспешила прочь из комнаты так, что пышные юбки зашуршали всеми оборками.

Чарльз налил ему бренди.

— Спасибо. Ты очень добр, что уважил просьбу моей жены. Не думаю, что ты пожалеешь о встрече с мисс Биллингз.

— Я встречусь с ней, но не найму.

— Возможно, ты изменишь "свое решение.

— Никаких шансов на это нет.

Люк встал и прошелся по гостиной мимо множества столиков, заставленных безделушками и вазочками. Остановившись рядом с другом у резной стойки красного дерева,

он взял из рук Чарльза рюмку с бренди. Слегка крутанув в ней янтарную жидкость, он криво усмехнулся уголком рта:

— Чарльз, что происходит?

— По правде говоря, я и сам не очень-то понимаю, — услышал он неловкий ответ. — Мисс Биллингз мне совершенно незнакома. Она появилась у нас неделю назад. Без багажа, без каких бы то ни было личных вещей и, насколько мне известно, абсолютно без денег. Алисия встретила ее с распростертыми объятиями, но не захотела ничего объяснять мне насчет этой девицы. Полагаю, что она бедная родственница Алисии, которая попала в какую-то беду. Не удивлюсь, если узнаю, что ее последний наниматель стал к ней приставать. Она молода, у нее очень приятная внешность. — Чарльз помолчал и добавил:

— Много молится.

— Изумительно. Ну просто именно такая гувернантка нужна для Эммы.

Чарльз не обратил внимания на его сарказм.

— Есть в ней что-то такое... — задумчиво продолжал он. — Не могу точно объяснить. В общем, я убежден, что ей довелось пережить что-то необычайное.

Люк прищурился:

— Что ты хочешь этим сказать?

Но Алисия появилась прежде, чем Чарльз успел ответить. За ней следовала тоненькая девушка, вся в сером.

— Лорд Стоукхерст, разрешите представить вам мисс Карен Биллингз.

Люк ответил на ее реверанс коротким кивком. Он не собирался облегчать ей знакомство. Она должна была сразу понять, что никто, и он в том числе, не нанимает такую, как она, гувернантку без рекомендаций.

— Мисс Биллингз, я хотел бы сразу внести ясность...

Кошачьи глаза поднялись и уставились на него. Они были бледными, серо-голубыми, точно свет, струящийся сквозь заиндевевшее окно, и казались еще светлее из-за ресниц, черных, как чернила. Люк вдруг сбился с мысли.

Она терпеливо ждала, когда он отведет от нее взгляд, как будто такое отношение было ей не в диковинку.

Назвать ее внешность приятной, как сказал Чарльз, было явным преуменьшением. Она была красива, и ее красота завораживала. Темные волосы гладко зачесаны и туго стянуты на затылке. Такая прическа любую другую женщину сделала бы просто безобразной. Но ей она шла, подчеркивая точеную изысканность нежного, словно фарфорового лица. На белой коже брови выделялись темными косыми мазками. От изгиба ее рта, страстного и горестного одновременно, нельзя было оторвать глаз. Ни один мужчина не смог бы остаться равнодушным, взглянув на нее хоть раз.

— Милорд, — прервала она затянувшееся молчание, — благодарю вас, что вы нашли время встретиться со мной.

Придя в себя, Люк небрежно повел рукой с полупустой рюмкой:

— Я никогда не покидаю дом, не допив бренди.

Уголком глаза он заметил, как нахмурилась от его грубости Алисия. Однако мисс Биллингз смотрела на него невозмутимо. Ее самообладание было безупречным. Тонкая как тростинка, она держалась прямо, лишь слегка склонив голову в знак почтительности. Тем не менее напряженность в комнате стала ощутимой, словно при встрече двух настороженных кошек, которые, распушив шерсть, медленно кружат друг около друга.

Люк отхлебнул еще бренди и резко спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать два года, сэр.

— Неужели? — Люк скептически окинул ее взглядом, но оставил ответ без возражений. — И вы претендуете на то, что сумеете учить мою дочь?

— Я знаю литературу, историю, математику, правила поведения молодой леди.

— А как насчет музыки?

— Я играю на фортепьяно.

— А языки?

— Французский и немного немецкий.

Люк погрузился в молчание, размышляя о ее странном акценте.

— И русский, — наконец проговорил он.

В ее глазах мелькнуло удивление.

— И русский тоже, — подтвердила она. — Как вы догадались, милорд?

— Вы, по-видимому, жили там какое-то время. Об этом говорит акцент — ваше произношение не совсем безупречно.

Она слегка склонила голову, как принцесса, допускающая, что замечание ее непочтительного подданного справедливо. Люк не мог не отметить, что ее манера держаться произвела на него впечатление. Залп его вопросов ее не смутил. Он неохотно признался себе, что его дочь, рыжеволосая жизнерадостная дикарочка, могла бы поучиться у этой девицы железной выдержке.

— Раньше вы служили гувернанткой?

— Нет, милорд.

— Значит, опыта обращения с детьми у вас нет?

— Это верно, — согласилась она. — Но ваша дочь не совсем ребенок. Как я поняла, ей тринадцать лет?

— Двенадцать.

— Трудный возраст, — заметила она. — Уже не ребенок, но еще не женщина.

— Эмме особенно трудно. Ее мать умерла давно. И теперь нет никого, кто бы сказал ей, как следует себя вести настоящей леди. В последний год у нее развилась, как говорят врачи, повышенная нервозность. Ей нужна женщина зрелая, чья материнская опека помогла бы преодолеть это состояние. — Люк выделил голосом слова «зрелая» и «материнская», может быть, желая подчеркнуть, как не подходит на роль гувернантки стоящая перед ним тоненькая девушка.

— Повышенная нервозность? — мягко повторила она.

Люку не хотелось продолжать разговор. Он не собирался обсуждать проблемы своей дочери с чужим человеком. Но, встретив ее ясный взгляд, почувствовал, что не может замолчать: слова словно сами слетали с его языка:

— Она часто плачет. Иногда у нее бывают истерики.

Она почти на голову выше вас ростом и просто в отчаянии, что еще продолжает расти. Последнее время с ней просто невозможно разговаривать. Она утверждает, что я не пойму, если она начнет объяснять мне свои чувства, и один Бог знает... — Он оборвал фразу, осознав, сколько успел наговорить. Это было совсем не в его духе.

Мисс Биллингз тут же заполнила паузу:

— Милорд, я думаю, что называть это нервозностью нелепо.

— Почему вы так считаете?

— Когда мне было столько лет, сколько Эмме, я испытывала нечто подобное. То же происходило с моими кузинами. Это нормальное поведение и состояние для девочки в возрасте Эммы.

Спокойная уверенность мисс Биллингз почти убедила его, что она права. А может. Люку просто отчаянно хотелось думать именно так. Долгие месяцы он выслушивал прямые и завуалированные предостережения врачей насчет дочери. Они прописывали Эмме укрепляющие микстуры, которые та отказывалась принимать, особые диеты, которым она не желала следовать. Еще хуже, что он должен был выслушивать душераздирающие стенания своей матери и ее седовласых подруг, а также преодолевать чувство собственной вины: почему он не женится снова.

«Ты подводишь свою дочь, — заявляла ему мать. — Каждой девочке нужны материнская забота, чуткое женское руководство, иначе из нее вырастет невоспитанная девица и никто не захочет взять ее в жены. Она останется старой девой, и все из-за того, что ты не захотел жениться после смерти Мэри».

— Мисс Биллингз, — отрывисто произнес он. — Я рад слышать ваше мнение, что проблемы моей дочери смехотворны. Однако...

— Милорд, я не сказала, что они смехотворны или несерьезны. Я сказала, что они нормальны.

Она перешла невидимую, но для многих непреодолимую грань между нанимателем и нанимаемой, разговаривая с ним как с равным. Люк нахмурился, размышляя, была ли ее дерзость неосознанной или намеренной.

Молчание в комнате стало тяжким и напряженным. Люк вдруг осознал, что совсем забыл о присутствии Эшборнов, и вспомнил о них, только когда Алисия заерзала на диванчике.

Тем временем Чарльз, казалось, обнаружил нечто очень интересное за окном. Люк снова посмотрел на мисс Биллингз.

Обычно его взгляд заставлял людей опускать глаза, и теперь он ожидал привычную реакцию: вот-вот девушка вспыхнет, начнет заикаться и разразится слезами. Но вместо этого она ответила ему таким же взглядом в упор. Ее светлые глаза буквально пронзали его.

Наконец она опустила взгляд и увидела..., его руку. Люка давно не удивляло такое поведение людей. Некоторые смотрели изумленно, некоторые — с отвращением: на месте левой кисти серебром сверкал стальной крючок. Кисть он потерял девять лет назад. Она была повреждена, и ее пришлось ампутировать, чтобы спасти его от смертельного заражения крови. Только упрямый характер помог Люку не впасть в отчаяние или погрузиться в жалость к себе. Если уж ему выпал такой жребий, он постарается выстоять. И ему это удалось. Он приспособился к своему увечью, многое изменив в своем образе жизни. Некоторые люди воспринимали крючок как нечто угрожающее, и он иногда с удовольствием этим пользовался. Сейчас он наблюдал за реакцией мисс Биллингз, надеясь, что ей станет неловко. Но она выказала лишь несколько рассеянный интерес, что его просто ошеломило. Никто таким взглядом на него не смотрел. Никто.

— Милорд, — тихо и серьезно проговорила она. — Я решила принять место гувернантки вашей дочери. Я пойду соберу свои вещи.

Она повернулась и пошла, шурша муслиновыми юбками. Алисия поспешила за своей протеже, предварительно наградив Люка ослепительной улыбкой.

Открыв рот, Стоукхерст уставился в опустевший дверной проем, затем перевел недоверчивый взгляд на Чарльза:

— Она решила принять место?!

— Поздравляю, — осторожно произнес Эшборн.

Мрачная улыбка раздвинула губы Люка.

— Позови-ка ее назад.

Чарльз в тревоге посмотрел на него:

— Стоукхерст, погоди! Я знаю, что ты собираешься сделать. Ты измордуешь мисс Биллингз, доведешь мою жену до слез и оставишь меня разбираться с последствиями! Но ты должен забрать мисс Биллингз на несколько недель, пока я не найду ей другого места. Прошу тебя как друга...

— Я не дурак, Чарльз. Скажи мне правду. Кто она и почему я должен забрать ее из твоего дома?

Чарльз скрестил руки на груди, потом разнял их и заходил по комнате. Редко доводилось Люку видеть его в таком волнении.

— Она попала в... В общем, она оказалась в очень сложной ситуации. Чем дольше она пробудет у нас, тем большая ей грозит опасность. Я надеялся, что ты сегодня же заберешь ее с собой и продержишь какое-то время в деревне в безопасности.

— Значит, она скрывается от кого-то? Почему?

— Я сказал тебе все, что мог.

— Как ее настоящее имя?

— Это не важно. Пожалуйста, не спрашивай.

— Не спрашивать? И ты думаешь, что я разрешу ей общаться со своей дочерью?

— Эмме опасность грозить не будет, — поспешил возразить Чарльз. — Ни малейшая. Боже мой, ты же знаешь, как мы с Алисией относимся к твоей дочери! Как ты мог подумать, что мы поставим ее под удар?

— Сейчас я просто не знаю, что и думать.

— Всего на несколько недель, — умолял Чарльз. — Пока я не подыщу что-нибудь для нее. Мисс Биллингз действительно обладает знаниями, необходимыми для гувернантки. Она не повредит Эмме. Возможно, даже поможет ей. Люк, я ведь всегда мог на тебя рассчитывать. Я прошу твоей помощи.

Люк хотел отказать, но вспомнил странный внимательный взгляд, который бросила на него мисс Биллингз. Она была в беде и все же решила довериться ему. Почему? И кто она такая? Сбежавшая жена? Политическая беженка? Он терпеть не мог тайн и обязательно добирался до разгадки. В нем горела типично английская страсть к упорядочению и осмыслению всего, с чем он сталкивался. Это стремление было слишком сильным, чтобы ему противиться, ибо нет сильнее искушения, чем вопрос без ответа.

— Проклятие! — прошипел он себе под нос и коротко кивнул Эшборну. — Ладно, месяц, и ни днем больше. После этого ты заберешь ее у меня с рук.

— Спасибо.

— Я делаю тебе одолжение, Чарльз, — сумрачно объявил он, — не забывай об этом.

Лицо Эшборна расплылось в благодарной улыбке.

— Как будто ты мне это позволишь.

Тася, не отрывая глаз, смотрела в окошко кареты. Вдоль дороги тянулись поля, аккуратно обработанные, разделенные на небольшие участки. Она вспомнила свою родину, бесконечные версты нетронутых земель, серо-голубое, подернутое дымкой небо... Как не похоже на эту страну! Мощная военная и экономическая держава, Англия была на удивление маленькой. За окраинами многолюдных городов сразу начинались заборы, изгороди и зеленые луга. Прохожие, которые попадались на их пути, казались более процветающими, чем русские крестьяне. Их одежда была современной, никто не носил рубах или балахонов. Повозки были крепкими, а лошади — ухоженными и чистенькими. Селения с их деревянными хозяйственными постройками и коттеджами под соломенными крышами производили впечатление деловитой аккуратности. Не было видно деревянных банек — неотъемлемой принадлежности каждой русской деревни. Каким же образом остаются чистыми эти люди?

А еще здесь не было березовых рощ. И земля была не черной, а коричневой. И в воздухе не хватало бодрящего балтийского холодка. Тася поискала взглядом церковные кресты, но, как ни странно, и их не было. В России церкви были повсюду, даже в самом отдаленном захолустье. Золотые луковки куполов на белых башнях церквей и колоколен сияли на горизонте, как свечи, указывая заблудшим душам дорогу в их странствиях. И колокола! Русские любили колокола; их певучий звон, призывая к молитве, отмечал начало и конец праздника. Ей будет не хватать радостного колокольного перезвона. Англичане явно не были любителями звонить в колокола.

От мыслей о доме у Таси заныло в груди. Казалось, прошло гораздо больше недели с того дня, когда она ступила на порог дома кухни Алисии. Она была в полном изнеможении, без кровинки в лице. Тасе удалось с трудом улыбнуться, она пробормотала по-русски «Здравствуйте» и в полуобморочном состоянии упала кухне на руки. Ошеломленная ее неожиданным появлением, Алисия тем не менее сразу же повела Тасю в дом. Не было никаких сомнений в том, что она поможет ей всеми доступными способами. Их семья отличалась преданностью родным, воспитанной суровыми испытаниями славянской истории на протяжении многих поколений. И Алисия, которую привезли в Англию еще ребенком, оставалась истинно русской в своей верности родственным узам.

— Никто даже не догадывается, что я жива, — сказала ей Тася. — Но если они как-то узнают, что произошло, то сразу начнут разыскивать у родственников. Поэтому я не могу у вас оставаться. Я должна исчезнуть.

Алисии не надо было спрашивать, кто такие эти «они».

Русские власти, слишком занятые политическими интригами и постоянными волнениями, не зайдут особенно далеко в погоне за торжеством справедливости. Но если семья Михаила заподозрит, что она бежала, то они не успокоятся до тех пор, пока не найдут ее.

Ангеловские обладали немалой властью, а Николай, младший брат Михаила, был известен своей мстительностью.

— Мы должны найти тебе место гувернантки, — объявила Алисия. — На гувернанток никто не обращает внимания.

Даже другие слуги. Воспитание детей — это удивительно одинокое занятие, но зато и совершенно незаметное. Вообще-то у нас есть один друг, который может согласиться тебя нанять. Вдовец с дочерью.

Теперь, после первого Знакомства с лордом Стоукхерстом, Тася не знала, что и думать о нем. Обычно она легко разбиралась в людях, но со Стоукхерстом это оказалось не так просто. Среди тех, кого она знала в прошлом: бородатых придворных, самовлюбленных офицеров, томных молодых дворян, — не было таких лощеных европейцев. Но Тася чувствовала, что за его хладнокровием и невозмутимой внешностью скрывается железная воля. Он будет настойчиво добиваться того, что хочет. Она предпочла бы не иметь с ним дела, но жизнь не давала ей такой роскоши — возможности выбирать.

Она вспомнила, как он напрягся, когда она посмотрела на его отливающий серебром крючок. Вид его не вызывал в ней каких-то неприятных чувств. Без этого изъяна Стоукхерст показался бы ей вообще чуть ли не сверхчеловеком. Но по выражению его лица Тася догадалась, что милорд предпочитает, чтобы его боялись, а не жалели. Сколько же сил требовалось ему, чтобы скрыть от всех даже малейшие следы своей ранимости! И сколько было в нем гордости! Она окутывала его невидимым плащом.

Пока они ехали, Стоукхерст держал сверкающий крючок на виду, небрежно положив его на бедро. Тася подозревала, что он это сделал с умыслом — решил проверить, не будет ли она нервничать. Она не сомневалась, что была не первой, кого он так испытывал. Разумеется, она нервничала, но не из-за крючка: впервые в жизни ей пришлось остаться наедине с мужчиной.

Однако она больше не была оберегаемой от всех богатой наследницей, предназначенной в жены князю, любые прихоти которой исполняло множество слуг. Теперь она сама была служанкой, а человек, сидевший напротив, — ее хозяином. Раньше она всегда ездила в каретах, обитых внутри пушистым мехом, с золотыми накладками и хрустальными окошками в дверцах, расписанных французскими мастерами. С ними и сравниться не могла эта карета, хотя она была удобной и достаточно богатой. Тася подумала устало, что она никогда не готовила себе ванну, не стирала своих чулок. Единственным полезным ее умением было шитье, вернее, вышивание. С детства у нее была своя корзинка с иглками, ножницами и разноцветными шелковыми нитками — ее мать считала, что девочкам нечего сидеть сложа руки.

Тася выбросила эти мысли из головы, напоминая себе, что ей нельзя оглядываться на прошлое. Не важно, что она утратила ту жизнь, полную роскоши. Богатство ничего не значило. Все золото Каптеревых не смогло ни уберечь ее отца от смерти, ни утешить ее в одиночестве. Бедности она не боялась, не страшны были ей ни работа, ни голод. Она примет все, что несет ей будущее. Все в воле Божьей.

Размышляя о том, что же за женщину везет он в свой дом. Люк внимательно наблюдал за ней. Каждая складка ее платья была аккуратно расправлена, тело совершенно неподвижно. Она сидела, прислонившись к обивке кареты, словно позируя для портрета.

— Может, вы хотите знать, сколько я буду вам платить? — внезапно спросил он.

Она уставилась на свои сложенные на коленях руки:

— Я верю, что вы положите мне вполне достаточное жалованье, милорд.

— Пять фунтов в месяц должно быть приемлемо. — Люк был раздражен ее легким кивком.

Эта сумма намного превышала обычно принятую плату.

Она могла бы проявить большую благодарность или хотя бы как-то оценить его щедрость. Но ничего подобного не последовало.

Ему подумалось, что Эмме она не понравится. Что общего может быть у этого зачарованного существа с его бесшабашной дочерью?

Казалось, что она погружена в свой внутренний мир, явно привлекавший ее сильнее, чем окружающая действительность.

— Мисс Биллингз, — коротко произнес он, — если вы не сможете выполнять свои обязанности так, чтобы я был удовлетворен, я предоставляю вам достаточно времени, чтобы найти новое место.

— Этого не понадобится.

Он фыркнул, услышав ее самоуверенный ответ.

— Вы очень молоды. Со временем вы узнаете, что жизнь преподносит нам много сюрпризов.

Странная улыбка вспыхнула и погасла на ее губах.

— Я уже сделала это открытие, милорд. «Поворот судьбы». Так, кажется, говорите вы, англичане?

— Полагаю, именно один из «поворотов» привел вас к Эшборнам?

— Да, милорд.

— Как давно вы с ними знакомы?

Всякий намек на улыбку исчез с ее лица.

— Вы намерены задавать мне вопросы, милорд?

Люк откинулся на сиденье и поудобнее сложил руки.

— Мне думается, что я имею право задать несколько вопросов, несмотря на вашу нелюбовь к ним, мисс Биллингз.

Ведь я согласился верить вам свою дочь.

Она наморщила лоб, словно пытаясь разгадать загадку.

— Что вы хотите узнать, милорд?

— Вы родственница Алисии?

— Дальняя.

— Вы по рождению русская?

Она не шелохнулась, лишь опустила ресницы. Казалось, она не слышала его... Затем слегка кивнула.

— Замужем?

Ее глаза были устремлены на собственные руки.

— Зачем вам нужно знать это?

— Я хочу быть уверен, что однажды на моем пороге не появится разъяренный муж.

— Нет никакого мужа, — тихо, сказала она.

— Почему же нет? Ваше лицо достаточно привлекательно, чтобы заполучить пару-тройку вполне приличных предложений даже без всякого приданого.

— Я предпочитаю оставаться одна.

Он криво усмехнулся:

— Я и сам это предпочитаю. Но вы слишком молоды, чтобы обречь себя на целую жизнь одиночества.

— Мне двадцать два года, сэр.

— Черта с два, — мягко проговорил он. — Вы едва старше Эммы.

Когда она наконец посмотрела на него, ее прелестное лицо было суровым.

— На самом деле годы ведь не имеют значения. Не так ли? Некоторые люди и в шестьдесят знают не больше, чем в шестнадцать. А некоторые дети старятся от пережитого и знают куда больше, чем окружающие их взрослые. Не так просто определить, что такое зрелость.

Люк отвел взгляд; вызывающий блеск в его глазах логас.

Что же такое с ней случилось и почему она была одинока?

Должен же быть кто-нибудь — отец, брат, опекун, — чтобы позаботиться о ней. Почему сейчас ее некому было защитить?

Он провел кончиками пальцев по левому рукаву, ощупывая кожаный ремень, крепивший крючок к культе. Мисс Карен Биллингз, кто бы она ни была, встревожила его. Мысленно он проклял Чарльза Эшборна. Ему теперь придется терпеть ее месяц. Целый чертов месяц!

Карета подъезжала к окраине Саутгейта, и Тася была поглощена пейзажем, разворачивающимся за окошком кареты.

Когда— то Саутгейт был просто кучкой домов, где жили те, кто работал в его поместье. Однако со временем здесь вырос кипящий жизнью городок с самым большим рынком в графстве. Вокруг простирались роскошные луга, вдали виднелся дубовый и буковый лес, пересеченный речушками. В прекрасных кирпичных зданиях, построенных еще дедом Люка, были зерновая биржа, мельница и начальная школа. Дед построил и церковь, являющуюся теперь центром этого городка, — строгое здание с большими витражными окнами.

Силуэт внушительного замка возник на холме, царившем над всеми окрестностями. Мисс Биллингз вопросительно взглянула на Люка.

— Это Саутгейт-Холл, — сообщил он. — Мы с Эммой — единственные Стоукхерсты, которые сейчас здесь живут. Мои родители предпочитают оставаться в нашем имении в Шропшире. Сестра замужем за шотландцем и живет с ним в Селкирке.

Экипаж поднялся по извилистой дороге к воротам в массивной стене, когда-то защищавшей норманнскую крепость. Саутгейт был построен на руинах старинного замка.

Центральная его часть относилась к шестнадцатому столетию, а остальная часть здания была пристроена уже в нынешнее время. Благодаря изобилию романтических башенок и фонтанов и всему его стремившемуся ввысь облику Саутгейт-Холл причисляли к самым живописным поместьям Англии.

Ученики художественных школ часто приезжали сюда, чтобы запечатлеть на полотне этот замечательный замок, обращенный к восходу фасад, игру света на камне и стекле.

Карета остановилась у входа, увенчанного резными трилистниками и медальоном с фамильным гербом. После того как слуги в черных ливреях помогли им выйти, Тася стала разглядывать барельеф над дверью.

Он изображал сокола, сжимавшего в когтях единственную розу.

Почувствовав прикосновение к локтю, она вздрогнула и обернулась к лорду Стоукхерсту. Солнце светило ему в спину, и худощавое лицо его оказалось в тени.

— Пойдемте, — сказал он, жестом приглашая ее пройти перед собой.

Лысый пожилой дворецкий с длинным подбородком придерживал распахнутую дверь. Лорд Стоукхерст представил их друг другу:

— Сеймур, это мисс Биллингз, новая гувернантка.

Тася сначала удивилась, что ее представляют дворецкому, а не наоборот, но потом вспомнила, что теперь она больше не леди, а служанка невысокого ранга. Низших всегда первыми представляют высшим. Грустная улыбка мелькнула на ее губах, и она присела в быстром книксене, здороваясь с Сеймуром.

Они прошли в великолепный холл в два этажа высотой. В его центре был восьмигранный каменный стол. Естественный свет потоками лился сквозь высокие окна купола. Тася с восхищением разглядывала холл, но это занятие было прервано криком, эхом отразившимся от стен:

— Папа! — Высокая девочка с копной взлохмаченных рыжих волос, размахивая худыми руками, влетела в комнату.

Люк нахмурился, увидев, что его дочь пытается удержать огромного пса. Он был еще не вполне взрослым, помесь кого-то с волкодавом.

Несколько месяцев назад Эмма привела его из деревни от мелочного торговца. Никто в Саутгейт-Холле, даже настоящие любители животных, не разделял ее привязанности к этой дворняге. Он был лохматый, с грубой шерстью какого-то то ли сероватого, то ли коричневатого цвета. С маленькими глазками и вытянутой пастью, он был до нелепости вислоухим, что вдохновило Эмму назвать его Самсоном. Его чудовищный аппетит можно было сравнить лишь с упрямым нежеланием обучаться чему бы то ни было.

Завидев Люка, Самсон рванулся к нему с басистым счастливым лаем. Однако, заметив присутствие чужака, он оскалил зубы и зарычал. Брызги слюны полетели на пол. Эмма вцепилась в ошейник, но Самсон не переставал вырываться.

— Прекрати, Самсон, проклятая ты зверюга! Веди себя как следует...

Звучный голос Люка прогремел, перекрывая шум:

— Эмма, я же велел тебе не приводить его в дом.

Говоря это, он машинально заслонил собой хрупкую фигурку мисс Биллингз, потому что пес явно рвался растерзать ее в клочья.

— Он никому не причинит вреда! — кричала Эмма, пытаясь удержать собаку. — Он просто шумный!

Люк готов был сам оттащить пса, как вдруг понял, что мисс Биллингз проскользнула мимо него. Смотря на рычащего зверя прищуренными глазами, она заговорила по-русски. Ее мягкий голос переливался и потрескивал, как пламя.

Люк не понимал ни одного слова, но волосы у него на затылке и на шее буквально зашевелились. Такое же действие оказал ее голос и на Самсона: он затих и, широко открыв глаза, уставился на незнакомку.

Вдруг пес припал к земле и пополз к ней, издавая просительное повизгивание и хвостом подметая пол широкими взмахами из стороны в сторону. Мисс Биллингз наклонилась и ласково потрепала его по неуклюжей голове. Перекатившись на спину, Самсон стал подергиваться от восторга. Даже когда мисс Биллингз выпрямилась, размякший гигант остался у ее ног.

Подчиняясь краткому приказанию Люка, лакей поспешил вывести пса из дома. Неуклюжий Самсон уходил крайне неохотно, голову он пригибал к земле, а язык и уши едва

не доставали пола.

Эмма заговорила первой:

— Что вы ему сказали?

Серо — голубые глаза мисс Биллингз оглядели девочку, и она слегка улыбнулась:

— Я напомнила ему о хороших манерах.

Эмма настороженно адресовала следующий вопрос отцу:

— Кто это?

— Твоя гувернантка.

Эмма от удивления открыла рот:

— Моя — что? Но, папа, ты мне ничего не сказал...

— Я и сам не знал, — сухо ответил он.

Тася внимательно посмотрела на дочь Стоукхерста. Эмма была тощенькой неуклюжей девчушкой переходного возраста, на пороге девичества. Ее курчавые волосы были рыжими, как морковка. Они, безусловно, привлекают к себе внимание, куда бы она ни пошла. Тася догадалась, что Эмма была предметом безжалостных насмешек других детей. Одного цвета волос хватило бы для этого с избытком, а она к тому же была еще высокой. Не исключено, что со временем она дорастет до шести футов... Девочка сутулилась, чтобы казаться пониже ростом. Платье ей было коротковато, ногти грязные. У нее были отцовские изумительные сапфировые глаза, но ресницы рыжеватые, а не черные, как у него, и все лицо в золотых веснушках.

Высокая седая женщина приблизилась к прибывшим. Выражение ее худого лица говорило, что она привыкла действовать решительно. На поясе у нее висела огромная связка ключей — символ ее власти домоправительницы.

— Миссис Наггз, — обратился к ней Стоукхерст. — Это новая гувернантка, мисс Биллингз.

Брови домоправительницы сурово сдвинулись.

— Вот как! Надо приготовить комнату. Полагаю, ту же, что и раньше? — Своей интонацией она явно намекала, что и нынешняя гувернантка задержится здесь не дольше прежней.

— Поступайте, как считаете нужным, миссис Наггз! — Стоукхерст шагнул к дочери и поцеловал ее в макушку. — Мне надо немного поработать, — пробормотал он. — Поговорим за ужином.

Эмма кивнула и, когда Люк, не прибавив больше ни слова, оставил их одних, перевела взгляд на Тасю.

— Мисс Биллингз, — деловито сказала домоправительница. — Я сейчас пошлю кого-нибудь подготовить для вас комнату. А вы тем временем, может быть, присядете и выпьете чашку чая?

Чашка чая. Это звучало так приятно. День был долгим, а Тася еще не окрепла после своего путешествия из России.

Она была просто в изнеможении, но покачала головой. Сейчас самым важным для нее был разговор с Эммой.

— Вообще-то я с большим удовольствием осмотрю дом.

Эмма, ты проводишь меня?

— Да, мисс Биллингз, — послушно ответила девочка. — Что бы вам хотелось увидеть? Здесь сорок спален и почти столько же гостиных. Есть еще галереи, внутренние дворики,

часовня... Чтобы все показать, потребуется целый день.

— На сегодня довольно будет того, что ты считаешь важным.

— Хорошо, мисс Биллингз.

Они шли по первому этажу замка, и Тася не могла не восхититься его красотой. Он был совсем не похож на викторианский особняк Эшборнов, заставленный модной тяжелой мебелью. Саутгейт-Холл был просторным, кругом были белая штукатурка и светлый мрамор. Большие застекленные окна и высокие потолки пропускали много света и воздуха.

Мебель большей частью была французская, похожая на ту, к которой Тася привыкла в Санкт-Петербурге.

Вначале Эмма молчала, лишь украдкой посматривала на Тасю. Однако она долго не смогла сдерживать любопытства и, когда они после музыкального салона пошли по длинной галерее, все стены которой украшали прекрасные полотна, поинтересовалась:

— Как папа вас нашел? Он ничего не говорил насчет новой гувернантки.

Тася задержалась у пасторальной картины француза Буше.

В галерее было много полотен современных французских художников. Выбор картин говорил о хорошем вкусе хозяина, о его понимании живописи. С трудом оторвавшись от созерцания, Тася ответила девочке:

— Я жила у Эшборнов. Они любезно рекомендовали меня лорду Стоукхерсту.

— Последняя гувернантка мне совсем не нравилась. Она была очень строгой. Никогда не хотела разговаривать о вещах, по-настоящему интересных. Только книжки, книжки, книжки.

— Но книжки могут быть очень интересными.

— Не думаю. — Они медленно шли по галерее. Эмма теперь не прятала глаз, смотрела открыто, но в голубых глазах светилось лукавство. — Ни у кого из моих друзей нет такой гувернантки, как вы.

— Неужели?

— Вы молоденькая и разговариваете странно. И еще вы очень-очень хорошенькая.

— Ты тоже, — тихо откликнулась Тася.

Эмма скорчила забавную рожицу:

— Я? Я здоровенная и рыжая, как морковка.

Тася улыбнулась:

— Мне всегда хотелось быть высокой, потому что к высокой женщине окружающие испытывают какое-то почтение, словно она королева. Только высокая женщина может выглядеть действительно элегантно.

Девочка покраснела.

— Я никогда не слышала ничего подобного.

— И волосы у тебя очень красивые, — продолжала Тася. — Знаешь, Клеопатра и ее придворные дамы красили волосы хной, чтобы они стали рыжими. Тебе просто повезло, что у тебя они такие от природы.

Эмма скептически фыркнула. Из огромных окон перехода, по которому они направлялись в другую часть замка, был виден белый с золотом бальный зал.

— Вы научите меня вести себя как леди? — внезапно спросила девочка.

Тася улыбнулась, подумав, что Эмма унаследовала от отца манеру ошарашивать собеседника прямым вопросом.

— Лорд Стоукхерст говорил, что тебе понадобится несколько советов на эту тему, —

призналась она.

— Не понимаю, почему обязательно надо быть леди. Все эти проклятые правила и манеры... Я совсем не способна их выучить. — Эмма снова забавно сморщилась.

Тася строго запретила себе смеяться. Впервые за много месяцев ей стало весело.

— Это нетрудно. Скорее напоминает какую-то игру. Я думаю, ты этому научишься.

— Я не могу ничему научиться, если не понимаю причину, по которой делают так или иначе. Что за разница, какой вилкой я пользовалась, если я наелась?

— Тебе нужно теоретическое обоснование или практическое?

— И то и другое.

— Тогда начнем с теории. Большинство считает, что, если, не придерживаясь свода правил поведения, этикета, цивилизация рухнет. Сначала забудутся манеры, потом мораль, а затем погибнем мы все. Это случилось с Древним Римом — упадок и распад империи. Не для тебя, наверное, важнее, что происходит практически. Представь себе, что ты, выйдя в свет, допустишь какую-то оплошность. Тогда не только ты сама почувствуешь себя неловко и поставишь в неловкое положение своего отца, но тебе потом будет очень трудно завоевать внимание достойного молодого человека.

— О! — Эмма уставилась на нее со всевозрастающим интересом. — А Древний Рим и правда пришел к полному упадку? Я думала, что римляне только воевали и строили дороги.

И еще говорили длинные речи о своих правителях.

— К ужасному упадку, — уверила ее Тася. — Мы завтра почитаем о них, если ты захочешь.

— Ладно. — Эмма блеснула ослепительной улыбкой. — Пойдемте на кухню. Я хочу, чтобы вы познакомились с миссис Планкет, нашей кухаркой. Я люблю ее больше всех в доме. После папы.

Они миновали узкую кладовку с полками, заставленными разными продуктами, перешли через пекарню с мраморным расстоечным столом и всевозможными скалками на стенах. Взяв Тасю за руку, Эмма потащила ее мимо посудомоек, с любопытством разглядывавших ее, и на ходу объявила:

— Это моя новая гувернантка, мисс Биллингз.

Кухня была огромной и вмещала множество слуг, парящих, жарящих, режущих... Посередине кухни стоял длинный деревянный стол, на стенах висели кастрюли, котелки, сковородки и медные формы, в которых готовили печеные и заливные блюда. Стоявшая у стола полная женщина орудовала большим ножом, показывая помощнице, как надо шинковать морковь.

— Смотри, чтобы ломтики были не слишком толстыми... — Она замолчала и широко улыбнулась, увидев Эмму:

— А-а, вот и моя Эмма пожаловала и привела с собой подружку.

— Миссис Планкет, это мисс Биллингз. — Эмма поставила ногу на табуретку. — Она моя новая гувернантка.

— Это надо же! — воскликнула кухарка. — Что ж, уже давно пора было появиться здесь новому личику, да еще такому хорошенькому. Но вы на нее поглядите: она же не толще ручки от метлы. — Протянув руку к блюду, она сняла с него салфетку. На блюде оказались пирожки. — Попробуй-ка, козочка, вот этот, с яблоками, и скажи, не слишком ли толстая у них корочка.

Глядя на нее, Тася поняла, почему Эмма так ее любила.

У миссис Планкет были веселые карие глаза, щеки как румяные яблочки, а вся она буквально излучала материнское тепло.

— Попробуй, — ободряла ее кухарка, и Тася потянулась за пирожком...

Эмма, последовав ее примеру, выбрала себе самый большой пирожок. Откусив хороший кусок, она с набитым ртом пробурчала:

— Великолепно. — И усмехнулась в ответ на укоризненный взгляд Таси:

— Знаю, знаю, разговаривать с полным ртом неприлично. Но я умею делать это так, что никто ничего не поймет. — Она передвинула пищу за щеку. — Видите?

Тася уже хотела было объяснить, почему это все равно неприлично, но заметила, что Эмма подмигнула миссис Планкет, и при всем старании не удержалась от смеха.

— Эмма, боюсь, что на каком-нибудь важном обеде случится так, что ты выплюнешь крошки на гостя.

Улыбка Эммы расползлась до ушей.

— То, что надо! Я заплюю едой леди Харкорт, когда она в следующий раз придет в гости. Может, тогда мы наконец-то избавимся от нее навсегда. Представляете, какое лицо будет у папы? — И, видя Тасино недоумение, объяснила:

— Леди Харкорт — одна из тех женщин, которые хотят выйти замуж за папу.

— Одна из тех? — переспросила Тася. — И сколько же их?

— О, почти все хотят этого. Я не раз подслушивала разговоры некоторых дам. Вы не поверите, если вам рассказать, что они говорят! Правда, я не все понимаю, но...

— Слава Богу за это, — с чувством сказала миссис Планкет. — Ты же знаешь, Эмма, что подслушивать нехорошо.

— Но ведь он мой папа! Я имею право знать, кто старается поймать его в свои сети. А леди Харкорт очень настырная и старается вовсю. Вы и оглянуться не успеете, как они поженятся, а меня отправят в пансион.

Миссис Планкет усмехнулась:

— Если б твой отец хотел жениться, он бы давно это сделал. Ему никто не был нужен, кроме твоей мамы, и не думаю, что когда-нибудь понадобится.

Эмма задумалась:

— Жалко, что я так мало помню о том, какая она была.

Мисс Биллингз, хотите посмотреть портрет моей мамы? Он в одной из верхних гостиных. Она любила пить там чай.

— Да, мне бы хотелось увидеть его, — ответила Тася, откусывая следующий "кусочек" пирожка. Она не чувствовала голода, но заставляла себя есть.

— Вам будет здесь хорошо, — сказала ей кухарка. — Лорд Стоукхерст дает много денег на домашние расходы, так что мы не экономим продукты. Масла берем сколько хочется и каждое воскресенье едим ветчину. И мыла у нас много, и яиц, и хорошие сальные свечи. А когда наезжают гости, их слуги такое рассказывают! Некоторые ни разу в жизни яйца не видели! Ты счастливая, что тебя нанял лорд Стоукхерст. Хотя, думаю, ты и сама об этом догадываешься.

Тася вдруг заметила, что Эмма и миссис Планкет как-то странно на нее смотрят.

— У вас рука дрожит, — без обиняков сказала Эмма. — Вы себя плохо чувствуете, мисс Биллингз?

— Какая ты стала бледненькая! — добавила кухарка, с сочувствием глядя на нее.

Положив свой пирожок на стол, Тася ответила:

— Я и правда немного устала.

— Думаю, что ваша комната уже готова, — сказала Эмма. — Если хотите, я вас сейчас туда отведу. Мы можем продолжить нашу экскурсию завтра.

Кухарка завернула в салфетку ее пирожок и вложила Тасе в руку:

— Возьми его с собой, бедная козочка. Попозже я пришлю тебе поднос с ужином.

— Вы очень добры. — Тася улыбнулась, глядя в сочувствующие карие глаза кухарки. — Спасибо, миссис Планкет.

Кухарка смотрела им вслед, когда молодая женщина и Эмма уходили с кухни. Пока дверь за ними не закрылась, в кухне царило молчание. Затем заговорили все служанки и посудомойки сразу:

— Видели ее глаза? Прямо кошачьи.

— Одна кожа да кости. Платье просто висит на ней.

— А как она разговаривает... Некоторые слова и разобрать трудно.

— А мне хотелось бы говорить, как она, — мечтательно протянула одна. — Так мило звучит.

Миссис Планкет хмыкнула и махнула, чтоб они возвращались к работе.

— Еще будет время посплетничать. Ханна, сначала закончи с морковкой. А ты, Полли, не забывай мешать соус, а то в нем будут одни комки.

Люк с Эммой сидели за покрытым льняной скатертью столом. Пылающий в камине огонь бросал теплые красноватые отблески на фламандские гобелены и резной мрамор стен. Подошедший слуга налил Эмме в стакан воды, а Люку — французского вина. Дворецкий снял крышки с блюд и наполнил тарелки ароматным бульоном с трюфелями.

Люк с улыбкой взглянул на дочь:

— Мне всегда тревожно, Эмма, когда у тебя такой довольный вид. Надеюсь, ты не собираешься мучить новую гувернантку, как предыдущую?

— Вовсе нет. Она гораздо лучше, чем мисс Коли.

— Что ж, — небрежно заметил Люк, — полагаю, что лучше мисс Коли быть нетрудно.

Эмма хихикнула:

— Это верно. Но мисс Биллингз мне нравится.

Брови Люка поползли вверх.

— Тебе она не показалась чересчур серьезной?

— О нет. Я уверена, что при всей своей серьезности ей хотелось смеяться.

Люк представил себе непреклонное лицо мисс Биллингз и пробормотал:

— У меня что-то не сложилось такого впечатления.

— Мисс Биллингз собирается научить меня этикету, приличиям и всему-всему. Она говорит, что мы не всегда будем заниматься в классной наверху. Что я точно так же хорошо все пойму, если мы возьмем книжки и будем читать их под деревом. Завтра мы будем читать про древних римлян, а потом будем разговаривать только по-французски до самого ужина. Я тебя должна предупредить, папа, что, если ты меня спросишь о чем-то после четырех часов,

я буду вынуждена ответить на языке, которого ты не понимаешь.

Он с иронией посмотрел на нее:

— Я говорю по-французски.

— Говорил когда-то, — победоносно возразила Эмма. — Мисс Биллингз сказала, что, если в языке не практиковаться постоянно, он теряется очень быстро.

Люк опустил ложку, удивляясь, как ухитрилась эта гувернантка так заморозить его дочь. Может, она пытается подружиться с Эммой, чтобы воспользоваться чувствами девочки как оружием против него, когда придет время уезжать? Ему это не нравилось. Карен Биллингз лучше быть поосторожнее, или он заставит ее пожалеть, что она родилась на свет. Всего один месяц, напомнил он себе, стараясь не потерять выдержки.

— Эмма, не привязывайся слишком к мисс Биллингз.

Может быть, она не долго у нас задержится.

— Почему?

— Всякое может случиться. Может оказаться, что она не сумеет толком тебя учить. А может быть, она решит перейти на другое место. — Он отпил глоток вина. — Просто не забывай об этом.

— Но если я захочу, чтобы она осталась, она останется, — упрямо возразила Эмма.

Люк ничего не ответил, взял ложку и зачерпнул супа.

Через минуту он переменял тему разговора и стал рассказывать о замечательной лошади, которую собирался купить.

Эмма последовала его примеру и до конца ужина тщательно избегала любого упоминания о гувернантке.

Тася внимательно разглядывала свою комнату. Ее поместили на третьем этаже. Комнатка была маленькой, но чистой и, главное, уединенной. В круглое оконце утром должно было заглядывать солнце, и Тася поразовалась, что оно ее станет будить. Узкая постель была застелена белыми простынями и накрыта простым лоскутным одеялом. В углу стоял умывальник красного дерева с выщербленным фарфоровым тазом, украшенным узором из листьев и ягод смородины.

Около окна стояли стол и стул, у противоположной стены — старенький шкаф с овальным зеркалом на дверце.

Тася принялась распаковывать чемодан. Она достала головную щетку и кусок пахнущего розой мыла. Все это ей подарила Алисия. И именно благодаря Алисии у нее теперь было два платья: серое, которое было на ней, и черное муслиновое, которое она повесила в шкаф. Под одеждой она скрывала бабушкин золотой крест. Перстень отца она завязала в уголок платка и спрятала под бельем в глубине шкафа.

Передвинув стул в угол комнаты, Тася прислонила к его деревянной спинке икону, поставив таким образом, чтобы ее было видно с постели. Любовно провела она кончиком пальца по нежному лику Богородицы. Теперь у нее будет свой «красный», то есть прекрасный, угол. Во всех православных домах есть такой угол, где русские люди молятся по

утрам и вечерам, обретая душевный покой.

Ее раздумья прервал стук в дверь. Открыв ее, Тася оказалась нос к носу со служанкой, которая была ненамного старше ее. На девушке были накрахмаленные передник и чепчик, почти полностью прикрывавший ее льняные волосы. Тася отметила, что черты лица довольно приятны, но глаза смотрят жестко, а губы поджаты.

— Я Нэн, — сказала девушка. — Вот ваш ужин. Когда поужинаете, выставьте поднос за дверь. Я потом приду и заберу.

— Благодарю вас, — пробормотала Тася, смущенная враждебностью девушки. Та, казалось, была чем-то рассержена, но Тася не понимала чем.

Нэн быстро все объяснила:

— Миссис Наггз говорит, что я буду обслуживать вас, а мне лишняя работа ни к чему. Колени и так болят от беготни — весь день вверх-вниз по лестницам. Теперь я еще должна буду носить вам растопку, воду для мытья, подносы с ужином.

— Мне очень жаль. Мне много не потребуется.

Нэн презрительно фыркнула и, повернувшись, поспешила вниз.

Тася отнесла поднос на стол, по пути искоса Глянув на икону.

— Видишь, каковы эти англичане? — пробормотала она.

Многострадальное лицо Богоматери не дрогнуло.

Сняв салфетку, Тася посмотрела, что ей принесли. На подносе стояла тарелка с несколькими кусочками жареной утки с ложкой коричневого соуса и вареными овощами, лежал рожок. Все было красиво разложено и украшено фиалками. В маленькой стеклянной чашечке был белый пудинг, похожий на густой кисель. Его подавали и дома у Эшборнов.

Бланманже — так называла это блюдо Алисия. Англичанам нравилось это безвкусное кушанье. Тася покрутила в пальцах фиалку и снова накрыла поднос салфеткой. Есть не хотелось. Если б она проголодалась...

О, если б ей дали ломоть черного русского хлеба с маслом! Или жареных грибов со сметаной. Или блинов. Или оладушек, залитых медом. Ей хотелось чего-то привычного, чего-то, что бы напоминало ей о мире, откуда она приехала.

События последних месяцев жизни смешались в голове. Все-все ушло сквозь пальцы, как песок, и теперь ей не за что было держаться.

— У меня есть я сама, — вслух произнесла Тася, но голос прозвучал напряженно. Она рассеянно прошлась по комнате и замерла перед зеркальным шкафом. Давно она не смотрела на себя, только мельком, чтобы убедиться, что волосы не растрепаны и все пуговицы застегнуты.

Лицо очень осунулось. Скулы заострились и как-то истончились. Шея стала совсем тонкой, сиреневатые тени ключичных ямок выглядывали из-под воротника. Кожа обесцветилась. Тася невольно сжала в пальцах фиалку, и сладкий запах раздавленного цветка поплыл по комнате. Ей не понравился вид этой хрупкой женщины в зеркале, этой незнакомки, неуверенной, как потерявшийся ребенок. Нет, она не позволит себе сломаться. Она сделает все, чтобы вернуть себе силы. Твердым шагом она направилась к столу.

Разломив пышный рожок, она откусила кусочек и стала жевать. Есть совсем не хотелось, но она заставила себя глотать. Она решила жить. И она прикончит этот свой ужин. И проспит всю ночь не просыпаясь... А утром начнет строить свою новую жизнь.

Глава 2

Стоя перед дверью комнаты для слуг, Тася оправила юбку и пригладила волосы. Скрывая волнение, она приняла безучастный вид, толкнула дверь и вошла. В комнате было шумно, пахло тостами, кофе и жареным мясом. За длинным столом, стоявшим посередине комнаты, было полно народу.

Все сразу замолчали и уставились на нее. Пытаясь отыскать хоть одно знакомое лицо, Тася внимательно осмотрела сидевших за столом и вдруг наткнулась на недружелюбный взгляд Нэн. Дворецкий Сеймур разглаживал уютном газету и даже не посмотрел в ее сторону. В этот момент Тася решила убежать из комнаты, но перед ней возникло жизнерадостное лицо миссис Планкет.

— Доброе утро, мисс Биллингз. Раненько вы сегодня встали. Странно видеть вас в комнате слуг.

— Я так и поняла, — с легкой улыбкой сказала Тася.

— Я почти кончила собирать завтрак. Нэн скоро принесет поднос наверх. Вы пьете по утрам чай? А может, шоколад?

— Могу я позавтракать здесь, вместе со всеми?

Кухарка была озадачена:

— Мисс Биллингз, это все простые слуги. А вы гувернантка. Гувернантке не положено есть с нами.

Наверное, это какой-то английский обычай. Ее собственная гувернантка жила совсем не в такой изоляции.

— Мне положено есть одной? — огорченно спросила Тася.

— Да. За исключением тех случаев, когда вас приглашают есть с его милостью и мисс Эммой. Так принято. — Она рассмеялась, увидев огорченное лицо Таси. — Да это ведь честь, мой ягненок, а не наказание!

— Мне будет приятнее завтракать вместе с вами.

— Неужели?

Теперь все лица обратились к ней. Тася заставила себя не дрогнуть, когда множество глаз стало ее разглядывать.

Красные пятна вспыхнули у нее на щеках.

Миссис Планкет какое-то мгновение всматривалась в нее, затем пожала плечами:

— Думаю, что нет причин, по которым этого нельзя. Но предупреждаю вас, мы люди простые. — И, подмигнув, она добавила:

— Некоторые могут даже разговаривать с набитым ртом.

Тася подошла к незанятому месту на скамье.

— Можно? — пробормотала она, и несколько служанок подвинулись, чтобы она села поудобнее.

— Что будете есть, мисс? — спросила одна из них.

Тася посмотрела на стоявшие перед ней миски с едой:

— Пожалуйста, немного тостов. И может быть..., вот ту сосиску..., и яйцо..., и одну из этих плоских штучек...

— Это овсяные лепешки, — подсказала служанка, передавая ей еду.

Один из лакеев, сидевший за другим концом стола, улыбнулся, наблюдая, как Тася

наполняет свою тарелку.

— Она выглядит как воробышек, но аппетит у нее лошадиный.

Раздались дружелюбные смешки, все снова принялись за еду и болтовню.

Тася наслаждалась суетой, царившей в комнате, особенно приятной после одиночества, испытанного ею в последние месяцы. Так приятно было находиться среди людей! И еда, хоть и непривычная, была горячей и сытной.

К сожалению, ее умиротворенное состояние было вскоре нарушено Нэн. Служанка, по-видимому, решила показать, что здесь ее никто не ждал.

— Поглядите-ка, на какие маленькие кусочки она все режет — прямо такая уж леди! — с издевкой проговорила Нэн. — А как она губы промокает салфеточкой, фу-ты ну ты. И все «могу ли я» и «можно ли мне». Что ж, я-то уж точно знаю, зачем она уселась с нашим братом. Когда сидишь одна, не перед кем кривляться.

— Нэн, — укорила ее одна из девушек, — не цепляйся.

— Оставь ее в покое, Нэн, — заметил кто-то еще.

Нэн затихла, но продолжала сверлить Тасю яростным взглядом.

Тася с трудом закончила свой завтрак: из-за испортившегося настроения овсяные лепешки показались ей не вкуснее глины. Последние месяцы ее ненавидели и боялись, над ней насмехались и не знавшие ее крестьяне, и их трусливые господа, предавшие ее..., а теперь еще эта злобная служанка.

В конце концов Тася подняла голову и, прищутив глаза, в упор посмотрела на Нэн. Таким же ледяным взглядом смотрела она на тюремного надзирателя в Санкт-Петербурге. Нэн тоже ощутила на себе его уничтожающую силу. Она покраснела и отвела глаза, руки ее сжались в кулаки. Только тогда Тася встала из-за стола и отнесла свою тарелку к большому деревянному корыту.

— Доброго дня, — пробормотала она, не обращаясь ни к кому в частности, и услышала в ответ нестройный хор дружелюбных голосов.

Выскользнув в коридор, Тася столкнулась лицом к лицу с миссис Наггз. Сегодня домоправительница выглядела менее строгой, чем накануне.

— Мисс Биллингз, Эмма сейчас переодевается, снимает свой костюм для верховой езды. После завтрака она будет готова приступить к урокам. Ровно в восемь.

— Она катается верхом каждое утро? — поинтересовалась Тася.

— Да, с лордом Стоукхерстом.

— Они, кажется, очень привязаны друг к другу, — заметила Тася.

Миссис Наггз окинула взглядом холл, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

— Лорд Стоукхерст обожает дочку. Он жизнь за нее отдаст. И однажды уже чуть не отдал.

Перед мысленным взором Таси возник стальной крючок. Она невольно тронула себя за левое запястье.

— Тогда и...

— О да. — Миссис Наггз обратила внимание на ее жест. — В Лондоне во время пожара Лорд Стоукхерст бросился в горящий дом, прежде чем кто-нибудь смог его остановить.

Все уже полыхало... Те, кто видел, как он туда кинулся, решили, что он оттуда живым не выберется. Но он все-таки выбрался — с женой на плече и ребенком на руках. — Домоправительница склонила голову набок, будто видя перед собой призраки. — Леди Стоукхерст не дожила до следующего утра. Лорд Стоукхерст словно разума лишился от горя

и боли ожогов. Больше всего досталось левой руке... Говорят, он голыми руками разломал горящую стену, чтобы спасти жену.

Кисть воспалилась, началось заражение крови, так что в конце концов пришлось решать, отнять ему руку или дать умереть.

Судьба зло подшутила над ним: сперва щедро всем наградила, а потом отняла..., столько и сразу. Не многие выдержали бы такое не сломавшись. Но хозяин — человек сильный. Вскоре после того, как это случилось, я спросила его, не собирается ли он отдать Эмму под опеку сестры, леди Кэтрин. Она заботилась бы о девочке столько времени, сколько надо. «Нет, — ответил он, — это дитя — все, что осталось мне от Мэри. Я никогда не смогу ее отдать, даже на один день». — Миссис Наггз замолчала и покачала головой. — Что-то я разговорилась. Это плохой пример для остальных слуг: стою здесь и болтаю, болтаю.

У Тази перехватило горло. Казалось невозможным, чтобы этот любящий и нежный муж и отец, которого описывала миссис Наггз, и тот холодный, сдержанный аристократ, с которым она вчера ехала в карете, — один и тот же человек.

— Спасибо, что вы рассказали мне об этом, — с трудом выговорила она. — Эмме повезло, что у нее есть отец, который так ее любит.

— Я так и сказала. — Миссис Наггз с любопытством уставилась на Тасю. — Мисс Биллингз, по правде говоря, вы вовсе не такая гувернантка, какую, я ожидала, наймет его милость. Вы ведь не из Англии?

— Нет.

— О вас уже пошли разговоры. В Стоукхерсте ни у кого нет никаких настоящих секретов..., а у вас, очевидно, их много.

Не зная, что на это ответить, Тася пожалала плечами и улыбнулась.

— Миссис Планкет права, — вслух размышляла домоправительница. — Она сказала: у вас есть что-то, заставляющее людей откровенничать с вами. Может быть, это потому, что вы такая тихая?

— Это не намеренно. Я похожа на отцовскую родню.

Они все тихие и задумчивые. Вот мама у меня очень разговорчивая и обаятельная. Я всегда хотела походить на нее.

— Вы и так хороши, — улыбнулась в ответ миссис Наггз. — Теперь мне надо идти. Сегодня день стирки. Столько надо перестирать, накрахмалить, перегладить. Может быть, вам хотелось бы позаниматься в библиотеке или музыкальном салоне, пока Эмма не освободится?

— Да, миссис Наггз.

На этом они расстались, и Тася пошла разыскивать музыкальный салон. Ее вчерашняя экскурсия по замку с Эммой была слишком краткой, да и сама она очень устала, так что сегодня она ничего не могла вспомнить, кроме кухни.

На музыкальный салон она наткнулась чисто случайно. Голубые стены круглого, с высокими окнами, зальчика были расписаны золотыми бурбонскими лилиями, поднимавшимися к потолку, с которого смотрели херувимы, играющие на различных музыкальных инструментах. Тася села за сверкающий маленький рояль, подняла крышку и взяла несколько аккордов. Как она и ожидала, инструмент был прекрасно настроен.

Ее пальцы легко пробежались по клавишам, она хотела сыграть что-нибудь соответствующее ее настроению. Как и все петербургское общество, ее семья увлекалась

всем французским, особенно музыкой. Она начала было играть бурный вальс, но через несколько тактов остановилась. Другая мелодия вошла в ее душу, тихо поманила за собой. Ей вспомнился шопеновский вальс, его призрачные звуки словно доносились из сердца рояля. Хотя Тася давно не играла, но эту вещь помнила довольно хорошо. Закрыв глаза, она заиграла сначала медленно, а потом все увереннее, все звучнее, по мере того как музыка захватывала ее.

Внезапно что-то заставило ее открыть глаза. Музыка оборвалась, а ее вдруг заледеневшие руки неподвижно лежали на клавишах.

В паре метров от нее стоял лорд Стоукхерст. У него было странное выражение лица, словно его что-то страшно потрясло.

— Почему вы играете это?! — воскликнул он.

От страха Тася едва смогла говорить.

— Простите, если я вас рассердила. — Она поспешно встала и вышла из-за рояля, обходя его так, чтобы между ней и Люком находился стул. — Я больше не притронусь к роялю. Просто мне хотелось немного попрактиковаться...

— Почему именно этот вальс?

— Сэр? — растерянно переспросила она. Он был расстроен из-за того, что она играла этот вальс. Должно быть, для Люка он имел какое-то особое значение. Внезапно она догадалась. Бешеный стук сердца стал успокаиваться. — Это была ее любимая вещь? — мягко спросила она, не называя имени леди Стоукхерст. В этом не было нужды. Стоукхерст побледнел так, что это не смог скрыть загар, и она поняла, что права.

Голубые глаза его яростно сверкнули.

— Кто рассказал вам об этом?

— Никто.

— Значит, это было просто случайным совпадением? — съязвил он. — Вы случайно сюда зашли, сели за рояль и сыграли тот единственный вальс, который... — Он оборвал фразу, стиснув зубы так, что на щеках заходили желваки.

Тася чуть не попятилась, испугавшись силы его гнева, который он, впрочем, жестко держал в узде.

— Я не знаю, почему я выбрала эту вещь, — выпалила она. — Я..., я просто почувствовала его.

— Почувствовали?

— В ро..., рояле...

Тишина. Было видно, что не спускавший с нее глаз Стоукхерст испытывает противоречивые чувства: ярость и удивление. Ей хотелось взять эти слова назад или объяснить их подробнее, сделать что угодно, лишь бы разрушить эту оглушительную тишину. Но ее словно парализовало. Тася понимала: любое слово, какое бы она ни сказала, только ухудшит ситуацию.

Наконец Стоукхерст повернулся и с глухим проклятием пошел прочь.

— Я сожалею... — прошептала ему вслед Тася.

Она продолжала смотреть на дверь и вдруг увидела, что у этой сцены были зрители. В своей ярости Стоукхерст не заметил, что у двери к стене салона прижалась его дочь. Теперь из-за дверного косяка выглядывал ее глаз.

— Эмма, — тихо сказала Тася.

Девочка тут же исчезла, бесшумно, как кошка.

Тася медленно опустилась на вертящийся стульчик у рояля. Она не могла забыть, каким было лицо Стоукхерста, когда он слушал этот вальс. Его лицо выражало такую муку.

Что за воспоминания пробудила в нем музыка? Тася была уверена, что мало кому доводилось видеть его таким. Маркиз походил на человека, не теряющего самообладания ни при каких обстоятельствах. Возможно, он убедил себя и окружающих, что сейчас его жизнь такая же, как и до смерти Мэри, но на самом деле в душе он продолжал страдать.

Это было так не похоже на отношение ее матери к смерти отца.

— Ты же знаешь, что папа всегда хотел видеть меня счастливой, — сказала мать. — Он теперь на небесах, а я-то еще жива. Мертвых надо помнить, но ведь жизнь продолжается.

Твоему папе сейчас все равно, что у меня есть друзья-мужчины, и тебя тоже это не должно волновать. Ты меня понимаешь, Тася?

Но Тася не понимала. Она негодовала, что мать так легко оправилась после смерти Ивана. Теперь она начала сожалеть о своем суровом осуждении поведения матери. Возможно, Марии Петровне следовало дольше носить траур, возможно, она была себялюбивой и поверхностной, возможно, у нее было слишком много этих «друзей-мужчин»... Но она не таила ран, не сжигала себя горем изнутри. Лучше жить полной жизнью, чем все время помнить об утрате.

Люк шел, не осознавая, куда он идет. Ноги сами привели его в спальню. Огромная кровать с шелковыми драпировками цвета слоновой кости стояла на четырехугольном постаменте. На ней не спал никто, кроме него и его жены.

Это была священная территория. Он никогда не допустит сюда другую женщину. Они с Мэри провели в этой постели свою первую брачную ночь. И тысячи следующих ночей. Здесь он держал ее в своих объятиях, когда она была беременна.

Находился рядом с ней, когда она рожала Эмму.

В ушах его все еще звучал этот вальс, и Люк застонал, опускаясь на краешек постамента. Он сжал голову руками, как будто старался не пустить в нее воспоминания.

Как ни трудно это было, но он смирился со смертью Мэри. Период его траура уже давно кончился, у него были родные, друзья, любимая дочь и красивая любовница. Жизнь, которую он вел, была слишком наполнена, и на мысли о прошлом времени не оставалось. Но иногда он испытывал такое острое чувство одиночества, что справиться с ним не мог. Он и Мэри дружили с детства, задолго до того, как полюбили друг друга. Он всегда обращался к ней, чтобы поделиться радостью или горем, излить свой гнев и найти утешение. Когда она умерла, он потерял не только жену, но и лучшего друга. Только Мэри заполняла его сердце.

Теперь оно было болезненно пусто.

Как наяву он увидел Мэри, сидящую за роялем, волосы ее сверкали огнем в солнечном свете, падавшем из окна. Звуки вальса лились из-под ее пальцев...

— Разве он не прелестен? — ворковала Мэри, а руки ее порхали по клавишам. — Я играю его все лучше и лучше.

— Несомненно, — согласился он, любуясь блеском ее рыжих локонов. — Но ты

твердишь этот вальс уже не один месяц, Мэри Элизабет. Ты когда-нибудь сыграешь что-то другое? Просто для разнообразия?

— Нет, пока не буду в совершенстве играть этот.

— Да за такое время его и ребенок вызубрит. Мне он даже чудится по ночам, — жаловался он.

— Бедняжка, — беспечно улыбнулась она, продолжая играть. — Неужели ты не понимаешь, как тебе повезло?! Я выбрала такую божественную мелодию, чтобы тебя терзать.

Взяв ее за подбородок. Люк запрокинул ей голову и поцеловал прелестное лицо.

— Смотри, я сумею придумать свои пытки, — шутливо пригрозил он.

Она рассмеялась, щекоча ему смехом рот:

— Уверена, что сумеешь, дорогой. А пока иди займись чем-нибудь, а я еще поиграю. Почитай книжку, покури трубку, постреляй во что-нибудь из ружья... Что там еще делают мужчины в свободное время?

Рука Люка скользнула по ее пышной груди.

— Обычно они предпочитают заниматься любовью со своими женами.

— Как неаристократично, — пробормотала она, податливо выгибаясь под его ладонью. — Тебе полагается идти в свой клуб и разговаривать о политике. И вообще сейчас середина дня.

Он поцеловал ее в шею.

— Я хочу увидеть тебя обнаженной в солнечном свете.

Пойдем в постель. — И, не обращая внимания на ее протесты, он поднял ее на руки.

Она удивленно засмеялась:

— А мои занятия...

— Позже.

— Может быть, я в жизни не сделаю ничего великого, но когда меня не будет на свете, люди скажут: «Да, этот вальс она играла в совершенстве». — Она говорила это, глядя через его плечо на покинутый рояль, в то время как он нес ее наверх...

Вспоминая об этом. Люк почувствовал, что его губы тронула улыбка, горькая и сладостная одновременно.

— Мэри, — прошептал он, — ты сумела сыграть его в совершенстве.

— Милорд? — Голос камердинера прервал наваждение.

Люк вздрогнул и оглянулся. У секретера красного дерева стоял Биддл с охапкой накрахмаленных белых рубашек и галстуков. Худощавый маленький человек лет сорока. Больше всего Биддлу нравилось наводить порядок.

— Вы что-то сказали, сэр? — спросил камердинер.

Люк уперся взглядом в узорчатый ковер и перевел дыхание. Призрачное эхо наконец перестало звучать в ушах. Он постарался говорить сухо, отрывисто:

— Уложи перемену белья, Биддл. Я переночую в Лондоне.

Камердинер глазом не моргнул. Подобные приказы он слышал и раньше. Много раз. Все знали, что они означают.

Сегодня милорд нанесет визит леди Айрис Харкорт.

Тася все еще сидела за роялем, когда Эмма вернулась в музыкальный салон. Она была одета в простое голубое платье, подходившее к цвету ее глаз.

— Я позавтракала, — сказала девочка тихим серьезным голосом. — Мы можем начать заниматься.

Тася кивнула, сделав вид, что ее несколько не удивило это предложение.

— Тогда давай выберем в библиотеке нужные нам книги.

Эмма подошла к роялю и коснулась клавиши. Одинокая нота повисла в воздухе.

— Вы играли вальс моей мамы. Я всегда хотела услышать, как он звучит.

— Ты не помнишь?;

— Нет, но миссис Наггз рассказывала мне, что мама особенно любила один вальс. Папа никогда не говорил мне, какой именно.

— Я уверена, что ему это слишком больно.

— Вы мне его сыграете, мисс Биллингз?

— Боюсь, что лорд Стоукхерст этого не позволит.

— После того, как он уедет. Я слышала, как Биддл, его камердинер, говорил одному из лакеев, что папа сегодня навещает свою любовницу.

Тася была поражена осведомленностью и каким-то наивным цинизмом девочки.

— Ты знаешь все, что делается в этом доме. Не так ли?

Ее сочувствующий тон вызвал слезы на глазах у Эммы.

— Да, мисс Биллингз.

Тася улыбнулась и, взяв ее руку, сжала в своих.

— Я сыграю тебе этот вальс после отъезда твоего отца столько раз, сколько ты захочешь.

Эмма шмыгнула носом и тыльной стороной руки вытерла глаза.

— Не знаю, почему я столько плачу. Папе это не нравится.

— А я знаю почему. — Продолжая ласково сжимать ее руку, Тася притянула Эмму ближе к себе. — Так бывает, когда растешь. Тебе кажется, что чувства переполняют тебя, и, как бы ни старалась, ты не можешь сдержать слез.

— Да, — закивала Эмма. — Это ужасно. Они прорываются в самое неподходящее время, и я чувствую себя такой глупенькой.

— Так все чувствуют себя в твоём возрасте.

— Даже вы? Не могу себе представить, что вы плачете, мисс Биллингз.

— И я плакала, конечно. Несколько лет после смерти отца я только это и делала. Он был для меня самым главным человеком на свете. Когда его не стало, мне казалось, что больше и поговорить-то не с кем. По малейшему поводу я разражалась слезами. Однажды, чуть ударив ногу, я прорыдала целый час. — Тася улыбнулась. — Но постепенно это прошло. Так будет и с тобой.

— Надеюсь.

— Слезы Эммы высохли. — Мисс Биллингз... а сколько вам было лет, когда умер ваш отец?

— Я была в твоём возрасте.

— И вас заставляли носить траур?

— Да. Я носила траур год и один месяц.

— Папа сказал, что я не должна его носить. Он даже не позволил мне его носить, когда умерла кузина Летти, потому что, сказал он, ему слишком грустно видеть меня закутанной в черное.

— Он поступил очень мудро. Носить по кому-нибудь траур — занятие тоскливое и нудное. — Тася закрыла рояль и встала. — А теперь пойдём в библиотеку, — деловито сказала она. — Нам предстоит поработать.

Леди Айрис Харкорт стояла в своей спальне перед большим, в полный рост, зеркалом. Его специально поставили здесь, чтобы она могла осмотреть себя после того, как оденется, и, кроме того, иногда у него было и другое предназначение, более интересное. Сейчас на ней было платье из золотой парчи, подчеркивавшее персиковый оттенок кожи и рыжие волосы. Она занималась собой весь день. Готовилась.

Сначала полежала в ванне с ароматическими травами, затем оделась, конечно, с помощью горничной, потом целых два часа терпела, пока ей горячими щипцами завивали локоны.

Люк, войдя без доклада в элегантный будуар Айрис, прислонился к дверному косяку и с улыбкой наблюдал за ней.

Айрис относилась к тем женщинам, которые ему всегда нравились: красивая, рыжеволосая, добродушная и лениво-обаятельная. Корсет стягивал ее великолепное тело, а изящные складки юбок скрывали стройные длинные ноги. Роскошная грудь была скромно прикрыта, потому что ее пышность говорила сама за себя.

Почувствовав, что за ней наблюдают, Айрис круто обернулась. Рыжеватые брови поползли вверх.

— Дорогой, ты так тихо появился, что я и не услышала.

Что ты делаешь в Лондоне?

— Неожиданный визит. — Оттолкнувшись от косяка, Люк ленивой походкой направился к ней и, пробормотав: «Привет», — поцеловал.

У Айрис перехватило дыхание, когда она прижалась к его губам, обвив руками его сильные плечи.

— Очень приятная неожиданность, — проговорила она, когда их губы разомкнулись. — Как видишь, я одевалась для выезда. Я еду на званый обед, — прошептала она. Дрожь наслаждения пробежала по ее телу, когда его зубы стали нежно покусывать ее шею.

— Принеси свои сожаления.

— Если я не поеду, за обедом будет неровное число гостей. Они рассчитывают на меня. — Она рассмеялась, потому что Люк успел расстегнуть верхнюю пуговку ее платья. — Нет, дорогой, нет. А что, если я рано уйду и поспешу к тебе?

Ты будешь доволен?

— Нет. — Вторая пуговичка тоже выскользнула из петельки. — Ты не пойдешь вовсе.

Айрис нахмурилась, хотя дыхание ее участилось.

— Ты самый надменный и самонадеянный мужчина из всех, кого я знаю. И понятия не имеешь о том, как надо себя вести. Я не утверждаю, дорогой, что у тебя нет достоинств...

Но нам надо поработать над твоим характером.

Люк запустил пальцы в ее локоны, уничтожая плоды долгих стараний.

— Понадобились столетия тщательного отбора и скрещивания, чтобы вывести такого, как я. Ты бы видела первых Стоукхерстов! Совершенно не на что посмотреть, ты уж мне поверь.

— Верю, верю, — замурлыкала Айрис. — Держу пари, что они были настоящими дикарями. — Глаза ее расширились, когда он рывком прижал ее к своему возбужденному телу. Его губы нежно поигрывали с ее ртом, а затем прильнули к нему. Она тихо застонала, все мысли о званом обеде ушли, растворились как не бывало. Она прильнула к нему, стгорая от любовного желания.

Люк был искушенным и щедрым любовником, он знал, как довести ее чуть не до безумия. Ему нравилось дразнить ее, слушать ее страстные мольбы и наконец оставить эту женщину измученной, почти больной и полностью удовлетворенной.

— Дай мне по крайней мере снять корсет, — прошептала она. — В прошлый раз я чуть не потеряла сознание.

Люк улыбнулся, она почувствовала щекой тепло и шершавость кожи его лица.

— Это из-за того, что в самые важные моменты ты задерживаешь дыхание. — Он расстегнул последнюю пуговичку, и платье тяжелой массой упало к ее ногам. Острый край его крючка подцепил завязки ее нижних юбок и шнурки корсета. С легким треском они разорвались, и ее роскошное тело вырвалось на свободу из плена.

— Тебе следовало бы подождать, как прочие мужчины, — проговорила Айрис, возбужденно смеясь. — Это же просто нецивилизованно — ходить и рвать на женщинах одежду, как безжалостный пират.

— Можешь сорвать с меня мою, — лукаво предложил он.

— О, как ты великодушен, какой..., очень..., очень... — Но больше ей ничего сказать не удалось: губы ее были запечатаны его требовательными поцелуями.

Спустя несколько часов они лежали сплетенные в спальне, где лишь две свечи золотили сумрак своим сиянием. Айрис с удовольствием потягивалась, а Люк гладил великолепные изгибы ее талии и бедер'.

— Дорогой, — сказала она и перекатилась поближе к нему, — я хочу просить тебя кое о чем.

— М-м... — Люк продолжал лежать с закрытыми глазами, вода пальцами по ее нежной коже.

— Почему бы тебе не жениться на мне?

Люк повернул голову и задумчиво посмотрел на нее. За все годы их знакомства у него даже мысли не возникало жениться на Айрис. И у нее, и у него была своя отдельная жизнь, они не нуждались друг в друге всерьез. Да, между ними были добрые отношения и страсть. Ровно столько, чтобы это было приятно.

— Разве ты не привязан ко мне? — продолжала настаивать Айрис.

— Разумеется. — Он похлопал ее по округлому бедру и заглянул в глаза. — Но, Айрис, я не собираюсь ни на ком жениться. Я же говорил тебе об этом.

— Но нам так хорошо вместе. Мы подходим друг другу.

Никто на свете не упрекнет нас, если мы поженимся. И никто не удивится.

Он неловко пожал плечами, не зная, как опровергнуть ее слова.

— Ты только со мной не хочешь связать свою жизнь? — Айрис оперлась на локоть. — Я не буду мешать тебе любить других женщин, если тебе этого захочется. Я не лишу тебя твоей свободы.

Удивленный Люк сел и запустил пальцы в свои темные волосы.

— Свободы заниматься любовью с женщинами, которые ничего для меня не значат?! — Он посмотрел на нее и криво усмехнулся:

— Спасибо, но с этим я давно покончил. И никакого удовлетворения мне это не приносило. Нет, такого рода свобода мне не "нужна.

— Боже мой! Да ты рожден быть чьим-то мужем!

— Мэри, — чуть слышно произнес он.

Айрис нахмурилась, легко поглаживая ладонью редкие волосы на его груди.

— Почему только ее?

Какое — то время Люк молчал, с трудом подбирая слова.

— После того как ее не стало..., я понял..., что какая-то часть меня ушла навсегда. Я могу дать женщине гораздо меньше, чем ты полагаешь. Хорошего мужа из меня не получится. Такого, каким я был для нее.

— Дорогой, твое представление о плохом муже намного превосходит представления других мужчин о хорошем муже.

Ты был очень молод, когда потерял Мэри. Как ты можешь говорить, что больше никогда не полюбишь? Тебе только тридцать четыре. Ты ведь хочешь иметь еще детей, семью.

— У меня есть Эмма.

— Ты не считаешь, что ей хотелось бы иметь брата или сестру?

— Нет.

— Ну и ладно. Я не так уж и жажду заводить детей.

— Айрис, — мягко произнес Люк, — я не собираюсь жениться ни на тебе, ни на ком-то еще. Я не хочу ничего больше того, что у нас уже есть. Если наши отношения делают тебя несчастной, если ты хочешь большего, чем я могу тебе дать, я пойму это. Есть мужчины, которые с радостью женятся на тебе, и. Господь свидетель, я не хочу стоять у тебя на пути.

— Нет. — Айрис нервно засмеялась. — Наверное, я просто жадничаю. Я бы не возражала против того, чтобы спать с тобой каждую ночь, жить в твоём доме и чтобы все знали, что я твоя. Но это вовсе не означает, что я несчастна сейчас.

Не смотри виновато. Ты мне ничего не обещал. Ты делал это очень старательно. Даже если ты дашь мне только то, что сейчас, это все равно больше, чем дал бы мне другой.

— Это не правда, — возразил Люк, жалея, что не может быть таким, как ей хотелось бы. Ему стало неприятно от мысли, что рядом с ним женщина, которая любит его, а он не может ответить ей тем же. Брак с ней стал бы обманом, насмешкой над тем, что было у него с Мэри.

— Правда, правда, — настаивала Айрис. — Я всегда честна с тобой, Люк.

Он поцеловал ее в плечо, стараясь не поворачиваться к ней лицом.

— Я знаю.

— Поэтому я скажу тебе кое-что. После смерти Мэри ты не позволяешь себе никого полюбить. Но однажды это все равно произойдет. Ты не сможешь этому помешать. Мне хотелось бы, чтобы этой женщиной была я.

Люк поймал ее руку, которая скользила по его мускулистой груди, оглаживая каждую впадинку и выпуклость, и ласково поцеловал кончики пальцев.

— Если я смогу снова полюбить кого-то так, как раньше, это будешь ты. Ты хорошая женщина, Айрис.

Ее настроение из мечтательно-тоскливого стало дерзким и страстным. Одно легкое движение — и ее гладкое тело оказалось поверх его.

— Мне надо исправить это впечатление. На самом деле я вовсе не хорошая, а очень скверная.

Люк рассмеялся и, перекатив ее под себя, оседлал пышные бедра. Дразнящим легким поцелуем он провел по ее губам.

— Нет, позволь сегодня мне доставить тебе удовольствие.

— Ты всегда мне его доставляешь. — У нее захватило дыхание, когда его рука стала медленно блуждать по ее телу, двигаясь вниз.

— Я имею в виду нечто особенное, — прошептал он, и долго-долго после этих слов она была слишком погружена в наслаждение, чтобы ответить.

Прошло две недели со времени Тасинового приезда в Саутгейт-Холл. Она узнала повседневную жизнь поместья и нашла свое место в привычном распорядке. Каким блаженством было жить в таком покое после последних страшных месяцев! Она так долго была средоточием подозрений и обвинений, что теперь радовалась возможности стать незаметной.

Алисия Эшборн оказалась права: никто не обращал внимания на гувернантку. Слуги были с ней вежливы, но в свою компанию не звали. А сама она была настолько ниже лорда Стоукхерста и его высокородных гостей, что не удостоивалась их внимания. Она существовала как бы между двумя мирами.

Не только положение Таси отделяло ее от окружающих, но и сама она была очень сдержанной и не пыталась сблизиться ни с кем, кроме Эммы. Возможно, тюрьма, в которой она провела три месяца, изменила ее: она стала чувствовать себя изгоем, инстинктивно стремясь избегать всех. Она не верила сама себе и тем более не могла довериться кому-то.

Она боялась собственных чувств, а больше всего боялась вспомнить, что произошло в ночь смерти Михаила Ангеловского.

Чуть ли не каждую ночь ей снились кошмары — ей являлся Михаил, весь в крови, с ножом в горле; в ушах звенел его насмешливый голос. А время от времени в ее голове словно вспыхивали обрывки неясных воспоминаний. На какую-то долю секунды перед глазами всплывали лицо Михаила, его руки, комната, где он был убит... С большим трудом ей удавалось избавиться от этого наваждения. Она стала нервной, пугливой, как кошка, никогда не зная, что вызовет образ ее мертвого кузена.

Слава Богу, Эмма заполняла все ее время и с каждым днем требовала все больше внимания! Тася радовалась, что надо было думать не только о себе, а еще и о другом человеке, чьи проблемы и нужды стали ей близки и понятны. Девочка росла совершенно

изолированно.

Тася чувствовала, что Эмме необходимо общество подруг, но у местных помещиков не было детей подходящего возраста.

Шесть часов в день Тася и Эмма проводили за уроками, изучая все на свете — от Гомера до правильного пользования пилкой для ногтей. Не забывала Тася и о молитве, стремясь восполнить пробелы в религиозном воспитании Эммы, — раньше этим занимались беспорядочно то отец, то слуги. С поразительной быстротой Эмма наверстывала упущенное. К языкам у нее была природная склонность, а ее сообразительность и наблюдательность Тасю просто удивляли. От Эммы мало что ускользало. Она обладала бесконечным любопытством, которое побуждало ее все вокруг узнавать и расследовать. Каждый обрывок слуха или сплетни она запоминала и тщательно анализировала.

Поместье было для Эммы ее миром, поэтому ей была интересна жизнь каждого из восьмидесяти человек, тративших все свои силы на то, чтобы дела шли безостановочно и четко, как часы. Сорок слуг работали в замке, а остальные — в конюшнях, в садах и на мельнице. Постоянно два человека занимались мытьем окон. Многие слуги годами работали на Стоукхерстов и редко покидали поместье. Как рассказала Тасе миссис Планкет, в Саутгейт-Холле со слугами обращались хорошо, и даже если бы это было не так, никто бы все равно не ушел: новое место найти было трудно.

— Что-то неладное творится с Нэн, — однажды сказала Тасе Эмма. Они сидели в саду за книгами и, устроив перерыв в занятиях, пили лимонад из высоких бокалов. — Вы заметили, как странно она выглядит последнее время? Миссис Наггз говорит, что у Нэн всего-навсего весеннее недомогание, но я этому не верю. Я думаю, что она влюбилась в Джонни.

— Кто это — Джонни?

— Один из лакеев. Высокий, с горбатым носом. Всякий раз, когда Нэн его видит, она пытается его остановить и спрятаться с ним в каком-нибудь уголке. Иногда они болтают и смеются, но большей частью она плачет. Надеюсь, я никогда не влюблюсь. Люди не бывают счастливыми, когда влюбляются.

— Эмма, ты не должна следить за слугами. У каждого могут быть личные дела, которые никого не касаются.

— Я и не слежу, — возмутилась Эмма. — Я просто не могу не замечать, что происходит вокруг. И вы не должны защищать Нэн. Все знают, что она отвратительно ведет себя с вами. Это она взяла картинку с Девой Марией из вашей комнаты.

— Иконку, — поправила ее Тася. — Нет доказательств, что это сделала она.

За несколько дней до этого разговора Тася обнаружила, что ее любимая иконка-образок пропала. Она очень горевала. Иконка не имела особой ценности, просто была дорога ей как память, как часть ее прошлого. Тот, кто ее взял, понятия не имел, какую боль причинила Тасе эта кража. Но Тася попросила миссис Наггз не обыскивать комнаты слуг, хотя другой возможности вернуть ее не было.

— Они из-за этого невзлюбят меня, — убеждала она домоправительницу. — Пожалуйста, не надо никого смущать обыском. Это всего лишь картинка на дереве. Ничего особенного.

— Но как же так? — спорила миссис Наггз. — Я ведь видела, как вы поставили ее на стол. Она что-то значила для вас. И не пытайтесь доказывать мне, что это не так.

— Мне не нужны картинки или побрякушки, чтобы помнить о своей вере. Мне

достаточно посмотреть в окно на лес и увидеть, какой он красивый.

— Это очень трогательно, дорогая моя, но вся эта история касается не только лично вас. До сих пор в замке не было воровства. Если это не пресечь в самом начале, будут пропадать другие вещи.

— Не думаю, что это случится, — твердо сказала Тася. — Пожалуйста, не пробуждайте в слугах подозрительность. А главное, не упоминайте об этом лорду Стоукхерсту. В этом нет необходимости.

Миссис Наггз неохотно согласилась забыть этот случай, хотя и заметила, что ей хочется поискать пропажу под матрасом у Нэн.

Голос Эммы вернул Тасю к настоящему:

— И поделом Нэн, что она несчастна. Она плохая.

— Мы не имеем права судить других, — мягко проговорила Тася. — Только Бог может читать в наших сердцах. Но разве вам нравится Нэн?

— Я жалею ее. Как ужасно быть такой несчастной, что даже стараться причинить несчастье другим!

— Да, наверное. Но мне ее не жалко. Она сама накликала на себя свое несчастье.

Этим же вечером после ужина Тася узнала, что происходит с Нэн. Рядом с кухней была особая комната, где каждый вечер по приглашению миссис Наггз собирались старшие слуги. На этот раз там были Сеймур, миссис Планкет и Биддл, а также помощник дворецкого, буфетчик, старший камердинер и старшая горничная. Они неторопливо нарезали маленькую головку сыра, одна из посудомоек подала им кофе и сладости. Тася взяла посыпанный сахаром сухарик и тихонько грызла его, а остальные разговаривали.

— Как там обстоит дело с Нэн? — спросила старшая горничная у миссис Наггз. — Я слышала, что она натворила днем.

Миссис Наггз поморщилась и отхлебнула черного кофе.

— Просто беда. Доктор прописал ей слабительного и сказал, что с ней все будет в порядке. Его милость был очень недоволен, когда я доложила ему о Нэн. Он велел, чтобы я ее уволила и завтра утром отослала в деревню, откуда она родом.

— А сейчас есть с ней кто-нибудь? — спросила миссис Планкет.

— Нет, сейчас нужно только дать ее желудку очиститься.

А для этого помощи не требуется. Да и остальные девушки ее недолюбливают, так что сидеть с ней некому.

— А этот молодой человек? — спросил, нахмурясь, Сеймур.

Домоправительница покачала головой;

— Он отрицает свою вину.

Тася с недоумением оглядела сидящих за столом. Что такое знают они, что ей неизвестно?

— А что случилось с Нэн? — спросила она. Она так редко вмешивалась в разговор, что все с удивлением обернулись к ней. Наконец миссис Наггз ответила:

— Разве вы не слышали? Хотя, конечно, вы весь день были с Эммой. Это очень неприятно. У Нэн есть ухажер. — Миссис Наггз закатила глаза и неловко добавила:

— А теперь вот появились..., последствия.

— Она беременна? — уточнила Тася. Кое-кто поднял брови, заслышав такой прямой вопрос.

— Да, и она это скрывала от всех. Чтобы разрешить свою проблему, она проглотила

горсть каких-то пилюль и выпила бутылку растительного масла, надеясь избавиться от ребенка. Но ей удалось только заболеть. Несчастливая дурочка! Слава Богу, ребенку это не повредило! Теперь Нэн уволят, и, вероятнее всего, она кончит на панели. — Миссис Наггз нахмурилась и покачала головой, всем своим видом показывая, что продолжать этот разговор ей крайне неприятно.

— По крайней мере она больше не будет доставлять вам хлопот, мисс Биллингз, — заметила старшая горничная.

Тасино сердце преисполнилось сочувствия.

— Значит, сейчас с ней никого нет?

— В этом нет нужды, — сказала миссис Наггз. — Доктор осмотрел ее, и я позаботилась, чтобы Нэн приняла прописанное лекарство. Не волнуйтесь, дорогая. Может быть, это послужит ей уроком. Она навлекла на себя беду своей собственной глупостью.

Тася склонила голову над чашкой, а остальные продолжили разговор. Через несколько минут она, сделав вид, что еле сдерживает зевоту, пробормотала:

— Извините меня. День был тяжелый. Я, пожалуй, пойду отдыхать.

Найти комнату Нэн оказалось нетрудно — даже в холле были слышны стоны и звуки рвоты. Негромко постучав, Тася вошла в комнату. Она была даже меньше, чем Тасина, с узким окном и унылыми обоями. От стоявшего в комнате запаха Тасю качнуло. Съездившаяся на кровати фигура шевельнулась.

— Убирайся отсюда, — успела слабым голосом выговорить Нэн и тут же склонилась над тазом в мучительном позыве рвоты.

— Я пришла посмотреть, не могу ли я чем-нибудь помочь, — ответила Тася, направляясь к окну.

Она немного подняла его, и в комнату ворвался свежий воздух. Снова повернувшись к кровати, она нахмурилась, увидев, каким зеленовато-грязным было лицо Нэн.

— Уходи, — простонала девушка. — Я умираю.

— Нет, не умираешь. — Тася подошла к умывальнику.

На нем громоздилась куча тряпок, все они были мокрыми и грязными. Тася достала из рукава свой носовой платок и смочила его водой из кувшина.

— Я тебя ненавижу, — всхлипнула Нэн. — Убирайся.

— Дай я умою тебя, а потом уйду.

— Чтобы ты рассказала другим... Ну как же, ты ведь ангел, спустившийся к нам с небес, черт бы тебя побрал, — обвиняющим тоном проговорила Нэн. Она снова склонилась над тазом и после отчаянного спазма сплюнула в него.

Затем она откинулась на постель, все ее лицо было в потеках слез. — По-моему, у меня все кишки вывернутся наружу.

Тася осторожно присела на краешек постели.

— Лежи тихо. У тебя лицо грязное.

Нэн нервно рассмеялась:

— Странно, почему это? Меня рвет четыре часа без отдыха... — Она замолчала: прохладный платок стер засохшую грязь с ее щек и подбородка.

Тася никогда не видела женщины, которой было бы так плохо. Она ласково отвела липкие волосы от лица Нэн.

— Есть у тебя что-нибудь, чем можно их подвязать? — спросила она.

Девушка указала на картонную коробку у изголовья. Тася нашла там гребешок и

выцветшие ленты и, положив их на кровать, занялась волосами Нэн. Они перепутались, и их было невозможно сразу расчесать, поэтому Тася лишь пригладила их, как могла, и затем завязала на затылке лентой.

— Ну вот, — пробормотала она. — Теперь они не будут мешаться.

Нэн посмотрела на нее опухшими, воспаленными глазами и прохрипела:

— Почему ты пришла?

— Нехорошо, что ты осталась одна.

— Ты знаешь..., обо всем? — Нэн показала на свой живот.

Тася кивнула:

— Ты не должна больше ничего принимать, Нэн. Ни пилюль, ни микстур. Ты можешь навредить ребенку.

— Этого я и хотела. Я думала броситься с лестницы или прыгнуть с чердака в сарае... Сделать что угодно, лишь бы его не было. — Нэн содрогнулась. — Пожалуйста, побудь со мной. Я не умру, если ты останешься.

— Конечно, не умрешь. — Тася утешала ее, гладила ее по голове. — Все будет хорошо.

Нэн заплакала.

— Ты правда ангел, — горестно прошептала она. — У тебя такое ласковое лицо. Как на твоей деревянной картинке. Знаешь, это ведь я ее взяла.

Тася тихо покивала:

— Это не важно.

— Я думала, что она поможет и я стану такой же спокойной, как ты. Но она мне не помогла.

— Все хорошо. Не плачь.

Нэн судорожно вцепилась в юбки Таси, словно исповедовалась перед смертью.

— Я не хочу жить. Джонни я не нужна. Он говорит, что это я во всем виновата, а не он. Меня уволят, а у нас бедная семья. Они не примут меня назад, да еще с незаконным ребенком. Но я не плохая, мисс Биллингз. Я хочу быть с Джонни. Я люблю его.

— Я понимаю. Не утомляй себя, Нэн. Тебе надо отдохнуть.

— Зачем? — горько поинтересовалась Нэн, снова роняя голову на подушку.

— Тебе понадобятся силы.

— У меня нет ни денег, ни работы, ни мужа...

— У тебя будет немного денег. Я думаю, лорд Стоукхерст позаботится об этом.

— Он мне не должен ни шиллинга.

— Все будет хорошо, — твердо заявила Тася. — Обещаю. — Она ободряюще улыбнулась и встала с постели. — Я схожу за чистым постельным бельем. Твое надо сменить. Вернусь через несколько минут.

— Ладно, — прошептала Нэн.

Покинув ее комнату, Тася направилась на поиски миссис Наггз. Домоправительница отдавала распоряжения посудомойке, убиравшей посуду со стола, за которым ужинали слуги.

— Вы ходили к Нэн, — сказала миссис Наггз, едва увидев лицо Таси. — Я так и думала.

— Она себя очень плохо чувствует, — сообщила Тася.

— Нет смысла что-то делать для нее. Завтра ее здесь не будет.

Тасю удивила черствость домоправительницы.

— Миссис Наггз, я не вижу вреда в том, чтобы постараться как-то облегчить ее

положение. Не могли бы вы распорядиться, чтобы кто-либо из служанок помог мне отнести наверх кое-какую еду и смену постельного белья?

Миссис Наггз покачала головой:

— Я сказала остальным девушкам, чтобы они не имели с ней дела.

— Миссис Наггз, она не прокаженная. Она всего лишь беременна.

— Я не желаю, чтобы на других девушек оказывала влияние ее распущенность...

Тасе очень хотелось ответить язвительно, но она сдержала себя.

— Миссис Наггз, — Тася тщательно подбирала слова, — разве не говорится в Писании: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»? А когда фарисеи привели прелюбодейку пред очи Господа нашего и задали ему вопрос, надо ли побивать ее камнями, разве не сказал он...

— Да, да, знаю: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Полагаю, что так же хорошо знаю Евангелие, как большинство людей.

— Тогда вы, конечно, знаете стих «Благословенны милостивые, ибо они помилованы будут...».

— Вы совершенно правы, мисс Биллингз, — поспешно прервала ее домоправительница, чтобы не выслушивать проповедь. — Я сейчас прикажу кому-нибудь из служанок отнести Нэн простыни и свежую воду.

Тася улыбнулась:

— Благодарю вас. Еще одно... Вы, случайно, не знаете, вернется ли сегодня лорд Стоукхерст?

— Вечер он проведет в Лондоне. — Миссис Наггз многозначительно посмотрела на нее. — Вы понимаете?

— Понимаю.

Происходящее привело Тасю к мысли о том, что на любовные похождения мужчин все смотрят сквозь пальцы Их принимают спокойно, даже одобряют. Лорд Стоукхерст мог свободно наслаждаться любовными утехами. Даже лакея Джонни никто не считал ответственным за ребенка. Расплачивалась только Нэн.

Миссис Наггз оценивающе взглянула на Тасю:

— Вы о чем-то хотите поговорить с хозяином, мисс Биллингз?

— Это может подождать до утра.

— Надеюсь, вы не собираетесь говорить с ним насчет Нэн и ее положения. Хозяин уже принял решение, как поступать. Никто не вмешивается в его распоряжения. Хочу верить, что вы не сделаете такой глупости и не станете раздражать его просьбами о Нэн.

— Разумеется, нет, — сказала Тася. — Спасибо, миссис Наггз.

Вернувшись домой слишком поздно, чтобы поехать на обычную верховую утреннюю прогулку с Эммой, Люк закрылся в библиотеке, чтобы заняться делами. Управление тремя поместьями и другой собственностью требовало бесконечной переписки с управляющими, адвокатами, земельными агентами, постоянного контроля счетов и приходно-расходных книг. Нудность этого занятия подчеркивало мерное тиканье каминных часов. Обдумывая

очередное письмо, он едва расслышал стук в дверь. Стук повторился, на этот раз погромче.

— Войдите. — Люк продолжал писать, когда кто-то вошел в комнату. — Я занят, — сказал он. — Если это не слишком важно, придите попозже... — И замолчал, взглянув на нарушителя его спокойствия. Это была мисс Биллингз.

За прошедшие две недели он видел ее только несколько раз. Случайные встречи в холле, несколько слов на ходу об Эмме — и все. Люк подумал, что это происходит по вине гувернантки — она старательно избегает его.

Казалось, ей не хочется даже быть в одной комнате с ним.

До сих пор ни одна женщина не была так холодна к нему, так безразлична.

Как всегда, ее бледное лицо было напряженным. Фигура ее была хрупкой, а талия такой тонкой, что он смог бы обхватить ее пальцами. Когда она поворачивала голову, свет скользил по черным волосам, и они блестели, как крыло птицы. Она уставилась на него своим немигающим взглядом, похожая на тощую кошку. После пышной бело-розовой Айрис Харкорт, рядом с которой Люк сегодня проснулся, вид гувернантки был ему неприятен.

Он никак не мог понять, почему она так нравится Эмме.

Но впервые за много месяцев дочь казалась счастливой. Люк боялся, что девочка слишком привяжется к этой гувернантке и будет огорчена ее отъездом. Ведь мисс Биллингз предстояло вскоре уехать. Прошло более половины месяца. Что ж, Эмме придется привыкать к кому-то еще. То, что гувернантка дала его дочери много хорошего, значения не имело, она все равно должна покинуть его дом. Люк ей не доверял. Она была таинственной, хитрой и высокомерной... как кошка, а кошек он ненавидел.

— Что вам угодно? — отрывисто спросил он.

— Сэр, есть дело, которое мне хотелось бы с вами обсудить. Оно касается одной из горничных, Нэн Питфилд.

Люк прищурился. Этого он не ожидал вовсе.

— Вы говорите о той, которую я уволил?

— Да, милорд. — Розовая краска залила ее лицо, смягчив его пергаментную белизну. — Всем известно, почему вы ее увольняете. Молодой человек, отец ребенка, как я понимаю, один из ваших лакеев, отказался от всякой ответственности за происшедшее. Я пришла попросить вас дать Нэн немного денег, чтобы помочь ей выжить до того времени, пока она не сможет снова работать. Она из бедной семьи. Ей будет трудно найти работу, и уж наверное жалованье будет гораздо меньше пяти фунтов в год...

— Мисс Биллингз, — прервал он, — Нэн должна была подумать об этом до того, как решила развлечься на чердаке, — Ей поможет такая малость, — настаивала гувернантка. — Этих нескольких фунтов вы и не заметите...

— Я не собираюсь вознаграждать служанку, которая плохо выполняла свою работу.

— Нэн усердно трудилась, милорд...

— Я уже все решил. Предлагаю вам заниматься тем, за что я вам плачу жалованье, мисс Биллингз, то есть уроками моей дочери.

— А какому уроку учите ее вы? Что должна подумать Эмма о вашем поведении? В вас нет ни капли сострадания и милосердия. Почему ваши слуги должны быть наказаны за то, что у них есть обычные человеческие потребности? Я не одобряю поступка Нэн, но и не могу винить ее за то, что она пыталась найти немного счастья. Нэн чувствовала себя одинокой и поверила молодому человеку, сказавшему, что любит ее. Неужели она должна страдать за это до конца своих дней?

— Довольно. — Голос его прозвучал неестественно ласково.

— Вам безразличны ваши слуги, — продолжала она, забыв об осторожности. — Вам не жалко для них свечей и масла... Поэтому все считают вас великодушным и щедрым хозяином. Но когда нужно помочь слугам по-настоящему, действительно позаботиться о них, вам нет до них дела. Вы просто выбрасываете Нэн на улицу и забудете о ней, пусть она голодает или станет проституткой...

— Вон! — Когда Люк вскочил на ноги, острый конец его крючка черкнул по столешнице, оставив глубокий след на полированной поверхности старинного стола.

Гувернантка не сдвинулась с места.

— Разве вы ведете такую безупречную чистую жизнь, что считаете себя вправе судить Нэн? Если не ошибаюсь, вы только что вернулись от своей...

— Вы сейчас будете уволены вместе с Нэн.

— Мне все равно, — страстно объявила она. — Можете выбросить меня на улицу. Это лучше, чем жить под одной крышей с таким бессердечным человеком... С таким лицемером!

При этих словах терпение его лопнуло. В одно мгновение он оказался перед ней и схватил ее своей огромной ручищей за перед платья. Она тихо ахнула от страха. Люк встряхнул ее, как собака крысу. Костяшки его пальцев больно уперлись в ее острые ключицы.

— Я не знаю, кем вы были до того, как сюда явились, черт вас побери! — прорычал он. — Но здесь вы служанка.

Моя служанка. И должны повиноваться мне беспрекословно. Мое слово — закон всегда и во всем. И если вы еще раз осмелитесь... — Тут Люк оборвал себя, он и так сказал более чем достаточно.

Она не отвела взгляда, хотя в глазах стоял ужас. Ее дыхание щекотало ему подбородок, а маленькие руки беспомощно легли на его руку, стараясь отодрать от себя. Ее губы беззвучно шептали «нет».

Люк дышал прерывисто, им овладело неодолимое желание подчинить, покорить... Кровь в жилах пела изначальным мужским стремлением победить. Она была такой маленькой, такой беспомощной. Он не давал ей встать на ноги, вынуждая опереться на его руку. Он ощущал запах ее кожи — мыло, соль, чуть-чуть розы. Не в силах сдержаться, он наклонил голову, вдыхая ее аромат. Его плоть отозвалась на это, вздрогнула, наполняясь горячей кровью. Ему захотелось опрокинуть это юное существо на стол, задрать юбки и взять ее прямо на месте. Он хотел почувствовать ее, распростертую, под собой, ощутить, как ее ногти впиваются ему в спину, а тело выгибается, принимая его в себя глубже и глубже. Он представил себе, как ее стройные ноги смыкаются у него на поясе..., и крепко зажмурился, прогоняя этот образ.

— Пожалуйста, — прошептала она. Дрожь ее голоса привела его в чувство.

Люк слепо отвернулся и оттолкнул ее от себя. Он стоял к ней спиной, смущенный своим предательски возбужденным телом и краской, бросившейся в лицо.

— Вон! — сдавленно прошипел он.

Раздались шорох юбок, скрип дверной ручки, и дверь за ней захлопнулась. Резко отодвинув стул от стола. Люк тяжело уселся и рукавом вытер лоб.

— Господи, — пробормотал он. Только минуту назад все шло как обычно, а сейчас его мир разлетелся на куски.

Он водил пальцем по глубокой царапине на столешнице, не переставая повторять про

себя: «Ну зачем ей понадобилось просить за эту опозорившуюся служанку? Почему она бросила мне вызов, рискуя своим собственным положением?»

В полном недоумении он откинулся на спинку стула. Его раздражало собственное желание понять ее мотивы.

— Кто ты такая? — пробормотал он. — Я выясню это, будь ты проклята!

Вбежав в свою комнату, Тася захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Она тяжело дышала от быстрого бега по лестнице. Несомненно, он ее уволит. Какая же она дура! Она заслуживает всего, что произойдет. Какое право имела она дать нахлобучку лорду, хозяину поместья? Это было нелепо, особенно если вспомнить, что ей никогда не приходило в голову защищать собственных слуг. Она почувствовала себя лицемеркой, виноватой точно в том же, в чем обвинила его.

— Снизу все видится иначе, — мрачно улыбнувшись, громко произнесла она. Затем, подойдя к зеркальцу, она вытащила шпильки, заколола волосы заново, потуже. Ей надо было как-то успокоиться. Скоро начнется урок... Если, конечно, лорд Стоукхерст не выгонит ее немедленно, лишь только она появится.

Однако сперва ей надо было кое-что сделать. Порывшись в шкафу, она под стопкой белья нашла носовой платок с завязанным уголком. Пальцы ее ощутили твердый предмет — отцовский золотой перстень.

— Спасибо тебе, папа, — прошептала она. — Я отдам его на доброе дело.

Когда Тася снова появилась в дверях комнаты Нэн, она увидела, что девушка уже полностью оделась и выглядит гораздо лучше, чем накануне вечером. При виде Таси на лице Нэн промелькнуло удивление.

— Мисс Биллингз?

— Как ты сегодня себя чувствуешь?

Нэн пожала плечами:

— Неплохо. Хотя в желудке ничего не могу удержать, кроме капельки чая. Но ноги не дрожат. Я почти собралась. — Она показала на потрепанную корзинку со своими вещами.

— А как ребенок?

Нэн опустила глаза:

— Вроде в порядке.

Тася слабо улыбнулась:

— Я пришла попрощаться с тобой перед отъездом.

— Вы очень добры, мисс. — Нэн стыдливо сунула руку под матрас и вытащила оттуда

маленькую вещицу. Это была иконка. — Вот. — Девушка благоговейно обвела пальцем лицо Богоматери. — Она ваша. Простите, что я взяла ее, мисс Биллингз. Вы были такой доброй ко мне, а должны бы меня ненавидеть.

Тася вроде бы безучастно взяла образок, хотя сердце ее дрогнуло и забилось сильнее от счастья, что она получила его обратно.

— Я хочу тебе кое-что дать. — С этими словами она протянула Нэн узелок из носового платка. — Ты его продашь, а деньги, которые за него выручишь, оставишь себе.

Нэн с любопытством развязала платок, и глаза ее широко открылись при виде золотого перстня.

— О, мисс Биллингз, неужели вы хотите отдать его мне?!

Она попыталась вернуть его Тасе, но та отказалась:

— Он понадобится тебе и ребенку.

Нэн заколебалась, рассматривая перстень.

— Где вы его взяли?

Губы Таси дрогнули в улыбке.

— Не тревожься. Я его не украла. Он принадлежал моему отцу. Уверена, что он одобрил бы мой поступок. Пожалуйста, возьми его.

Нэн зажала перстень в руке и шмыгнула носом.

— Мисс Биллингз, почему вы все это делаете?

На это не было простого ответа. Тася не могла позволить себе быть великодушной, когда ее собственные силы на исходе. Но ей было так приятно помочь Нэн. Какое-то мгновение человек смотрел на нее с благодарностью... Это дало ей возможность почувствовать себя сильной и нужной. И потом, ведь речь шла о ребенке. Тасю ужасала мысль о том, что нежная новая жизнь войдет в неприветливый мир без отца, без пищи, без дома. Немного лишних денег ничего не решат, но, возможно, дадут Нэн какую-то слабую надежду.

Она поняла, что Нэн ждет от нее ответа.

— Я знаю, что такое оказаться одной и в беде.

Глаза Нэн устремились на живот Таси.

— Вы хотите сказать, что тоже...

— Не в такой беде, — криво улыбнулась Тася. — Но пожалуй, не менее серьезной.

Не выпуская перстня из рук, Нэн шагнула вперед и порывисто обняла ее.

— Если у меня будет мальчик, я назову его Биллингз.

— О Боже! — Глаза Таси заискрились весельем. — Лучше сократи его до Билли.

— А если девочка — Карен. Ведь вас так зовут?

Тася опять улыбнулась и ласково проговорила:

— Назови ее Анна, по-моему, так будет красивее.

На утренних занятиях Эмма казалась рассеянной и не так внимательно, как всегда, слушала Тасю. Растянувшийся у их ног Самсон перевернулся на спину и приглашающе

подставил им свой мохнатый живот. Он лежал тихо и, казалось, понимал, что сегодня нельзя попадаться на глаза ни раздраженной домоправительнице, ни сердитому отцу. Время от времени Эмма подталкивала его под ребра ногой, тогда он поворачивал голову и радостно ощеривался, свешивая язык.

— Мисс Биллингз, — вдруг спросила Эмма, прервав чтение параграфа о римской военной стратегии, — Нэн собирается родить ребенка? Ведь так?

Растерянная Тася удивилась, откуда девочка успела так быстро все узнать.

— Это неподходящий предмет для обсуждения, Эмма.

— Ну почему мне никто ничего не объяснит? Разве для меня не более важно знать о реальной жизни, а не о всякой замшелой истории?

— Возможно, когда ты станешь постарше, кто-нибудь объяснит тебе все эти вещи, но пока...

— Это случается, когда мужчина и женщина спят в одной постели? Правда? — Глаза у Эммы были понятливые. — Ведь это происходит так? Нэн и Джонни спали вместе. А теперь должен родиться ребенок. Мисс Биллингз, зачем же Нэн разрешила мужчине спать с ней в одной постели, если знала, что потом у нее будет ребенок?

— Эмма, — мягко произнесла Тася, — ты не должна задавать мне такие вопросы. Мне не положено отвечать на них.

У меня нет на это разрешения твоего отца...

— Но как же тогда я узнаю об этом? Или это какой-то ужасный секрет, который могут понять только взрослые?

— Нет, не ужасный. — Тася нахмурилась и потерла пальцами виски. — Просто это..., очень личное. На такие вопросы тебе ответит женщина, которую ты любишь, которой доверяешь... Возможно, твоя бабушка...

— Я доверяю вам, мисс Биллингз. И я очень беспокоюсь, когда думаю о вещах, про которые ничего не знаю толком. Когда мне было восемь лет, моя тетя увидела, что я целуюсь с одним из деревенских мальчишек, и очень рассердилась. Она сказала, что из-за этого может быть ребенок.

Это правда?

Тася заколебалась:

— Нет, Эмма.

— Зачем же она говорила мне не правду? Я плохо поступила, когда поцеловалась с этим мальчиком?

— Я уверена, что она считала тебя слишком юной, чтобы знать правду. Нет, это не было плохо. Ты просто проявила любопытство. Ничего страшного не произошло.

— А если бы я теперь поцеловала какого-нибудь мальчику? Это было бы плохо?

— Не то чтобы плохо, но... — Тася смущенно улыбнулась. — Эмма, может быть, ты скажешь отцу, что хотела бы обсудить..., некоторые вещи с какой-либо женщиной? Он найдет кого-нибудь подходящего. Сомневаюсь, что он одобрит, чтобы на твои вопросы отвечала я.

— Из-за того, что вы утром спорили с ним насчет Нэн? Не глядя Тасе в глаза, Эмма накручивала на палец огненно-рыжий локон.

— Эмма, ты что, подслушивала? — укоризненно спросила Тася.

— Все же говорят об этом. С папой никто никогда не спорит. Все слуги поражены. Одни считают вас очень храброй, а другие — очень глупой. И все говорят, что вас, наверное,

уволят. Но на этот счет не тревожьтесь, мисс Биллингз: я не позволю папе отослать вас.

Тася улыбнулась, тронутая наивными утешениями Эммы. Она была такой милой девочкой. Так легко было полюбить ее.

— Спасибо, Эмма, но мы должны подчиняться решениям твоего отца, какими бы они ни были. Сегодня утром я допустила ошибку, навязывая ему свое мнение. Я была неблагодарной и невежливой. Если лорд Стоукхерст решит меня прогнать, это будет то, чего я заслуживаю.

Эмма насупилась, став вдруг похожей на своего отца. Она опять ткнула Самсона ногой. Он тихонько открыл пасть и осторожно пожевал ее пятку.

— Папа оставит вас, если я его попрошу. Он винит себя в том, что у меня нет матери. Бабушка говорит, что именно поэтому он меня вечно балует и портит. Она хочет, чтобы он женился на леди Харкорт, но я надеюсь, что он этого не сделает.

— Почему? — негромко поинтересовалась Тася.

— Леди Харкорт хочет отобрать у меня папу, чтобы он был только с ней.

Тася ничего не сказала в ответ. Она начинала понимать, почему так яростно привязаны Стоукхерсты друг к другу после смерти женщины, которую оба любили. Утрата Мэри Стоукхерст была незаживающей раной для обоих. Казалось, и отец, и дочь использовали друг друга как предлог, чтобы отгородиться от других людей и тем избежать риска снова испытать сердечную боль потери. Может быть, Эмме стоит поехать туда, где она сможет дружить с девочками своего возраста и найти выход своей энергии. Это будет гораздо лучше, чем проводить время, шатаясь по поместью и шпионя за слугами.

Таинственно улыбнувшись, Тася обратилась к Эмме:

— Может быть, мы закончим эту главу и пойдем погуляем? Свежий воздух прояснит нам головы.

— Вы ничего не объяснили мне про Нэн, — огорченно вздохнула Эмма и послушно вернулась к римской истории.

Весь день Тася ожидала от лорда Стоукхерста распоряжения о своем увольнении. Но он оставался в библиотеке, туда вереницей шли арендаторы и жители деревни.

— Это все фермерские дела, — туманно ответил Сеймур, когда Тася поинтересовалась, о чем собираются говорить с лордом посетители. — Хозяин решил провести в поместье кое-какие изменения, чтобы арендаторы лучше работали. Некоторые из них вели хозяйство как в средние века. Милорд дает им советы, как и что изменить в их хозяйстве. И они в случае необходимости могут пожаловаться на управляющего.

— Это очень хорошо с его стороны, — проговорила Тася. В России помещики были далеки от подобных идей.

Они нанимали человека и перекладывали на него все свои заботы. И уж точно она никогда не слыхала, чтобы владелец имения непосредственно сам давал советы или помогал крестьянам.

— Это очень разумная политика, — заметил Сеймур. — Чем больше его милость

вкладывает в хозяйство, тем больше дохода оно приносит и ему, и арендаторам.

Тася подумала, что лорд Стоукхерст очень расчетлив и предусмотрителен.

— Хорошо, что его милость не слишком высокомерен и сам разговаривает с крестьянами. Там, откуда я приехала, человек, занимающий определенное положение, не общается с ними, а все распоряжения отдает только через управляющего.

В глазах Сеймура неожиданно блеснуло лукавство.

— В Англии они не любят, чтобы их называли крестьянами. Лучше говорить «арендаторы».

— Арендаторы, — послушно повторила она. — Спасибо, Сеймур, Дворецкий, как всегда, скупно улыбнулся ей и кивнул, когда она попрощалась, чтобы уйти в свою комнату.

Близился вечер, а лорд Стоукхерст все молчал. Тася ре, шила, что он намеренно заставляет ее ждать, чтобы она как следует помучилась, думая об увольнении. Впервые со времени приезда она поужинала в своей комнате, чтобы избежать вопросов и любопытных взглядов слуг. Она ела медленно, устремив невидящий взгляд на темное небо за окном. Ее не оставляла мысль о том, что ей делать дальше.

Вскоре она будет изгнана из Саутгейт-Холла. Ей надо что-то придумать. Наверное, придется вернуться к Чарльзу и Алисии. Конечно, это не радовало. Скорее всего они не удивятся тому, что она не удержалась на своем первом месте.

Каптеревы никогда не отличались смирением. Тася мысленно поклялась, что отныне подавится своими суждениями, но ни слова не проронит о них новым хозяевам.

В дверь постучали.

— Мисс Биллингз! Мисс Биллингз!

— Нэн? — удивленно спросила Тася, узнав ее голос. — Войди.

Служанка ворвалась в комнату, глаза ее сверкали, щеки покраснелись. Она была не похожа сама на себя.

— Мисс Биллингз, внизу, у слуг, сказали, что вы у себя в комнате. Я должна была прибежать прямо к вам... — Она замолчала, чтобы перевести дух.

— Я думала, ты уже уехала, Нэн. Ты, должно быть, бежала по лестнице? Тебе этого нельзя.

— Да, но я хотела рассказать вам... — Нэн возбужденно засмеялась. — Я выхожу замуж.

Тася широко раскрыла глаза от удивления:

— Замуж? За кого?

— За Джонни! Десять минут назад он сделал мне предложение и попросил простить за все. Сказал, что постарается быть хорошим мужем, насколько сумеет. А я ответила, что этого мне довольно! Теперь у моего ребенка будет имя, а у меня законный муж! — Нэн обхватила себя руками в радостном порыве.

— Но как? Почему?

— Джонни сказал, что лорд Стоукхерст разговаривал с ним сегодня днем.

— Лорд Стоукхерст? — ошеломленно повторила Тася.

— Хозяин сказал Джонни, что ни один мужчина, если он в своем уме, не хочет жениться, но рано или поздно все женятся, и что мужчина должен отвечать за свои поступки. Так что если Джонни наградил девушку ребенком, то должен дать обоим свое имя. Его милость даже дает нам немного денег на обзаведение. Мы сможем взять в аренду участок земли.

Около деревни. Разве это не чудо? Как может все так быстро перемениться?

— Не знаю, — проговорила Тася, улыбаясь. — Это замечательно. Я очень за тебя рада, Нэн.

— Я пришла вернуть вам вот это. — Она сунула Тасе узелок из носового платка, тяжелый от веса перстня. — Я не сказала о нем Джонни. Он мог велеть мне не отдавать его.

Но вам он нужнее, мисс Биллингз. Вы добры сами себе во вред.

— Ты уверена, что он тебе не нужен?

— С нами теперь все в порядке. Со мной и с ребенком, Теперь о нас есть кому позаботиться. Заберите его, мисс, пожалуйста.

Тася протянула руку, и перстень упал ей на ладонь. Она зажала его в кулаке, крепко обняла Нэн и прошептала:

— Да поможет тебе Бог!

— И вам, мисс Биллингз.

Когда Нэн ушла, Тася опустилась на постель. Голова у нее шла кругом. Больше всего ее удивили действия лорда Стоукхерста! Она предположить не могла, что он так резко изменит свое решение. Что вызвало эту перемену? Почему он стал уговаривать Джонни жениться на Нэн и даже подсластил эту горькую для него пилюлю чем-то вроде маленького приданого? Она думала и то, и это, но была не в силах понять мотивы его поступков.

Было уже поздно. Тася поняла, что не сможет уснуть сейчас, когда голова полна вопросов, на которые она не может найти ответ. Вздохнув, она выставила за дверь поднос, на котором ей принесли ужин, и решила пойти в библиотеку. Длинная скучная книжка ей сейчас очень пригодится.

Спустившись по черной лестнице, Тася, как тень, скользнула по коридору. Дом затих на пороге ночи. Все было как обычно. К этому часу посуда должна быть вымыта, а нужные кастрюльки и другие кухонные принадлежности приготовлены на завтра для миссис Планкет. Биддл уже начистил хозяйские сапоги и ботинки. Миссис Наггз сидит за своей шпопкой или, возможно, составляет список припасов, которые надо купить. Большинство ламп в коридорах притушено. Дом погрузился во тьму.

Зайдя в библиотеку, Тася зажгла лампу и сделала пламя поярче. Свет заиграл на красном дереве шкафов и полок, мягко озарил обитые кожей стены. Тася наслаждалась запахом книг и кожи, к которому примешивался аромат бренди и табачного дыма. Библиотека была прибежищем мужчин, здесь они обсуждали дела, политические проблемы и разные мужские вопросы. Эта комната была словно пропитана духом семейной истории. Тася переходила от полки к полке в поисках чего-то усыпляющего. Наконец она отобрала охалку книг и стала перебирать их, чтобы выбрать что-то самое скучное.

— «Аспекты прогресса», — прочла она вслух одно заглавие и сморщила носик. — «Революция и реформы в современной Европе. Чудо британского экспансионизма». Что ж, подойдет любая...

Насмешливый голос, неожиданно прозвучавший в полумраке, заставил ее вздрогнуть:

— Пришли на второй раунд?

Книги выпали у нее из рук на пол. Тася охнула и обернулась на голос.

С огромного кресла у камина поднялся лорд Стоукхерст. Он сидел в темноте, держа в руке рюмку и глядя на прогоревшие угли. Поставив рюмку с недопитым бренди на бронзовый столик, он направился к ней.

Сердце сильнее забилося у Таси в груди.

— Почему вы не дали мне знать, что вы здесь?

— Я только что сделал это.

Стоукхерст сегодня весь день просидел за письменным столом. Отложной воротник его рубашки был запачкан чернилами, верхние пуговицы расстегнуты, открывая загорелую кожу пониже ключицы. Несколько черных локонов упало на лоб, смягчая суровые черты худощавого лица.

В сине— голубых глазах светилось искреннее любопытство, от которого у Таси мурашки побежали по спине. Сама не желая, она вспомнила то, что весь день пыталась выбросить из головы... Тот миг в их споре, когда он в ярости вцепился в платье у нее на груди. Его агрессивная мужественность ужасно ее пугала. Однако она испугалась не столько его ярости, сколько своего возникшего внезапно возбуждения. И сейчас она со страхом почувствовала, что задыхается, вспоминая тот миг. Она постаралась сосредоточить свое внимание на груди книжек у ног, надеясь, что он не заметит, как она покраснела.

— Кажется, вам изменило самообладание? — произнес он.

— Любому изменило бы, если б на него вдруг выпрыгнул из темноты человек. — Тася глубоко вдохнула, стараясь успокоиться. Она была обязана извиниться перед ним. — Милорд, ко мне приходила Нэн.

— Я не хочу говорить об этом, — резко прервал он.

— Но я не правильно судила о вас...

— Нет, правильно.

— Я преступила рамки...

На этот счет Стоукхерст спорить не стал, только смотрел на нее в упор, насмешливо подняв брови. Он вынуждал ее нервничать. Даже то, что он стоял рядом, лишало ее душевного равновесия... Он был весь темнота и дьявольская сила, отлившаяся в форму мужчины.

— Тася заставила себя продолжать:

— Вы были очень добры, когда помогли Нэн, милорд. Теперь ей и ребенку будет гораздо лучше.

— Только если вы считаете, что иметь мужа, который не хочет жениться, лучше, чем не иметь никакого. Он ведь неохотно женится.

— Но вы убедили его поступить правильно.

— Это не значит, что он не заставит Нэн расплачиваться за это сотней разных способов. — Люк передернул плечами. — По крайней мере ребенок не родится ублюдком.

Тася настороженно посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц:

— Сэр..., вы собираетесь меня уволить?

— Я размышлял над этим. — Намеренно выдержав долгую паузу, он продолжал:

— Но решил подождать.

— Значит, я остаюсь?

— Пока да.

Тася почувствовала такое облегчение, что у нее задрожали колени.

— Спасибо, — прошептала она и присела на корточки, чтобы собрать рассыпавшиеся книги.

К ее смущению, Стоукхерст пришел ей на помощь. Он нагнулся и, подхватив парочку тяжелых томов, сунул их себе под левую руку. За следующей книгой они потянулись одновременно и соприкоснулись пальцами. Вздрогнув от тепла его руки, Тася резко отшатнулась и, потеряв равновесие, неловко растянулась на полу. Она была так смущена... Никогда в жизни не была она такой неуклюжей. От тихого смеха Стоукхерста ее бросило в жар.

Выпрямившись, Стоукхерст поставил книги на полку и протянул ей руку. Без малейшего усилия он поднял ее, в его сильной большой руке ее маленькая утонула выше запястья.

Хотя держал он ее очень бережно, но в его хватке была какая-то пугающая мощь. Он бы мог легко сломать ее кости, будто спички. Тася быстро попятилась от него, поправляя юбки и одергивая лиф.

— Какую книгу вы хотите взять? — осведомился Стоукхерст. Глаза его сверкали весельем.

Тася потянула какую-то книгу с полки, даже не потрудившись взглянуть на ее название. Прижав ее крепко к груди, словно щит от его насмешки, она пролепетала:

— Это подойдет.

— Прекрасно. Спокойной ночи, мисс Биллингз.

Хотя ее отпустили, Тася не двинулась с места.

— Сэр, — нерешительно сказала она, — если у вас есть немного времени..., мне бы хотелось кое о чем поговорить с вами.

— Еще одна забытая служанка? — произнес он с издевкой.

— Нет, милорд. Это насчет Эммы. Она узнала о положении Нэн. Естественно, сэр, она стала задавать вопросы. Мне пришло в голову... Это напомнило мне... Я спросила Эмму, говорил ли кто-нибудь с ней об этом... Видите ли, она уже достаточно взрослая, чтобы начать... Она в том возрасте, когда девочки... Вы меня понимаете?

Не сводя с нее глаз, Стоукхерст покачал головой.

Тася откашлялась.

— Я имею в виду то время каждого месяца, когда у женщин... — Она снова замолчала. От смущения она готова была провалиться. До сих пор она никогда не говорила с мужчиной на такую интимную тему.

— Понимаю. — Голос его звучал странно. Когда Тася рискнула посмотреть на него, она увидела на его лице забавную смесь удивления и огорчения. — Я об этом не думал, — пробормотал Люк. — Она ведь еще маленькая.

— Ей двенадцать. — Тася переплела пальцы. — Сэр, я не хотела... Моя мать не стала мне объяснять... И однажды...

Я..., я очень испугалась. Мне бы не хотелось, чтобы Эмма оказалась такой же неподготовленной.

Стоукхерст подошел к бронзовому столику, взял бокал с недопитым бренди и одним глотком опорожнил его.

— Мне тоже.

— Тогда вы разрешаете мне поговорить с ней?

Люк покачал головой, крепко сжимая в руке бокал:

— Не знаю.

Он не хотел замечать признаки того, что Эмма взрослеет. Пока он отгонял от себя мысль о том, что у его дочери могут в любой момент начаться месячные, что ее тело развивается и скоро его маленькая Эмма станет женщиной со всеми женскими эмоциями и желаниями... Это случилось слишком быстро. Он встревожился: до сих пор он не позволял себе думать об этом. Конечно, кто-то должен был подготовить Эмму к переменам, сопровождающим ее взросление. Но кто? Сестра его была слишком далеко, а его мать скорее всего расскажет Эмме какую-нибудь чушь вместо правды. Герцогиня была женщиной весьма щепетильной и чувствительной. Она не одобряла французский стиль убранства Саутгейт-Холла, считая, что все эти завитушки и изгибы рококо, эти волнистые драпировки могут навести на неприличные мысли. Она не могла видеть ножки стульев, не прикрытые оборками. Конечно, она явно не была таким человеком, который смог бы объяснить его дочери, что ее ожидает.

— Насколько подробно вы собираетесь объяснить ей это? — без обиняков спросил он.

Гувернантка смутилась, но постаралась ответить обыденным тоном:

— Только то, что необходимо знать молодой девушке.

Милорд, если вы не хотите, чтобы об этом говорила с ней я, то, думаю, надо найти кого-то еще.

Люк пристально посмотрел на Тасю. Ее тревога за Эмму казалась вполне искренней. Иначе она не стала бы говорить на такую тему, которая, как он видел, ее очень смущала. К тому же Эмма полюбила ее. Почему бы не предоставить ей это дело?

— Можете поговорить с ней сами, — решившись, объявил он. — Но не начинайте с первородного греха. Эмме только не хватает заполучить в душу многотысячелетний груз изначальной библейской вины.

Тася поджала губы и колючим тоном пробормотала:

— Разумеется, милорд.

— Я полагаю, что ваши знания об этом достаточно корректны?

Она коротко кивнула и снова залилась краской. Люк внезапно улыбнулся. Она выглядела такой юной в своем смущении, вся пылающая и старательно пытающаяся скрыть, как ей неловко. Он просто наслаждался этим зрелищем.

— Почему вы так уверены в этом? — поинтересовался он, чтобы продлить ее муки.

Но она не поймалась на крючок.

— С вашего разрешения, я хотела бы уйти.

— Погодите. — Люк понимал, что ведет себя как надменный хозяин, но ему было все равно. Он хотел, чтобы она осталась. Прошедший день был тягостным, и он решил немного поговорить с гувернанткой, чтобы отвлечься от дневных забот. — Выпьете, мисс Биллингз? Может быть, вина?

— Нет, спасибо.

— Тогда останьтесь, пока выпью я.

Она покачала головой:

— Я должна отклонить ваше приглашение, сэр.

— Это не приглашение. — Люк жестом указал ей на кресло перед камином:

— Садитесь.

На мгновение она застыла, затем тихо сказала:

— Уже очень поздно. — После этих слов она подошла к одному из кресел и, сев на краешек, положила книгу на ближайший столик и сплела руки на коленях.

Он неторопливо вновь наполнил свой бокал.

— Расскажите мне, что значит жить в России.

Она невольно напряглась.

— Право, я...

— Вы уже признались, что приехали оттуда. — Люк уселся, не выпуская бокала из руки, и вытянул к огню длинные ноги. — Вы наверняка сумеете рассказать мне что-нибудь, не раскрывая своих драгоценных секретов. Опишите мне жизнь в России.

Она нерешительно посмотрела на него, словно подозревая, что он хочет ее как-то подловить.

— В России вы почувствуете себя очень маленьким, потому что просторы ее бесконечны. Солнце там не такое яркое, как здесь, в Англии... Поэтому все кажется слегка выцветшим. Сейчас в Санкт-Петербурге начинаются белые ночи... Ночи становятся все короче и короче, и наконец солнце не садится круглые сутки. Но только небо не белое, а розовато-сиреневое. С полуночи до утра. Это необыкновенно красиво — черные силуэты зданий на фоне бледного неба.

Главы церквей округлы. Вот так. — Ее тонкие руки очертили в воздухе форму купола-луковицы. — В церквях нет статуй.

Не положено. Вместо них у нас иконы..., религиозные картины. Образы Христа, апостолов. Девы Марии, святых. Их лица узкие и длинные..., и печальные. У них очень одухотворенный вид. В английских церквях у святых вид очень гордый.

Люк не мог не признать ее правоту, вспомнив с усмешкой, что статуи и барельефы в его собственной часовне также выглядят несколько самодовольно.

— А еще в русских церквях нет скамей, — продолжала она. — У нас считают, что стоять более уважительно по отношению к Творцу. Даже если служба длится часами. Для русских очень важно проявить смирение. Простые люди скромны и трудолюбивы. Если зима длится дольше обычного, они затягивают пояса, собираются у очага, шутят, рассказывают сказки и истории, чтобы отвлечься от пустых желудков. Русская церковь учит, что Бог всегда с нами и все, плохое и хорошее, случается с нами по Его воле.

Люк был заморожен переменной в выражении ее лица.

Впервые она утратила свою скованность в его присутствии.

Голос ее звучал мягко, глаза светились в полумраке, еще больше походя на кошачьи. Она продолжала говорить, но он не слушал. Он размышлял о том, как было бы хорошо распустить ее шелковистые черные волосы и обвить вокруг запястья, чтобы удержать ее на месте, пока он станет ее целовать.

Она такая легкая, что он не почувствует ее веса, когда посадит на колени. Но все же, несмотря на всю свою хрупкость, она обладала железной волей и бесстрашием, которыми он не мог не восхищаться. Даже Мэри не осмеливалась перечить ему, когда он гневался.

— Когда дела идут совсем плохо, — продолжала она рассказывать, — русские говорят, что все перемелется, то есть все пройдет. Мой отец любил так говорить... — Она резко вдохнула и замолчала.

По выражению ее глаз Люк понял, что упоминание об отце для нее тема слишком болезненная, и тихо попросил:

— Расскажите мне о нем.

Глаза ее блестели от слез.

— Он умер несколько лет назад. Он был добрым и честным человеком, такому люди доверяют быть третейским судьей в спорах. Он умел понять разные точки зрения. После его смерти все изменилось. — Горькая и милая улыбка тронула ее губы. — Иногда мне отчаянно хочется поговорить с ним. Я не могу поверить, что больше никогда его не увижу. Поэтому мне еще больнее находиться вдали от дома: все, что у меня связано с ним, — там, в России.

Люк с беспокойством наблюдал за ней. Какое-то чувство рвалось из самой глубины его души, кипело, скрытое внешним спокойствием. Оно было слишком опасно, чтобы его анализировать. После смерти Мэри он сосредоточился лишь на том, чтобы выжить. Конечно, при этом некоторые потребности приходилось удовлетворять. Однако желание никогда не грозило разрушить крепость, вернее, склеп его одиночества. Так было до сих пор. Ему следовало отослать эту гувернантку прочь, навсегда, до того как дело пойдет далеко. Спор насчет беременной служанки был прекрасным предлогом для того, чтобы ее уволить, и провалились эти Эшборны ко всем чертям! Но почему-то он не смог сделать это.

Он с трудом выдавил из пересохшего горла:

— Вы собираетесь когда-нибудь вернуться?

— Я... — Она посмотрела на него такими несчастными и потерянными глазами, что у него перехватило дыхание, и прошептала:

— Я не могу.

В следующую секунду она исчезла, рванувшись мимо него, вон из библиотеки, не взяв с собой книжку, за которой приходила.

Люк побоялся последовать за ней. Он остался сидеть в каком-то оцепенении от нахлынувших одновременно сострадания и желания. Почти лежа в кресле, он яростно смотрел в потолок. Бог свидетель: в том, что касалось женщин, дураком он не был. И менее всего он походил на человека, которого может поймать в свои сети таинственное воздушное создание. Она была слишком молода, слишком..., иностранка..., слишком не похожа на Мэри..., во всем.

При мысли о жене Люк встал, напряжение в мышцах стало ослабевать. Как мог он предать Мэри? И таким образом! Он вспомнил, какую радость и удовольствие он получал с женой в постели, как ее теплое тело уютно прижималось ночью к нему, как она целовала его по утрам, стараясь разбудить. И всегда им было так хорошо вместе. После того как она покинула этот мир, физическая потребность вынуждала его находить других женщин, но это было совсем иное.

Он и думать не мог, что в его жизнь войдет кто-то еще.

Не то чтобы сейчас рушилось самообладание и бурлили все чувства. Но эта гувернантка становилась наваждением, и он ничего не мог сделать, чтобы этому помешать.

Он даже не знал ее настоящего имени. Усмехнувшись с издевкой над собой, он потянулся к бокалу с бренди.

— За вас, — пробормотал он, салютуя бокалом пустому креслу напротив. — Кто бы вы ни были, черт бы вас побрал!

Тася добежала до своей комнаты и захлопнула за собой дверь. Она пробежала без передышки три лестничных пролета. У нее колело в боку, и теперь, держась за него и задыхаясь, она без сил прислонилась к стене.

Ей не надо было так убегать из библиотеки, но если бы она осталась, то, вероятнее всего, разразилась бы слезами от жалости к себе. Рассказ о России вызвал в ней неистовую тоску по родине. Ей до боли захотелось поговорить с матерью, увидеть знакомые лица и места, снова услышать родной язык и чтобы кто-то назвал ее настоящим, собственным именем...

— Тася, — слышалось ей.

Сердце замерло. Она ошеломленно оглядела пустую комнату: может быть, кто-то прошептал ее имя? Краем глаза она увидела тень, мелькнувшую в зеркале шкафа. Ее охватил страх. В полной панике она хотела бежать, но какая-то непонятная, страшная сила заставила ее сделать сначала один шаг вперед, потом другой... Она не могла оторвать глаз от зеркала.

— Тася, — снова почудилось ей, и она в ужасе отшатнулась. Рука ее потянулась ко рту, сдерживая рвущийся крик ужаса.

Князь Михаил Ангеловский с залитым кровью лицом в упор смотрел на нее из зеркала темными провалами глаз.

Синеватые губы его раздвинулись в издевательской ухмылке.

— Убийца.

Тася не могла оторвать глаз от жуткого видения.

В ушах слышалось странное жужжание. Она понимала, что этого на самом деле нет... Это лишь видение, порожденное ее виной и воображением. Она закрыла на миг глаза, желая, чтобы видение исчезло, но, когда снова открыла их, видение все еще было на месте. Она отняла руку ото рта и онемевшими губами запинаясь выговорила:

— Миша, я не собиралась убивать тебя...

— Кровь на твоих руках.

Дрожащая Тася посмотрела на свои руки и увидела, что они в крови. Сдавленный крик раздался в комнате.

Она сжала кулаки и крепко зажмурилась.

— Оставь меня в покое! — прорыдала она. — Я не буду тебя слушать. Оставь меня в покое!

Слишком испуганная, чтобы бежать и вообще что-то делать, она стояла как соляной столп. Жужжание в ушах медленно затихало. Она вновь открыла глаза и посмотрела на свои руки. Они были чистыми и белыми. В зеркале было пусто. Кое-как она добралась до постели и опустилась на нее, не вытирая струившихся по щекам слез.

Ей потребовалось много времени, чтобы успокоиться.

Когда паника прошла, она оказалась совсем обессиленной.

Лежа на постели, она смотрела в потолок и вытирала рукавом глаза. Пусть она не помнит само убийство Михаила, но ощущение вины давило ее с каждым днем все больше. Наверное, будут появляться еще другие видения и, возможно, кошмары. Ее совесть не позволяла ей забыть то, что она сделала. Это убийство навсегда останется с ней. Внутри все ныло, она застонала от тихой тоски.

Прекрати, яростно приказала она сама себе. Надо перестать мучить себя мыслями о Михаиле Ангеловском, или она сойдет с ума.

Первый день мая был ясным и солнечным. Воздух был насыщен запахом молодой зелени. Эмма лежала, распластавшись на ковре в комнате для занятий, и накручивала одну за одной свои рыжие кудряшки на пальцы, пока они не встали дикой копной. Она была неприятно поражена спокойным объяснением гувернантки насчет менструального цикла, — Как противно! — бормотала Эмма. — Почему у женщин столько неприятностей и хлопот со всем? Кровавые тряпки, живот сводит от боли, еще каждый месяц считать дни.

Почему у мужчин не бывает ничего такого?

Тася улыбнулась:

— Думаю, у них свои трудности. И ничего в этом нет противного, Эмма. Так создал нас Господь. А за эти неприятности, как ты их назвала, он благословил нас способностью родить человека.

— А что в этом хорошего? — кисло заметила Эмма. — Тоже мне благословение — родовыми муками!

— Когда-нибудь ты захочешь иметь своих детей, и тогда все остальное будет не важно.

Задумчивая складка перерезала лоб Эммы.

— Значит, с того момента, как у меня начнутся месячные кровотечения, я стану достаточно взрослой, чтобы иметь ребенка?

— Да, если ты делишь постель с мужчиной.

— Просто делишь, и все?

— Конечно, все более сложно. Но остальное ты узнаешь попозже.

— Я предпочла бы узнать все теперь, мисс Биллингз. А то я навоображаю себе всякие ужасы.

— То, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, не ужасно. Мне говорили, что это может быть даже приятно.

— Должно быть, так, — задумчиво сказала Эмма. — Иначе все эти женщины не зазывали бы папу в свои постели. — Глаза ее вдруг тревожно расширились. — Ой, мисс Биллингз, вы не думаете, что благодаря папе у кого-нибудь из них появился ребенок?

Тасе кровь бросилась в лицо.

— Не думаю. Есть способы предотвращать это, если проявлять осторожность.

— Осторожность? В чем?

Тася раздумывала, каким образом обойти этот вопрос, но, к счастью, их разговор прервало появление служанки.

Это была Молли, крепкая темноволосая девушка с широкой белозубой улыбкой.

— Мисс Эмма, — сказала она. — Хозяин послал меня сообщить вам, что приехали сквайр и леди Пендлтон. Он говорит, чтобы вы сейчас же спустились к ним.

— Пропади все пропадом! — воскликнула Эмма, кидаясь к окну, из которого была видна подъездная аллея. — Они уже вылезают из кареты. — Обернувшись к Тасе, она закатила глаза. — Каждый год они приезжают сюда, чтобы посмотреть на майский праздник с папой и мной. Леди Пендлтон говорит, что очень забавно наблюдать за тем, как празднуют

«селяне». Брюзгливая и чванная старая карга.

Тася присоединилась к ней и тоже стала разглядывать в окно полную пожилую женщину, одетую в парчу. Леди Пендлтон оглядывалась вокруг с высокомерным хмурым видом.

— Она действительно выглядит надменно, — согласилась Тася.

— Вы должны пойти с нами в деревню, мисс Биллингз.

Я умру со скуки, если вас с нами не будет.

— Это не полагается, Эмма.

Меньше всего Тасе хотелось принимать участие в шумном деревенском празднике. Не подобало гувернантке, которая всегда должна вести себя с достоинством, появляться в такой обстановке. Кроме того, сама мысль присутствовать на таком большом сборище заставляла ее нервничать. Ее еще мучили воспоминания о кровожадной толпе на суде, об обвиняющих лицах в зале судебных заседаний.

— Я останусь здесь, — твердо сказала она.

Эмма и Молли запротестовали одновременно.

— Но папа отпустил всех слуг, и они пошли на праздник в деревню.

— Это плохая примета — не пойти на майский праздник! — воскликнула Молли. — Вам надо встретить весну вместе с нами. Это самая важная часть праздника. Иначе вам не будет везти.

— А что же такое будет там сегодня?

Молли была поражена ее невежеством.

— Танец вокруг майского дерева, разумеется. А потом двое мужчин одеваются лошадьё и проходят через каждый дом в деревне. Люди берутся за руки и длинной цепью идут за майской лошадьё. Это приносит счастье, когда праздничный парад проходит через ваш дом.

— Почему лошадьё? — поинтересовалась Тася, которую этот рассказ очень позабавил. — Почему не собака или козел?

— Так полагается, чтобы это была лошадьё, — с оскорбленным видом возразила Молли. — Это всегда была лошадьё.

Эмма захихикала:

— Интересно, что скажет папа, когда услышит, что мисс Биллингз хочет заменить нашу майскую лошадьё на козла?! — Смех ее продолжал звенеть, пока она спускалась по лестнице, чтобы присоединиться к отцу и Пендлтонам.

— Эмма, не рассказывай ему этого, — крикнула ей вслед Тася, но девочка не ответила. Вздохнув, Тася снова перевела взгляд на Молли:

— Я не буду участвовать ни в каком весеннем празднике. Если я правильно понимаю, это всего лишь языческий обряд... Поклонение друидов, феи и все такое прочее.

— Вы не верите, что феи существуют, мисс Биллингз? — наивно спросила Молли. — Вам надо верить. Таких, как вы, они и любят уносить. — И она со смешком удалилась, а Тася хмуро смотрела ей вслед.

Стоукхерсты провели день, наблюдая вместе с Пендлтонами, как танцуют вокруг майского дерева. Большинство слуг не пришли на обед, хотя миссис Планкет заранее приготовила множество холодных блюд. Все были заняты — наряжались к вечернему веселью. Тася не сомневалась, что встреча весны — всего лишь повод, чтобы выпить и побуяннить. Она не хотела в этом участвовать. Закрывшись в своей комнате, она уселась у открытого окна и вслушивалась в далекие звуки барабана и долетавшие из деревни песни. В

ночном воздухе разливалась бодрящая прохлада. Тася смотрела из окна и воображала, что лес полон фей и что не огни факелов мерцают в темноте, а светятся их крылья.

— Мисс Биллингз! — Дверь ее комнаты с шумом распахнулась, и к ней, не спрашивая разрешения, буквально влетели три девушки.

Растерянная Тася ошеломленно уставилась на Молли, Ханну и Бетси. Они были одинаково одеты — в цветастые юбки и белые блузки — и украшены лентами и цветочными гирляндами.

— Мисс Биллингз, — весело объявила Молли, — мы пришли забрать вас с собой в деревню.

Тася, еле подавив вздох, покачала головой:

— Спасибо, но мне нечего надеть. Я останусь здесь. Желаю вам всем хорошо повеселиться.

— Мы принесли вам одежду. — И на постель была тут же брошена куча ярких блузок и юбок.

Ханна, маленькая белокурая посудомойка, робко улыбнулась Тасе:

— Некоторые из них наши, а некоторые мисс Эммы.

Возьмите то, что вам понравится... Это все старые вещи. Примерьте сперва эту красную юбку, мисс Биллингз.

— Я не пойду, — твердо повторила Тася.

Но девушки продолжали настаивать и уговаривать:

— Мисс Биллингз, вы должны пойти. Наверное, это будет единственным вашим развлечением за весь год...

— На дворе темно. Никто вас и не узнает.

— Все идут. Не можете же вы оставаться здесь одна.

К удивлению Таси, на пороге появилась миссис Наггз с охапкой цветов. Лицо домохозяйки было суровым.

— Что это я слышу, будто мисс Биллингз собирается идти в деревню?

Тася обрадовалась, что наконец у нее появился союзник.

— Миссис Наггз, они настаивают, чтобы я пошла с ними, но вы же понимаете, что это неразумно.

— Да, — сказала миссис Наггз и неожиданно широко улыбнулась. — И если вы не пойдете с ними, мисс Биллингз, я буду очень недовольна. Когда вы будете старухой, как я, тогда сможете оставаться дома и наблюдать за праздником из окна. А сейчас извольте участвовать в майском танце.

— Но..., но... — Тася даже начала заикаться, — я не верю в языческие обычаи. — Как все русские, она была воспитана на сложной смеси религии и суеверий, поэтому считала, что природу и ее силы надо уважать, но Бог недоволен поклонением идолам. Поклонение майскому дереву и другие обряды майского праздника были для нее совершенно неприемлемы.

— А вы делаете это не потому, что верите или не верите, — смеясь, вмешалась Молли. — А просто на счастье. Для веселья.

Неужели вы никогда не делали что-то просто для того, чтобы повеселиться?

Тася мечтала остаться одна в своей комнате. Она перепробовала все возражения, но все они были отмечены.

— Ладно, — неохотно согласилась она. — Но удовольствия это мне не доставит.

Хихикая и щебеча, девушки выбирали ей наряд, пока она раздевалась.

— Наденьте красную юбку, — настаивала Ханна, тогда как Молли предпочла голубую.

— Ей даже корсета не нужно. — Бетси с завистью смотрела на тоненькую фигурку

Таси.

Молли помогла ей натянуть через голову блузку с присобранным вырезом.

— У нее сиськи не больше, чем у Эммы. — Она добродушно рассмеялась. — Но не огорчайтесь, мисс Биллингз.

Еще несколько недель на пудингах миссис Планкет, и у вас будет фигура, как у меня.

— Не думаю. — Тася с сомнением посмотрела на пышную грудь Молли. Покорившись судьбе, она послушно стала вытаскивать из волос шпильки. Женщины разразились восхищенными восклицаниями, когда ее блестящие черные волосы упали волной, доставая почти до колен.

— О, как красиво! — вздохнула Ханна. — Хотела бы я, чтобы мои волосы были такими же красивыми. — Она подошла к зеркалу и, нахмурившись, стала оттягивать свои золотистые кудряшки, словно это могло сделать их длиннее.

Тасины волосы перевили лентами и цветами и заплели их в косу, которая толстым жгутом лежала на спине, после чего, отступив назад, они залюбовались делом своих рук.

— Вы просто прелесть, — сказала миссис Наггз. — Все парни из деревни будут пытаться сорвать у вас поцелуй!

— Что?! — с тревогой воскликнула Тася, но девушки уже тащили ее из комнаты.

— Это такой деревенский обычай, — объяснила Молли. — Иногда парни подбегают и пытаются сорвать поцелуй на счастье. В этом нет ничего плохого.

— А если я не хочу, чтобы меня целовали?

— Вы можете убежать. Наверное... Но никто так не делает. Если парень некрасивый, так ведь одно мгновение можно и потерпеть, а если приятный, так и бежать не захочется!

Когда они вышли на улицу, уже стемнело, но звезд видно не было, их скрывала пелена облаков. Деревня была празднично освещена факелами и лампами, выставленными в окнах домов. По мере того как они приближались к площади, где было установлено майское дерево, барабанный бой становился все громче и громче, ритм его то убыстрялся, то замедлялся.

Как Тася и думала, вино играло важную роль в веселье.

Мужчины и женщины щедро угощались из бутылок и фляжек, утоляя жажду в перерывах между танцами.

Взявшись за руки, они кружились вокруг увитого цветами майского дерева и пели какие-то языческие песни о деревьях, земле и месяце. Ощущение свободы и веселья напомнило Тасе о любви русских крестьян к хороводам на Ивана Купалу, когда им выпадала редкая возможность поскоморошничать, выпить и повеселиться.

— Пойдем! — закричала Молли, хватая Тасю за руку.

Бетси схватила ее за другую руку, и они влились в хоровод, кружившийся под звуки древней баллады о колдовской дубраве.

— Вам не обязательно петь, мисс Биллингз. Просто покрикивайте погромче и шевелите ногами!

Это было довольно просто. Тася не отставала от остальных, подхватывала все песни, которые пелись, и вскоре ее сердце стало биться в ритм барабанам. Наконец хоровод распался, и все пошли отдохнуть и выпить вина. Молли передала ей полупустой мех, и Тася

неловко поймала ртом струйку сладкого красного вина. Когда танец возобновился, Тасю взял за левую руку красивый белокурый парень. Он улыбнулся ей и стал петь, стараясь петь громко, как и все остальные.

Возможно, из-за вина, а может, из-за дурашливости танца, но Тася начала получать удовольствие от происходящего. Женщины выбегали в середину круга и, срывая с себя цветочные гирлянды, размахивали ими и высоко подбрасывали их в воздух. Запахи цветов, пота и вина смешивались в один особый земной аромат, сладкий и крепкий. Тася кружилась около майского дерева, пока мир не завертелся вокруг, а огни факелов не заплясали, как светлячки.

Она выскочила из хоровода и попыталась отдышаться.

Оборки ее влажной блузки липли к телу, и она все время их оттягивала. Несмотря на ночную прохладу, ей было жарко, она вся пылала от возбуждения. Кто-то передал ей бутылку, и она отхлебнула из нее. Поблагодарив, она вытерла рот рукой и, подняв глаза, увидела, что вином угощал ее тот самый белокурый парень. Он взял у нее бутылку и поцеловал ее в щеку, прежде чем она успела что-то сделать.

— На счастье, — произнес он и, улыбнувшись, снова обернулся к майскому дереву.

Тася удивленно моргнула и подняла руку к щеке.

— Лошадь! — закричал мужской голос, и толпа радостно взревела в ответ:

— Лошадь, лошадь!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Тася закатилась от смеха, увидев двух парней, изображавших коричневую лохматую лошадь. Один из них мужественно держал огромную маску — лошадиную морду. Шею лошади обвивала цветочная гирлянда, а попона закрывала ноги, спускаясь почти до земли. Ноги шутовски приплясывали и лягались. После нескольких таких па лошадь повернула к середине деревни и, покачиваясь, зашагала вперед.

Люди взялись за руки и двинулись за ней длинной цепью, извивавшейся, как гигантская змея. Тасю эта змея тоже захватила, и вместе со всеми она прошла через первый дом, где в ожидании уже были распахнуты все двери. Чтобы столько народа не нанесло грязи, на полах лежали тростниковые половики.

Людская цепочка вышла из задней двери дома и отправилась дальше. Вдоль улицы стояли люди, наблюдая за танцующими, и хлопали в такт древним песням. Около забора стояли несколько мужчин, некоторые из них открыто ласкали своих спутниц. Какое-то препятствие заставило шествие приостановиться. В ожидании танцоры топали ногами, продолжая петь.

Услышав откуда-то кошачьи вопли, Тася посмотрела по сторонам и поняла, что это вопили мужчины.

Каково же было ее удивление, когда она увидела среди них Стоукхерста. Его белые зубы блеснули в широкой улыбке, когда кто-то из его соседей особенно громко взвыл. Что он здесь делает? Тася вся напряглась, собираясь убежать, как только он ее заметит. Но уже было поздно... В этот момент он повернулся и в упор посмотрел на нее. Улыбка исчезла с его лица, а по горлу прокатился судорожный глоток. Рот раскрылся в изумлении, равном ее собственному.

Он был весь какой-то всклокоченный, куртка распахнута, рубашка у горла расстегнута. Свет факелов играл золотыми бликами на его темных волосах. Огромный рост и могучие плечи делали его похожим на былинного русского богатыря.

Его синие глаза впились в нее шальным взглядом, будто он придумывал какую-то непристойную шутку.

Цепь снова задвигалась, но ноги Таси словно налились свинцом. Она не могла шевельнуться и стояла как зачарованная. Мужчина сзади нее запротестовал:

— Эй, девушка, или работай ногами, или отойди в сторону!

— Простите, — сказала она и отпрыгнула с дороги. Тут же ее место в цепочке было занято.

Однако прежде чем она смогла убежать, прямо перед ней возник лорд Стоукхерст. Его рука, как наручник, сомкнулась у нее на запястье, сжав так крепко, что ее кровь застучала в подушечки его пальцев.

— Идите за мной, — произнес он. Растерянная, Тася безропотно повиновалась.

Из группы мужчин раздались одобрительные свистки, как, впрочем, и приветственные крики танцоров скользившей мимо, к другому дому, цепи. Но из-за отчаянного стука сердца Тася ничего не слышала. Стоукхерст мерил землю широкими шагами. Не поспевая за его длинными ногами, Тася перешла на торопливую пробежку. Он злился на нее, и она понимала, что не без причины. Не ее дело участвовать в таких праздниках. Она должна была вести себя с достоинством и оставаться в замке. Теперь Стоукхерст выскажет, что думает о ней и ее поведении..., и уволит..., тут же, не сходя с места, Он потащил ее от освещенных домов в рощицу на краю деревни. Остановившись под большим деревом, он отпустил ее руку.

Тася подняла на него глаза, но едва могла различить в темноте его лицо.

— Я не должна была танцевать, — смиренно произнесла она.

— Почему же не должна? Сегодня я всем разрешил вести себя так, как им хочется.

Ее огорчение перешло в удивление.

— Вы не сердитесь?

Он шагнул ближе, не отвечая на вопрос.

— С распущенными волосами вы похожи на цыганку.

Это замечание было таким неожиданным, что Тася совсем смутилась. Что-то в Стоукхерсте было необычным, не таким, как всегда, привычная сдержанность исчезла. Какая-то непонятная ей угроза была в его мягком голосе и неторопливых движениях... Внезапно она поняла, что он выслеживает ее, как охотник. С усиливающейся тревогой она попятилась и споткнулась о толстый корень.

Рука его поддержала ее за плечо, чтобы она не упала.

Однако даже после того, как она восстановила равновесие, он не убрал руку, и жар его ладони проникал сквозь блузку.

Стоукхерст поднял другую руку, и кончик стального крючка вонзился в кору дерева около ее уха. Она почувствовала себя в ловушке. Пронзительно ощущая мощь и силу его тела, она отступила еще на шаг и уперлась спиной в ствол дерева. «Он пьян, — ошеломленно подумала она. — Он не понимает, что делает».

— Сэр..., вы не в себе. "Вы много выпили."

— Вы тоже.

Он стоял достаточно близко, и Тася почувствовала в его дыхании запах сладкого вина. Она отдернула голову и больно ударилась затылком. Свет пронесенного вдаль факела на мгновение залил тусклым красным сиянием лицо Стоукхерста, а затем они снова погрузились в темноту.

Его пальцы мягко ухватили ее за подбородок, и она всхлипнула, все больше съеживаясь.

— Нет, — выдохнула она со страхом.

— Нет! — повторил он. По его голосу было понятно, как забавляет его происходящее. — Тогда зачем же вы пошли со мной?

— Я..., я подумала... — Тася старалась выровнять дыхание. — Я решила, что вы рассердились и хотите накричать на меня без свидетелей.

— И вы предпочитаете это поцелую?

— Да.

Он рассмеялся над пылкостью ее ответа, и его рука, скользнув по ее затылку, легла на судорожно сжатые мускулы шеи. Огонь его прикосновения ошеломил ее, она вздрогнула. Их обвевал прохладный ветерок, но он несколько не остужал ни Тасю, ни Стоукхерста. Несмотря на то что зубы ее стучали от страха, Тасе безумно хотелось прижаться к нему, найти убежище в его объятиях.

— Вы меня боитесь, — пробормотал он.

Она неловко кивнула.

— Из-за этого? — Он шевельнулся, и перед ее глазами серебром блеснул стальной крючок. Странное чувство владело Тасей: все ее ощущения обострились, все стало мучительно ярким. Горячие нежные губы Люка скользнули по растрепанным прядкам на виске, и по ее телу прокатилась волна потрясения. Она сильно уперлась кулаками ему в грудь.

— А как насчет поцелуя на счастье? — предложил он. — Мне почему-то кажется, что вам понадобится удача, мисс Биллингз.

Она не смогла сдержать нервный смешок. Он вскипел, как шампанское в бокале.

— Я не верю в удачу. Верю лишь в молитву.

— А почему не в то и другое? Нет-нет, не костенейте так.

Я не собираюсь причинить вам вред.

Она только пискнула от удивления, когда он резко наклонился к ней.

— Мне надо идти, — отчаянно проговорила она и допустила ошибку, попытавшись протиснуться мимо него. Стоукхерст быстрым движением поймал ее и прижал к своему сильному мускулистому телу. Он обернул вокруг своего запястья ее косу один раз..., потом еще один и отвел назад ее голову. Его темное лицо нависло над ней, пальцы впились в затылок. Тася закрыла глаза. Она почувствовала легчайший поцелуй в уголок рта и задохнулась, откликаясь на этот зов.

Его хватка стала сильнее. Он снова провел ртом по ее сомкнутым губам в поцелуе, потом еще раз. Почему-то она ожидала от него ярости, нетерпения..., чего угодно, только не этого нежного, но жгучего прикосновения его рта. Его губы скользнули по ее щеке к уху, потом по шее. Кончиком языка он дотронулся до бешено трепещущей жилки в ямочке у горла. Тасе вдруг захотелось прильнуть к нему, раствориться в темной стремнине возбуждения. Но никогда никто не имел власти над ней. Этой мысли было достаточно, чтобы опять рассуждать здраво.

— Не надо, — приглушенно проговорила она. — Пожалуйста, не надо!

Он поднял голову и посмотрел на нее.

— Какая вы сладкая и милая! — прошептал он. Он убрал руку с ее волос, вынув при этом из них одну цветочную веточку, вплетенную в косу. Тыльной стороной ладони он проведало ее щеке, обводя нежный овал.

— Милорд... — неуверенно выговорила она и набрала в грудь побольше воздуха. — Сэр, я надеюсь..., это возможно, чтобы мы притворились..., будто всего этого не произошло?

— Если вы этого хотите. — Его большой палец гладил ее подбородок. Цветы, которые он продолжал держать в руке, испускали дурманящий аромат.

Она неловко кивнула и сильно прикусила дрожащую губу.

— Это все вино. И танцы. Полагаю, л-любой мог потерять голову.

— Разумеется. Народные танцы — дело головокружительное.

Тася вспыхнула, понимая, что он насмехается над ней.

Но это не имело значения. Объяснение было найдено.

— Доброй ночи. — С этими словами она оттолкнулась от дерева. Руки, ноги, все тело были как ватные. — Я должна вернуться домой.

— Только не одна.

— Я хочу пойти одна, — заупрямилась она.

После непродолжительного молчания он рассмеялся:

— Хорошо, но не вините меня, если к вам кто-нибудь пристанет. Хотя, полагаю, вряд ли это случится второй раз за ночь.

Ее шаги были легкими и быстрыми, тоненькая фигурка словно растаяла в темноте.

Люк шагнул на то место у дерева, где она стояла, и, упершись плечом в мощный ствол, стал беспокойно ковырять каблуком утоптанную землю. Он был с ней ласков, а хотел быть жесток, хотел, чтобы его губы оставили следы на ее губах, на ее нежной коже... Все его желания, которые он считал умершими давным-давно, возродились с неистовой силой. Ему хотелось уложить ее в свою постель и держать там неделю, месяц. Всегда. Чувство вины снова согнуло его. Он винил ее в том, что жизнь его пошла наперекосяк, в том, что из-за нее воспоминания о Мэри отдалялись все больше и больше.

Но она скоро уедет. Еще немного, и месяц кончится.

Чарльз Эшборн найдет для нее новое место. Единственное, что ему нужно, — это не обращать на нее внимания, пока время само не расставит все на свои места. Круто обернувшись, он с досадой и яростью ударил рукой по дереву, сорвав кусок коры. От крючка на стволе осталась длинная царапина. И тогда он двинулся прочь от света и танцев, широкими шагами удаляясь все дальше от праздника.

Тася стояла у окна и задумчиво смотрела в ночь. При воспоминании о теплоте его ищущих губ, его ласковой силе, которую он жестко держал в узде, дрожь пробежала по ее телу. Она так долго была одинокой, что его объятия вызвали пронзительно сладостное и пугающее переживание. В них она почувствовала себя защищенной, в них был уют родного дома.

Она медленно дотронулась пальцами до своих губ. Наверное, Стоукхерста позабавила ее неуклюжесть. До нынешней ночи она ни разу не целовалась, если не считать вялого объятия и поцелуя с Михаилом Ангеловским сразу после помолвки.

Миша, как звали его родные и друзья, удивительным образом сочетал красоту и распушенность. Он одевался неряшливо и всегда чересчур роскошно, буквально заливал себя тяжелыми сладкими духами. Волосы носил слишком длинные, а на часто немой шее были прыщи. Большой частью взгляд его золотых глаз был пустым из-за пристрастия к курению опиума.

Внезапно в голове Таси зазвенели голоса. Она зашаталась, к горлу подступила тошнота.

— Миша, я люблю тебя в тысячу раз сильнее, чем сумеет полюбить тебя она. Она

никогда не даст тебе то, что тебе нужно.

— Ты ревнивый и сморщенный старый дурак, — отвечал Михаил. — Ты ничего не знаешь о том, что мне нужно.

Голоса стихли, и Тася недоуменно сдвинула брови. Что это было? Воспоминание или игра ее воображения? Она опустилась на стул и закрыла лицо руками, подавленная и растерянная, измученная пытками своих видений.

Лондонский сезон подходил к концу, и высший свет готовился закрыть свои городские дома и уехать в поместья.

Лорд Стоукхерст устраивал один из первых летних приемов в загородном доме. Все местные родовитые семейства были приглашены провести уик-энд в его поместье, занимаясь охотой и, так сказать, общаясь. Тасю очень встревожил предстоящий прием, она опасалась, что ее уединение будет нарушено.

Но в то же время она надеялась, что на приеме будут Эшборны. Она очень хотела увидеть кузину Алисию, ведь кузина была единственным, пусть слабеньким, звеном, связывающим ее с прошлым. Тася думала, что они смогут найти несколько минут для разговора.

Никто не удивился, что в качестве хозяйки приема лорд Стоукхерст пригласил леди Айрис Харкорт.

— Этот прием — ее идея, — доверительно сообщила миссис Наггз на послеобеденной беседе старших слуг. — Леди Харкорт хочет, чтобы хозяин и все вокруг видели, как прекрасно подходит она для этой роли. Ясно как Божий день, что ей хочется стать леди Стоукхерст.

Леди Харкорт приехала заранее, за два дня до приема, чтобы убедиться, что все делается так, как надо. И с этого момента все поместье заходило ходуном. Привозили груды цветов, из них составляли красивые букеты и гирлянды для украшения дома. В свободных залах репетировали музыканты. Леди Харкорт произвела в Саутгейт-Холле множество перемен, начиная с перестановки мебели и кончая изменением меню миссис Планкет. Тасю восхищала ее дипломатичность.

Леди Харкорт энергично вмешивалась во все, что можно, но делала это очень доброжелательно и не вызывала недовольства и ворчания слуг.

Открыто недовольной происходящим была Эмма, она даже осмелилась поспорить об этом с отцом. Когда они возвращались с утренней верховой прогулки, голоса их звучали громко и раздраженно.

— Папа, она меняет буквально все.

— Я разрешил ей поступать так, как ей нравится. Довольно жаловаться, Эмма.

— Но ты даже не послушал меня...

— Я сказал — довольно! — И, увидев Тасю, поджидавшую Эмму, подтолкнул дочь в ее сторону. — Сделайте с ней что-нибудь, — рявкнул он и, насупившись, зашагал прочь:

Это было его первое обращение к Тасе за последнее время.

С такой же хмурой гримасой, как у отца, Эмма круто обернулась к Тасе. Голубые глаза сверкали яростью.

— Он чудовище!

— Как я поняла, вы спорите о леди Харкорт, — спокойно проговорила Тася.

Эмма сдвинула брови:

— Я не хочу, чтобы все выглядело так, будто она здесь хозяйка, когда этого нет! Я ненавижу, когда ей позволяют распоряжаться в доме. И еще ненавижу, когда она обвивается вокруг папы и разговаривает с ним медовым голосом. Меня от этого тошнит.

— Но ведь это всего на два дня, Эмма. Ты должна вести себя как настоящая леди и обращаться к ней вежливо и уважительно.

— Это не на два дня, — проговорила Эмма. — Она хочет выйти за него замуж! — Внезапно гнев ее пропал, и она с отчаянием посмотрела на Тасю:

— О, мисс Биллингз, а если она этого добьется? Я должна буду вечно ее терпеть.

Перед Тасей стояла неуклюжая и несчастная двенадцатилетняя девчушка. Ласково обняв Эмму, она погладила ее строптивые рыжие кудри и сказала:

— Я знаю, тебе это нелегко. Но после смерти твоей мамы отцу очень одиноко. Ты же знаешь это. В Священном писании сказано: «Пусть у каждого мужа будет своя жена». Неужели же ты предпочитаешь, чтобы он никогда больше не женился и старел в одиночестве?

— Конечно, нет, — сдавленным голосом сказала Эмма. — Но я хочу, чтобы он женился на той, кто мне нравится.

Тася рассмеялась:

— Моя дорогая, не думаю, что ты одобришь кого бы то ни было, кем он заинтересуется.

— Нет, одобрю. — Эмма вырвалась из ее объятий и возмущенно насупилась. — Я знаю одну подходящую женщину.

Она молодая, хорошенькая и умная и вообще идеально ему подойдет.

— Кто же это?

— Вы!

Ошеломленная, Тася лишилась дара речи и только растерянно уставилась на нее.

— Эмма, — наконец выговорила она. — Ты должна выкинуть эту идею из головы.

— Почему?

— Во-первых, мужчины, занимающие такое положение в обществе, не женятся на гувернантках.

— Папа не сноб. Ему это совершенно не важно. Мисс Биллингз, разве вы не считаете его красивым?

— Я никогда не задумывалась о его внешности. И вообще, нам пора заняться уроками.

— Вы покраснели, — победоносно и радостно объявила Эмма, на нее совершенно не произвел впечатления строгий взгляд Таси. — Вам нравится его внешность!

— Красота — это..., это качество поверхностное!

— Папа и внутри красивый человек, — настаивала Эмма. — Я просто так сказала, что он чудовище. Мисс Биллингз, может, вы смогли бы стать полюбезнее с ним?

Ну, улыбаться иногда. Я знаю, что вы могли бы влюбить папу в себя. Если бы только попытались.

— Но я вовсе не хочу, чтобы в меня кто-то влюблялся. — Тася не могла удержаться от смеха. Эта девочка говорила бог знает что.

— Разве мой папа вам не нравится, мисс Биллингз?

— По-моему, он очень достойный человек.

— Да, конечно, но вам он нравится!

— Эмма, это же нелепо. Я недостаточно хорошо знаю лорда Стоукхерста, чтобы он мне нравился или не нравился.

— Если вы выйдете за него замуж, вам больше не придется работать. А когда-нибудь вы станете герцогиней. Неужели вас это не радует? Разве вам не хочется всегда жить с нами?

— О, Эмма! — Тася с любовью улыбнулась девочке. — Ты очень добрая, раз думаешь о моем счастье. Но есть много вещей, которых ты не понимаешь, и боюсь, я не сумею их тебе объяснить. Я останусь с тобой столько, сколько смогу.

Это все, что я могу тебе обещать.

Эмма собралась было ответить ей, но увидела, что кто-то приближается к ним. Она закрыла рот и с плохо скрываемой подозрительностью уставилась на темно-рыжую женщину.

— Это леди Харкорт, — пробормотала она.

Женщина остановилась перед ними. На ней было платье из темно-красного шелка, изящный покрой которого идеально подчеркивал ее роскошную фигуру.

— Эмма, — небрежным тоном обратилась она к девочке, — представь мне свою спутницу.

Эмма неохотно подчинилась:

— Моя гувернантка, мисс Биллингз.

Леди Харкорт ответила на книксен Таси холодным кивком.

— Как странно, по описанию лорда Стоукхерста я полагала, что вы женщина средних лет. А вы сами ребенок.

— Леди Харкорт, — проговорила Тася, — если я..., или Эмма..., можем чем-то помочь вам при подготовке приема, вам стоит только сказать. — Она выразительно посмотрела на Эмму:

— Так ведь, Эмма?

— О да, — ответила Эмма со слащавой улыбкой.

— Благодарю вас, — сказала леди Харкорт. — Самая большая помощь, которую вы можете оказать, — это заниматься друг другом и держаться подальше от гостей.

— Конечно, мэм. По правде говоря, нам уже пора приступать к утренним занятиям.

— Держаться подальше от гостей? — раздраженно повторила Эмма. — Но это жилой дом...

Ей не удалось закончить свою мысль, потому что Тася ловко развернула ее и увела в классную комнату.

— Полагаю, нам надо начать с правил вежливости, — негромко объявила она.

— Но почему я должна быть с ней вежливой, когда она так невежлива со мной? — Эмма взглянула на Тасю с мрачным удовлетворением и добавила:

— По-моему, мисс Биллингз, вы ей не слишком понравились.

— А мне кажется, что леди Харкорт была очень любезна, — спокойно возразила Тася.

Эмма пристально посмотрела на нее:

— Я думаю, что вы, мисс Биллингз, такого же благородного происхождения, как и она. Может, у вас кровь даже поглубее. Миссис Наггз говорит, что с вашей кожей и чертами лица вы легко сойдете за аристократку. Скажите мне, кто вы на самом деле? Я очень хорошо

умею хранить секреты. По-моему, вы должны быть кем-то необыкновенным... принцесса в изгнании..., или иностранная шпионка..., или, может быть...

Тася, рассмеявшись, замахала рукой и, схватив Эмму за плечи, слегка ее потрянула, чтобы до той лучше дошло.

— Я твоя гувернантка, вот и все. И у меня нет никакого желания быть кем-то еще.

Эмма укоризненно посмотрела на нее и заявила:

— Это глупо. Вы гораздо больше, чем просто гувернантка. Это понятно любому.

Гости съезжались целый день — с утра до вечера. Слуги, занятые их устройством, сновали вверх и вниз по лестницам. Дамы на какое-то время исчезали, чтобы затем появиться в прелестных платьях самых разных цветов с пышными юбками или драпировками, отделанных кружевом или изысканной вышивкой. Искусно поигрывая разрисованными веерами, дамы собирались в гостиных посплетничать.

Тася издали наблюдала за этой суетой и вспоминала себя в России. Она делала то же самое, когда бывала со своей семьей на балах и приемах. Как ее баловали и лелеяли! Тогда она не задумывалась о мире за пределами Санкт-Петербурга.

Сколько часов прошло бесполезно! Даже время, которое она провела в молитвах, сейчас казалось потраченным впустую.

Лучше бы она помогала бедным, а не только молилась за них. Здесь, в Англии, она впервые в жизни почувствовала себя полезной, и ей нравилось это ощущение. Она подумала, что не вернулась бы снова к праздной жизни, которую когда-то вела, даже если бы это было возможно.

Вечером был подан ужин из более чем тридцати блюд. В столовой стояли длинные, покрытые льняными скатертями столы, в воздухе витали запахи ветчины, лососины, дичи, пудингов. Проходя мимо двери, Тася слышала бесконечные тосты, сопровождаемые взрывами добродушного смеха. Она представляла себе, как, должно быть, привлекательно выглядит леди Харкорт, как сверкают красным золотом ее волосы в свете хрустальных люстр. И наверное, лорд Стоукхерст испытывает гордость и удовольствие, любясь ею и наслаждаясь успехом вечера. Тася разгладила морщинку между бровями и отправилась наверх ужинать вместе с Эммой. Сегодня они будут лишь вдвоем. Детей не сажали за стол во время званых обедов. И гувернанток тоже.

По завершении обеда гости на какое-то время разделились. Дамы перешли в гостиную, куда им подали чай, а джентльмены остались в столовой, наслаждаясь портвейном и бренди. Постепенно они объединились в большой гостиной, где их ожидало развлечение. Эмма умоляла Тасю разрешить ей посмотреть:

— Леди Харкорт пригласила известную гадалку, которая предсказывает будущее. Ее зовут мадам Миракль, мадам Чудо.

Она ясновидящая, а это гораздо интереснее, чем просто гадалка. О, мисс Биллингз, мы с вами должны спуститься в гостиную и посмотреть на нее! Что, если она предскажет что-нибудь папе? Можно мне тихонько посидеть в уголке? Обещаю, я буду хорошо себя вести. Я

буду настоящей леди.

Тася улыбнулась:

— Думаю, мы можем какое-то время посмотреть, но так, чтобы на нас не обращали внимания. Я хочу предупредить тебя, Эмма, чтобы ты не ждала слишком многого от женщины, которая называет себя мадам Чудо. Мне кажется, что это имя похоже на псевдоним актрисы без ангажемента.

— Мне все равно. Я хочу послушать, что она скажет о каждом.

— Ладно, — кивнула Тася и критически оглядела мятую одежду Эммы. — Но перед тем как мы спустимся, ты наденешь свое синее платье и приладишь волосы.

— Они сегодня не хотят приглаживаться. — Эмма дернула себя за непокорные локоны. — Я их приглаживаю, а они еще больше встают дыбом.

Тася засмеялась:

— Тогда завяжем их лентой.

Помогая Эмме переодеваться, Тася про себя размышляла, можно ли девочке пройти к гостям. Ведь леди Харкорт просила их держаться от гостей подальше. Но в конце концов, лорд Стоукхерст никаких особых распоряжений на этот счет не давал, хотя, вероятнее всего, он согласится с желаниями леди Харкорт. Эмма же весь день вела себя просто как ангел: несколько часов старательно занималась, без единого возражения поужинала в классной комнате. Она заслуживала награды за свое поведение. Да и какой вред это может принести?

Зрелище, представшее перед их глазами в большой гостиной, было удивительно живописным. Нарядные мужчины и женщины группами сидели на элегантных французских диванчиках и стульях с изогнутыми спинками. Притушенный свет ламп мягко отсвечивал от обитых шелком стен и алебастровых завитков бордюра. Прохладный ветерок задувал в задернутые тюлем окна.

Увидев дочь, лорд Стоукхерст прервал свой разговор с кем-то из гостей и направился к ней. Темный вечерний костюм и шелковый жилет с черным и темно-зеленым рисунком подчеркивали его суровую красоту. Подойдя к Эмме, он наклонился и легонько поцеловал ее, говоря:

— Я целый день не видел тебя и удивлялся, где ты прячешься.

— Леди Харкорт велела нам не... — начала было Эмма и, сморщившись, замолчала, потому что Тася незаметно ткнула ее в спину. — Мы были заняты уроками, папа.

— Чему же ты сегодня научилась?

— Утром мы изучали этикет, а днем немецкую историю.

Я была весь день такой хорошей, что мисс Биллингз разрешила мне посмотреть на мадам Миракль. Из угла.

— Мадам Миракль, — хохотнул Стоукхерст, — шарлатанка. Можешь сесть со мной, впереди, Эмма. Но только если обещаешь не верить ни одному ее слову.

— Спасибо, папа! — просияла Эмма и отправилась с ним, обернувшись перед этим на Тасю:

— И вы идите с нами, мисс Биллингз!

Тася покачала головой:

— Я останусь здесь.

Она смотрела на широкую спину Стоукхерста, уходившего с дочерью. Ее охватило тягостное чувство потерянности. Почему он ни разу не посмотрел на нее? Он намеренно не замечал ее. Но его холодное спокойствие скрывало что-то угрожающее, сжатое, как

пружина.

Она отвлеклась от этих мыслей, когда леди Харкорт вывела на середину комнаты одетую в черное женщину.

— Господа! Прошу вашего внимания. Мне хотелось бы представить вам особенную гостью нашего вечера. В Лондоне, Париже и Венеции мадам Миракль признана всеми ясновидящей необычайной силы. Говорят, что с ней часто советуется один из членов нашей королевской семьи. К счастью для нас, мадам Миракль любезно согласилась принять мое приглашение присоединиться сегодня вечером к нашему собранию и проявить свой замечательный дар для нас.

Приветственные аплодисменты прошелестели в гостиной.

Тася с безучастным лицом прижалась к стене в дальнем конце зала.

Мадам Миракль была женщиной лет сорока, с темными волосами, подведенными глазами и нарумяненными щеками. Плечи ее были покрыты алой с золотом шалью, завязанной узлом на груди. На каждом пальце у нее сверкало по драгоценному кольцу, на запястьях позвякивали тяжелые браслеты. Она театральным жестом провела рукой над круглым, накрытым черной тканью столиком, на котором стоял ветвистый подсвечник с зажженными свечами. Еще на столике лежала колода карт, стояли чаша, полная разноцветных камешков, и несколько резных фигурок.

— Друзья мои, — торжественно сказала мадам Миракль хорошо поставленным голосом, — пришло время отбросить сомнения и земные ограничения. Мы будем приветствовать духов, приглашая их прийти и раскрыть зеркало наших душ.

Приготовьтесь узнать тайны прошедшего и будущего.

Женщина еще продолжала говорить, когда Тася услышала рядом с собой шепот:

— Тася.

Озноб пробежал у нее по спине, она быстро обернулась.

За ней стояла Алисия Эшборн. Губы ее расплывались в неудержимой улыбке. Повинуясь ее молчаливому приглашению, Тася выскользнула за дверь, и они вместе поспешили в пустой холл. Сияя от счастья, Тася сжала ее в объятиях.

— Алисия! — воскликнула она. — Как я рада тебя видеть!

Алисия, тоже улыбаясь, отступила на шаг, внимательно разглядывая Тасю.

— Тася, ты чудесно выглядишь! Эти прошедшие несколько недель пошли тебе на пользу.

Тася критически оглядела себя:

— Я никаких перемен не замечаю.

— Ты поправилась, и морщинки исчезли у тебя с лица.

— Я ела как следует. Здесь очень хорошо готовят. — Тут она скорчила рожицу. — Но бланманже... Они подают его все время.

Алисия расхохоталась:

— Ну, ты на нем просто расцвела. Скажи мне, Тася, ты довольна? С тобой все хорошо?

Тася неловко пожалала плечами. Она хотела бы рассказать о том, как ей в зеркале привиделся Михаил, о своих ночных кошмарах, муках совести, которые она испытывала, когда вспоминала о прошлом. Но чего она добьется, сказав об этом Алисии? Та начнет тревожиться, и только.

— Со мной все хорошо. Насколько это возможно, — добавила она.

Алисия посмотрела на нее с состраданием:

— Мы с Чарльзом — твоя семья, Тася. Мы сделаем все возможное, чтобы помочь тебе. Надеюсь, лорд Стоукхерст был добр к тебе?

— Он не был недобрый, — осторожно отозвалась Тася.

— Ну и хорошо. — Алисия взяла ее руки в свои и крепко сжала. Оглядев пустой холл, она торопливо сказала:

— Нам лучше вернуться. У нас еще будет возможность поговорить.

Потом.

Тася подождала еще одну-две минуты, прежде чем тоже вернуться в гостиную. Ее тонкие брови удивленно взметнулись, когда она увидела, что за столиком перед ясновидящей сидит Эмма. Несмотря на предостережения отца, Эмма была совершенно заморожена мадам Миракль.

— Вы видите что-нибудь? — пылко спрашивала она у гадалки.

На столике были узором разложены цветные камешки.

Мадам Миракль внимательно их изучала.

— Ах! — произнесла она, покачивая головой над камешками, словно их расположение говорило ей о чем-то очень многозначительном. — Все проясняется. Вы родились с мятежной душой. У вас сильные чувства... Возможно, слишком сильные...

Но со временем все придет в равновесие. Ваш дар — способность любить. Он привлечет к вам многих людей. Они будут черпать в вас силу. — Она замолчала и, взяв руки Эммы в свои, закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться.

— А что ждет меня в будущем? — Эмма не могла не задать этого вопроса.

— Я вижу мужа. Человека из чужой страны. Он принесет с собой неурядицы. Но ваше терпение и умение прощать помогут вам воспрепятствовать злу и ввести противоборствующие силы вашей жизни в единый круг. — Она открыла глаза. — Бог благословит вас многими детьми. Вас ждет счастливое будущее.

— А за какого иностранца я выйду замуж? — настаивала Эмма. — Француза? Немца?

— Этому духи не говорят.

Эмма нахмурилась.

— Разве вы не можете их спросить? — не унималась она.

Мадам Миракль выпустила ее руки и буднично пожала плечами:

— Это все.

— Пропади все пропадом, — проворчала Эмма. — Теперь каждый раз, встречая иностранца, я буду думать, он это или не он.

Стоукхерст усмехнулся и махнул дочери рукой, приглашая вернуться к нему.

— Милая, пора еще кому-нибудь послушать о будущем.

— Мисс Биллингз, — тут же сказала Эмма. — Я хочу знать, что духи скажут насчет мисс Биллингз.

Тася побледнела, когда Эмма указала на нее. Стулья закричали: все оборачивались, чтобы посмотреть, о ком идет речь. В одно мгновение из незаметной, никому не интересной гувернантки она стала центром внимания чужих людей.

На нее смотрело более двухсот человек. Тася покрылась холодным потом. На секунду память перенесла ее в Россию, на процесс об убийстве, где люди смотрели на нее с таким же жадным любопытством. Ее охватила паника. Не в силах произнести ни звука, она только молча покачала головой.

Погружаясь все глубже в пучину кошмара, она услышала, голос лорда Стоукхерста.

— Почему бы нет? — мягко проговорил он. — Подойдите сюда, мисс Биллингз.

Тася съежилась у стены. По толпе гостей прошелестели восклицания.

— Это всего лишь гувернантка, — раздался чей-то громкий шепот.

Кто— то в ответ заметил:

— Зачем с ней возиться?

Оценивающий взгляд лорда Стоукхерста буквально пришил Тасю к стене.

— Разве вы не хотите узнать, что готовит вам будущее?

— Мое будущее никому не интересно, сэр, — спокойно проговорила она, хотя мысли ее неслись в тревожной круговерти. Казалось, Стоукхерст хочет наказать ее за что-то. Почему? Что сделала она такого, чтобы вызвать его гнев?

Эмма перевела взгляд с отца на Тасю, ее радостная улыбка погасла, когда она почувствовала, что происходит что-то неладное.

— Это очень забавно, мисс Биллингз, — неуверенно проговорила она. — Почему бы вам не попробовать?

В ту же минуту с кресла поднялась Алисия Эшборн. От испытываемого беспокойства голос ее зазвенел:

— Я хочу, чтобы мне предсказали мою судьбу. Не будем тратить время на того, кто этого не хочет.

— Все в свое время, леди Эшборн, — любезно произнес Стоукхерст. — Сначала дадим духам возможность попробовать свои силы на нашей таинственной гувернантке.

Алисия еще попыталась возражать, но ее муж, Чарльз, потянул ее за руку, и она села. Растирая судорожно сжатые пальцы жены, Чарльз старался ее успокоить.

Айрис Харкорт сдвинула брови в недовольной гримаске:

— Люк, нет нужды мучить бедную девочку. Если она не хочет, ну и не надо.

Но Стоукхерст словно не слышал ее. Его суровый взгляд был устремлен на Тасю.

— Ну же, мисс Биллингз, не заставляйте нас ждать.

— Я бы не хотела.

— Я настаиваю.

Он решил добиться своего, не обращая внимания на скандал, который это вызвало. Выхода не было. Тася шагнула вперед с таким чувством, будто она идет на гильотину.

— Не бойтесь, дитя, — сказала мадам Миракль, жестом приглашая ее к столу. — Садитесь. Возьмите горсть камешков и согрейте их в руке.

Расправив плечи и подняв голову, Тася подошла к столику и села. Ее загнали в угол. Ей ничего не оставалось, как встретить опасность лицом к лицу. Она зачерпнула пригоршню камешков и крепко зажала в ладони. Все наблюдали за происходящим. Она ощущала эти взгляды как ножи, вонзающиеся в ее тело.

— Теперь, — распорядилась мадам Миракль, — дайте им упасть сквозь пальцы.

Раскрыв ладонь, Тася дала камешкам упасть. Они со стуком раскатились по накрытой тканью столешнице, некоторые подскакивали на неровностях и складках и откатывались в сторону от других.

С тревожным видом гадалка покачала головой. Она собрала камешки в кучку и снова ссыпала их в чашу.

— Попробуйте еще раз.

— Почему? — тихо спросила Тася, хотя поняла, в чем дело. Расклад сулил беду.

Мадам Миракль покачала головой и жестом велела ей снова взять камешки.

Еще раз Тася уронила их на стол. На этот раз один из них покатился по столу и упал на ковер.

— Ах! — тихо выдохнула ясновидящая. — Узор повторяется. Я вижу двух братьев, смерть и сон. — Она нагнулась и подобрала упавший камешек. Перекатывая его в пальцах, она пристально разглядывала его рисунок. Он был кроваво-красного цвета с черными пятнышками. Положив камешек на стол, гадалка решительно взяла руки Таси и крепко сжала. — Вы далеко уехали со своей родины. Вы лишились своего дома и места в жизни. — Она замолчала, начерченные брови ее нахмурились. — Недавно вас коснулись крылья смерти.

Оцепеневшая Тася не издала ни звука. Пламя свечи стало багроветь по краям.

— Я вижу далекую страну... Город, построенный на костях. Он окружен дремучими лесами. За деревьями прячутся волки. Я вижу горы золота и янтаря..., дворцы, земли, слуги...

Все это ваше. Я вижу вас в шелковом платье с драгоценным ожерельем на шее.

Внезапно в гадание вмешалась леди Харкорт, заметив насмешливым тоном:

— Мисс Биллингз всего лишь гувернантка, мадам: Прошу вас, поведайте, как достигнет она такого блестящего будущего? Полагаю, прекрасно выйдет замуж?

— Не будущего, — ответила мадам Миракль. — Я говорю о прошлом.

В гостиной воцарилась тишина. Сердце Таси упало, она попыталась выдернуть свои руки, стиснутые в ладонях гадалки, и хрипло прошептала:

— Я хочу прекратить это.

Узловатые пальцы ясновидящей сжались сильнее, и между их ладонями стало усиливаться колющее тепло. Соединенные руки Таси и мадам Миракль дернулись, словно их прошило электрическим током.

— Я вижу вас в комнате, полной золота, прекрасных картин и книг. Вы ищете кого-то. Тень падает на ваше лицо.

Это молодой человек с желтыми глазами. Кровь... Его кровь льется на пол. Вы зовете его по имени..., что-то вроде Майкл...

Михаил... — Гадалка вскрикнула и отшатнулась, отдернув свои руки от Тасиных. Застывшая в ужасе Тася продолжала сидеть за столом.

Мадам— Миракль, шатаясь, попятилась и подняла свои покрасневшие ладони. Они выглядели так, словно она схватилась обеими руками за кипящий чайник.

— Она обожгла меня! — вскричала женщина, с яростью и страхом глядя на Тасю. — Ведьма!

Тася с трудом поднялась со стула, ноги едва ее держали.

— Обманщица, — возразила она дрожащим голосом. — Я достаточно наслушалась вашей нелепой лжи.

Ничего не видя вокруг, высоко подняв голову, хотя все внутри у нее свело от страха, она прошла через всю гостиную к двери. Ей отчаянно хотелось спрятаться.

В ее голове звенели голоса из прошлого:

— О Боже, Боже! Что я наделала?

— Тебя должны сжечь...

— Бедное мое дитя.

— Я не хотела этого делать.

— ...станешь пеплом.

— Помоги мне. Боже...

— Ведьма!

— Нет! — всхлипнула она и бросилась бежать, спотыкаясь, стремясь укрыться от преследующих ее демонов.

Комната взорвалась взволнованными восклицаниями.

Женщины раскрыли свои веера, чтобы обмахнуться и под их прикрытием посплетничать. Гости столпились вокруг мадам Миракль, засыпая ее вопросами. Люк с каменным лицом широкими шагами двинулся из комнаты вслед за гувернанткой.

Когда он дошел до лестницы, ведущей в холл, его резко дернули за рукав. Он остановился и, обернувшись, оказался лицом к лицу с Алисией Эшборн. Она была в ярости, щеки пылали, рот крепко сжат.

— Не теперь, — резко сказал Люк.

— Что с вами стряслось? — Алисия потянула его в сторону от большой лестницы, туда, где, по ее мнению, их не могли подслушать. — Надо бы сказать Чарльзу, чтобы отхлестал вас как следует! Как могли вы так поступить с моей кухней?

Заставить ее участвовать в этом вульгарном представлении, зная, что ей необходимо скрываться...

— Я ничего не знаю о ней, кроме того, что меня тошнит от ее манеры проплывать по комнатам с видом мученицы, бросая вокруг трагические взгляды, полные мрачных тайн.

Один Бог знает, как это может повлиять на мою дочь. С меня довольно!

Алисия вытянулась во весь свой рост.

— И поэтому вы решили устроить ей публичную пытку!

Я никогда раньше не считала вас жестоким. Я сейчас же найду Тасю и немедленно заберу с собой. Я брошенной собаке не пожелаю подвергнуться вашему так называемому гостеприимству. Тем более моей кухне.

Люк впился жгучим взглядом в ее лицо:

— Тася? Ее так зовут?

В полном ужасе Алисия прижала ладонь к губам.

— Забудьте, — ахнула она сквозь пальцы. — Забудьте немедленно. Лишь позвольте мне увезти ее в Лондон, и, обещаю, вы ее больше никогда не увидите.

Он стиснул зубы:

— Она никуда не поедет.

Алисия развернулась и стала перед ним, как терьер, твякающий на волкодава.

— Спасибо! Вы уже вполне достаточно сделали. Ваш дом должен был стать для нее временным безопасным убежищем. А вы подвергли ее опасности. Вытащили перед всеми этими людьми... Это все равно что вынести ей смертный приговор. А все из-за вашей оскорбленной гордыни. Я-то уверяла Тасю, что вам можно доверять, а вы доказали, что я

обманула ее. Ну, вам понравилось по собственной нелепой прихоти уничтожить чью-то жизнь?

— Вы втянули меня в эту историю, — сквозь зубы процедил Люк. — И будь я проклят, если не узнаю все до конца!

Что вы хотите сказать своим «смертным приговором»? Что, черт возьми, она натворила?

Алисия нахмурилась, отвела глаза и в тот момент, когда Люк решил, что она не будет отвечать, неохотно проговорила:

— Я не знаю, что она сделала. Я даже не уверена, что она сама это знает.

Доведенный всем случившимся до бешенства. Люк грязно выругался.

— Я найду и поговорю с ней. Ступайте к остальным.

— А кто защитит мою кухню? — потребовала ответа Алисия.

— Я.

— Что-то пока вы с этим не слишком хорошо справлялись!

Пробившись сквозь толпу гостей, Эмма добралась до мадам Миракль и леди Харкорт. Она молча уставилась на обеих сверкающими от ярости голубыми глазами, золотые веснушки ярко выделялись на розовом от гнева лице.

— Эмма, — быстро проговорила леди Харкорт, — детская истерика совершенно никому не нужна в эту минуту.

Не обращая на нее внимания, Эмма обратилась к мадам Миракль:

— Почему вы сыграли такую шутку с мисс Биллингз?

Она же вам ничего плохого не сделала!

Гадалка возмущенно выпрямилась:

— Я никогда не стала бы так унижать свой дар! Я раскрыла правду именно так, как мне показали духи!

Эмма, продолжая хмуриться, скрестила натруди свои худые руки.

— Я думаю, что вам лучше сейчас же уехать. Я вызвала дворецкого. Он проводит вас до дверей. Если у вас нет своего экипажа, вас отвезут в одном из наших.

— Эмма, дорогая, — язвительно произнесла леди Харкорт. — Из-за того, что твоя нервная гувернантка обиделась, вовсе не следует лишать гостей развлечений. Это касается взрослых, а не детей. Почему бы тебе не пойти в свою комнату и не заняться там куклами или книжками?

Эмма хитро посмотрела на нее:

— Хорошо. Но мне бы не хотелось быть на месте мадам Миракль, когда вернется отец. У него ужасный нрав. Кто знает, что может случиться? — Неприятно ухмыльнувшись, Эмма согнула палец крючком и провела поперек своей шеи, издав булькающий звук.

Мадам Миракль побледнела и начала собирать свои принадлежности.

— Эмма, не придумывай ужасы о своем отце, — прошипела Айрис. — Иди в свою комнату. Я не потерплю твоего вмешательства. Хозяйка приема я, и я хочу, чтобы мадам

осталась.

Дьявольское выражение исчезло с лица Эммы, сменившись решительным упрямством.

— Она расстроила мисс Биллингз. Я хочу, чтобы она уехала... И дом этот мой, а не ваш.

— Невоспитанная девчонка! — Айрис оглядела комнату, выискивая кого-то в толпе гостей. — Где твой отец?

Эмма с невинным видом пожала плечами:

— Понятия не имею.

Люк добрался до маленькой комнатки на третьем этаже. Увидев, что дверь распахнута, он вошел. Воздух казался густым от напряженной тишины. На полу валялся перевернутый стул, рядом с ним лежала деревянная иконка.

Гувернантка... Тася..., стояла у окна. Каким-то образом она догадалась, что это он. Не оборачиваясь, она безучастно проговорила:

— Милорд?!

Внезапно Люк понял, что она не была сердита, смущена или напугана. Она была раздавлена. Он нанес ей удар, гораздо более сильный, чем намеревался. Раскаяние захлестнуло его, темная краска стыда залила лицо. Он невольно откашлялся, предваряя извинение.

— Я пришел посмотреть, как вы... — Он замолчал. Выражение участия после всего происшедшего прозвучало бы насмешкой, ведь именно он был причиной ее боли.

Она не поворачивалась, и голос ее прозвучал напряженно от стремления говорить обыденно:

— Со мной все хорошо, сэра. Мне просто нужно было несколько минут побыть одной. Какая странная эта женщина, не правда ли? Простите, что я устроила такую сцену. Если вы уйдете..., пожалуйста..., и дадите мне возможность прийти в себя... Мне просто надо побыть одной... — Она замолчала, как игрушка, у которой кончился завод. Слова стихли, плечи продолжали дрожать. — Уйдите... Пожалуйста.

Несколько быстрых шагов — и он оказался рядом с ней.

Прижав к себе ее напряженное тело, он замер, уткнувшись в ее волосы.

— Мне очень жаль, — проговорил он. — Мне чертовски жаль.

Тася попыталась вырваться из его объятий, но, когда лицо ее оказалось у его плеча, она ощутила уютный добрый мужской запах — запах бренди и табачного дыма, которым пропиталась ткань его фрака, и перестала его отталкивать. Она почувствовала тепло и силу, исходившие от него. Мерный стук его сердца раздавался около ее уха. Никто не держал ее так, только отец, когда ребенком, боясь темноты, она бросалась к нему. К горлу подступили рыдания.

— Вам больше не причинят вреда. — Он бережно пригладил ее волосы. — Я уберегу вас от опасности. Даю вам слово.

Никогда ей не обещали уберечь ее от опасности. Эти слова произвели на Тасю странное и невероятно сильное впечатление. Глаза наполнились слезами, и она быстро-быстро

заморгала, стараясь их удержать. Она понимала, что он просто говорил эти слова в ложном стремлении быть добрым. Он не осознавал, что они означают для нее, какая сильная защита ей понадобится. Он не знал, как отчаянно она одинока.

— Этого вы не должны обещать, — сказала она. Ее продолжало трясти, зубы стучали. — Вы ничего не понимаете.

— Так объясни мне. — Он запустил пальцы в ее заколотые туго волосы и, запрокинув ее голову, в упор посмотрел в глаза. — Скажи мне, чего ты боишься?

Что она могла сказать? Как могла признаться, что боится быть пойманной и наказанной за свое преступление... А больше всего боится себя самой. Если бы Люк знал, что она сделала, кто она такая, он бы возненавидел ее. Она представила себе, с каким презрением он стал бы относиться к ней, если бы знал..., если бы знал... Жгучие слезы брызнули из глаз, и она разрыдалась мучительно и неудержимо. Чем сильнее старалась она сдержаться, тем больше лились слезы. Стоукхерст застонал и притянул ее к себе еще ближе, прижал ее голову к своей груди.

Заливаясь слезами, она судорожно обвила руками его шею. Он сжал ее в крепком объятии и еле слышно говорил какие-то слова, не отрывая губ от ее волос, шеи... Его теплое дыхание ласкало ей кожу. Он нежно баюкал ее. Так прошло несколько минут, и тонкая ткань его рубашки под ее щекой насквозь промокла от слез.

— Тихо-тихо, — наконец прошептал он. — Тебе станет совсем плохо. Успокойся. — Большая ладонь гладила ее плечи и спину. — Постарайся дышать глубже, ровнее. — Его подбородок шершаво скользнул по ее виску. — Попробуй.

— Они к-кричали, что я ведьма, — горестно пробормотала она. — Тогда, раньше.

Глядящая ее рука остановилась, потом возобновила свое неторопливое движение. Он не спешил говорить, давая ей время, необходимое, чтобы успокоиться.

Слова срывались с ее уст прерывистым потоком. Голос дрожал:

— Временами я вижу какие-то события... О тех людях, которых знаю. Я..., я могу предсказать, если что-то должно случиться... Или узнать, что кто-то лжет. У меня бывают вещие сны и видения. Не часто, но они сбывались.

Слухи об этом дошли до Москвы. Люди говорили, что во мне зло. Они называли это колдовством, потому что не могли объяснить по-другому. Они меня боялись. А потом этот страх перешел в ненависть. Я стала для всех представлять опасность. — Она содрогнулась и прикусила нижнюю губу, испугавшись, что не остановится и признается во всем.

Он прижимал ее к своему плечу, шепча слова утешения.

Постепенно рыдания ее перешли во всхлипывания. Она положила голову ему на грудь и проговорила почти по-детски:

— Я совсем вымочила вам рубашку.

Он вытащил из внутреннего кармана платок и поднес к ее носу. Она, как ребенок, шумно в него высморкалась, заставив его улыбнуться.

— Тебе лучше? — ласково спросил он.

Тася взяла из его руки платок и кивнула, промокая глаза.

Теперь, когда она перестала плакать, оказалось, что боль, столько месяцев сидевшая у нее в груди, исчезла. Стоукхерст заправил за ухо выбившийся локон, погладив большим пальцем нежную мочку.

— Вы были сердиты на меня сегодня, — охрипшим голосом проговорила Тася. — Почему?

Люк мог бы придумать какое-нибудь расхожее и бессмысленное объяснение. Но он решил сказать ей правду.

— Потому что ты собираешься однажды исчезнуть, так и не рассказав, кто ты и что с тобой случилось. С каждым днем ты становишься для меня все большей и большей загадкой.

Ты не более реальна, чем туман в лунном свете. Я рассердился, что не могу владеть чем-то..., кем-то..., кого я так отчаянно хочу. Потому-то я и пытался тебя уязвить.

Тася понимала, что должна отойти от него. Инстинктивно она чувствовала, что он не будет удерживать ее. Но легкое поглаживание его пальцев завораживало. Дрожь удовольствия прошла у нее по телу.

Он нежно дотронулся ладонью до ее подбородка и спросил:

— Скажи мне, сколько тебе лет на самом деле? Я хочу знать правду.

Она удивленно заморгала:

— Я уже говорила.

— В каком году ты родилась? — настаивал он.

Тася поморщилась.

— В тысяча восемьсот пятьдесят втором.

— Восемнадцать, — задумчиво произнес Люк. — Восемнадцать лет.

Тася решила объяснить, почему она раньше говорила по-другому:

— Формальные годы не имеют значения. Важно, сколько...

— Избавь меня от этих разговоров: «Не важно, сколько лет, а важно, сколько пережито».

Он выпустил из пальцев ее подбородок и тряхнул головой, словно событиям этого дня оказалось и для него с избытком.

Встревоженная его молчанием, Тася шевельнулась в его объятиях. Он, казалось, совершенно забыл, что продолжает ее держать.

— Милорд, — с опаской проговорила она, — наверное, вы теперь меня уволите?

Он насупился:

— Вы что, так и будете при каждом разговоре задавать этот вопрос?

— Я подумала, что происшедшее сегодня... Вы можете решить...

— Нет, я не собираюсь вас увольнять. Но если вы еще раз спросите об этом, я лично пинками выгону вас из поместья...

Он завершил это свирепое заявление поцелуем в лоб. Губы его были теплыми и нежными. Затем, медленно подняв ее голову, он заглянул ей в глаза:

— Ты уже пришла в себя?

Тася совершенно растерялась, она не понимала, как объяснить его поведение.

— Не знаю. — Она отодвинулась от него, хотя больше всего ей хотелось скрыться от мира в его объятиях. — Спасибо за платок. Вы, наверное, хотите получить его обратно?

Он взглянул на мокрый льняной комочек, который она держала перед ним.

— Оставь его себе. И не надо благодарить меня. Я виноват в том, что он тебе понадобился.

— Нет, — мягко отозвалась Тася. — Вы не виноваты. Я слишком долго таила все в себе... — Она замолчала и, обхватив себя руками, повернулась к круглому окну, в котором колебались их искаженные отражения. — Знаете, в древности русские строили свои крепости на вершине холма. Когда на них нападали завоеватели-татары, они поливали водой этот холм со всех сторон. Через короткое время вода превращалась в лед, по которому никто

не мог взобраться наверх. Осада длилась, пока не таяли лед и припасы. — Она провела пальцем по стеклу. — Долгое время я была одна в своей крепости. Никто не мог войти ко мне, а я не могла из нее выйти. И мои запасы..., тоже истощились. — Она подняла на него глаза, светлые и светящиеся, как опалы. — Думаю, вам, милорд, это чувство знакомо.

Люк внимательно посмотрел на нее. Она не стала отводить взгляда. Внешне она была вполне спокойна, но жилка, бьющаяся в ямке у горла, как раз над краем черного шелкового воротника, выдавала ее волнение. Он коснулся трепещущей кожи, прошептал:

— Продолжайте. Что еще, по-вашему, вы знаете обо мне?

Внезапно проникновенность момента была разрушена сухим и резким голосом:

— А-а, вот вы где! — В дверях стояла Айрис Харкорт с застывшей на губах улыбкой. Она обращалась к Тасе, но взгляд ее был устремлен на Стоукхерста. — Мы все очень беспокоились за вас, дорогая.

— Со мной все в порядке, — ответила Тася.

Рука Стоукхерста упала, отпустив ее.

— Я и сама вижу. Вечер оказался более драматичным, чем я ожидала. Мадам Миракль сбежала, гости развлекают сами себя музыкой. К счастью, среди них оказалось несколько хороших пианистов. — Леди Харкорт обратилась непосредственно к Стоукхерсту:

— Ваша забота о слугах вызывает восхищение, дорогой, но пора возвращаться к нашим гостям. — Она приблизилась и, взяв его под руку, потянула из комнаты. У двери она приостановилась и оглянулась на Тасю:

— Мисс Биллингз, ваше наваждение..., или как вы это там называете..., кажется, очень расстроило Эмму. Если бы вы сделали, как я предлагала — держали ее подальше от гостей, — ничего подобного не произошло бы... — Она замолчала, так как Стоукхерст что-то коротко сказал, и пожала плечами:

— Как хочешь, дорогой.

Тася еще крепче стиснула в кулаке носовой платок. С безучастным видом она смотрела, как эта пара покинула комнату. Красивая чета: оба высокие, стройные, великолепные.

Стоукхерст будет идеальным мужем для Айрис Харкорт. Было совершенно ясно, что она хочет за него замуж. Тасей овладела такая тоска, что ей пришлось стиснуть зубы, чтобы снова не заплакать...

Медленно, как во сне, она подняла с пола стул, который повалила, когда вбежала в комнату, поставила на прежнее место иконку, лицо ее опухло, кожа горела, до воспаленных век было больно дотронуться.

— О, мисс Биллингз! — Внезапно в комнату ворвалась Эмма, взволнованная, с растрепанными кудрями. — Мисс Биллингз, эта мерзкая старая ведьма уехала. Я отослала ее прочь. Было что-нибудь из того, что она сказала, правдой?

Вы действительно жили во дворце? О-о, вы плакали! — Она стремительно обняла Тасю. — Разве отец не нашел вас?

— Он меня нашел, — ответила Тася дрожащим голосом.

Стоукхерст и Айрис спускались по лестнице. Айрис продолжала держать Люка под руку и смотрела на него с плохо скрываемым неудовольствием.

— Что ж. Люк, ваша робкая гувернанточка сумела своим театральным представлением загубить вечер.

— Я бы сказал, что вся заслуга принадлежит вашей гадалке.

— Мадам Миракль всего лишь сообщила, что открыли ей духи, — оборонительно сказала Айрис.

— Меня эти духи совершенно не волнуют, пусть хоть станцуют на столе. А мадам Миракль нужно пристрелить. — Рот Люка сурово сжался. — Заодно со мной. Мы с ней вдвоем сумели втянуть мисс Биллингз в это зрелище.

— Это мисс Биллингз устроила представление, — поправила Айрис. — Люк, то, что случилось сегодня, явно доказывает, что она сама еще совсем ребенок. Тебе следует нанять для обучения Эммы кого-то, кто более подходит ей по возрасту. Они с Эммой просто парочка хитрых детишек. Я не собиралась рассказывать тебе, но теперь придется. Я случайно подслушала, как они сговаривались о том, чтобы женить тебя на мисс Биллингз.

— Что?!

— Да-да, настоящий заговор. Эмма хочет, чтобы ты женился на мисс Биллингз. Это очень мило, но ты не думаешь, что тебе следовало очень хорошо подумать, прежде чем нанять Эмме такую наивную девочку, которая сама едва вышла из школьного возраста?

— Ты придаешь их разговорам чересчур большое значение, — сухо ответил Люк. — И хотя я не сомневаюсь в том, что моя дочь искренне любит свою гувернантку, могу тебя уверить, что мисс Биллингз вовсе не стремится за меня замуж.

— Ты мужчина, и тебя может легко обмануть кроткая внешность. Она хитрая и предприимчивая. Она пытается манипулировать ситуацией к своей выгоде.

Люк бросил на нее иронический взгляд:

— Сначала ты сказала, что она наивная, потом — хитрая.

Так какая же?

Айрис понадобилось все ее хладнокровие, чтобы не ответить колкостью.

— Несомненно, это решать тебе.

— Не надо ревновать.

— Неужели? А как ты объяснишь ту сцену, которую я увидела? Не будешь же ты отрицать, что эта девочка для тебя многое значит? Обнимал бы ты ее, если бы она была некрасивой и старой? О, она ловко заманила тебя в силки. Прелестная беспомощная девочка, одна-одинешенька в этом мире...

Смотрит на тебя своими огромными серыми глазами, умоляя стать ее защитником, ее рыцарем и избавить ее от нищенского существования... Ну какой мужчина может устоять перед этим?

— Она ничего не просила. — Он остановился на ступеньке и повернулся лицом к Айрис. — И глаза у нее не серые, а голубые.

— О да, — насмешливо проговорила Айрис. — Глаза цвета тумана над озером. А может быть, фиалок, тронутых утренником. Я уверена, что ты и сам подберешь несколько прелестных сравнений. Почему бы тебе не подняться наверх и не написать оду в честь прекрасной дамы? И не смотри на меня с таким снисхождением. Разве я не права? Я совершенно не собираюсь вступать в борьбу с тщедушной девчонкой за твое внимание. Не умею играть в такие игры, но в любом случае заслуживаю лучшего отношения.

— Ты что, предъявляешь мне ультиматум?

— Никогда, — отрезала Айрис. — Я и не подумаю так облегчать тебе жизнь. Ты хочешь, чтобы я помогла тебе сделать выбор. Тогда все устроится лучшим образом. Да я лучше язык себе вырву. И не вздумай являться ко мне в постель сегодня ночью или в любую другую ночь, пока не убедишь меня, что не представляешь ее на моем месте!

Он окинул дерзким взглядом ее роскошные формы:

— Не думаю, что смог бы вас спутать. Но в любом случае сегодня я не стану надоедать тебе своим вниманием.

— Прекрасно! — фыркнула Айрис и одна, без него, проплыла дальше, плавно покачивая округлыми бедрами.

Остаток вечера был просто адом. Люка не интересовало, как проводят время его гости, и не тревожило, что они думают и говорят о нем. Гости собрались в музыкальном салоне и, попивая разного рода напитки, слушали добровольцев, решившихся продемонстрировать свое искусство игры на рояле. Едва заглушаемые этими музыкальными упражнениями, языки сплетниц работали без устали.

Чарльз Эшборн подошел к Люку, стоявшему в дальнем конце комнаты, и спросил:

— Стоукхерст, что происходит, черт возьми?

Люк пожал плечами и вздернул подбородок. Желваки заходили у него на щеках.

— Я извинился перед Тасей за свое поведение. Можешь успокоить Алисию, что все в порядке.

— Я не могу успокаивать ее, когда сам в этом не уверен! — тяжело вздохнул Чарльз. — Мы с Алисией хотели бы, чтоб Тася вернулась к нам. Мы найдем ей другое место.

— В этом нет необходимости.

— По-моему, есть. Господи, старина, я просил тебя побережь Тасю, спрятать... А ты выставил ее на общее обозрение перед своими гостями. Настоящий ярмарочный аттракцион! Алисия удержалась и не забрала ее с собой в ту же минуту только потому, что боялась привлечь к ней еще большее внимание.

Темный румянец залил щеки Люка.

— Этого больше не повторится. Я хочу, чтобы девушка осталась.

— А она этого хочет?

Люк помедлил в нерешительности.

— По-моему, да.

Чарльз нахмурился:

— Стоукхерст, я знаю тебя много лет... Ты что-то от меня скрываешь.

— Я даю тебе слово, что буду беречь Тасю. Скажи Алисии, что я сожалею о случившемся. Убеди ее, что Тасе лучше оставаться здесь. Клянусь, отныне я буду охранять и защищать ее.

Чарльз кивнул:

— Хорошо. Раньше ты никогда не нарушал своего слова.

Хочу верить, что не изменишь этому правилу и теперь.

Чарльз перешел к другой группе гостей, а Люк остался стоять в одиночестве, чувствуя себя виноватым и растерянным. Гости бросали на него удивленные и любопытные взгляды. Все, кроме Айрис. Она сидела в нескольких метрах от него и не обращала на него внимания. Люк прекрасно понимал, что он только тогда получит шанс навестить ее сегодня ночью, если проявит бездну обаяния, за чем должны последовать извинения и обещания навестить ювелира. Но ему не хотелось даже думать об этом. Впервые мысль разделить ложе с Айрис оставила его абсолютно равнодушным.

Он был поглощен раздумьями о Тасе. Что-то очень страшное случилось в ее прошлом. В этом у него не было сомнений. Она многое испытала в своей короткой жизни.

По— видимому, слишком многое..., и выжила..., сама по себе.

Ей было всего восемнадцать лет, но она ни у кого не просила, никому не доверяла, и ему тоже. Вдобавок он был для нее слишком стар: тридцатичетырехлетний мужчина с дочерью-подростком. Он задумался о том, приходила ли ей когда-нибудь в голову, хоть мельком, мысль о том, насколько велика разница в их возрасте. Вероятно, нет. До сих пор он не замечал никаких признаков того, что она вообще находит его привлекательным: она не бросала на него кокетливых взглядов, не старалась как бы случайно коснуться его, не стремилась продлить их краткие разговоры.

Он вспомнил, что никогда не видел ее улыбки. Правда, и поводов улыбаться он ей не давал. Для мужчины, которого все знали как покорителя женских сердец, он вел себя с ней на редкость необаятельно. Какой же он осел! А сейчас было уже поздно пытаться исправить это впечатление... Заставить ее поверить ему. Вера — вещь хрупкая, она создается исподволь, кирпичик за кирпичиком. Своими сегодняшними действиями он разрушил последнюю надежду завоевать ее доверие.

Казалось бы, какое это имеет значение для него? Мир полон красивых, умных и обаятельных женщин. Люк не сомневался, что многие из них готовы принадлежать ему. Но за все годы, прошедшие после смерти Мэри, никто не привлек его интереса так, как эта девушка. Погруженный в свои мрачные размышления. Люк не заметил, что уже довольно долго стоит молча. Он совсем забыл о своих обязанностях хозяина дома и был явно равнодушен к тому, что о нем скажут и подумают. Лица многих гостей он помнил еще со времен тех приемов, которые они устраивали с Мэри. Год за годом все повторялось, снова и снова крутилось веретено. времени.

Он был рад: гости наконец решили, что пора на покой, и направились по комнатам с выбранными на ночь партнерами.

Биддл, его камердинер, ждал в спальне на случай, если Люку понадобится его помощь, чтобы раздеться. Люк резко велел ему прикрутить фитили ламп и удалиться. Не раздеваясь, в вечернем костюме, он опустился в кресло, поднес к губам бутылку и сделал большой глоток, не замечая тонкого букета выдержанного вина.

— Мэри, — прошептал он, словно имя могло вызвать ее из могильного мрака. Тишина комнаты, казалось, издевается над ним. Он слишком долго лелеял свое горе, пока оно не ушло само собой, оставив после себя... пустоту. Он-то думал, что боль потери останется с ним навсегда. Господи, он бы двадцать раз предпочел боль этой жуткой пустоте!

Он забыл, что значит радоваться жизни. Как просто и легко это было в детстве: они с Мэри все время смеялись, радовались своей молодости, надеждам, слепо верили в их общую судьбу. Они все встречали вместе. Возможно ли было повторить это с кем-то еще?

— Чертовски маловероятно, — пробормотал он, снова поднося бутылку к губам. Он не смог бы выдержать разочарования, новой боли..., вновь разрушенных надежд. Ему и пробовать этого не хотелось.

Среди ночи Люк встал и, взяв полупустую бутылку, неторопливо вышел из комнаты.

Огромный диск луны струил в окна бледно-золотистый свет. Привлеченный мыслью о ночной прохладе. Люк бесшумно вышел из замка, пересек выложенный камнем внутренний дворик и через проход в высоких живых изгородях оказался в саду. Была удивительная тишина, только гравий хрустел под его ногами. Он направился к мраморной скамье, прятанной в зеленой куще. Тяжелый сладкий аромат гиацинтов наполнял воздух, смешиваясь с запахом лилий и гелиотропа. Он сел на скамью и удобно вытянул ноги. Однако тут же подобрался, насторожившись. Его внимание привлекло воздушное видение, мелькнувшее среди кустов живой изгороди. Он решил, что это ему чудится.

Но вот снова в неверном свете луны неуловимо блеснуло что-то белое.

— Кто там? — громко спросил он, сердце в его груди стучало молотом.

Движение замерло, и раздалось еле слышное «ах». Затем послышались легкие шаги, и появилась она.

— Мисс Биллингз? — вопросительно проговорил он, словно подтрунивая.

Она была в том же крестьянском костюме, что и в ту ночь, когда он ее поцеловал. Простая юбка и свободная белая блузка. Распущенные волосы водопадом спадали почти до колен. На голову была наброшена светлая шаль.

— Милорд? — задыхаясь, произнесла она.

Он успокоенно откинулся на скамье, покачивая головой.

— Вы шли по саду, будто привидение.

— А вы верите в привидения, сэр?

— Нет.

— Мне иногда кажется, что меня преследует призрак.

— Люди часто пугают сами себя. Обычно это люди, у которых много чего накопилось на совести. — Он жестом пригласил ее сесть рядом на скамью. Слегка поколебавшись, она приняла его безмолвное приглашение и села на краешек на почтительном расстоянии от него. Они оба не проронили ни слова: их пронизывало такое ощущение, будто они вне времени. Этот сад был их убежищем, укрытием от всего остального мира.

Тася с удивлением подумала, почему ей показалось таким естественным то, что она застала его здесь. Она была фаталисткой благодаря религиозному воспитанию и славянской крови и поэтому с легкостью приняла это стечение обстоятельств. Они оба оказались здесь, потому что это было предопределено судьбой. Так просто и хорошо было сидеть рядом с ним и смотреть на золотую луну, сияющую в небе специально для них.

Не в силах побороть искушение, он протянул руку и тихонько снял с ее головы шаль, освободив струящуюся массу темных волос, тут же рассыпавшихся по ее плечам.

— Что преследует тебя? — спросил он.

Тася склонила голову, легкие кудри сияли вокруг лба, как нимб.

— Неужели ты не устала носить в себе все эти тайны? — мягко настаивал Люк, коснувшись шелковистого локона. Он обвился кольцом вокруг его пальцев. — Почему ты здесь в такой час?

— В комнате я чувствовала себя как в клетке. Я не могла дышать. Я хотела увидеть небо прямо над собой. — Она настороженно посмотрела на него и нерешительно спросила:

— А почему вы здесь?

Он выпустил из пальцев ее локон и, быстрым движением оседлав скамью, повернулся к ней лицом. Тася остро ощущала близость его мощного тела; ее тревожили его расставленные колени. Она сидела на краешке скамьи, как птичка, готовая улететь. Но он не тянулся к ней, лишь смотрел в упор, и от этого кровь бросилась ей в лицо.

— Не только тебе хочется кое-что забыть, — сказал он. — Иногда и я не сплю всю ночь.

Тася поняла мгновенно:

— Вы говорите о жене?

Он медленно вывернул руку, так что лунный свет серебристо сверкнул на стальном крючке.

— Это все равно что потерять руку. Иногда я тянусь к чему-то и лишь потом вспоминаю, что кисти нет. Даже спустя столько лет.

— Я слышала, что вы спасли из огня свою жену и Эмму. — Тася застенчиво взглянула на него. — Вы очень мужественный человек.

Он пренебрежительно пожал плечами:

— То, что я сделал, не имеет ничего общего с мужеством. Я не дал себе времени подумать, а просто ринулся за ними.

— Некоторые мужчины беспокоились бы лишь о собственной безопасности.

— Я бы хотел поменяться с Мэри местами. Остаться гораздо тяжелее. — Он нахмурился. — Я не только потерял Мэри... Я потерял себя. Я потерял то, что у нас с ней было.

А когда единственное, что у вас осталось, — это память и идущие годы стирают подробности..., вы стараетесь их удержать..., цепляетесь за них... И не можете ни на минуту забытья...

— Эмма иногда просит меня сыграть ее вальс... — сказала Тася, глядя на сад. Умиротворяющее пощелкивание сверчков и шуршание ночных насекомых, обитателей душистых зарослей, наполняли воздух. — Она слушает его с закрытыми глазами, думая о матери. Мэри, э-э, леди Стоукхерст всегда будет частью ее жизни. И вашей. Я не считаю, что в этом есть что-то плохое.

Почувствовав неприятную щекотку, Тася рассеянно отмахнулась и опустила глаза. Они тут же в ужасе расширились: по ее руке к плечу полз длиннющий паук.

С отчаянным воплем она подскочила и, сбросив отвратительное насекомое на землю, стала отряхивать юбку, сопровождая это потоком русских слов. От ее крика ошеломленный Стоукхерст вскочил с места. Когда он понял, в чем дело, то, задыхаясь от смеха, опустился на скамью.

— Это всего лишь паук, — наконец выговорил он, все еще фыркая. — В Англии их называют косильщиками. Они не кусаются.

Тася снова перешла на английский:

— Я ненавижу всех пауков! — Она не переставая отряхивала юбку, рукава, складки на блузке — все, куда мог забраться непрошенный гость.

— Все в порядке. — В голосе Стоукхерста слышался сдавленный смех. — Он уже убежал.

Но эти слова ее не успокоили.

— А вдруг есть еще? Другие.

Он поймал ее за руку:

— Перестань прыгать, дай я посмотрю. — И, внимательно оглядев ее, объявил:

— По-моему, можно быть уверенным, что ты разогнала по углам всю ближайшую живность.

— Кроме вас.

— Меня не так легко запугать. Пойдите-ка сюда, мисс Маффет. — Он потянул ее за руку, и она снова уселась на скамью рядом с ним. — Садись поближе, а то вдруг он вернется.

— Кто такая мисс Маффет?

— Очень значительный персонаж в английской литературе. Я удивлен, что ты, такая образованная женщина, о ней не знаешь.

Он обвил рукой ее талию и притянул к себе. Крестьянские юбка и блузка были гораздо тоньше ее обычной одежды, да и надеты были без корсета и нижних юбок, создающих дополнительное препятствие. Тася почувствовала сквозь ткань твердые гладкие мышцы его груди и услышала сильный стук его сердца. Льняная рубашка была теплой там, где она прилегала к его телу.

— Отпустите меня, — тихо проговорила она.

— А если не отпущу?

— Я закричу.

В темноте блеснула его улыбка.

— Ты это уже сделала.

Тася не могла стоять, когда он склонился над ней и голова его заслонила свет луны. Она вся напряглась, но не от страха, а в ожидании. Глаза ее закрылись. Его губы приблизились к ее губам. От сладостного, тяжелого давления дрожь пробежала по ее спине. Внезапное головокружение заставило Тасю припасть к нему. Ее ладони легли на мускулистые плечи. Крепко прижав ее к себе, он стал целовать нежные губы, пока все мысли о грехе, разуме и самосохранении не покинули ее в одной огненной вспышке. Она ответила на поцелуй поцелуем, таким крепким, что губы ее открылись.

Люка обрадовала эта возможность проникнуть в глубину ее рта. Он не ожидал от нее такой неистовости, такого ответного порыва, который, как приливная волна, накрыл его с головой. Все изменилось в этой бурной стремнине. Иллюзия, что он еще может выбирать, как ему вести себя с ней, развеялась раз и навсегда. Она была ему необходима, как кровь в его жилах. Она заполнила пустоту в его душе. В этом было что-то загадочное, даже мистическое, что сразу признало его сердце, хотя разум объяснить не мог. Он попытался смягчить поцелуй, сделать его легче, нежнее, не таким лихорадочным и полным первобытной страсти, но она не позволила ему этого. Она с силой обняла его, стремясь ладонями ощутить тепло и твердость его тела.

Он перенес ее хрупкое тело к себе на колени. Она всхлипнула, когда губы их разъединились. Потрясенный ее красотой, Люк глядел и не мог наглядеться, как будто впервые увидел водопад блестящих черных волос, сочный рот, дуги бровей. Как прекрасно было ее юное тело, легкое, гибкое и упругое! Его рука передвинулась с перегиба талии выше, к свободному вырезу ее крестьянской блузки. Под его решительными пальцами тонкая ткань соскользнула с плеча, и, когда его ладонь нашла под блузкой ее трепетную грудь, она тихо застонала.

Продолжая удерживать Тасю у себя на коленях, он снова завладел ее ртом в долгом поцелуе, который сменился мириадами мелких и кратких, манящих и обольстительных полупоцелуев, четвертьпоцелуев, самых разных: крепких и страстных, бережных и летучих.

Он ласкал ее груди, его теплые пальцы держали в горсти их нежную тяжесть. Большим пальцем он водил по самым кончикам, пока шелковистые пики не превратились в изумительно тугие бутоны. Тася забилась в его объятиях, стремясь еще крепче обнять его, еще сильнее прижаться к его телу. Ее пальцы запутались в его густых кудрях, и она испытывала желание погрузиться в них еще глубже и никогда не прекращать эту чарующую игру. Ни одно переживание в ее жизни — ни глубочайшее наслаждение, ни острейшая боль — не шли ни в какое сравнение с тем счастьем, которое она испытывала, просто будучи с ним.

Он был такой сильный, такой ласковый. Он был именно такой, о каком она мечтала.

Но все это было погублено еще до того, как они встретились. Она сама все погубила.

Ахнув, Тася отшатнулась от Люка. Он открыл глаза и, прежде чем она успела отвести взгляд, увидел в нем вспышку отчаянной муки. Тася хотела немедленно уйти, чтобы избежать длинных разговоров, вопросов, объяснений, дать которые она не могла. Но руки его сжались железной хваткой. Она не могла пошевелиться, так крепко он прижал ее к своей груди.

— Ничего из этого не выйдет, — прошептала она.

Он провел рукой по ее волосам, по всей их длине, пропуская шелковые пряди между пальцами. Резкий выдох прозвучал как смешок, но когда Люк заговорил, его голос был совсем не веселым.

— Если бы у кого-нибудь из нас был выбор, мы бы не зашли так далеко. Почему ты считаешь, что теперь это можно остановить?

Тася подняла голову и взглянула на него. У него сжалось сердце, когда он увидел, какое несчастное было у нее лицо.

— Я могу это остановить очень просто — уеду. Вы хотите, чтобы я все рассказала, но я не могу этого сделать. Я не хочу, чтобы ты узнал обо мне и о том, что я наделала.

Крупный рот Люка нетерпеливо дернулся.

— Почему? Ты думаешь, меня это испугает? Я не романтический юноша и не лицемер. Господи Боже! Неужели ты действительно думаешь, что твои грехи больше и хуже моих? — Я не думаю, я знаю, что это так, — горько отозвалась Тася. Каковы бы ни были его грехи, она сомневалась, что среди них числится убийство.

— Ты самонадеянная высокомерная глупышка! — сказал он.

— Высокомерная?!

— Не считаешься ни с чьими чувствами, кроме своих, думаешь, что никого это не касается, кроме тебя! Так вот, ты ошибаешься. Ты больше не одна. Теперь я часть твоей жизни... И будь я проклят, если уберусь из твоей жизни, поджав хвост, только потому, что не встраиваюсь в твои планы.

— Это ты самый высокомерный и надменный из всех, кого я встречала в жизни! Так важно рассуждаешь о том, о чем не имеешь понятия! — Она вскипела со всей силой горячей славянской крови. Ее затрясло от желания закричать. Вместо этого она произнесла убийственно холодным тоном:

— Мне все равно, что ты чувствуешь. Я ничего от тебя не хочу. Отпусти меня! Завтра я уеду отсюда. После случившегося я не могу здесь оставаться. Это для меня небезопасно.

Он сжал ее так крепко, что даже кости хрустнули.

— Значит, так и будешь прятаться, убегать, играть в невидимку, не позволяя никому привязаться к тебе? Что это за жизнь? Ты станешь живым мертвецом.

Тася вздрогнула от его слов.

— Это все, что я могу ждать от жизни.

— Неужели? А может быть, ты просто трусишь и не пытаешься ничего изменить?

Она снова забилась в его руках, роняя сквозь зубы:

— Я тебя ненавижу.

Люк без малейшего усилия прекратил эту борьбу.

— Я тебя хочу. Этого вполне достаточно, чтобы за тебя побороться. И если ты от меня удерешь, я все равно отыщу тебя. — Его губы растянулись в хищной улыбке. — Клянусь Богом, как же хорошо снова хотеть кого-то! Я не променяю это чувство на целое состояние.

— Я ничего тебе не стану рассказывать, — страстно сказала Тася. — Исчезну. Не пройдет и месяца, как ты меня забудешь и все пойдет по-прежнему.

— Ты не бросишь Эмму. Что тогда с ней будет? Ты ей нужна. — Прием был нечестный, и они оба прекрасно это понимали. — Мы нужны ей оба, — коротко добавил он.

Тася пришла в ярость:

— Я понимаю, что нужна Эмме... Но ты... Все, что тебе нужно, — это б-блудить.

Он отвернулся, и Тася решила, что она пристыдила его.

Однако тут же поняла, что он смеется. Разозлившись, она снова начала вырываться. Но он еще сильнее прижал ее к груди. Тася почувствовала холод стального крючка, прижавшегося пониже спины. Она продолжала сидеть у него на коленях, и твердая выпуклость его плоти упиралась в нее, вызывая жгучее ощущение. Она часто задышала, почувствовав в том месте, где было это давление, особую волну пульсацию..., и замерла.

Его улыбающийся рот коснулся ее пылающей щеки.

— Не буду отрицать. Блуд, как ты говоришь, занимает одно из первых мест в списке моих желаний. Но это далеко не единственное, чего я от тебя хочу.

— Как ты можешь об этом говорить, когда там, наверху, тебя ждет женщина?! Или ты уже забыл о леди Харкорт?

— Верно, есть вещи, которые мне сначала придется уладить, — признался он.

— Неужели?

— Мы с Айрис не брали никаких обязательств по отношению друг к другу. Она хорошая женщина. У нее есть много качеств, которые мне в ней нравятся и за которые я ее уважаю. Но между нами нет любви, она меня не любит, и я не люблю ее. Она первая подтвердит это.

— Но она хочет выйти за тебя замуж, — обвиняющим тоном проговорила Тася.

Он пожал плечами:

— Что ж, дружба — не самое плохое основание для брака. Но мне этого недостаточно. Айрис знает, что я думаю по этому поводу. Я много раз говорил ей об этом вполне определенно.

— Может быть, она считает, что ты передумаешь?

Лицо его озарилось обаятельной улыбкой.

— Стоукхерсты своих мнений не меняют. Мы очень упрямые. А я в этом отношении хуже всех в роду.

Тасю вдруг охватило ощущение нереальности происходящего: она ведет с ним подобный разговор, в темноте, в его объятиях... Она осмеливается обвинять и упрекать его, а он только оправдывается. Это был опасный признак изменения их отношений. Наверное, все эти мысли отразились у нее на лице, потому что он рассмеялся и, разжав объятия, заметил:

— Сейчас я отпускаю тебя. Если мы будем так сидеть и дальше, неизвестно, до чего это может меня довести.

Тася покинула его объятия и, усевшись рядом на скамье, повернулась к нему:

— Я действительно всерьез сказала, что уеду отсюда. И поскорее. У меня такое..., предчувствие, что приближается беда.

Люк бросил на нее проницательный взгляд:

— Куда ты поедешь?

— В какое-нибудь место, о котором никто не будет знать, даже Эшборны. Найду себе работу. Со мной все будет в порядке.

— Ты не сможешь спрятаться, — сказал он. — Люди всегда будут обращать на тебя внимание, как бы ты ни старалась стать незаметной. Ты не сможешь изменить черты лица и осанку, даже если бы старалась сто лет. И вообще, ты не создана для такой жизни.

— У меня нет выбора.

Он бережно взял ее руку.

— Нет, есть. Неужели тебе так страшно выйти из своей крепости?

Тася покачала головой, и ее волосы обольстительно заструились по плечам.

— Это опасно.

— Но если я буду рядом, чтобы помочь тебе? — Он перевернул ее руку ладонью вверх, и его большой палец медленно и нежно прошелся по ней и замер во впадинке посередине.

Соблазн верить ему, довериться был невероятно велик. Тася ужаснулась, как быстро она потеряла способность здраво мыслить. Несколько поцелуев при лунном свете, и вот она уже раздумывает о том, чтобы вручить свою безопасность, свою жизнь человеку, которого едва знает.

— Что ты хочешь взамен? — неуверенно проговорила она.

— А я-то думал, что ты умеешь читать в душах. Что говорит тебе твоя интуиция..., или как ты там ее называешь?

Он наклонился и поцеловал ее. Его поцелуй пробудил такое сильное волнение, что Тася потеряла возможность сопротивляться. Как замороженная она беспомощно раскрыла губы. И откликнулась на его поцелуй со всем пылом своих чувств. До этой минуты она не знала, что такое порыв страсти, когда тело говорит с телом кожей, когда прикосновение означает больше, чем тысяча слов. Она ощутила, как его рука скользнула ей в волосы, пальцы охватили голову и повернули ее к нему. Это состояние нежного насилия, твердой властной руки было таким возбуждающим, что ее начало трясти.

Жажда большего, она неловким рывком приникла к нему.

Он привлек ее крепче, запрокинул ей голову. Его тяжелое дыхание веяло на ее лицо.

— Проклятие! — прошептал он. — С тобой все непросто!

Она, закрыв глаза, вслепую нашла его рот и покрыла его летучими поцелуями. Когда она языком коснулась его нижней губы, он застонал и дал ей то, чего она добивалась: жадно и полно завладел ее ртом. Люк долго продолжал это нападение, слишком долго, и плоть его отвердела, готовая взорваться. Каким-то образом он сумел взять себя в руки и остановиться.

— Уходи, — хриплым голосом простонал он, отталкивая ее. — Уходи сейчас же, пока я еще могу тебя отпустить.

Не сводя с него своих колдовских глаз, она подтянула на место сползшую с плеча блузку. Затем осторожно встала. Среди теней и лунного света она двигалась как видение. Бросив на нее последний страстный взгляд. Люк устался в землю и так выжидал,

оставаясь неподвижным, еще долгое время после того, как стихли ее шаги.

Он пытался понять, что произошло. Если до сих пор его проблемой было безразличие, отсутствие чувств, то теперь все было наоборот — слишком много чувств.

А с пробудившимися чувствами могут прийти страдания, которых ему так долго удавалось избегать. Хриплый смех вырвался из его груди.

— Добро пожаловать назад, к жизни, — мрачно сказал он себе. Но он не хотел другой судьбы, он хотел воспользоваться шансом, который даровала ему судьба.

В субботу вечером блистательное зрелище, задуманное Айрис Харкорт, развернулось во всей красе. Белый с золотом бальный зал был полон цветов. Огромные настенные зеркала до бесконечности умножали цветочные гирлянды.

Музыканты, пожалуй, одни из лучших, которых доводилось слышать Тасе, радовали слух божественными вальсами. Вместе с Эммой они смотрели в зал через окно галереи. Гости, участвующие в этом изумительном по красоте и роскоши спектакле, танцевали, смеялись, флиртовали, восхищались друг другом.

— Чудесно! — ахнула потрясенная Эмма.

Тася кивнула, соглашаясь, и залюбовалась нарядами дам, с жадным любопытством разглядывая каждую деталь. Английская мода сильно отличалась от моды Санкт-Петербурга.

А может быть, мода сменилась незаметно для нее, пока она не могла ею интересоваться.

Квадратные вырезы платьев были такими глубокими, что прозрачный газ или легкий тюль, прикрывавшие их, своей деланной скромностью лишь подчеркивали соблазнительность обладательниц этих платьев. Турнюры были весьма малы, а у некоторых дам они и вовсе отсутствовали, и юбки плотно облегли бедра. Казалось совершенно непонятным, как могли женщины танцевать в таких узких платьях. Однако дамам это как-то удавалось: перекинув через руку длинные шлейфы, они плавно скользили в объятиях партнеров.

Тася перевела взгляд на собственное платье из простого черного шелка, застегнутое до горла. На ногах у нее были толстые чулки и крепкие черные башмаки выше щиколоток.

Ей было стыдно признаться, но вид женщин в блеске дорогих нарядов вызвал у нее мучительную зависть. Когда-то у нее были платья куда более красивые, чем те, что она видела сейчас, — чуть розоватый атлас, льдисто-голубой шелк под цвет ее глаз, восхитительный сиреневый креп.

В волосах у нее сверкали бриллиантовые шпильки, талию обвивали нитки жемчуга и рубинов. Что сказал бы лорд Стоукхерст, если бы увидел ее тогда? Она представляла себе, каким восторгом и восхищением загорелись бы его глаза, как бы скользили они по ее телу...

«Перестань, — сказала она себе, стараясь отогнать тщеславные мысли. — Мудрость дороже рубинов». А когда это не помогло, постаралась вспомнить и другие полезные изречения: «Лучше быть бедным, чем погрязнуть в самодовольстве», «Милость обманчива, красота тщетна...»

— Мисс Биллингз, — прервала ее размышления Эмма, с интересом глядя на Тасю. — Почему вы разговариваете сами с собой?

Тася вздохнула:

— Я напомнила себе о некоторых важных вещах. Подожди-ка, у тебя локон выбился. Постой спокойно. — Она постаралась пригладить буйные кудри Эммы.

— А теперь я хорошо выгляжу?

— Идеально! — Тася отступила на шаг и удовлетворенно улыбнулась. Вместе с одной из горничных она потратила целый час, занимаясь волосами Эммы. Они зачесали назад густые кудри, а потом подогнули их и закололи. На Эмме было длинное, до щиколоток, платье из бледно-зеленого атласа с белым кружевом, схваченное на талии темно-зеленым кушаком. После долгих поисков садовник принес розы, по его словам, лучшие, которые он когда-либо выращивал, — пышные розовые цветы с нежным ароматом.

Миссис Наггз помогла прикрепить одну из них к плечу девочки, одну — в волосы и одну — к поясу. Когда они все закончили, Эмма буквально светилась от счастья и сказала, что чувствует себя принцессой.

Сверкающие глаза Эммы старательно выискивали отца в толпе гостей.

— Папа сказал, что придет сюда после того, как откроет бал с леди Харкорт. Он пообещал, что на будущий год я могу устроить детский бал прямо здесь. А взрослые будут танцевать в большом зале.

Голос Стоукхерста прозвучал сзади, врываясь в их разговор:

— Пройдет немного времени, и ты будешь танцевать с нами в большом бальном зале.

Эмма круто обернулась на голос отца и приняла эффектную позу.

— Папа, посмотри на меня!

Люк улыбнулся и замер, любуясь ею.

— Боже мой, Эмма! Да ты красавица! Ты превратилась в молодую леди. Хорошенькую шутку сыграла ты со своим старым отцом. — Он протянул руку и привлек дочь к себе. — Ты выглядишь сегодня точь-в-точь как твоя мама, — прошептал он.

— Правда? — заулыбалась Эмма. — Замечательно!

Тася с удовольствием смотрела, как нежно относится Стоукхерст к дочери. Он выглядел таким сильным и элегантным в ловко облегающем фигуру черном фраке и белом жилете.

Внезапно она вспомнила вчерашнюю ночь: блики лунного света на черных волосах, тепло его губ — и задержала дыхание, унимая предательскую дрожь. Словно почувствовав ее волнение, Люк посмотрел в ее сторону. Тася торопливо отвела взгляд, румянец залил ее шею и лицо.

— Добрый вечер, мисс Биллингз, — вежливо произнес он.

Ей не надо было смотреть на него, чтобы увидеть насмешливый блеск его глаз.

— Добрый вечер, милорд, — негромко ответила она.

Эмма не собиралась тратить время на пустые разговоры:

— Папа, я много часов ждала, когда смогу потанцевать с тобой.

Он засмеялся, видя нетерпение дочери:

— Неужели? Что ж, я буду вальсировать с тобой до тех пор, пока ты не пожалуешься, что болят ноги.

— Никогда! — воскликнула Эмма.

Положив пальцы на его обтянутое кожей запястье чуть повыше блестящего крючка, второй рукой она коснулась его плеча. Сначала он бурно закружил ее, так, что она

рассмеялась, а затем их движение перешло в плавный и грациозный вальс. Стоукхерст явно позаботился, чтобы его дочь брала уроки танцев, и сам помогал ей практиковаться.

Улыбка тронула губы Таси. Отойдя к двери, она любовалась этим зрелищем.

— Какая замечательная пара, не правда ли? — раздался мягкий голос леди Айрис Харкорт.

Тася испуганно вздрогнула: леди Харкорт стояла всего в нескольких шагах от нее. На ней было бальное платье из бледно-желтого атласа, сплошь расшитое крохотными золотыми бисеринками. В вырезе лифа виднелась пышная грудь.

Несколько гребней, усыпанных топазами и бриллиантами, сверкали в ее темно-рыжих волосах, поддерживая изысканную прическу. Но самым потрясающим было ожерелье: легкая сетка из цветов с драгоценными камнями, в центре каждого цветка сиял бриллиант.

— Добрый вечер, леди Харкорт, — пробормотала Тася. — Бал, кажется, очень удался.

— Я разыскивала вас не для того, чтобы поговорить о бале. Уверена, что вы прекрасно знаете, что я хочу вам сказать.

Тася покачала головой:

— Боюсь, что нет, миледи.

— Что ж, ладно. — Айрис крутила в пальцах кисточку, свисающую с веера. — Я могу высказаться без обиняков. Я всегда считала, что к решению проблемы надо идти прямо.

— Миледи, мне совсем не хотелось бы создавать вам какие-то проблемы.

— И тем не менее вы ее создали. — Айрис шагнула ближе, не сводя глаз со Стоукхерстов, вальсирующих в дальнем конце галереи. — Вы и есть моя проблема, мисс Биллингз. В конечном итоге ваше пребывание здесь причинит боль и неприятности всем: мне, Эмме и особенно Люку.

Озадаченная Тася не моргая уставилась на нее:

— Не понимай, как это может быть.

— Вы отвлекаете Люка. Вы уводите его в сторону от того, что принесет ему настоящее счастье: от общения с женщиной его круга. Я хорошо понимаю его. Видите ли, мы знаем друг друга уже много лет. Я познакомилась с ним еще при жизни Мэри. У них были совершенно особенные взаимоотношения. Я могу дать ему нечто очень близкое к ним. На самом деле я довольно хорошая и добрая женщина, несмотря на все то, что вы можете обо мне подумать, мисс Биллингз.

— Чего вы от меня хотите?

— Я прошу вас покинуть этот дом. Ради него. Если вы сколько-нибудь заботитесь о его благе, вы исполните мою просьбу. Уезжайте из Саутгейт-Холла. И не оглядывайтесь.

Я щедро вознагражу вас за это. Может быть, вам хотелось бы получить ожерелье, которое сейчас на мне? — Айрис приподняла сверкающий драгоценными камнями водопад, так что радужные искры переливчато засияли на белоснежной коже. — Вы ведь и не мечтали о таких богатствах? Каждый камень в нем настоящий. На те деньги, которые оно вам принесет, вы будете жить в достатке до конца жизни. Вы сможете купить себе домик где-нибудь в деревне, даже нанять служанку или кухарку.

— Мне не нужны ваши драгоценности, — возразила униженная Тася.

Язвительные нотки исчезли из голоса Айрис.

— Я вижу, вы девушка сообразительная. Вы хотите большего и решили, что ключ к этому — Эмма. Решили, что стоит добиться любви дочери, и в Люке пробудится романтический интерес к вам? Может, вы и правы. Но не обманывайте себя, думая, что этот

роман продлится дольше нескольких недель. Возможно, ваша юность на какое-то время привлечет его внимание, но у вас нет того, что сможет его удержать навсегда.

— Почему вы так в этом уверены? — Тася была сама поражена, услышав собственный вопрос, и прикусила губу.

Слова вырвались у нее прежде, чем она успела их обдумать...

— А-а, — мягко протянула Айрис. — Вот правда и вышла наружу. Вы хотите его. И действительно надеетесь завоевать его. Это должно бы меня разозлить, но я испытываю к вам всего лишь жалость.

В ее словах звучало презрение, но Тася почувствовала за ними глубокую тоску. Стоявшая перед ней женщина была несчастна, и нежное сердце Таси преисполнилось сочувствием. Эта женщина делила ложе со Стоукхерстом, наслаждалась его поцелуями и радовалась его улыбке, лелеяла мечту стать его женой и теперь боролась за то, чтобы сохранить его для себя. Тася пыталась найти слова, чтобы ее успокоить. В конце концов, Айрис Харкорт просила ее о том, что она и так собиралась сделать — уехать. Она не могла здесь оставаться, даже если бы и захотела.

— Леди Харкорт, пожалуйста, поверьте, вам нечего бояться! Я не стану...

— Бояться?! — с досадой воскликнула Айрис. — Разумеется, я не боюсь вас..., какую-то гувернантку, бесприданницу, у которой, так сказать, ни семьи, ни фигуры!

— Я хочу вам объяснить...

— Не бросайте на меня страдальческие взгляды, деточка. Я сказала вам то, что собиралась сказать. Все, что я прошу, — хорошенько обдумайте мои слова. — И прежде чем Тася успела что-то возразить, Айрис отошла от нее. Только платье просияло в дверях мерцающим переливом. — Какое прелестное зрелище — вы двое! — крикнула она, ослепительно улыбаясь. — Эмма, ты танцуешь как ангел. Милорд, после этого вальса вам надо вернуться со мной в зал.

В конце концов, вы ведь хозяин бала.

В полночь танцы были прерваны роскошным ужином, который длился два часа. Затем снова была музыка, еще вальсы, еще смех и веселье, но ночь растаяла, и горизонт порозовел от лучей восходящего солнца. Веселые и уставшие гости расходились по своим комнатам, торопясь добраться до мягкой постели.

Гости проспали почти весь день, так что не завтракали, а обедали. После этого некоторые уехали сразу же — воскресным вечером, а другие предпочли отбыть в понедельник. Айрис Харкорт была среди тех, кто уезжал в воскресенье. Она пришла в комнату Люка, чтобы сообщить ему об этом, когда он одевался.

— Через час я уезжаю в Лондон, — сказала она, наблюдая, как Биддл застегивает Люку правую манжету.

Услышав в ее голосе рыдающие нотки. Люк удивленно поднял брови, но не торопился с ответом. Он надел винного цвета фрак, рассмотрел поданные Биддлом галстуки и решил обойтись без этого. Приказав камердинеру выйти, он наконец повернулся к Айрис и

сдержанно осведомился:

— Почему так скоро? Вчера вечером ты вроде была всем довольна.

— Я не хочу еще одну ночь напрасно ждать твоих шагов.

Почему ты не пришел ко мне после бала?

— Вспомни, ты сама не разрешила мне приходить.

— Я сказала, чтобы ты не приходил до тех пор, пока не выбросишь из головы эту девчонку Биллингз. Очевидно, ты не можешь сделать этого. Каждый раз, глядя на меня, ты мечтаешь, чтобы на моем месте была она. Это длится уже много дней. Я бы попыталась с этим бороться, но не знаю как.

Айрис затаила дыхание, увидев, как изменилось выражение лица Люка — оно уже не было равнодушным. На мгновение в ней вспыхнул робкий огонек надежды, но сожаление в его голосе тут же погасило его.

— Айрис, я должен тебе кое-что сказать...

— Не сейчас, — мрачно отозвалась она, отступая. — Не сейчас.

Сжав губы, она решительно вышла из комнаты.

Как положено хозяину, Люк после обеда вышел к гостям. Он принимал участие в беседах, улыбался шуткам, аплодировал нескольким гостям, которые декламировали, играли на рояле. Нетерпение его нарастало, но выражалось лишь в том, что он все чаще притоптывал ногой. Когда у него не хватило сил сидеть на одном месте, он с тихим извинением поднялся и вышел.

Якобы бесцельно он побродил по дому. Ему никто и ничто не было нужно, только она. Даже если можно будет лишь сидеть рядом и молча смотреть на нее. Это был голод, которого он не знал раньше. Она была единственной на свете, только она знала его таким, каким он был на самом деле.

Айрис Харкорт считала, что знает его. Как и многие женщины, она гордилась тем, что понимает, как и что думают мужчины по любому поводу, и поэтому может управлять мужчинами к своему удовольствию и для своего блага. Но жизнь Айрис никогда не была разрушена до основания, ей не приходилось начинать все заново. Боль и ярость, стремление выжить и одиночество, следовавшие из этого, Тася узнала слишком хорошо. Это и связывало их. Основой их отношений были невысказанное, но несомненное взаимоуважение и та потребность во внутреннем узнавании, которую он испытывал с их первой встречи. Они были абсолютно схожи в том единственном, что имело для них значение.

Он шел по коридору, ведущему в холл, когда навстречу ему попала миссис Наггз со стопкой свежего постельного белья. Она приостановилась и почтительно склонила голову:

— Добрый вечер, милорд.

— Миссис Наггз, где...

— Наверху, сэр. С Эммой, в зеленой гостиной.

Люк нахмурился:

— Откуда вы знаете, что я хотел спросить?

Домоправительница важно улыбнулась:

— После стольких лет работы на Стоукхерстов? Вряд ли, милорд, есть что-то, чего Сеймур, Биддл или я не знаем.

Люк посмотрел на нее предостерегающим взглядом, но это ее не смутило, и она продолжила свой путь.

В маленькой гостиной было светло и уютно. Здесь было больше мебели, чем в других

комнатах, на окнах висели шторы с оборками, на диванах и креслах лежало много подушек.

Все это придавало гостиной особую теплоту. Он услышал оживленный голос Эммы, читавшей вслух какой-то роман.

Тася сидела на кушетке, вытянув тонкую руку вдоль изогнутой спинки. Увидев его, она выпрямилась и положила руку на колени. Две верхние пуговицы ее платья были расстегнуты, открывая белую нежную шею. Свет лампы золотистым сиянием озарял ее лицо и волосы. Эмма подняла голову и, одарив отца быстрой улыбкой, продолжала читать.

Люк сел на соседнее кресло и стал внимательно смотреть на Тасю. Прекрасная, встревоженная, упрямая женщина. Он хотел ее, хотел узнать каждый сантиметр ее тела, каждый тайный поворот мыслей. Он хотел просыпаться утром в ее объятиях. Он хотел охранять ее, беречь и лелеять, пока не исчезнет этот затравленный взгляд. Она удивленно посмотрела на него и слегка нахмурилась.

«Ты никогда не улыбалась мне, — яростно подумал он, — ни разу».

Казалось, она прочла его мысли. Губы ее слегка изогнулись, мило и чуть грустно, словно нехотя, словно он заставил улыбнуться против воли.

Люк испытывал странное чувство: впервые в жизни он так зависел от кого-то. Он не мог преодолеть ее защиту, при любой его попытке она начинала лишь сильнее сопротивляться. Единственным способом достичь того, что он хотел, было опустить свой щит и тем поощрить ее к такому же ответу. Это требовало больше терпения, чем у него было. Но он решил, что справится, чего бы это ему ни стоило. Ничего не жаль, никакая цена не будет слишком высокой — лишь бы она любила его!

Уик— энд завершился. Последние гости разъехались в понедельник, и Люк освободился. Он решил поехать днем в Лондон к Айрис Харкорт. Пришло время расстаться с ней, и он знал, что Айрис уже поняла это. Только одна женщина на свете была нужна ему, и все, что он был способен отдать, принадлежало ей. Возможно, Айрис первое время будет огорчена, но она быстро оправится. Кроме солидного состояния, у нее было много преданных друзей, и среди них не меньше дюжины сочли бы за счастье в любую минуту утешить ее.

Люк не сомневался, что она прекрасно проживет и без него.

Айрис приняла его в спальне, одетая в несколько клочков черного шелка. Она приветствовала его страстным поцелуем. Люк хотел объяснить, зачем приехал, но она, не слушая его, стремительно заговорила, не давая вставить ни слова:

— Я даю тебе несколько недель поразвлечься с ней.

Когда она тебе надоест, можешь вернуться ко мне. И мы никогда не будем вспоминать о ней. Разве я не обещала тебе полную свободу? Делай все, что тебе нравится. Я не хочу, чтобы ты хоть одну минуту чувствовал себя виноватым. Мужчины нуждаются в разнообразии, я понимаю это.

Не о чем говорить, нечего прощать. Если я буду уверена, что ты вернешься...

— Нет, — прервал ее Люк, и голос его прозвучал слишком сурово. Он не собирался говорить с ней таким тоном и глубоко вздохнул, огорчившись, что так получилось.

Она беспомощно всплеснула руками и жалобно спросила:

— В чем дело? У тебя такое лицо, какого я никогда раньше не видела. Что не так?

— Не надо ждать меня. Я не вернусь.

Айрис нервно засмеялась:

— Но почему нам надо отбрасывать все хорошее ради минутной прихоти? Дорогой, пусть тебя не вводит в заблуждение внешность. Она хрупкая, милая девочка, которой, кажется, ты нужен... Конечно, я не такая худая, как она, но это не значит, что мне ты нужен меньше! А когда ты устанешь от нее...

— Я люблю ее.

В комнате воцарилось молчание. Айрис была потрясена.

К горлу подступили рыдания, ей едва удалось сдержаться.

Она отвела взгляд в сторону, чтобы Люк не увидел навернувшиеся на глаза слезы.

— Такие слова ты просто так не скажешь, — проговорила она наконец. — Полагаю, мисс Биллингз очень довольна собой.

— Я пока ей не говорил об этом. Она еще не готова меня выслушать.

Айрис, вдруг возмущившись, ядовито заметила:

— Ну конечно, она же такая слабая, такая хрупкая, она тут же упадет замертво, когда ты ей это объявишь. Боже, какая ирония судьбы! Такой сильный, полный жизненной энергии мужчина вроде тебя влюбляется в бледное, хилое ничтожество вроде нее?

— Она не такая хилая, как тебе кажется. — Внезапно Люк вспомнил о том, какой была Тася в саду, о сладостной жадности ее рта, приникшего к его губам, о том, как вонзились ему в спину ее ногти, царапая его сквозь рубашку...

Кровь его забурила при этом воспоминании, и он заметался по комнате, как волк в

клетке.

— Почему в нее? — требовала ответа Айрис, следуя за ним. — Из-за того, что Эмма ее любит? Из-за ее молодости?

— Не важно из-за чего, — отрезал он.

— Нет, важно! — Айрис остановилась посреди комнаты и зашмыгала носом. — Если бы не явилась она и не заморозила тебя, мы все еще были бы вместе. Я хочу знать, почему ты влюбился в нее-, а не в меня, хочу понять, что я сделала не так!

Люк вздохнул и привлек ее к себе. Он чувствовал свою вину перед ней и был благодарен за прошлое. Они знали друг друга давно. Сначала как друзья, потом как любовники.

Она заслуживала большего, чем он мог ей дать.

— Ты все делала как надо, — отозвался он.

Айрис оперлась подбородком о его плечо и шмыгнула еще громче.

— Тогда почему же ты меня покидаешь? Какой ты жестокий!

— Я не хотел этого, — мягко ответил он. — Я всегда буду хорошо к тебе относиться.

Айрис яростно отшатнулась, сверкнув глазами:

— Самые бесполезные слова: «Я хорошо к тебе отношусь!» Да по мне, лучше никак не относись, тогда я хоть смогу тебя возненавидеть. А хорошо относиться... Это недостаточно хорошо для меня. Будь ты проклят! Ну почему она должна была оказаться молодой и красивой? Я даже не смогу обсуждать ее с друзьями. Что бы я ни сказала, все будут думать, что это ревность старухи.

Люк улыбнулся, глядя на ее надутые губки:

— Никто так не подумает.

Айрис, подойдя к зеркалу в золоченой раме, стала взбивать пушистые медные локоны.

— Ты собираешься на ней жениться?

Он с грустью подумал, что все далеко не так просто.

— Если она захочет за меня выйти.

Айрис презрительно хмыкнула:

— Не думаю, что в этом стоит сомневаться, дорогой. У нее больше никогда не будет ни одного шанса заманить в сети такого мужчину, как ты...

Люк подошел к ней сзади и, протянув руку через ее плечо, поймал ее беспокойные пальцы. Взгляды их встретились в зеркале.

— Спасибо, — тихо произнес он.

— За что? — Голос ее дрогнул.

— За то, что ты такая щедрая и красивая. За то, что много ночей я был не один. Я не жалею ни об одной из них. И надеюсь, ты тоже. — Он коротко сжал ее пальцы перед тем, как отпустить их совсем.

— Люк... — Айрис обернулась к нему, глаза смотрели отчаянно и нежно. — Обещай мне..., если что-то у тебя пойдет не так..., если ты решишь, что сделал ошибку..., обещай, что вернешься ко мне.

Люк склонился к ней и ласково поцеловал в лоб.

— Прощай, — прошептал он.

Айрис кивнула, одинокая слеза скатилась у нее по щеке.

Когда он направился к двери, она отвернулась и закрыла глаза, чтобы не видеть, как он уходит из ее жизни.

Люк подъехал к главному входу в Саутгейт-Холл, когда садилось солнце. Он гнал своего черного арабского жеребца от самых дверей городского дома Айрис, испытывая невыразимое наслаждение от свиста ветра в ушах и вида стремительно летящей под копыта земли. Потный и запыленный, он был все равно доволен: его мышцы приятно горели от физического напряжения скачки. Спешившись, он передал поводья ожидавшему груму и, когда тот, повел коня в конюшню, бросил ему вслед:

— Позаботься, чтобы он хорошенько остыл.

— Милорд... — На пороге стоял Сеймур. Выражение легкой тревоги на лице многоопытного дворецкого говорило о чрезвычайном потрясении. — Милорд, здесь Эшборны...

— Папа! — Эмма бурей слетела со ступеней и кинулась к нему в объятия. — Папа, я так рада, что ты вернулся! Случилось нечто ужасное — приехали лорд и леди Эшборн. Они уже больше часа разговаривают в библиотеке с мисс Биллингз.

Люк был потрясен. Эшборны покинули Саутгейт-Холл утром. Наверняка что-то случилось, если они вернулись так быстро.

— Что они сказали?

— Я не слышала ни слова, но, когда они приехали, вид у них был очень странный. А там все так тихо. Пожалуйста, ты должен туда пойти и проверить, все ли с мисс Биллингз в порядке.

Люк на мгновение стиснул Эмму в объятиях.

— Я обо всем позабочусь. Иди наверх в свою комнату и не волнуйся. — Он откинул голову и предостерегающе посмотрел ей в глаза. — И никаких подслушиваний у замочной скважины, Эмма.

Она виновато хмыкнула:

— А как же еще, по-твоему, мне узнавать о том, что происходит?

Он обнял ее за плечи и повел в дом.

— Ты должна быть занята своими делами, а не тревожиться о взрослых, любимая.

— У меня много дел: и лошади, и Самсон, и книги, и мисс Биллингз... Папа, ты ведь никому не дашь забрать от нас мисс Биллингз?

— Нет, — пробормотал он, целуя ее в голову. — Иди в постель, Эмма.

Девочка послушно убежала, а Люк направился в библиотеку. Тяжелые двери были закрыты, но оттуда доносились тихие голоса. Сжав зубы, он без предупреждающего стука вошел в комнату. Эшборны сидели в огромных кожаных креслах, а Тася забилась в угол небольшого диванчика.

На лице Чарльза была тревога.

— Стоукхерст? — с досадой проговорил он. — Мы думали, ты поехал...

— Провести вечер в Лондоне? — любезно продолжил Люк. — Я изменил свои планы. Скажите, что привело вас к нам в гости?

— Боюсь, что плохие вести из-за границы, — ответил Чарльз, стараясь сохранять спокойный тон. — Мы уговариваем мисс Биллингз уехать с нами. Месяц почти кончился, Люк, а я всегда выполняю свои обещания. — И, видя недоумение Таси, объяснил:

— Лорд Стоукхерст согласился принять тебя ровно на месяц. За это время я должен был подыскать тебе другое место.

— Я изменил мнение, — сказал Люк, глядя на Тасю. Она сидела тихая, бледная, крепко сжатые руки лежали на коленях. — Мисс Биллингз не покинет Саутгейт-Холл.

Он подошел к встроенному в стену открытому буфету красного дерева и взялся за хрустальный графин. Налив в бокал добрую порцию бренди, он поднес его Тасе.

Она медленно разжала пальцы и взяла бокал в ладони.

Люк протянул руку и приподнял ее подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. Она смотрела не моргая, лицо было похоже на застывшую маску.

— Скажи мне, что произошло? — ласково спросил он.

Ответил ему Чарльз:

— Для всех будет лучше, если ты ничего не узнаешь, Люк. Дай нам просто уехать, не задавай вопросов...

— Вы можете уехать в любую минуту, — успокоил его Люк. — Но мисс Биллингз останется.

Чарльз раздраженно вздохнул:

— Я много раз слышал этот твой тон. Люк, и знаю, что он означает...

— Теперь это все не важно, — прервала его Тася. Она осушила бокал и прикрыла глаза, давая мягкой крепости бренди скользнуть по горлу в желудок. Переведя взгляд своих ясных светлых глаз на Люка, она неуверенно улыбнулась. — Когда ты все узнаешь, ты сам не захочешь, чтобы я здесь осталась.

Люк взял из ее рук пустой бокал и коротко поинтересовался:

— Еще?

Она кивнула. Он направился наливать бренди, а Тася дождалась, пока он вернется, и только тогда заговорила напряженным ровным голосом:

— Меня зовут Анастасия Ивановна Каптерева. Прошлой зимой в Санкт-Петербурге меня приговорили к смертной казни за убийство моего кузена князя Михаила Ангеловского. — Она замолчала, увидев, как он выпрямился и окаменел. — Я бежала из тюрьмы и приехала в Англию, чтобы скрыться от правосудия.

Тася не собиралась затягивать свой рассказ. Но вскоре обнаружила, что описывает свою жизнь в Санкт-Петербурге после Смерти отца. Она забыла, что ее слушают, прошлое разворачивалось перед ее глазами, словно все события происходили совсем недавно. Она видела свою мать, Марию Петровну, закутанную в рысий мех. Руки и шея ее были украшены драгоценными камнями величиной с голубиное яйцо. Мужчины жадно томились вокруг нее на балах, на царской яхте, во время посещений оперы, на долгих ночных ужинах.

Тася вспоминала свой первый «белый» бал, где юных дворянок представляли свету. На ней было белое шелковое платье, талию обвивали нитки рубинов и розового жемчуга. Мужчины преследовали ее не без мысли об огромном состоянии, которое она когда-нибудь унаследует. И первым в ряду претендентов на ее руку был князь Михаил Ангеловский.

— Михаил был грубое, грязное животное, — с внезапной ненавистью в голосе сказала Тася. — В те редкие минуты, когда он бывал трезв, его все выводило из себя, он злился без всякого повода. Его хоть как-то можно было терпеть только тогда, когда он накуривался опиума до бесчувствия. Практически всегда он был либо пьяным, либо одуревшим от опиума. — Она заколебалась, говорить ли дальше, но, решившись, покраснела до корней волос. — Михаил, кроме того, не любил женщин. Всем это было известно, но его семья закрывала на это глаза. Когда мне исполнилось семнадцать, Ангеловские обратились к моей матери. Было достигнуто соглашение. Они решили, что я стану женой Михаила. Все знали, что я не хочу этого брака. Я умоляла мать, родных, священника, всех, кто готов был меня слушать и мог мне помочь, не заставляя меня выходить за него замуж.

Но все говорили, что этот брак нужен для блага семьи, благодаря ему будут сохранены и умножены два огромных состояния. И потом, Ангеловские надеялись, что женитьба сможет изменить Михаила.

— А твоя мать? Что думала она?

При звуке голоса Стоукхерста Тася впервые с начала своего рассказа посмотрела на него. Он сидел рядом с ней на диване, лицо его было непроницаемо. Она так крепко сжимала в руках пустой бокал, что могла раздавить тонкий хрусталь. Стоукхерст осторожно взял бокал из ее пальцев и убрал прочь.

— Моя мать хотела, чтобы я вышла замуж, — сказала Тася, прямо глядя в его пронизательные сине-голубые глаза. — Ей не нравилось, что мужчины, которые наносили ей визиты, начинали обращать внимание на меня. Я очень похожа на маму, какой она была в юности... И это вызывало в ней..., неловкость. Она заявила, что мой долг — выйти замуж для блага семьи, а потом я могу влюбляться и разлюбляться сколько душе угодно. По ее мнению, мне очень повезло стать женой одного из Ангеловских, особенно такого..., который предпочитает мальчиков.

Стоукхерст возмущенно фыркнул:

— Почему?

— Она сказала, что Михаил не будет приставать ко мне... со своим вниманием, я буду вольна делать что хочу. — И в ответ на испепеляющий взгляд Люка беспомощно пожалала плечами:

— Надо знать мою маму, чтобы понять ее мысли и советы.

— Я прекрасно ее понимаю, — криво усмехнулся он. — Продолжай свою историю.

— Наконец я решила испытать последнее средство — тайно посетить Михаила и умолять его мне помочь, отказаться от женитьбы на мне. Я считала, что смогу его уговорить. Не исключено, что он послушался бы меня. Итак, я..., я отправилась к нему. — Тася надолго замолчала. Мысли теснились у нее в голове, но слова застревали в горле, и она не могла произнести ни звука. Струйка холодного пота потекла по виску, она стерла ее тыльной стороной руки. Так случалось всегда, когда она пыталась вспомнить... Ее охватывала паника, не давая вздохнуть.

— Что случилось? — мягко спросил Стоукхерст.

Она потрясла головой, судорожно хватая ртом воздух и не имея достаточно сил, чтобы вздохнуть.

— Тася, — его рука накрыла ее пальцы и больно стиснула, — расскажи остальное.

— Я не знаю, что случилось. Я отправилась к нему..., по-моему..., но точно не помню. Меня обнаружили во дворце Ангеловских с ножом в руке..., над телом Михаила... Слуги

кричали, его горло... Крови было... О Боже, она была повсюду!

Тася обеими руками схватилась за его руку, чувствуя, как черная пропасть раскрывается под ногами, и только Люк не давал ей туда упасть. Ей хотелось кинуться к нему, вдохнуть поглубже его запах — запах лошадей, пота и бренди, почувствовать его объятия. Вместо этого она подавила свой порыв и осталась сидеть, неподвижная, полная обаяния, не сводя с него глаз, из которых брызнули жгучие слезы. Он был странно спокоен, надежен, как скала, и смотрел на нее без каких-либо признаков ужаса или отвращения.

— Но ведь свидетелей, видевших само убийство, не было? — уточнил он.

— Нет. Его слуга нашел меня, когда Михаил уже был мертв.

— Значит, доказательств нет и ты не можешь ручаться, что сделала это? — Люк повернулся к Чарльзу с удивленным видом. — Должно быть что-то еще. Не могли же они приговорить ее только на основании косвенных улик!

Чарльз грустно покачал головой:

— Боюсь, что их система судопроизводства совершенно не похожа на нашу. Русские власти могут определять состав преступления как им заблагорассудится, не передавать дело на обычное расследование, заключать человека в тюрьму только по подозрению в совершении преступления.

— Должно быть, я сделала это, — рыдала Тася. — Мне все время это снится. И я просыпаюсь, недоумевая, помню я что-то на самом деле или воображаю. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Я действительно ненавидела Михаила.

Долгие недели в тюремной камере я размышляла о случившемся и поняла, что заслужила казнь. Ведь думать злое так же плохо, как совершать зло. Вы понимаете меня? Я молилась, чтобы Бог дал мне смирение, дал мне кротость принять наказание. Молилась до синяков на коленях, но это не помогало... Я все равно хотела жить... Я не переставая хотела жить.

— Что было дальше? — Люк сплел ее пальцы со своими.

— Я приняла в тюрьме снотворное, чтобы меня сочли за мертвую. Родные наполнили гроб камнями и похоронили, а я тем временем... Меня переправил в Англию мой дядя Кирилл. Однако поползли слухи о том, что я жива, и власти решили вскрыть могилу и проверить, правда ли это. Увидев в гробу камни, они поняли, что я бежала. Поэтому дядя Кирилл и послал сообщение Эшборнам.

— Кто тебя ищет?

Тася молчала, глядя вниз, на их сплетенные руки. Чарльз заерзал на кресле, пересаживаясь поудобнее. Напряженные морщины у него на лбу разгладились — он почувствовал облегчение, получив возможность обсудить эту историю с кем-то еще. Со школьных лет Чарльз терпеть не мог секретов и не очень-то умел их хранить. По его лицу можно было все понять.

— Это очень запутанный вопрос, — обратился он к Люку. — У царского правительства много особых отделов и секретных подразделений, занимающихся правоохранительной деятельностью. И никто толком не знает, какая служба за что отвечает. Я раз десять перечитал письмо Кирилла, пытаюсь разобраться в этом. Кажется, Тася не только совершила гражданское преступление, но теперь к тому же нарушила Уголовный кодекс, подорвав своим побегом уважение к царской власти. А это уже политическое преступление, караемое смертью. Царское правительство не слишком волнуется правосудие. Его заботит соблюдение правопорядка. Пока Тася не подвергнется публичной казни, противники царя будут

использовать ее для того, чтобы насмеяться над короной, жандармским корпусом, министерством внутренних дел и так далее.

— И ты считаешь, что они действительно последуют за Тасей сюда и вывезут ее обратно в Россию? — перебил его Люк. — Просто чтобы показать свою власть?

— Нет, так далеко они не зайдут, — тихо откликнулась Тася. — Пока я остаюсь в изгнании, мне не грозит опасность с этой стороны. Опасен Николай.

Люк смотрел, как она вытирала слезы со щек рукавом, и это детское движение пронзило ему сердце.

— Николай — младший брат Михаила, — продолжала Тася. — Ангеловские хотят отомстить за смерть Михаила. Меня разыскивает Николай. Он найдет меня, даже если на это у него уйдет вся жизнь.

После этих слов сочувствующее выражение, с каким Люк слушал рассказ, сменилось надменной самоуверенностью.

Если они боялись всего лишь Николая Ангеловского, то проблема с легкостью разрешалась.

— Если он и найдет тебя, я сразу же выгоню его обратно в Россию.

— Так просто? Возьмешь и выгонишь? — нахмурилась Тася.

Люк, чуть улыбнувшись, представил себе балованного князька в атласных придворных штанах до колен.

— Не о чем беспокоиться.

— Если бы ты знал Николая, ты понял бы, что повод для беспокойства есть, и очень большой. — Тася снова забилась в угол дивана. — Мне надо скрыться, пока ты совсем все не испортил. Тебе никогда не понять такого человека, как князь Ангеловский, то, до чего он может пойти, чтобы добиться своей цели. Теперь, когда Николай знает, что я жива, он меня обязательно найдет. Это лишь вопрос времени. Он не будет выбирать, что ему делать, и не отступит, даже если бы захотел. Его кровь, происхождение, семья — все требует мести. И он заставит меня расплатиться за то, что я сделала с его братом. Он человек могущественный и опасный. — Люк попытался вставить слово, но она, предупредив его движением руки, повернулась к Чарльзу и Алисии:

— Спасибо вам за все, что вы ради меня сделали. Но более вам не надо вмешиваться в мою судьбу. Я сама найду себе другое место.

— Тася, ты не можешь исчезнуть, не сказав нам куда! — воскликнула Алисия. — Пожалуйста, разреши нам помочь тебе.

Тася встала и улыбнулась им с любовью и сожалением:

— Вы были очень добры ко мне, родные мои. Вы помогли мне больше, чем кто-либо другой. Теперь я должна сама справляться со своими трудностями. Большое вам спасибо.

Люк почувствовал ее усталость, ощутил, как ей нужно утешение... Он понял, какую цену она уже заплатила за то, чтобы выжить. Силы, казалось, изменили ей, и она резко отвернулась.

Мужчины, не сговариваясь, встали, когда она направилась к двери. Люк собрался было последовать за ней, но его остановил голос Алисии:

— Пусть идет.

Люк, нахмурившись, оглянулся. Он был раздосадован, зол и рвался в ссору.

— Я что-то недопонял? — едко осведомился он. — Ангеловский — всего лишь человек. Значит, с ним можно бороться. Нет никаких причин бояться его весь век.

— В нем мало человеческого, — отозвалась Алисия. — Князь Николай и я — троюродные родственники. И мне довольно много известно об Ангеловских. Хотите узнать, что они за люди?

— Расскажите, — пробормотал Люк, глядя в опустевший дверной проем.

— Ангеловские — истинные славянофилы. Они ненавидят всех нерусских. Их семья связана семейными узами с царским домом. Это одни из самых богатых землевладельцев России. Их имения раскиданы по многим губерниям. Полагаю, что им принадлежит около миллиона гектаров земли. А может, и больше. Отец Николая, князь Дмитрий Сергеевич убил свою первую жену за то, что она была бесплодной. После этого он женился на крестьянке из-под Смоленска. Она родила ему семерых детей — пять девочек и двоих сыновей. Все дети красивы какой-то экзотической красотой..., и совершенные дикари. Никто из них и минуты не потратил на размышления о чем-то абстрактном — этических принципах или кодексе чести. Они действуют по наитию. Я слышала, что Николай очень похож на старого князя — хитрый и жестокий. Если ему причинили вред, он отомстит сторицей. Тася права: он не будет выбирать, мстить или не мстить. У русских есть поговорка: «Чужие слезы что вода». Она идеально подходит к Ангеловским. У них от природы нет милосердия. — Алисия отвернулась и, горько вздохнув, бросилась в спасительные объятия Чарльза. — Ничто и никто не остановит князя Николая.

Люк холодно посмотрел на супругов:

— Я могу остановить. И остановлю.

— Ты не обязан ничего делать ни для Таси, ни для нас.

— У меня слишком многое забрала судьба. — Глаза Люка сверкнули странным белоголубым блеском. — И теперь, когда счастье так близко, будь я проклят, если позволю какому-то кровожадному русскому ублюдку помешать этому!

Это откровенное признание удивило Чарльза и его жену.

— Счастье? — повторил он. — О чем ты говоришь? Что, у тебя появилось какое-то теплое чувство к девушке? Всего два дня назад ты мотал ее перед своими гостями, как наживку на крючке... — Он немного помолчал и продолжил уже более дипломатичным тоном:

— Меня не удивляет, что тебя влечет к ней. Она красивая девушка. Но пожалуйста, постарайся поставить ее интересы выше своих. Она очень ранима и напугана.

— Ты думаешь, лучше, если она будет заботиться сама о себе? — насмешливо спросил Люк. — Чтобы у нее не было ни друзей, ни семьи... Чтобы ей вообще некому было помочь... Бога ради! Неужели я один могу ясно мыслить?

Алисия высвободилась из объятий мужа.

— Ей лучше быть одной, чем оказаться во власти человека, который может воспользоваться ее положением.

Растерянный Чарльз поднял руки, словно ему хотелось зажать ей рот.

— Дорогая, ты же знаешь. Люк вовсе не такой человек. Я уверен, что у него самые лучшие намерения.

— Разве? — Алисия смерила Люка вызывающим взглядом. — А каковы, собственно говоря, его намерения?

Люк ответил со своей привычной саркастической улыбкой:

— Это будем знать я и ваша кузина, Алисия. Мне хотелось бы прийти к какому-то решению, которое ее устроит.

Если этого не случится, она уедет. В данный момент это не ваше дело. Понятно?

— Я не понимаю вас, — резко ответила Алисия. — Я думала, что Тася будет в этом доме в безопасности. Вы раньше никогда не вмешивались в чужую жизнь. Как бы я хотела, чтобы этого не случилось и сейчас! Что с вами произошло?

Люк крепко сжал губы, его истинные чувства скрывала маска холодной гордости. Он был поражен, что они ничего не понимают, ничего не видят. Он сидел рядом с Тасей, держал ее руку, с состраданием слушая рассказ об испытаниях, через которые она прошла. Ему казалось, что чувства, переполнявшие его, были очевидны. Он любил ее. Он приходил в ужас от мысли, что она может исчезнуть, покинуть его, как покинула свою прошлую жизнь. Он не мог этого допустить. Ради нее и, конечно, ради себя. Ему хотелось действовать, но сначала еще многое надо было понять и объяснить. Если бы он мог мыслить четко и ясно, если бы голову ему не туманили мука любви и жажда обладания... Нахлынувшие чувства мешали ему разобраться в услышанном.

Эшборны разглядывали его в упор: Алисия с неприязнью, Чарльз с нежностью старой дружбы. Чарльз был проникателен. Твердо взяв жену за руку, он бросил на Люка взгляд, в котором смешались сочувствие и лукавство.

— Все будет хорошо, — тихо сказал он, хотя осталось неясным, к кому из них были обращены эти слова. — Все сделают то, что должны сделать, и все устроится.

— Ты всегда так говоришь, — пожаловалась Алисия.

Чарльз довольно улыбнулся:

— И я всегда оказываюсь прав. Не так ли? Пойдем, дорогая... Мы сейчас им не нужны.

Из окна своей комнаты Тася увидела, как отъехала карета Эшборнов. Повесив свое серое платье, она с бездумной старательностью отряхнула его щеткой и начала упаковывать вещи. Она складывала свои пожитки аккуратными стопками. Свет одинокой свечи бросал по комнате колеблющиеся тени. Вдали в деревне погасли все огни. Даже луна и звезды были скрыты мглой.

Хотя на Тасе была лишь тонкая рубашка, по ее телу разливался жар. Подувший из окна ветерок на минуту остудил ее, и она задрожала от холода, по плечам побежали мурашки.

Она старалась не думать, не чувствовать. Ей не хотелось, чтобы хоть что-то пробилось сквозь ледяную скорлупу, которой она окружила себя.

Вот и все. Кончилась ее краткая встреча с жизнью Лукаса Стоукхерста, и она была рада ее завершить. Слишком запуталось все вокруг. Она никогда не позволяла себе полагаться на кого-то еще. Только на себя. Теперь она размышляла, как ей уехать отсюда, как попрощаться с Эммой, не встретившись снова со Стоукхерстом. Он помешает ее отъезду. Не важно, будет ли он при этом добр или жесток.

В любом случае это причинит ей слишком много боли.

Тихие шаги..., мужские..., приблизились к ее двери. Тася обернулась, руки ее были скрещены на груди, зрачки расширились так, что их чернота поглотила серо-голубой раек.

«Нет..., уходи», — кричал ее разум, но губы беззвучно двигались. Дверь отворилась и

закрылась, шелкнула задвижка.

Стоукхерст оказался в ее комнате, его взгляд задержался на ее босых ногах, голых руках и открытой стройной шее.

Было ясно, зачем он пришел. На нем был халат, запахнутый настолько, что были видны литые мускулы груди. Кожа его светилась золотым блеском новой бронзы. Лицо выражало одновременно любовь и желание. Тася заметила, что к его руке не был прикреплен крючок... Он не проронил ни слова, явно собираясь молчать и дальше.

Отчаянный крик подкатил к ее горлу и заглох: что она могла сказать ему, чего он уже не знал? Тася надеялась, что он понимает ее страхи и ее нужды.

Он приблизился к ней, его плечи заслонили пламя свечи. Когда он привлек ее к себе, весь он был жаркая тьма.

Тася не колеблясь бросилась ему на грудь с неистовой страстью. Она замерла в его объятиях, едва дыша, и напряженно ждала. Сердце билось мучительно быстро. Его возбужденное тело крепко прижалось к ней, защищая ее от разразившейся над ними грозы. Склонив голову, он накрыл ее дрожащие губы своими. Нет, не так мужчина целует девственницу: он не думал о пощаде, не стремился сохранить ее невинность. Его язык яростно ворвался в ее рот. Зажав в кулаке ее тонкую рубашку, он рывком поднял ее до пояса.

Люк притянул ее обнаженные бедра к себе, его широко расставленные пальцы плотно легли на бархатистую белизну ее тела. Тася ахнула и обвила руками его шею. От его прикосновения кожа ее сразу загорелась. Помертвевшая душа ее ожила, когда он стал покрывать жаркими поцелуями ее лицо. Нашупав край халата, она столкнула его с плеч Люка и положила руку на твердые мускулы его спины. Он откликнулся на ее прикосновение стоном, полным страстного томления, и, сдернув рубашку, скомкал ее и бросил на пол.

Сняв с себя халат, он подхватил Тасю на руки и увлек ее на узкую постель. Темноволосая голова склонилась над хрупким телом. Она ощутила, как его губы коснулись ее груди, почувствовала нежные укусы, дразнящие касания языка, а затем, когда она задохнулась от сладкой муки, губы его сомкнулись у нее на соске, и бархатно-шершавый язык мягко стал тереть твердеющий под ним бутон.

Тася почувствовала мучительную дрожь где-то внизу живота, которая побежала дальше, пронзая потаенное место между бедрами. Он стал целовать другую грудь, поддерживая ее снизу горячими нежными пальцами, и она выгнулась ему навстречу, задыхаясь в смятении. Сладкая боль внутри усиливалась, сводя ее с ума. Она хотела почувствовать его на себе всего, хотела, чтобы он раздавил ее своей тяжестью. Сцепив руки на его спине, она старалась притянуть его еще ближе к себе. Люк сопротивлялся, внимательно разглядывая ее тело. Его рука двинулась вниз по ее животу к пене завитков, которых не касался ранее ни один мужчина.

Он дотянулся до набухшего чувствительного местечка, и, когда коснулся его, она приглушенно вскрикнула. Кончики его пальцев скользнули во влажную щель, исследуя, ласково проминая, прокладывая путь к нежному входу в ее тело.

Он целовал ее губы, повторял ее имя, шептал слова любви, не отрывая рта от теплой кожи. Тася как в забытьи принимала все его ласки, погружалась в удовольствие, не задумываясь о том, что будет дальше.

Она ощутила, как он раздвигает ей ноги, создавая колыбель из ее разомкнутых бедер. Его тяжесть опустилась на нее, предвещая жесткое давление на самую уязвимую часть ее тела. Она пристально смотрела в его глаза и почувствовала, что тонет в их синеве. Еще

давление, мощное, жгучее...

Его сила разрывала, пронзала ее. Она вскрикнула от внезапной боли. Он входил все глубже, полностью овладевая ею.

Затем он замер, и только его тяжелое дыхание колыхало их тела.

Потрясенная, Тася протянула тонкие руки к его лицу, стремясь безмолвно передать свое восхищение мрачной красотой его тела, слившегося с ней. Он повернул голову и прижался ртом к ее ладони, прихватывая нежную кожу целующими укусами. Его бедра мощно толкнулись в ней, и она подалась вперед в инстинктивном отклике. Ритм его движения передался ее телу. Все неудобства и боль были забыты, когда он начал свое утонченное насилие над ее ощущениями. Оно длилось и длилось, пока Тася не стала метаться под ним, изгибаясь в безумном восторге. Тела их сплетались, сходились воедино. Глубочайшее наслаждение перешло за грань чисто физического, достигая поразительного слияния тел и душ. Наконец Тася растворилась в этом ярком приливе чувственных ощущений, и губы ее раскрылись в беззвучном крике.

Чуть позже и Люк испытал безумство наслаждения. Дрожь прошла по его телу, и он замер в истоме. Каждая клеточка его существа была насыщена любовью. Огарок свечи догорел, только легкий дымок еще курился в воздухе, и на подсвечнике остывала восковая лужица. Глаза его постепенно освоились с темнотой, и он мог разглядеть ее тонкий профиль, изящный кончик груди. Она спала, положив голову на изгиб его руки, прикинувшись к нему, нежная и легонькая. Черные пряди ее волос струились по их телам, по подушке, сбегали на матрас. Он бережно собрал шелковые локоны в одну темную реку и завел их ей за спину.

Прикосновение его руки к плечу потревожило ее сон.

Она зевнула и потянулась, расправляя свои члены, напомним ему котенка с прижатыми ушками. Сонно поморгав глазами, она проснулась окончательно и с изумлением посмотрела на него.

Люк улыбнулся и, когда она захотела отодвинуться от него, удержал ее около себя.

— Ты в безопасности, — прошептал он.

Тело ее напряглось, он услышал, как она застонала. Наконец она прервала молчание:

— Тебе надо волноваться о собственной безопасности. Я могу навлечь беду на тебя.

Он поцеловал ее в лоб.

— Единственная беда, которой я страшусь, — потерять тебя.

Тася отвернулась от него.

— В моей жизни было столько ужасов. Я не хочу, чтобы они коснулись тебя или Эммы. А так и случится, если я здесь останусь. Опасность и несчастье — мои спутники. — Ее затрясло от нервного смеха. — Боже мой, ты же узнал сегодня, что я кого-то убила! Не можешь же ты просто забыть об этом!

Это ведь само не развеется!

— Ты считаешь, что совершила это? — тихо спросил он.

Придерживая на груди простыню, Тася села на постели, стараясь разглядеть в темноте выражение его лица.

— Я тысячу раз пыталась вспомнить, что случилось той ночью, но не сумела. Каждый раз сердце начинает стучать, подступает тошнота и... Наверное, я просто боюсь узнать правду.

Люк тоже сел, как темная тень, рядом с ней.

— Я не верю, что ты его убила. Не думаю, что ты это можешь сделать. Желание убить кого-то — совсем не то же самое, что сделать это в действительности. Если бы судили за такое желание, надо было бы судить за убийство почти всех на свете.

— А что, если я все-таки это сделала? Если я виновата в том, что воткнула нож в горло человеку из-за ненависти к нему? Я вижу это во сне снова и снова. Иногда по ночам я боюсь засыпать.

Люк потянулся к ней и погладил гладкий изгиб ее плеча.

— Тогда я буду охранять твой сон, — прошептал он. — А потом у тебя появятся новые, светлые воспоминания, и ты будешь засыпать с радостью.

Его рука двинулась вниз, пока не коснулась жесткого края простыни, которую она прижимала к груди. Стащив простыню пониже, он обвел большим пальцем бархатистый кончик груди — тот ожил, запульсировал, твердея. Люк услышал, как у нее перехватило дыхание, и ощутил дрожь, пробежавшую по ее телу.

— Я не жалею о том, что он умер, — хрипло произнес он. — Иначе тебя не было бы сейчас здесь, со мной.

И я не позволю тебе покинуть меня.

— Ты говоришь так, словно мое прошлое не имеет для тебя никакого значения.

— Действительно не имеет. По крайней мере для меня.

Я с радостью приму на свою душу все твои грехи и готов гореть за них в аду, если это цена, которую надо заплатить за то, что ты будешь со мной. — Она скорее почувствовала, чем увидела, как насмешливо изогнулись его губы. — Как, по-твоему, это меня характеризует?

— Как похотливого болвана, — горестно отозвалась Тася.

У Люка хватило дерзости расхохотаться.

— И более того!

Он положил руку ей на спину и привлек к себе, не обращая внимания на ее протесты из-за совсем сползшей простыни. Упершись лбом в ее лоб, он произнес с тихой яростью, внезапно сменившей его проказливую шутливость:

— Ради тебя мне хотелось бы стать идеальным. Но я не такой. Я много грешил, тысячи раз. У меня плохой характер, я эгоистичен, и мои друзья, и мои враги в один голос утверждают, что я надменный всезнайка. Я слишком стар для тебя.

И на тот случай, если ты не заметила, я могу сообщить тебе, что у меня нет одной кисти. — Он слегка улыбнулся. — Поэтому я могу без всяких оговорок принять тебя с твоим запятнанным прошлым.

— Речь идет не о тебе и твоих недостатках, — взволнованно ответила Тася, пытаясь выскользнуть из его рук. Но он лишь крепче прижал ее к себе, и они боком упали на постель. — И все твои доводы здесь не подходят. То, что у нас обоих есть недостатки, вовсе не означает, что мы должны быть вместе!

— Это означает, что мы понимаем друг друга. Это означает, что нам чертовски хорошо вместе. Бездна удовольствия!

— Я не могу назвать это..., удовольствием, — возразила она и попыталась сбросить его с себя, путаясь в простыне и все время натываясь на обнаженное тело.

— Чтобы привыкнуть к этому, требуется время, — продолжал шептать Люк ей на ухо, выдергивая разделявшее их льняное полотно. — Первый раз — всегда самый худший для женщин. Потом тебе обязательно понравится.

Тасе и так все понравилось, даже слишком, но она не хотела льстить ему, признаваясь в этом.

— Я не могу оставаться здесь, даже если бы и захотела, — задыхаясь, проговорила она. — Князь Николай отыщет меня.

Это лишь вопрос времени...

— Я буду рядом с тобой, когда это случится. Вместе мы справимся с ним.

— Николай не такой человек, который будет выслушивать чьи-либо доводы. Он согласится разговаривать с тобой, если ты поможешь ему отправить меня назад, в Россию.

— Сначала я отправлю его на тот свет.

— Ты действительно надменный задавака! — шепнула она, стараясь выбраться из-под него. — Я не останусь с тобой. Не могу!

— Лежи спокойно, а то, мы окажемся на полу. Эта кровать слишком узка.

Люк навис над ней и раздвинул коленом ее ноги. Тася беспомощно отбивалась, все еще пытаясь его сбросить, пока не почувствовала, как твердая горячая плоть уперлась ей в живот. Его рот нашел и потянул ее сосок. Она ахнула и затихла, жаркая волна опалила кожу, пробежала по нервам, достигая всех уголков ее тела. Большая ладонь обхватила ее шею, словно стебель цветка, потом двинулась вниз по груди, по легким изгибам ребер.

— Разве я тебе причинил боль? — шептал он, проводя ладонью по изысканным контурам ее тонкой фигуры, нежной впадинке живота.

— Чуть-чуть, — выдохнула она. То, что она делала, было не правильно..., нехорошо..., аморально. Она не должна была этого допускать... Однако почему-то ей вовсе не было стыдно. Ведь это были ее последние минуты с ним, их прощание, и ей хотелось лишь одного — еще раз потеряться в его объятиях.

Его рот был у самого ее уха, зубы легонько покусывали крохотную мочку. Низкий тихий голос теплым вздохом произнес:

— Тебе больше не будет больно. Я буду осторожен.

Как безжалостен был он в своей сдержанности, как медленны и плавны были все его движения! Она застонала от ленивой неторопливости, с которой его рот скользил по ее коже. Она обессилела от чувственного сочетания влажности языка и шершавости щетинистого подбородка.

Смуглое лицо его скользнуло вниз, губы на мгновение прижались к влажным завиткам треугольника, так что она вздрогнула в испуге, а затем стала изгибаться в мучительной истоме от нежных касаний его языка.

— Нет. Не-ет...

Он сразу остановился и подался вперед и вверх, прижимая ее к груди, успокаивая нежными словами. Она, вся трепещущая, сомкнула руки вокруг него, впиваясь пальцами в литую твердость его спины.

— Прости, — хрипло выдохнул Люк ей в волосы. — Ты такая прекрасная..., такая сладкая... Я не хотел тебя пугать. — Его пальцы скользнули между ее бедер, нащупывая, обводя точку, в которой, казалось, сосредоточились все ее чувства.

Тася закрыла глаза, еле сдерживая стон, и полностью отдалась его ласкам. Его прикосновения были по-хозяйски властны, он с поразительным искусством заставлял трепетать ее тело.

Но эта власть была не только у него. Вскоре она поняла, что ее неумелые касания возбуждали его так же сильно и глубоко. Она гладила его по спине, трогала упругие волосы

на ногах. Его тело, жесткое, сильное, крупное, так изумительно отличалось от ее собственного... Оттолкнувшись от ее рук, он со стоном навалился на нее.

Ее бедра раскрылись, радостно принимая его, и он пылко откликнулся на ее бесстыдное приглашение. Но вошел в нее медленно, постепенно, и сейчас боль длилась только мгновение. Тася с жадной требовательностью выгнулась ему навстречу, и Люк нежно засмеялся, словно она была ребенком, который ждет не дождется, когда ему дадут заветные сладости. Двигаясь сильными, глубокими толчками, он не вонзался, а вжимался в нее. Она нетерпеливо всхлипнула, стремясь еще теснее прижаться к нему, желая большего..., большего...

— Еще нет, Тася, — прошептал он. — Еще рано.

И, несмотря на ее требования и страстные мольбы, он заставил ее ждать. И вот мир закружился в бешеном вихре, и единственной реальностью стали лишь мерные, медленные погружения..., его в нее. Каждый нерв, импульс, клетка — все в ней сосредоточилось на ожидании наслаждения, которым он манил ее. У нее уже не оставалось ни сил, ни голоса, когда он наконец позволил ей обрести освобождение. С тихим стоном она отчаянно задрожала и уткнула лицо в его скользкое от пота плечо. Он тоже содрогнулся и затих. Дыхание со свистом вырвалось через стиснутые зубы, все мускулы напряглись..., затем расслабились, и он тут же заснул, погрузив руку в поток ее волос. Тася осторожно отодвинулась от него и тоже закрыла глаза, слишком усталая, чтобы думать о завтрашних заботах, о преследовавших ее кошмарах и печальных воспоминаниях, признательная ему за временный покой, который он ей дал.

Тася проснулась позже, чем намеревалась. Солнце уже было высоко в небе, из комнаты слуг доносилось звяканье посуды: там завтракали. Она вздохнула с облегчением, когда увидела, что Стоукхерста нет в комнате. Наверное, он ушел задолго до того, как она проснулась. Она не смогла бы, сейчас посмотреть ему в лицо. Вероятно, они с Эммой уехали на свою обычную верховую прогулку, а к тому времени, когда они вернутся, она покинет Саутгейт-Холл. Торопливо одевшись и умывшись, Тася уселась за прощальное письмо.

"Моя дорогая Эмма, прости, что покидаю тебя не попрощавшись. Мне хотелось бы остаться подольше и увидеть своими глазами, какой чудесной девушкой ты станешь. Я так горжусь тобой! Возможно, когда-нибудь ты поймешь, почему для всех было лучше, чтобы я уехала именно сейчас. Я очень привязалась к тебе и надеюсь, что ты будешь вспоминать меня с добрыми чувствами.

Прощай.

Мисс Биллингз".

Аккуратно сложив бумажный квадратик, Тася запечатала его несколькими каплями воска от свечи. Задув свечу, она поставила ее на место и положила записку на столе, надписав на ней имя Эммы. Так будет лучше для всех. Она говорила себе, что все складывается хорошо: ее отъезд пройдет спокойно, никто не будет возражать и устраивать сцены неуклюжего прощания. Однако на сердце была странная тяжесть. Почему Стоукхерст решил исчезнуть, не сказав ни слова? Почему он позволяет ей уехать? Она-то думала, что он предпримет еще одну, последнюю попытку убедить ее остаться. Это на него не похоже: без борьбы отдать то, чем он хочет обладать... Если, конечно, он говорит правду о том, что хочет ее...

Но может быть, он уже ее не хотел? Возможно, ему вполне хватило одной ночи? Возможно, теперь его любопытство удовлетворено?

Все более мрачные мысли приходили Тасе в голову. Сердце заныло в груди. Конечно, зачем она ему теперь? Она была нужна ему, чтобы поразвлечься несколько часов в темноте. А теперь он вернется к леди Харкорт, женщине, чья опытная чувственность соответствует его собственной.

Тасе хотелось расплакаться, но вместо этого она решительно схватила свои чемоданы и потащила их вниз. В коридорах стоял приятный терпкий запах чая — чистили ковры.

Сначала их посыпали сухими чайными листками, а затем целый полк горничных старательно их сметал. Миссис Наггз присматривала за тем, как они это делают. Она ходила туда-сюда по коридорам, шурша крахмальным белым передником. Тася отыскала ее на втором этаже — она куда-то несла миску растопленного воска.

— Миссис Наггз...

— А-а, мисс Биллингз! — Домоправительница раскраснелась от своих усилий. Она остановилась, увидев Тасю. — День слишком короток, просто не хватает времени, чтобы поддерживать здесь чистоту, — вздохнула она, тыча в воздух своей миской. — Ковры доставляют много хлопот, а паркетные полы — еще больше.

— Миссис Наггз, я хочу сказать вам...

— Я уже знаю. Хозяин утром сообщил мне, что вы нас покидаете.

Тася растерялась от этих небрежно сказанных слов:

— Он так и сказал?

— Да, и велел приготовить один из экипажей, чтобы отвезти вас туда, куда вы захотите.

Получалось, что Стоукхерст не только не противился ее отъезду, а, наоборот, всячески облегчал его.

— Как это любезно с его стороны, — тусклым голосом проговорила Тася.

— Желаю вам приятного путешествия, — коротко отозвалась миссис Наггз, словно Тася отправлялась на денек за покупками.

— Вы даже не спросите меня, почему я уезжаю так внезапно?

— Думаю, у вас есть на то свои причины. Это только ваше дело, мисс Биллингз.

Тася неловко откашлялась.

— Я хотела спросить насчет своего жалованья за месяц, я надеялась...

— О да. — Вид у миссис Наггз сразу стал несколько смущенный. — Хозяин вроде бы считает, что, раз вы находились у нас не полный месяц, вам не полагаются обещанные деньги.

Тася вспыхнула от изумления и ярости:

— Но ведь до месяца не хватает всего нескольких дней!

Вы хотите сказать, что он не отдаст и шиллинга из тех денег, что мне полагаются?

Домоправительница отвела взгляд:

— Боюсь, что так.

Ублюдок! Бессовестный, самодовольный, презренный скупердяй! Он пытается наказать ее за то, что она не хочет подчиниться ему. Тася постаралась успокоиться и, когда ей это наконец удалось, проговорила напряженным голосом:

— Ладно. Я обойдусь без них. До свидания, миссис Наггз, и, пожалуйста, передайте мои добрые пожелания миссис Планкет, Биддлу и всем остальным...

— Разумеется. — Домоправительница, протянув руку, дружелюбно похлопала ее по плечу. — Мы все, дорогая моя, очень привязались к вам. До свидания. Я должна спешить с этим воском... Надо натереть еще везде паркет...

Тася огорченно смотрела вслед удаляющейся миссис Наггз. Она ожидала от домоправительницы более сердечного, не такого небрежного прощания. Может быть, уже прошел слух, что Стоукхерст провел ночь в ее комнате? В Саутгейт-Холле не могло быть секретов. Ведь есть же какая-то причина для такого бесцеремонного обращения: миссис Наггз явно хотела, чтобы Тася побыстрее покинула поместье и о ней можно было бы забыть раз и навсегда.

Униженная этой сценой, Тася проскользнула в холл, желая лишь одного: скорее оказаться подальше отсюда. Сеймур, дворецкий, проводил ее, как всегда, с дружелюбной вежливостью, но она не могла заставить себя посмотреть ему в глаза, когда просила, чтобы подали экипаж. Она подумала, известно ли ему, чем занимались они с лордом Стоукхерстом ночью. Возможно, это было написано у нее на лице. Наверняка любой мог, взглянув на нее, понять, что она потеряла невинность. Она стала падшей женщиной вдобавок к другому своему греху.

— Какое место должен я указать кучеру, мисс? — предупредительно осведомился Сеймур.

— Эмершэм. — Тася назвала деревню на почтовой дороге, где было много старых гостиниц. Она собиралась остановиться в одной из них на ночь, продать за сколько удастся бабушкин золотой крестик и нанять кого-то из местных жителей, чтобы ее отвезли на западное побережье Англии. Ей было известно, что там есть множество старинных городков и тихих деревень, где она сможет затеряться и вести жизнь никому не известной служанки в доме или на ферме.

Лакей сноровисто погрузил ее чемоданы в сверкающий лаком экипаж и помог забраться внутрь.

— Благодарю вас, — пробормотала Тася и вздрогнула, когда дверца защелкнулась. Она выглянула в окошко, чтобы еще раз посмотреть на Сеймура.

Губы дворецкого тронула сдержанная улыбка.

— Прощайте, мисс Биллингз, удачи вам. — Для Сеймура это был необычайный всплеск эмоций.

— И вам также, — бодро сказала Тася и, еле сдерживая слезы, спряталась в экипаж, покотивший прочь от Саутгейт-Холла.

Прошло некоторое время, прежде чем Тася поняла, что они едут не в том направлении. Сначала возникло слабое подозрение, которое она постаралась подавить: в конце концов, она недостаточно хорошо знала здешние места и об Эмершэме ей было известно только то, что он находился к западу от Саутгейта. Но затем экипаж свернул с главной дороги на узкую, заросшую травой дорожку, кое-где присыпанную гравием. Может, кучер хотел сократить путь, свернув в лес? Но они ехали явно не в Эмершэм. Обеспокоенная, Тася постучала по крыше, чтобы привлечь внимание кучера, но он жизнерадостно насвистывал, как будто и не слышал. Они забирались все глубже в лес и наконец, проехав маленький некошенный луг, а затем пруд, остановились у прелестного двухэтажного дома, почти сплошь увитого плющом.

Ошеломленная, Тася вышла из экипажа, а кучер молча стал выгружать ее чемоданы.

— Зачем мы сюда приехали? — не выдержала она.

Возница ответил ей лукавой улыбкой и махнул рукой на дверь, откуда появилась высокая темная фигура.

Голубые глаза Люка встретились с ее растерянным взглядом, и ласковый голос укоризненно произнес:

— Неужели ты всерьез подумала, что я позволю тебе уехать?

Тася стиснула зубы, ее переполняло негодование. Что бы ни случилось, в какой бы ситуации она ни оказалась, но принимать решения она будет сама. И никто не вправе решать за нее, что ей делать. Он, кажется, вообразил, что она будет поступать так, как он захочет, раз ему удалось обманом завлечь ее сюда, что она с благодарностью упадет ему на грудь?

Это уже было больше, чем его обычное высокомерие!..

Экипаж укатил прочь по лесной дороге, а Тася осталась со Стоукхерстом. Вероятно, большинство женщин сочли бы это удачей. В светло-коричневых брюках и белой рубашке с взлохмаченной шевелюрой, Стоукхерст этим утром выглядел особенным красавцем. Он стоял не двигаясь и молча смотрел на нее словно зачарованный, с каким-то непонятным ей выражением в глазах.

Наконец Тася немного пришла в себя и смогла говорить.

Самым холодным и сдержанным тоном, на который только была способна, она произнесла:

— Вот так, наверное, поступит и Николай Ангеловский, когда меня отыщет. Для него тоже самое главное — его собственное желание. Ты ведешь себя точь-в-точь как он. И ты, и он все и всех считаете на своем пути, если вам что-то захочется.

К ее удовлетворению, Стоукхерст нахмурился. Скрестив руки на груди, он смотрел, как Тася шла к двери дома. Он был отделан терракотовыми плитками и кирпичом с тем же рисунком, который она видела в Саутгейт-Холле: сокол и роза с многократно повторяющимися буквами "У" и "С". За два столетия непогода сгладила узор, но он был еще хорошо различим. Было видно, что в доме никто не жил, но нельзя было сказать, что он заброшен. Некоторые старые кирпичи были заменены новыми, а швы свежешпакатурены. Если бы Тася не была так разозлена и растеряна, этот сказочный дом очаровал бы ее — такой романтический вид придавали ему следы прошедших лет.

— Уильям Стоукхерст, — произнес Люк, видя, что ее взгляд задержался на выцветших инициалах над дверью. — Мой предок. Он выстроил этот дом в шестнадцатом веке для своей любовницы, чтобы она жила неподалеку от Саутгейт-Холла.

— Зачем ты привез меня сюда? — сурово спросила Тася. — Ты собираешься держать меня здесь в качестве своей любовницы?

Он молчал, как бы оценивая все плюсы и минусы этой идеи. Придя к такому заключению, Тася рассердилась еще сильнее. Она не желала быть чьей-то любовницей. Теперь ее единственным желанием было — чтобы он оставил ее в покое.

— Мне хочется, — без обиняков объяснил он, — провести какое-то время с тобой наедине. За последние несколько дней столько всего случилось, но мы так по-настоящему и не поговорили.

— Мы никогда не разговаривали по-настоящему.

Он склонил голову, соглашаясь:

— Сейчас мы можем это сделать.

Тася разъяренно фыркнула и пошла прочь от двери с таким видом, словно это были врата ада. Она обошла дом, и перед ней открылся тенистый выгон, где мирно жевал сено черный жеребец. Он насторожил уши и с интересом повернул к ней голову. Услышав за спиной шаги Стоукхерста, Тася, сжав кулаки, круто обернулась к нему:

— Немедленно отвези меня в деревню!

— Нет, — тихо ответил он, глядя ей прямо в глаза.

— Тогда я отправлюсь туда пешком.

— Тася, — он подошел ближе и схватил ладонью ее кулачок, — останься, побудь здесь всего лишь день-два. — Пальцы его сжались сильнее, когда она попыталась вырвать свою руку. — Я не буду ничего требовать от тебя. Если не захочешь, я не коснусь тебя. Просто поговори со мной. Ведь нет опасности, что Ангеловский найдет тебя сию минуту. Наверняка он не будет тебя искать здесь. Тася, ты же не сможешь скрываться всю жизнь. Если ты согласишься мне, мы найдем другой способ, лучший.

— Почему? — поинтересовалась она, злость ее стала проходить. Мягкость его тона обезоруживала ее. Никогда раньше он с ней не разговаривал таким тоном, не обращался к ней с такой пылкой мольбой. — Почему я должна тебе верить?

Он открыл рот, чтобы что-то ответить, затем, казалось, передумал и промолчал. Неотрывно глядя на нее, он притянул ее кулачок к своей груди. Сердце его билось часто-часто.

Тасины пальцы медленно разжались, и ее ладонь легла поверх этого бешеного стука.

"Потому что я люблю тебя, — отчаянно хотелось сказать Люку. — Я люблю тебя больше всех на свете. Тебя и Эмму.

Тебе не надо ничего мне отдавать. Ты даже не должна отвечать мне любовью. Я просто хочу тебе помочь. Просто хочу, чтобы ты была в безопасности".

Но она еще не была готова выслушать эти слова. Сейчас они могут напугать ее, рассердить, и она может сказать что-то непоправимое. К тридцати четырем годам он научился выбирать подходящий момент и скрывать свою стратегию за насмешливой улыбкой.

— Потому что, кроме меня, у тебя никого нет, — отвечал он. — Я да еще Эшборны — вот и все. Будь я на твоём месте, я принял бы любую помощь. Очереди помощников около тебя что-то не видно...

Сверкнув глазами, Тася вырвала у него свою руку и, пробормотав что-то по-русски, явно не похвалу, вошла в дом и хлопнула дверью.

Люк вздохнул с облегчением. Она была не рада оказаться здесь, но осталась.

Солнце перешло за полдень. Тася переделалась в свой крестьянский наряд — блузку и юбку, а косу свободно бросила за спину. Здесь некому было на нее смотреть, кроме Стоукхерста, поэтому она решила делать так, как ей удобно.

По правде говоря, оказаться пленницей в таком доме было совсем неплохо. Она переходила из комнаты в комнату и в каждой находила какие-то прелестные вещицы: редкие книги, гравюры, миниатюры с изображением надменных черноволосых людей, которые могли быть только предками Стоукхерста.

Все в доме выглядело ненормальным, но ухоженным: стены, покрытые выцветшими от времени гобеленами, великолепные картины, написанные маслом, роскошная тяжелая

старая мебель... Здесь было тихо и уютно... Совсем нетрудно было вообразить себе Уильяма Стоукхерста, когда он навещал здесь свою любовницу, забывая весь мир в ее объятиях.

Обследовав весь дом, включая винный подвал и кладовую, Тася вышла, чтобы прогуляться вокруг пруда, а заодно обойти загон и сад. Не зная точно, где именно находится Стоукхерст, она тем не менее не сомневалась, что уж он-то знает обо всем, что она делает. К счастью, он понимал, что ей надо побродить одной и остыть.

Спустя пару часов она с интересом наблюдала, как он тренирует своего жеребца, обучая его поворачиваться, встав на дыбы. Работая с животным, Стоукхерст был очень терпелив. Черный жеребец упругостью своих мускулов и элегантностью движений напоминал ей танцора. Большею частью он хорошо слушался хозяина, но временами в нем вспыхивал мятежный дух, за что его тут же наказывали, останавливая на несколько секунд.

— Он ненавидит, когда его заставляют стоять смирно, — пояснил Люк Тасе, заметив во время одной из этих остановок ее присутствие. — Как, впрочем, любая двухлетка.

Затем они продолжили движение, завершив его идеальным полуповоротом. Тася безмолвно восхищалась замечательным зрелищем — умелый всадник на послушном жеребце. Стоукхерст направлял жеребца давлением ног и коленей, поддерживая ритм движения, пока они не сделали новый поворот. Когда конь закончил пируэт, опустив копыта в правильной последовательности. Люк рассыпался в похвалах.

Затем Стоукхерст спешил к Подвел коня к деревянному ограждению, где стояла Тася.

— Константин, познакомься с леди Каптеревой.

Тася протянула руку и дотронулась до бархатной морды.

Константин деликатно обследовал ее пустую ладонь. Внезапно он наклонил голову и боднул ее в плечо, заставив попятиться на два шага. Тася удивленно рассмеялась:

— Чего он хочет?

Люк сердито нахмурился и что-то укоризненно пробормотал жеребцу, а затем с извиняющейся улыбкой обратился к Тасе:

— Эмма избаловала его — всегда после прогулки дает несколько кусков сахара. И он научился их требовать. От этой привычки его никак не отучишь.

— Жадина, — проворковала Тася, погладив коня по шее.

Константин склонил голову набок и посмотрел на нее искоса большим блестящим глазом.

Продолжая улыбаться, Тася подняла глаза на Стоукхерста. От упражнений дыхание его еще было учащенным, загорелое лицо и шея блестели от пота. Белая рубашка прилипла к телу, четко обрисовав великолепную мускулатуру. Он выглядел мужественным и естественным и совсем не был похож на мужчин, которых она видела при русском дворе. Те все тонули в лентах и пуговицах, запахах духов и помады.

Истинные чувства были скрыты маской притворства.

Тасе вдруг вспомнился один из придворных балов, на котором она была. Около нее, одной из самых богатых невест России, толпились молодые гусары и дворяне. Все залы Зимнего дворца были залиты светом, от которого морозный мрак за окнами казался еще темнее. Вдоль балконов стояли офицеры в полной парадной форме. Воздух был насыщен теплой дымкой курений, сочившейся из серебряных сосудов, которые носили дворцовые слуги. Закрывая глаза, Тася и сейчас могла ощутить их сладкий экзотический аромат. И женщины, и мужчины были буквально увешаны драгоценностями. Бриллианты, рубины, изумруды ярко сверкали под светом золотых люстр. Ее мать, Марию Петровну, считали

одной из признанных первых красавиц. Она действительно была прекрасна: гладко зачесанные черные волосы, покрытые сеткой из золотых нитей с бриллиантами, нежное лицо, белоснежная грудь в низком декольте, украшенная нитями жемчуга и изумрудов.

Тася танцевала один танец за другим. Среди ночи был подан ужин. На столах стояло множество блюд, полных воздушных волованов, перепелиных яиц, фаршированных красной и черной икрой, или чего-то подобного. Русская аристократия жила в невиданной роскоши. Тася принимала ее как нечто само собой разумеющееся. Но эта жизнь кончилась, и она в крестьянской одежде стоит на краю выгона в чужой стране. Вернее, совсем в другом мире. И при этом испытывает чувство, опасно похожее на счастье.

— Ты думаешь о прошлой жизни? — удивил ее своей пронизательностью Стоукхерст. — Ты, должно быть, скучаешь по ней?

Тася покачала головой:

— Нет. Эту жизнь интересно вспоминать, но..., теперь я вижу, что в общем-то она была мне чужда. Не знаю, какой будет моя дальнейшая жизнь, но даже если бы я могла выбирать.

— Тася...

Она подняла голову и встретила его неотрывный сосредоточенный взгляд, от которого все внутри внезапно сжалось в комок. Наступившее молчание, казалось, вибрировало от переполнявшего их томительного ожидания.

Наконец Тася с трудом сумела его нарушить:

— Я хочу есть. Там, в кладовой, я видела еду... — Она попятилась от деревянной ограды.

— Миссис Планкет собрала нам холодный ужин — цыпленка, хлеб, фрукты...

— Миссис Планкет знала об этом?...

На лице Люка появилось выражение детской невинности.

— Знала? О чем?

— О том, что я окажусь здесь с тобой! — Тася уставилась на него подозрительно прищуренными глазами. — Она знала! Я по твоему лицу это вижу. Наверное, все в Саутгейт-Холле знали, что должно было сегодня случиться. И Эмма тоже? Что ты ей сказал?

— Она в курсе, — признался он с неподдельным смущением.

Тася почувствовала себя игрушкой в чужих руках, жертвой заговора, пусть с самыми добрыми намерениями. Ее гордость была уязвлена, и она, не говоря ни слова, пошла прочь.

Не переставая сердиться, она распаковала свои вещи, потом еду, которую расставила на столе в большой комнате.

Миссис Планкет приготовила настоящий пир: жареное мясо, салаты, фрукты, сыр, а на десерт пирожные с кремом. Солнце уже начало садиться, его розово-золотые лучи проникали через полузакрытые ставнями окна. Пришел Люк. Он успел умыться, переодеться и сходить в погреб за двумя бутылками вина. Тася, подчеркнуто не обращая на него внимания, развернула льняную салфетку, в которой был свежесвеженный хлеб с хрустящей корочкой.

Люка, казалось, ее молчание не тревожило. Он уселся за стол и стал откупоривать вино, держа бутылку между коленями.

— Так устойчивей, — пояснил он, заметив любопытный взгляд Таси. — Конечно, я могу зажать бутылку локтем, но она выскальзывает. Я потерял так несколько бутылок хорошего вина.

Он улыбнулся ей обаятельной мальчишеской улыбкой, которая немного смягчила ее

отчужденность.

— А кто присматривает за домом и садом? — поинтересовалась она.

— Сторож, он живет за холмом.

— Здесь еще кто-нибудь живет, хотя бы иногда?

Он покачал головой:

— Знаю, бессмысленно содержать дом, в котором никто не живет, но я никак не могу забросить его совсем. Мне нравится думать, что у меня есть такое убежище.

— Ты привозил сюда других женщин?

— Нет.

— А ее ты когда-нибудь привозил сюда? — На этот раз голос Таси прозвучал мягко.

Оба понимали, что она имеет в виду Мэри.

Люк надолго задумался, потом утвердительно кивнул.

Тася не могла разобраться в своих чувствах... Скорее всего ей это льстило, но в то же время вызывало какую-то неясную тревогу. Она начала осознавать, что была важна для него, что он действительно любит ее, и это растревожило ей душу.

— Мне жаль, что я тебя обманул. — Люк постарался произнести это небрежным тоном, но ему это не слишком удалось. — Я не знал, как еще по-другому привезти тебя сюда.

Тася нашла в ящике старого буфета длинный вощеный фитиль и, запалив его, стала обходить комнату, зажигая свечи; наконец воздух в комнате заколыхался золотыми волнами.

— Ты мог бы попытаться пригласить меня.

— И ты бы приняла это приглашение?

— Не знаю. Думаю, что это зависело бы от того, как бы ты приглашал. — Она задула фитиль и сквозь курившийся дымок посмотрела на него.

Люк медленно встал и подошел к ней. Глаза его обольщали, улыбка была полна лукавства.

— Мисс Биллингз... Прошу вас, не покидайте меня. У меня недалеко отсюда, в глубине леса, есть прелестный дом, куда я хочу вас отвезти. Мы будем там одни, только вдвоем.

И сможем оставаться там, вдали от мира, столько, сколько вы захотите..., день..., месяц..., вечность.

— А что мы будем там делать? Одни, только вдвоем?

— Днем спать, просыпаясь лишь тогда, когда на небе зажгутся звезды... Пить вино..., делиться тайнами..., танцевать в лунном свете...

— Без музыки?

Он склонился к ее уху и доверительно прошептал:

— Лес полон музыки. Но большинство людей ее не слышит. Они не умеют слушать.

Тася на миг закрыла глаза. От него исходила обольстительная смесь запахов мыла, воды, влажных волос, крахмального белья.

— Вы предлагаете научить меня этому? — еле слышно отозвалась она.

— Вообще-то я надеялся, что ты меня научишь.

Она отодвинулась, глядя ему в глаза. И они внезапно рассмеялись без всякой видимой причины, только потому, что мгновение это было наполнено радостью.

— Я обдумваю ваши слова. — Она двинулась к стулу, который он ей предупредительно подставил.

— Вина?

Вместо ответа Тася подтолкнула к нему свой пустой бокал. Он сел напротив нее, разлил

вино по бокалам, и они подняли их в безмолвном тосте. Бледно-золотое вино было чуть густым и сладковатым на вкус. Тася кивнула в ответ на вопросительный взгляд Люка и снова поднесла бокал к губам. Раньше она ограничивалась одним-двумя маленькими глотками под присмотром матери или кого-то из старших.

Теперь она наслаждалась свободой сделать столько глотков, сколько хочется.

Они неторопливо поужинали. Тем временем стемнело, и в доме по углам сгустились тени. Люк делал все, чтобы Тася не вспоминала о случившемся. С ласковой шутливостью он наблюдал, как Тася снова и снова подставляла ему свой бокал, и, забавляясь, предупреждал о том, что утром ее ждет жесточайшая мигрень.

— Мне все равно, — отвечала Тася, глотая изумительный напиток. — Это лучшее вино, которое я когда-либо пробовала.

Люк рассмеялся:

— И с каждым бокалом оно становится все лучше и лучше. Потягивай его медленно, любимая. Я все-таки джентльмен и не смогу воспользоваться твоим беспомощным состоянием, когда ты опьянеешь.

— Почему же нет? Пьяная или трезвая — итог будет один.

Не так ли? — Она запрокинула голову, давая сладкой жидкости скользить в горле. — Кроме того, не такой уж ты и джентльмен.

Он сощурился и сделал рывок к ней через стол. Тася со смехом вскочила, едва успев увернуться. Комната как-то накренилась, и ей потребовалось сосредоточиться, чтобы не потерять равновесие. Когда наконец ей это удалось, она снова взяла свой бокал и стала бесцельно бродить по комнате. Понимая, что выпила чересчур много, она тем не менее испытывала согревающее ее светлое ощущение радости бытия и не хотела, чтобы оно исчезло.

— Кто это? — указала она жестом на портрет белокурой женщины. Немного вина выплеснулось из бокала. Досадливо нахмурившись, Тася решительно стала допивать его, пока бокал не опустел.

— Это моя мать. — Люк подошел и встал рядом с ней перед портретом. — Не пей столько, милая, — произнес он, отнимая у нее бокал. — У тебя закружится голова.

Голова у Таси уже кружилась. А Люк был таким устойчивым, основательным... Она откинулась на него, продолжая разглядывать портрет. Герцогиня была красивой женщиной, но в ее лице совершенно не было нежности или хотя бы мягкости. Губы были сурово сжаты в ниточку, а глаза смотрели остро и холодно.

— Не очень-то ты на нее похож, — заметила Тася. — Разве что нос...

Люк расхохотался:

— У моей матери железная воля, и с возрастом она не стала мягче. Да и ум у нее ясный и быстрый. Она всегда клялась, что сохранит его до самой смерти, и пока ни на йоту не растеряла своей сообразительности.

— А какой твой отец?

— Старый негодяй с неутолимой страстью к женщинам.

Один Бог знает, почему он женился на такой, как моя мать.

Для нее любое проявление чувств, даже смех — нечто непристойное. Отец утверждает, что в свою постель она пускала его всего несколько раз..., лишь для того, чтобы произвести потомство. Трое их детей умерли в младенчестве, а потом родились мы с сестрой. С возрастом мать обратилась к церкви, предоставив отцу бегать за женщинами в свое

удовольствие.

— Они когда-нибудь любили друг друга? — рассеянно поинтересовалась Тася.

Грудь его поднялась в задумчивом вздохе.

— Не знаю. Все, что мне вспоминается, — это вежливое терпение, с которым они общались.

— Как печально!

Люк пожал плечами:

— Они сами выбрали себе такую судьбу. Каждый из них по своим причинам не одобрял и не одобряет брак по любви... Это довольно забавно, потому что их дети считают такой брак единственно возможным.

Тася поуютнее прильнула к нему, наслаждаясь прикосновением твердых мускулов к своей спине.

— Значит, твоя сестра любит своего мужа?

— Да, Катерина вышла за упрямого шотландца с характером под стать ее собственному. Половину времени они проводят, во все горло поливая друг друга проклятиями, а вторую — в постели.

Последние его слова повисли в воздухе. При воспоминании о прошлой ночи, о полных сладостной истомы часах в постели с ним Тася ощутила, как кровь прилила к щекам.

Она глубоко вздохнула, потом еще и, не глядя, потянулась к бокалу.

— Мне хочется пить... — Она повернулась и наткнулась на него, потеряв свое неустойчивое равновесие. Он обхватил ее твердой рукой за талию, и Тася ахнула от неожиданности, почувствовав холодное вино на своем плече.

— Ты пролил вино на меня! — воскликнула она, хватаясь за блузку.

— Неужели? — мягко переспросил он. — Дай-ка мне посмотреть. — Он наклонил голову, и она ощутила горячие губы как раз там, куда пролилось вино.

Смущенной Тасе показалось, что они медленно падают: пол все приближался, и тогда она поняла, что Люк опускает ее на ковер. Прежде чем она успела возразить, послышался легкий всплеск, и тонкие струйки потекли по ее животу.

— Ты снова пролил вино!

Шепча какие-то нежные слова, он отставил бокал в сторону и осторожно потянул за шнурок, стягивающий вырез блузки. Влажная ткань соскользнула с плеч. Легкий рывок — и юбка поползла вниз по бедрам.

— О Боже! — растерянно проговорила Тася, наблюдая за тем, как одежда, казалось, сама спадает с нее. Но Стоукхерст улыбался ей, словно делал именно то, что нужно. Он склонился к ее обнаженной груди и, подхватывая языком пьянящие капли, лизнул сначала одну грудь сбоку, а затем неглубокую впадинку под ней. Тася задрожала от возбуждения. Она понимала, что ей следует остановить его, но губы Люка были такими жаркими, щекочущими, ласковыми... Шея ее, не в силах удержать голову, качнулась, как стебель цветка, и Тася обвила руками его плечи, стремясь сохранить равновесие.

— Я, должно быть, пьяна, — еле ворочая языком, проговорила она. — Со мной никогда раньше такого не случалось, но я представляла себе, что при этом именно так себя и чувствуешь... Все это вино. О, я наверняка пьяная! Правда?

— Немножко, — ответил он, продолжая снимать с нее юбку.

Тася вдруг почувствовала себя свободно, мысли о том, что хорошо, а что плохо, исчезли, и она даже вздохнула с облегчением, когда надоедливая юбка наконец оказалась в

стороне. Ноги ее были свободны, и она ощутила себя легкой, ничем не обремененной... А тем временем он снимал с нее остальную одежду, вещь за вещью.

— Ты пользуешься тем, что ты трезв, — сурово заявила она и, рассмеявшись, перекатилась на бок. Он лег рядом, смотря ей в лицо. Она не могла удержаться и стала медленно обводить пальцем его губы. — А может, ты меня совращаешь?

Он кивнул и ласково отвел прядь волос, упавшую ей на щеку.

— Я не сомневаюсь, что мне не следует хотеть этого. Как же кружится голова! — Тася закрыла глаза, почувствовав его губы, жгучие, настойчивые, от которых кровь весело помчалась у нее в жилах. Он навис над ней, такой красивый и обольстительный, что она вся потянулась к нему.

— Помоги мне снять рубашку, — попросил он.

Какая прекрасная мысль... Она хотела ощутить прикосновение его твердой груди, но мешала рубашка. Она старалась одолеть длинный ряд крохотных резных пуговичек, но они не желали поддаваться. Тогда, схватив тонкое полотно, Тася с силой рванула, рубашка с треском разорвалась, и пуговицы посыпались на пол. Довольная этим, она с жадностью смотрела на его стройный обнаженный торс и озаренное светом свечи лицо.

Глаза его были цвета моря, чистого, без примесей серого или зеленого.

— Как это могут твои глаза быть такими синими? — Она бережно коснулась его лица. — Прекрасного синего цвета...

Такого прекрасного.

Его густые ресницы опустились.

— Помоги мне Господь, Тася. Если ты уедешь, ты возьмешь с собой мое сердце.

Тася хотела было ответить, но он стал целовать ее, и слова куда-то раскатились, затерялись. Как в тумане, она увидела его руку, снова сомкнувшуюся на ножке бокала и наклонявшую его так, что содержимое переливалось через край. Ей было непонятно, зачем он льет на нее вино, но он велел ей не двигаться. Она лежала в мечтательной истоме, а прохладные капли золотистой жидкости падали на ее тело и растекались по животу и между бедер. От этого странного ощущения она зашевелилась, но тут рот Люка прошелся, порхая, по ее коже, по этому влажному следу вниз к животу, слизывая крохотные винные лужицы. Она коротко засмеялась и вдруг задрожала, когда он обнаружил полную вина ямку пупка. Он нежно опустошил ее до единой капельки, касаясь бархатистой кожи раскрытыми губами, время от времени останавливаясь, чтобы провести по ней горячим языком.

Тася замерла, замороженная необыкновенной игрой, которую он затеял, и щекочущим удовольствием, от которого покалывало иголочками каждый дюйм ее кожи. Он раздвинул рукой ее бедра, и она послушно раскрылась, воля ее сменилась полной покорностью.

Все ее существо сосредоточилось на движении его рта, волнуяще-дразнящем давлении, которое спускалось все ниже и ниже, пока не дошло до упругих, смоченных вином завитков. Его пальцы легонько прошли сквозь эти шелковистые заросли, пролагая дорогу скользящему прикосновению языка. После его поцелуя это место бешено запульсировало, и все ее тело содрогнулось. Его язык направился к самой чувствительной точке..., и задержался там, помедлил, пока она не испустила жалобный вздох и не выгнулась навстречу этому волнующему прикосновению с лихорадочным шепотом:

— Да, да, пожалуйста, именно здесь...

Волна наслаждения взметнулась, поднимаясь все выше и выше, с приливной силой, которую тело не могло удержать в себе. Отчаянно вскрикнув, она потянулась вниз и еще

теснее прижала его темноволосую голову. Воспитательные содрогания вырвались на свободу и прокатились по ее телу долгими замирающими, преображающимися в тепло кругами.

Опьяненная после любовной истомой, Тася удовлетворенно вытянулась, и в то же мгновение Люк надвинулся на нее.

Она обвилась вокруг его крепкого тела и потянулась к его мужской плоти, нежно обхватывая пальцами всю ее твердую длину. Он застонал, "одним толчком мягко скользнув в ее набухшую глубину, и она радостно сомкнулась вокруг него.

Тася всхлипнула и сплела руки у него на спине, жадно стремясь ощутить сладостную тяжесть его тела, нести бремя давящей ее силы. Но он старался удержать свой вес на локтях, бормоча:

— Я могу раздавить тебя. Ты такая маленькая и хрупкая..., словно косточки у тебя полые, как у птички...

Его пальцы нежно обводили контуры ее ребер, он целовал ее груди и смуглую гладкость ложбинки между ними.

— Когда я чувствую твою ответную страсть..., когда ты стремишься привлечь меня ближе, теснее..., я чуть не схожу с ума, почти не контролирую себя и с трудом сдерживаюсь, чтобы не причинить тебе боль.

— Не сдерживайся, — задыхаясь, просила она, вздымаясь навстречу каждому его пронзающему выпад. — Я не сломаюсь.

Но он не терял голову, даже когда ее руки требовательно гладили его спину и бедра, а зубы нежно сжали его плечо.

Сладкое забвение накатило лавиной на обоих разом и слило их в едином обвале наслаждения, бездумного и беспредельного.

Следующие несколько часов они провели в огромной дубовой постели с массивными резными столбиками, поддерживающими балдахин и необъятные голубые занавески. Но любовь не только приносила наслаждение, она вызывала ужасный аппетит, и они совершили набег на кладовую. Поев фруктов, сыра и кексов, они снова забрались в постель. Тася, зацепившись пальцами ног за матрас, постаралась вытянуться, но все равно не достала до его другой стороны.

— Кровать слишком большая, — пожаловалась она, перекатываясь по белым простыням и улыбаясь Люку. — Я в ней все время теряюсь.

Он засмеялся и подхватил ее на руки.

— А я буду тебя все время отыскивать.

Обвив его шею руками, она устроилась у него на коленях и прижалась щекой к щеке.

— Мне нравится быть распутной, — наивно сообщила она. — Неудивительно, что многие женщины предпочитают быть любовницами.

— Ты считаешь, что ты теперь ею стала? — Он целовал ее в шею.

Она смущенно заглянула в смуглое лицо и покраснела.

— Я..., я не настолько самонадеянна, чтобы считать, что займу место леди Харкорт.

— Мы с Айрис больше не связаны друг с другом. Я ездил вчера в Лондон, чтобы проститься с ней.

Тася настороженно вздернула брови:

— Почему?

— Айрис хотела большего, чем я мог ей предложить, а я был слишком эгоистичен и удерживал ее около себя дольше, чем следовало. Теперь она свободна и может выйти замуж за одного из своих поклонников, которые ухаживали за ней годами. Я не думаю, что это потребует много времени.

— А как насчет тебя? — Тася начала осторожно съезжать с его коленей. — Ты захочешь найти новую любовницу ей на смену?

Люк зажал между плечом и локтем ее талию, удерживая на прежнем месте, и честно признался:

— Я не люблю спать один. Полагаю, что легко найду кого-нибудь вроде Айрис и вновь погрязну в привычном блюде.

Эти слова вызвали у Таси ревнивую боль, и она насупилась и замолчала, зная, что у нее нет права возражать.

Люк усмехнулся, легко читая ее мысли.

— Но с другой стороны, — мягко прошептал он, — возникает вопрос, что делать с тобой.

— Я могу сама о себе позаботиться.

— Это мне известно. Но может, ты захочешь взять на себя заботу еще о ком-то? И позволить этому кому-то в свою очередь заботиться о тебе?

Тася покачала головой, но сердце ее забилося часто и сильно.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Пришло время нам поговорить. — Его синие глаза не отрываясь смотрели на нее. Он набрал в грудь побольше воздуха. — Тася..., я хочу, чтобы ты стала частью моей жизни и жизни Эммы, Я хочу, чтобы ты осталась со мной навсегда.

Если ты согласна, то ты должна стать моей женой.

Тася высвободилась из его рук и, схватив простыню, укуталась в нее. Она упрямо смотрела куда-то вниз, не в силах поднять глаза, а он продолжал:

— Мне никогда не приходило в голову, что я смогу быть хорошим мужем кому-либо, кроме Мэри. Я не хотел и пытаться... До той поры, пока не появилась ты. — Он коснулся изгиба ее обнаженной спины, провел пальцами по напряженному позвоночнику. — Знаю, что ты не уверена в своих чувствах ко мне. Если бы все было по-другому, если бы у нас было больше времени, я ухаживал бы за тобой со всем доступным мне терпением. А вместо этого я предлагаю тебе совершить прыжок в неизвестность с завязанными глазами и довериться мне.

На одно мгновение Тася представила себе, как это было бы прекрасно: делить с ним дом, жизнь..., просыпаться рядом с ним каждое утро... Но видение это сразу же рассеялось, оставив в душе ноющую пустоту.

— Если бы я была другой, я бы сказала «да», — ответила она несчастным голосом.

— Если бы ты была другой, я не желал бы тебя.

— Мы толком не знаем друг друга.

— Я сказал бы, что последние двадцать четыре часа стали весьма обещающим началом.

— Сколько раз я буду снова и снова объяснять тебе?! — В ее голосе звучало

отчаяние. — Ты меня не слушаешь. Я совершила ужасное преступление. Этого даже Бог не прощает. Каким-то образом когда-нибудь мне придется заплатить за это. Возмездие грядет. А я слишком большая трусиха, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, поэтому я буду убегать, пока оно меня не настигнет.

— Значит, выходит, что Николай Ангеловский служит орудием божественного правосудия? Не думаю. Полагаю, что у Бога есть лучшие средства для наказания грешников, чем рассылать за ними полусумасшедших русских князей. Кроме того, пока не будет каких-либо доказательств, я не поверю, что ты кого-то убила. Я считал бы так, даже если бы не полюбил тебя. Какого черта ты так рьяно обвиняешь себя в преступлении, которого не могла совершить?!

— Ты любишь меня? — спросила Тася в полном изумлении, отбрасывая с лица спутанные волосы, чтобы внимательно посмотреть на него.

Лицо Люка стало суровым, он вовсе не походил на человека, поглупевшего от любви.

— А что, по-твоему, я пытаюсь тебе втолковать?

Она ошеломленно засмеялась:

— Пока ты до подобных утверждений не дошел.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Его голос погрубел от смущения:

— Поверь, мне было из кого выбирать. После смерти Мэри многие женщины бросались на меня..., и у многих были весьма хорошие обстоятельства..., состояние..., положение...

— У меня в России были отличные обстоятельства, — сообщила она. — Земли, огромное состояние, дворцы...

— Так что мадам Миракль была недалеко от истины?

— Совсем недалеко.

Губы его слегка искривились.

— Мне все равно, — будь ты хоть дочерью дровосека. Пожалуй, я даже предпочел бы именно это.

— Я тоже, — откликнулась она, помолчав мгновение.

Они не смотрели друг на друга. Наступило молчание, им надо было привести в порядок мысли. Каждый обдумывал свой следующий шаг. В середине их разговора он сделал ей предложение, а она отказалась. Но скорее всего это было не последнее слово.

Тасе хотелось плакать, но она не смела поддаться этой слабости. Тогда он начнет ее утешать. А какой смысл было лнуть друг к другу, если им предстояло вскоре расстаться?

И она еще крепче прижала к груди простыню.

— Люк, — мягко произнесла она, впервые произнося вслух его имя. Он удивленно посмотрел на нее. — Если ты готов снова полюбить и жениться, ты ведь можешь найти кого-то гораздо более подходящего, чем я. Тебе будет гораздо лучше с женщиной, похожей на Мэри.

Эти слова были ее благословением и добрым советом, но он в ответ только пронзительно взглянул на нее.

— Разве я говорил об этом? Если бы мне нужно было подобие Мэри, я нашел бы его давным-давно. Но я вовсе не хочу, чтобы мой второй брак стал подделкой под первый.

Нельзя желать одного и того же всю жизнь.

Тася безразлично пожала плечами:

— Ты говоришь это сейчас, но если женишься на мне, то потом разочаруешься.

Возможно, не сразу, а через какое-то время...

— Разочаруюсь? — повторил за ней Люк. — Чего ради?

Нет, ничего не говори. Дай мне минутку, я объясню тебе все сам.

Когда она еще раз попыталась заговорить, он жестом попросил ее замолчать. Было очень важно, чтобы между ними не оставалось никаких недоразумений. Он искал такие слова, которые помогут объяснить ей то, что произошло в его жизни, но задача оказалась очень трудной. Она была еще слишком молода и воспринимала жизнь и мир как нечто неизменное, данное раз и навсегда, совершенно не представляя, какие перемены несет все изменяющее время.

Наконец он заговорил, осторожно подбирая слова:

— Когда я женился на Мэри, я был еще мальчишкой. Я просто не представлял себе жизни без нее. Дружба, родившаяся в детских играх, перешла в юношескую влюбленность.

Мы сначала стали друзьями, а потом мужем и женой. Мы никогда не влюблялись друг в друга, мы тихо и спокойно... вплыли в любовь. Я не стану унижать ее память, притворяясь, что чувство не было настоящим. Мы с ней были очень привязаны друг к другу, и нам было чертовски хорошо вместе... Она подарила мне дочь, которую я обожаю. Но с тех пор как она умерла, я стал другим человеком. И теперь мне нужно другое. Ты же, — он взял Тасину руку и крепко стиснул в своей, глядя на ее склоненную голову, — внесла в мою жизнь страсть и волшебство, которых я раньше не знал. Мы принадлежим друг другу, мы половинки одного целого. Сколько, по-твоему, на свете людей, которым удастся найти вторую половину своей души? Большинство проводит в поисках всю жизнь, и безуспешно. Но слава Богу, мы с тобой встретились именно здесь и именно сейчас. — Он замолчал и закончил вдруг осипшим голосом:

— Нам дан шанс. Ты знаешь, чего хочу я. Заставить тебя остаться со мной я не могу. Выбор за тобой.

— У меня нет выбора! — воскликнула Тася, глаза ее слепили слезы. — Именно потому, что я привязалась к вам с Эммой, я обязана вас покинуть.

— Ты обманываешь сама себя. Ты используешь любой предлог, выдуманный или действительный, лишь бы никто не смог причинить тебе боль. Ты боишься полюбить кого-то, — А что, если причина не во мне? — резко возразила она. — Что, если она в тебе? Может быть, ты настолько высокомерен, эгоистичен и лжив, что я не хочу твоей любви!

Люк вспыхнул от негодования:

— Так это и есть твоя причина?

Тася посмотрела на него с мольбой. Он вынудил ее сказать то, что ранило их обоих. Если бы он просто принял ее решение... Если бы не был так упрям...

— Пожалуйста, не делай наше расставание таким трудным.

— Будь ты проклята! Я сделаю его невозможным. — Он подмял ее под себя и заглушил растерянный вскрик требовательным поцелуем. Затем, подняв голову, посмотрел ей в лицо и проговорил, задыхаясь:

— Ты мне нужна. — Дрожащей рукой он нежно погладил ее маленькую грудь. — Ты мне необходима во всем. Я не хочу потерять тебя, Тася.

Прежде чем она смогла ответить, он снова стал целовать ее. Все ее мысли разбежались, кровь быстрее помчалась по жилам, переполняя ее радостью и жадной страсти. Она задвигалась под ним в пылком приглашении. Мягкие завитки терлись о его набухшую плоть, вызывая сладострастную дрожь.

Он легко проник в ее скользкий вход и нашел его влажным, готовым к его вторжению. Она ахнула и сжала вокруг него мышцы своего лона, ее маленькие руки вцепились ему в плечи с отчаянной силой. Она жарко дышала, обжигая своим дыханием его кожу, и так сильно прижалась лицом к его груди, что он почувствовал острый край ее зубов.

Люк держал ее крепко и застонал, ощутив судороги ее оргазма, заколыхавшегося вокруг него, затягивавшего его все глубже, пока и его не настигло такое же восхитительное освобождение.

Как только дыхание Таси выровнялось, она откатилась в сторону и встала с кровати. Ноги ее подгибались. Она подхватила с пола шелковый мужской халат. Он был ей слишком велик, и ей пришлось завернуться в него. Тася посмотрела на Люка. Лицо его было непроницаемым:

— Я сделал тебе больно? — тихо спросил он.

Она растерянно покачала головой:

— Нет, но... Я хочу побыть одна. Мне надо подумать.

— Тася...

— Пожалуйста, не ходи за мной.

Покидая комнату, она услышала, как он выругался себе под нос. Выйдя на воздух, она подобрала полы халата, чтобы они не волочились по земле.

Была середина ночи, и бархатное черное небо нависало над землей, усыпанное звездами. Тихий пруд походил на стекло и отражал небо, так что вода его тоже казалась полной звезд. Тася неторопливо подошла к берегу. Несколько камышинок закачалось. Это пара лягушек запрыгала прочь при ее приближении, очевидно, решив, что благоразумнее будет поменять место. Тася шумно ступала босыми ногами по песку, стараясь, чтобы остальные лесные и луговые существа, услышав ее, разбежались и разлетелись. Подоткнув халат, она уселась прямо на сырую землю и погрузила ноги в прохладную воду. Лишь затем она позволила себе начать свои размышления.

Человек страстей, настоящий мужчина, лорд Стоукхерст оказался во власти своих чувств в гораздо большей степени, чем хотел это обнаружить. Он был груб в своей настойчивости, но не причинил ей боли. Вытащив ноги из воды, Тася подтянула колени к груди и оперлась на них подбородком.

Больше всего на свете она хотела, чтобы кто-то сказал ей, что делать.

Она перебирала в памяти подробности их разговора, слово за словом. Правду ли он говорил? Действительно ли она так боится будущей боли, что не может никому отдать свое сердце? Она вспомнила тех, кого любила в своей жизни: мать, отца, дядю Кирилла, няньку. Всех их она потеряла... Да, она боится... Слишком мало дорогого ее сердцу осталось в жизни у Таси, чтобы не бояться потерь.

Ей вспомнилось детство, какой потерянной и одинокой была она, когда умер отец. Мать всегда была с ней ласкова, но главной заботой Марии Петровны была забота о себе. В ее характере было что-то детское, вернее, инфантильное, что мешало ей любить других всей душой. Когда Тася была маленькой девочкой, она не могла этого понять и считала, что просто не заслуживает любви матери. Вся ее досада и мятежность обратились внутрь, на себя. Церковь тоже призывала людей принимать страдания как должное, поощряла мученичество... Но и это не принесло блага. Очень неприятное ощущение быть мучеником. И как доказала жизнь, это очень мало кому нужно.

Заслуживает ли она счастья? Возможности счастья? Должна ли она думать о себе? Она

не знала правильного ответа. А как быть с Люком? Что она должна ему ответить? Он ведь человек умный и достойный, он сознательно делает свой выбор, и его не пугают последствия этого выбора. Он хочет жениться на ней, ибо верит, что так будет лучше им обоим.

Если в нем столько веры, то ей следует подумать, почему это случилось.

Он сказал, что любит ее. Тася была одновременно обрадована и подавлена этими словами. Она не понимала, за что он мог полюбить ее: она пришла к нему с пустыми руками, нуждаясь во всем. Но если он получал хоть долю того счастья, которое давал ей, то, может, этого и достаточно.

Она сложила руки перед собой и, крепко зажмурившись, начала молиться: «Господи Боже, я не заслуживаю этого... Я боюсь надеяться..., но ничего не могу поделать. Я хочу остаться здесь».

— Я хочу здесь остаться, — громко произнесла она и поняла, что это и есть ее ответ.

Люк спал на спине, повернув голову набок. Из глубокого сна его вывело нежное поглаживание по голому плечу и шепот в ухо:

— Просыпайтесь, милорд.

Думая, что сон продолжается, он отвернулся, что-то буркнув.

— Пойдем со мной, — настаивала Тася, стягивая с него простыню.

Зевнув, он раздраженно спросил:

— Куда?

— На улицу.

— Зачем? Что мы там будем делать?

Ее быстрый смешок пощекотал ему шею, когда она пыталась посадить его на постели.

— Тебе надо одеться.

Все еще скорее сонный, чем проснувшийся, Люк набросил на себя какую-то одежду, но обуваться не стал.

Он иронически сдвинул брови, когда Тася старательно помогала ему надеть рубашку, и, хотя она не смотрела ему в лицо. Люк почувствовал в ней какое-то напряженное ожидание. Взяв за руку, она потянула его из дома. Подол длинного шелкового халата волочился за ней по земле, как шлейф королевской мантии. Прохладный ветерок помог Люку окончательно пробудиться.

Тася сунула ладонь ему в руку.

— Пойдем, — повторила она, изо всех сил таща его за собой.

Он хотел поинтересоваться, какого черта ей понадобилось, но она так рьяно тянула его вперед, что он промолчал и послушно двинулся следом. Они обошли пруд и направились в лес по ковру опавших листьев и смолистых колких иголок.

Люк поморщился, наступив на острый камешек.

— Скоро придем? — поинтересовался он.

— Почти пришли.

Они остановились уже довольно далеко в лесу. Воздух был напоен сладким ароматом мха, сосен и земли. Сквозь переплетенные ветви мерцали звезды, пронзая дрожащим сиянием мрак леса. Люк был удивлен..., нет, изумлен..., когда Тася повернулась к нему и обвила руками его талию. Прислонившись к нему, она замерла.

— Тася, в чем, собственно...

— Ш-ш-ш... — Она прижалась губами к его груди. — Слушай.

Теперь они оба затихли. Постепенно до Люка стали доходить лесные звуки: уханье сов,

мелкое хлопанье крыльев, тихое посвистывание ночных птиц, стрекотание сверчков, скрипы и стоны стволов качающихся под ветром деревьев.

И, перекрывая все шумы и шорохи, нескончаемо вздыхал ветер в листве. Спутанные ветви деревьев делали их похожими на прихожан в церкви, взявшихся за руки во время пения торжественного гимна. Мелодии леса возносились к небу, сливаясь в вышине с вечной музыкой сфер.

Люк обнял ее и погрузил подбородок в ее волосы. Он ощутил кожей груди ее улыбку, и внезапно любовь переполнила его, опьяняя сладким дурманом. Тася пыталась немного отодвинуться, но он противился этому, нуждаясь в ее близости.

— Я хочу подарить тебе кое-что, — проговорила она, мягко вырываясь, и он должен был отпустить ее. Ощупью она нашла его руку, он почувствовал, что она держит что-то в руке. — Вот. — Она слегка задыхалась от волнения. Пальцы ее разжались, и он увидел яркий золотой отблеск золота на ее ладони. Это был тяжелый мужской перстень с какой-то неясной надписью на печатке. — Он принадлежал моему отцу. Это все, что осталось у меня от него, кроме воспоминаний. — И, так как Люк стоял неподвижно, надела перстень ему на мизинец. Он подошел идеально. — Отец всегда носил его на указательном пальце, но он не был таким крупным, как ты.

Люк поднес руку ближе к глазам и залюбовался простым, но изысканным рисунком, затем перевел взгляд на ее обращенное к нему лицо и, стараясь скрыть подступающий страх, хрипло осведомился:

— Это твой способ сказать «прощай»?

— Нет... — Ее голос дрожал, глаза светились, как лунные камни, но взгляда она не отвела. — Это мой способ сказать, что я твоя. Во всех смыслах..., до конца моих дней.

На долю секунды он замер, но тут же ожил и крепко ее поцеловал, прижав к себе так сильно, что у нее буквально затрещали кости. Однако она не стала жаловаться, лишь смеялась от непривычной неистовой радости, пока в груди не осталось воздуха.

— Ты станешь моей женой, — проговорил он восторженно.

— Это будет нелегко, — предостерегла она, продолжая улыбаться. — Возможно, ты потом захочешь развестись со мной.

— Ты всегда ждешь худшего, — обвиняюще сказал Люк, снова притягивая ее к себе.

— В противном случае я не была бы русской. — Она гладила его по спине, словно ее руки не могли оставаться спокойными.

Люк захохотал:

— Да, именно этого я заслуживаю — женщины, еще большей пессимистки, чем я.

— Нет, ты заслуживаешь кого-то, кто лучше меня..., гораздо лучше.

Он зажал ее рот яростным поцелуем.

— Никогда больше не смей говорить так, — предупредил он ее, едва их губы разошлись. — Я слишком люблю тебя, чтобы спокойно выслушивать чушь.

— Да, сэр, — кротко отозвалась она.

— Так-то лучше. — Он снова осмотрел кольцо, которое она ему подарила. — На нем что-то написано. Что?

Тася пожала плечами:

— Ничего особенного, просто одно изречение, которое любил отец...

— Скажи.

Она заколебалась:

— Там написано: «Любовь — чаша золотая, погнешь, но не сломаешь».

Люк замер. Затем снова поцеловал ее, на этот раз бережно и нежно, прошептав:

— У нас с тобой все будет в порядке. Обещаю.

Они не спешили сразу вернуться в обычную жизнь, решив украсть для себя еще один день. Тася была благодарна за эту отсрочку. Обещание было дано, но ощущение новизны и, пожалуй, некоторой неловкости все еще существовало между ними.

Тася никогда раньше не беседовала с мужчиной, не выбирая слов. Люк знал ее прошлое, самые темные ее тайны.

Однако, вместо того чтобы осуждать, он стал защищать ее от себя самой, от собственных сомнений и самообвинений. Он потребовал, чтобы она предалась ему душой и телом, и сам отдал ей то же самое. Тасе было трудно привыкнуть к их новым отношениям. «Трудно, но не неприятно», — решила она, просыпаясь в его объятиях. Они лежали, залитые солнечным светом полудня. Открыв глаза, Тася увидела, что Люк наблюдает за ней. Сколько времени он так лежал без сна, охраняя ее покой?

— Поверить не могу, что это я лежу в постели с тобой, — проговорила она. — Может, я вижу сон? Неужели я действительно оказалась так далеко от дома?

— Нет, это не сон. Но теперь ты дома. — Люк потихоньку стянул с нее простыню до талии и положил большую руку на ее грудь. Золотой перстень, теплый от его тела, легко вдавился в нежную округлость.

— Мой дядя Кирилл тебя не одобрит. Он не любит англичан.

— Твой дядя Кирилл не выходит за меня замуж. И потом, несомненно, он одобрит меня от всей души, когда узнает, как хорошо я о тебе забочусь. — Он медленно поглаживал ее грудь, обводя пальцем ее контуры, отчего жемчужно-белая кожа разгоралась розовым заревом. — Может, у меня и нет дворца, миледи, но от голода и непогоды ты будешь защищена. И еще я займусь тем, чтобы у тебя не было времени обращать внимание на наше жалкое жилище.

— Саутгейт-Холл никто не назовет жалким, — усмехнулась Тася. — Но я была бы счастлива жить в любом доме, лишь бы ты был рядом со мной.

— А больше тебе ничего не требуется?

— Ну-у... — Она бросила на него лукавый взгляд из-под ресниц и призналась:

— Я бы хотела иметь несколько красивых платьев.

— Сколько хочешь. — Он рассмеялся. — Полные комнаты платьев, драгоценностей. — Ему наконец удалось совсем стянуть с нее простыню, и он залюбовался ее стройными белыми ногами. — Туфли из кожи страуса, шелковые чулки, жемчужные нити на талию и веер из павлиньих перьев, чтобы висел на запястье.

— И все? — спросила она, умирая со смеху при мысли о крикливом наряде, который он описал.

— И белые орхидеи, приколотые к волосам, — дополнил он, на секунду задумавшись, этот волшебный образ.

— В таком наряде я буду похожа на циркового клоуна!

— Но лично я предпочитаю видеть тебя вот такой..., не прикрытой ни единым лоскутком.

— Я тоже предпочитаю это. — Тася перекатилась на него, изумив их обоих своей дерзостью. — С тобой очень приятно делить постель, — сообщила она, ставя оба локтя ему на грудь, и, помолчав, смущенно заметила:

— Я не ждала, что мне это так понравится.

Рука Люка прошлась по плавному изгибу ее бедер.

— А чего ты ждала? — с усмешкой осведомился он.

— Я думала, что это будет для мужчины приятнее, чем для женщины. И уж наверняка я не ждала, что ты будешь трогать меня так, как ты трогал, и... — Она перевела глаза на его грудь, и краска яркой волной залила ее лицо. — Еще я не думала, что при этом будет столько..., движения.

— Движения, — мягко повторил Люк. — Ты имеешь в виду, когда я нахожусь в тебе? — Она чуть кивнула и почувствовала, как расширилась и напряглась его грудь от еле сдерживаемого смеха. — Неужели тебе никто ничего не объяснял?

— После моего обручения мама сообщила мне, что мужчина и женщина «соединяются», но она не упоминала о том, что случается потом... Знаешь, все это движение и...

— Оргазм? — серьезно подсказал он, когда она, растерявшись, смолкла, не находя слов.

Тася залилась алым румянцем и кивнула.

— Что ж, можно попробовать не двигаться так энергично, — задумчиво произнес он.

— Нет!

Он приподнял ее подбородок и заглянул в глаза:

— Значит, ты довольна тем, как мы все это делали до сих пор?

— О да, — с тихой серьезностью ответила она и опять покраснела, когда он засмеялся, обрадовавшись ее ответу.

Перекатившись на нее, Люк поймал ее локтями и опустил на нее всем весом.

— Я тоже. — Он захватил ее рот долгим поцелуем. — Больше, чем когда-либо в своей жизни.

Тася обвила руками его шею, чувствуя, как ускоряется бег ее крови.

— Я не хочу и не буду никогда ни с кем другим делить постель, — сказала она, когда Люк поднял голову. — Когда я была обручена с Михаилом, я только и думала о том, как бы избежать его прикосновений.

Выражение лица Люка изменилось, стало задумчивым и нежным.

— Ты боялась?

Она расстроено взглянула на него, вспоминая, как это было.

— Когда я его видела, у меня в желудке появлялся какой-то ком. Большую часть времени Михаил казался равнодушным ко мне, как и вообще к женщинам. Но иногда..., он смотрел на меня в упор своими странными желтыми глазами и задавал вопросы, на которые у меня не было ответов. Он говорил, что я напоминаю ему оранжерейный цветок, что я ничего не знаю о жизни и мужчинах. Однажды он сказал, что ему доставит удовольствие поэкспериментировать со мной.

Я довольно хорошо представляла себе Михаила, чтобы прийти в ужас от этих слов. — Она замолчала при виде гнева, появившегося на лице Люка. — Мне не надо говорить о нем?

— Нет-нет, — успокаивал он ее, покрывая поцелуями лоб и переносицу, пока не

исчезли морщинки между бровями. — Я хочу разделить с тобой все твои воспоминания, даже плохие.

Тася протянула тонкую руку к его лицу и погладила по худой щеке.

— Иногда ты меня удивляешь. Ты такой добрый и понимающий... А потом я вспоминаю, каким ты был с Нэн Питфилд.

— Беременной горничной? — Люк горько усмехнулся. — Да, временами я веду себя как осел. Тогда ты не колеблясь сказала мне об этом. У большинства людей не хватает духа так поступить. Когда ты пришла ко мне в библиотеку и стала ругать меня за Нэн, я готов был тебя придушить.

Тася улыбнулась, вспоминая его ярость:

— Я думала, ты так и сделаешь.

Он уткнулся в ее ладонь, целуя в самую середину.

— Но когда я увидел, как храбро ты бросаешь мне вызов, почувствовал, как бьется твое сердце у меня под рукой, то захотел тебя невыносимо.

— Неужели? — Она удивленно засмеялась. — Я и не догадывалась.

— А потом я задумался над твоими словами и понял, что ты была права, хоть мне было досадно в этом признаться. — Его голос звучал иронически. — Нелегко держать в узде свои порочные наклонности. Иногда мне надо, чтобы кто-то указывал на них..., когда я поступаю как упрямый болван.

— Это я могу, — участливо кивнула Тася.

— Ну и хорошо. — Он повернулся, крепче притягивая ее к себе. — Наверное, у нас будут и другие споры. Я иногда бываю надменным и непробиваемо тупым, так что тебе придется меня ругать. Наверняка у нас будут ссоры, но никогда не сомневайся в том, что я тебя люблю.

Их идиллическое пребывание вдвоем вдали от всех подошло к концу, и им надо было подумать о возвращении в Саутгейт-Холл.

— Мы никак не можем побыть здесь еще денек? — мечтательно поинтересовалась Тася, когда они прогуливались по лугу.

Люк покачал головой:

— Хотелось бы мне, чтобы у нас была такая возможность, но мы и так здесь слишком задержались. У меня ведь есть обязанности... В том числе организация нашей свадьбы.

Что касается меня, перед Богом мы уже муж и жена. Но я хотел бы стать женатым еще и перед лицом закона.

Тася нахмурилась:

— Я собираюсь замуж, а моя семья этого не знает. Им теперь известно, что я жива, но они понятия не имел, где я.

Хотелось бы мне каким-то образом успокоить их, сообщить, что я жива и здорова.

— Нет, это облегчит Николаю Ангеловскому его поиски.

— Я вовсе не спрашивала у тебя разрешения, — вспыхнула Тася, раздосадованная его

отказом. — Я сказала это просто так.

— Что ж, выкинь эту мысль из головы, — коротко произнес он. — Я не собираюсь провести остаток жизни, ожидая появления Ангеловского у себя на пороге... И пока я не придумаю чего-то лучшего, ты будешь держать в секрете, кто ты, и не будешь общаться со своей семьей.

Тася вырвала у него руку.

— Не стоит тебе разговаривать со мной как со своей служанкой. Или в Англии мужья именно так говорят со своими женами?

— Я всего лишь беспокоюсь о твоей безопасности, — мягко ответил Люк. Все его высокомерие сразу же исчезло.

Вид у него стал кроткий-кроткий, как у ягненка, но Тася не поддавалась на обман. Он может сколько угодно стараться скрыть свои властные наклонности, но только лишь они поженятся, она станет принадлежать ему по закону..., как лошадь. И тогда управляться с ним будет нелегко. Впрочем, она была готова принять этот вызов.

Первым делом по возвращении в Саутгейт-Холл Тася и Люк решили сообщить Эмме, что они женятся, но Эмма мгновенно догадалась обо всем сама, едва увидев их вместе, стоящих бок о бок.

Тася надеялась, что Эмма будет довольна этой новостью...

Даже, по правде говоря, была совершенно уверена, что Эмма обрадуется, но неистовый восторг девочки превзошел все ожидания Таси. С радостными криками Эмма металась по большому холлу, тискаая с любовью всех, кто попадался ей на пути. Самсона тоже захватило это безумное счастье, и он, бегая по пятам за Эммой, разразился басистым лаем.

— Я знала, что вы вернетесь! — кричала Эмма, чуть не сбивая Тасю с ног. — Я знала, что вы ответите папе «да»! Он был у меня утром того дня, когда вы оба уехали, сказал мне, что вы выйдете за него замуж, хотя сами еще этого не знаете.

— Так и сказал? — Тася испепелила Люка укоризненным взглядом, ее темные брови сурово сошлись над светлыми глазами.

Люк притворился, что не замечает этого безмолвного упрека, и сосредоточил собственный гнев на Самсоне. Пес восторженно катался по полу, пачкая шерстью обюссонский ковер.

— Почему каждый раз, возвращаясь в свой дом, я застаю это проклятое животное?

— Самсон — не животное, он — член семьи, — обороняясь, возразила Эмма и, не утерпев, радостно добавила:

— И мисс Биллингз теперь тоже! Нам придется искать новую гувернантку? Но никто мне так не понравится.

— Да, надо будет поискать новую. Мисс Биллингз не сможет быть одновременно и леди Стоукхерст, и твоей гувернанткой. — Он посмотрел на Тасю, как бы прикидывая, сколько хлопот она сможет вынести. — Она через неделю упадет в изнеможении.

Хотя в его словах не было никакого намека, Тася залилась краской, припомнив, какой усталой почувствовала себя после двух любовных ночей с ним. Люк улыбнулся, словно догадавшись, о чем она подумала.

— Теперь, мисс Биллингз, раз вы больше у меня не на службе, следует сказать миссис Наггз, чтобы она показала вам, в какой из комнат для гостей вы будете жить.

— Моя старая комната вполне меня устраивает, — пробормотала Тася.

— Моей невесте она не подходит.

— Но я не хочу...

— Эмма, — прервал ее Люк, — выбери комнату для мисс Биллингз и скажи Сеймуру, чтобы он перенес туда ее вещи.

И сообщи домоправительнице, чтобы вечером накрыли стол на три прибора. Отныне мисс Биллингз будет есть с нами.

— Да, папа! — И Эмма, сопровождаемая Самсоном, выбежала из холла.

Оставшись наедине с Люком, Тася, насупившись, взглянула на него.

— Надеюсь, ты не собираешься навестить меня сегодня ночью, — тихо сказала она, прекрасно понимая, что именно это он и намеревается сделать.

Глаза его весело блеснули, по лицу расплылась улыбка.

— Я говорил тебе, что не люблю спать в одиночестве.

— Никогда не слышала о таком непристойном поведении! — Она увернулась, когда он обнял ее и попытался прижать к себе. — Милорд! Кто-нибудь из слуг увидит.

— Даже если мы будем спать в разных постелях, все равно слуги будут считать, что мы спим вместе. Так что мы можем спокойно наслаждаться нашей любовью. Если мы не будем вести себя нагло, о нас никто не скажет и не подумает ничего плохого.

— Я сама так подумаю. — Искренне возмущенная, Тася выпрямилась и натянуто проговорила:

— Я..., я не стану заниматься блудом с тобой под одной крышей с твоей невинной дочерью! Величайшим лицемерием с моей стороны было бы после этого давать ей моральные наставления.

— Лошадь уже увели, Тася. Поздно теперь закрывать дверь конюшни.

— Пусть. Но дверь моей спальни будет закрыта. — Голос ее звучал строю и решительно. — До тех пор, пока мы не поженимся.

Когда Люк понял, что она не изменит своего решения, лицо его стало каменным. Они обменялись яростными взглядами. Затем Люк круто повернулся и зашагал прочь.

— Куда ты направился? — осведомилась Тася, побаиваясь, что он передумает и ничего не будет.

— Устраивать свадьбу, — проговорил он сдавленно. — И как можно скорее.

В последующие дни Тася почти не видела Люка. Все время, не занятое сном, он проводил в хлопотах по организации тихой свадьбы, которая должна была состояться в домашней часовне Стоукхерстов. К вечеру он возвращался в Саутгейт-Холл и рассказывал Тасе о том, что успел сделать. Она никогда не знала заранее, в каком он окажется настроении, потому что Люк бывал с ней то нежным, то сердитым. Иногда он обнимал ее так, словно она была хрупкой фарфоровой статуэткой, ласково обольщая нежными словами. Но с равной вероятностью мог с силой прижать ее к стене и обращаться с ней как едва сошедший на берег матрос с первой попавшейся уличной потаскушкой.

— Сегодня я приду к тебе в спальню, — резко заявил он после одного особенно жаркого случая, когда он загнал ее в угол и минут пять целовал не отрываясь.

— Я запру дверь.

— Я выломаю ее.

Он втиснул колено между ее бедер, грубо вминая в ее тело складки юбок. Прильнув к ее губам, он глубоко просунул язык в ее рот, и она забилась в его руках, изнывая от нарастающего наслаждения. Его дыхание жаркими волнами ласкало ее щеки.

— Тася, — простонал он, найдя губами нежную ямку под ухом, — я хочу тебя. Хочу до боли.

Схватив ее за кисть, он потянул ее пальцы между их телами вниз и приложил к взбугрившейся плоти. Тася потеряла счет томительно-знойным минутам, когда, изнемогая, стояла, отдаваясь его поцелуям, ощущая ладонью трепет его плоти.

— Мы должны остановиться, — задыхаясь, сказала она. — Это нехорошо. Ты ведешь себя нечестно.

— Сегодня, — настаивал он, грубо хватая за пуговицы платья, застегнутое до самого горла.

Тася вырвалась от него, но не смогла двинуться с места — ноги ее не держали, колени подгибались.

— Ты не придешь ко мне в комнату, — упрямо повторила она. — Никогда не прощу тебе, если ты посмеешь это сделать.

Неудовлетворенная страсть Люка придала его голосу свирепость.

— Черт побери! Какая разница — сегодня или двумя днями позже?

— Только та, что мы будем женаты.

— Ты охотно делила со мной постель до этого.

— Тогда все было иначе. Я думала, что никогда не увижу тебя. Теперь же я собираюсь стать членом твоей семьи, частью твоего дома и не хочу терять уважение слуг и твоей дочери, ведя себя как потаскушка.

Она говорила тихо, но твердо, не оставляя сомнений в том, что не изменит своего решения.

Тем не менее Люк попытался еще раз. После недолгого молчания, наступившего за ее словами, он перешел от сердитых требований к хитроумным уговорам:

— Любимая, тебя все здесь уважают и обожают. Особенно я. Ты мне нужна. Я не могу сдержаться, так хочу обнять тебя. Все, чего я добиваюсь, — это сделать тебя счастливой, всегда заботиться о тебе...

Тася с подозрением смотрела, как он потихоньку подходит все ближе и ближе к ней. Вдруг он рванулся вперед, пытаясь схватить ее. Она ловко увернулась и отбежала в сторону.

— Проклятие! — Его свирепый голос, эхом раскатившийся по холлу, звучал в ее ушах, когда она удирала.

— И не вздумай идти за мной, — поспешно бросила она через плечо, поклявшись не только закрыть дверь на замок, но и подпереть ее стулом.

На следующее утро он увидел ее за завтраком. Когда он вошел, Тася отвела глаза от изумительного вида на парк, открывавшегося через стрельчатые окна, и одарила Люка застенчивой улыбкой. Она не встала со своего места за круглым дубовым столом, даже когда он приблизился к ней. Люк махнул рукой, отсылая прочь служанку, убирающую ненужную посуду.

— Доброе утро, — произнес он, глядя на поднятое к нему девичье лицо. Перед Тасей снова был аристократ, полностью владеющий собой, его глубоко скрытую страсть не выдавало ни одно движение непроницаемого лица. — Можно мне присоединиться к тебе? — И прежде чем она успела ответить, он отодвинул стул от стола и уселся рядом. — Через несколько минут я должен уехать в Лондон, но сначала хочу задать тебе два вопроса.

Она ответила таким же деловым тоном:

— Хорошо, милорд.

— Одобрить ли ты, если я приглашу Эшборнов быть свидетелями на нашей церемонии?

Тася кивнула:

— Мне это будет очень приятно.

— Отлично. Второе, что я хотел бы знать... — Люк поколебался, потом, положив руку ей на колено, разгладил складку на юбке. Вдумчивые синие глаза встретились с ее прозрачным взглядом.

— Так в чем дело? — мягко поторопила его Тася.

— Я хотел поговорить насчет свадебного кольца. Я подумал..., подойдет ли тебе что-то вроде этого? — Он раскрыл ладонь.

Глаза Таси широко открылись при виде тяжелого золотого обруча, лежавшего у него на ладони. Она протянула руку и осторожно взяла кольцо, чтобы лучше рассмотреть резной узор из роз и листьев на сверкающей поверхности. Золото, казалось, вобрало в себя тепло его кожи.

— Это фамильное, — объяснил он. — Уже много поколений его никто не надевал. — Люк наблюдал, как бережно она повертела кольцо в тонких пальцах, вглядываясь в особенности рисунка, деликатно касаясь вырезанных лепестков. — Для англичан, — продолжал он, — роза — символ тайны. Много лет назад роза, висевшая над столом, означала, что все сказанное за ним должно оставаться в секрете.

Внезапно перед Тасей промелькнула картина: мужчина и женщина на постели, длинные пальцы женщины вытянуты, кольцо скользит по ее пальцу... У мужчины темные волосы, борода..., и синие глаза. Видение исчезло, но Тася поняла, кто были эти любовники. Она с

улыбкой посмотрела на Люка:

— Твой предок Уильям подарил его своей любовнице.

Так ведь?

Улыбка смягчила суровую линию его губ.

— Рассказывают, что он полюбил ее с первой встречи и не переставал любить до самой смерти. — Он окинул ее ласкающим взглядом. — Я пойму, если ты предпочтешь что-то другое, может быть, с драгоценным камнем. Это кольцо старомодное...

— Нет, я хочу это. — Тася сжала кольцо в ладони. — Оно прекрасно.

— Я надеялся, что ты так и решишь. — Люк склонился над ней, опершись рукой на спинку ее стула. — Прости меня за вчерашний вечер. Мне нелегко, когда ты совсем рядом, а я не могу быть с тобой в одной постели.

Тася опустила ресницы.

— Мне тоже это нелегко далось. — В порыве жаркого притяжения она придвинулась к нему и приглашающе приоткрыла губы. После их вчерашней стычки она плохо спала.

Одна, во мраке спальни, она жаждала его горячих поцелуев, близости его тела.

Люк улыбнулся и отклонил голову за секунду до того, как губы их соприкоснулись.

— Нет, маленькая негодница, ты только дразнишься, соблазняя меня. — Он встал и, забрав у нее кольцо, угрожающе помахал им. — Но когда я надену его тебе на палец, я буду обладать тобой, когда захочу... И к черту всякую благопристойность!

Тася и Эмма тихо беседовали в комнате, которую Эмма выбрала для Таси. Это была одна из самых красивых комнат в Саутгейт-Холле. Здесь стояла необыкновенная кровать в виде саней, закрытая занавесками из шелковой парчи персикового цвета с толстыми золотыми кистями. Эмма растянулась на ковре. Из тарелки с украденным на кухне печеньем она попеременно то угощала Самсона, то угощалась сама.

Пес, развалясь около нее, после каждой проглоченной сладости шумно облизывался.

Тася сидела в кресле с корзинкой для шитья и чинила порванную манжету мужской рубашки. Она не могла удержаться от смеха, глядя на перепачканные сахарной пудрой мордочки Эммы и Самсона.

— Эмма, надо ли закармливать Самсона сладким? — спросила она. — Не уверена, что это хорошо для него..., да и для тебя тоже.

— Я ничего не могу поделать с тем, что хочу есть. Чем выше я становлюсь, тем больше появляется места, которое надо заполнить, — вздохнула Эмма и села по-турецки. — Я никак не перестану расти. Надеюсь, что иностранец, за которого мне суждено выйти замуж, будет высоким. Ужасно было бы все время смотреть сверху вниз на собственного мужа.

— Какого бы ни был он роста, он будет таким, как тебе надо, — отозвалась Тася.

Эмма продолжала листать дамский журнал, изучая последние требования моды для осенних платьев.

— Крик моды в этом году — бронзовый цвет, — объявила она, протягивая журнал Тасе, чтобы та посмотрела. — Мисс Биллингз, вам нужно платье для улицы в точности такое, как

здесь: с оборкой по подолу и бантиками на запястьях. И бронзовые ботиночки в тон.

— Не уверена, что бронзовый цвет мне пойдет.

— Пойдет, пойдет, — серьезно уверяла Эмма. — Кроме того, любой цвет будет приятнее черного и серого, которые вы носите.

Тася рассмеялась.

— Я очень люблю розовый, — мечтательно проговорила она. — Такого бледного оттенка, что он кажется почти белым. И ничего нет красивее розового жемчуга.

Это замечание вызвало торопливый шелест страниц.

— Я видела в конце..., вечернее платье, которое будет замечательно смотреться именно в таком цвете... — Внезапно Эмма остановилась и уставилась на Тасю широко открытыми глазами.

— В чем дело? — спросила Тася.

— Я сейчас подумала... Как мне теперь вас называть? Вы ведь больше не будете мисс Биллингз. А звать вас «мачеха» просто ужасно. И вам не столько лет, чтобы звать вас мамой... К тому же, мне кажется, это будет не совсем правильно..., так вас называть...

Тася отложила шитье, понимая суть беспокойства девочки.

— Нет, — ласково сказала она. — Мэри остается твоей матерью и будет ею всегда, хоть она и на небесах. Твой отец никогда ее не забудет, и ты тоже. Я буду новой женой твоего отца, но не заменю ее. У нее свое место в вашей жизни, у меня будет свое.

Успокоенная этими словами, Эмма кивнула. Она подошла и уселась рядом с креслом Таси, натянув юбку на подтянутые к подбородку колени. Сверкающие синие глаза, так похожие на глаза ее отца, внимательно смотрели на Тасю.

— Временами, когда я бываю одна, я думаю, что мама посматривает на меня из-за облака. Как вы думаете, это возможно, чтобы близкие люди наблюдали за нами с небес?

— Думаю, да, — отозвалась Тася со всей серьезностью. — Если на небесах царит совершенный покой, они, несомненно, могут это делать. Думаю, твоя мама не была бы спокойна, если бы не могла узнать, что с тобой все в порядке.

— По-моему, она теперь знает, что вы будете с папой и со мной. Мне кажется, мисс Биллингз, ее это обрадует.

Возможно, это она помогла вам найти нас. Она не хотела, чтобы папа был одиноким. — Эмма помедлила, потому что Тася отвернулась. — Мисс Биллингз! Я вас рассердила?

Тася снова повернулась к ней с дрожащей улыбкой на губах.

— Нет, твои слова вызвали у меня слезы, — проговорила она, утирая их рукавом. Наклонившись к Эмме, она поцеловала ее в рыженькую макушку. — Мне надо кое-что тебе сказать, Эмма. Мое настоящее имя не мисс Биллингз.

Эмма ответила ей задумчивым взглядом.

— Я знаю. Вас зовут Тася.

— Как ты узнала? — удивилась Тася.

— Позавчера после ужина я услышала, что папа назвал вас так. Я как раз выходила из комнаты. Я не удивилась, потому что всегда считала, что вы не такая, как все гувернантки. Теперь вы можете рассказать мне правду... Кто вы на самом деле?

Тася печально улыбнулась, глядя в лицо девочки. Синие глаза Эммы светились любопытством.

— Мое настоящее имя Анастасия Каптерева, — призналась она. — Я родом из России. Мне пришлось покинуть свой дом и приехать в Англию из-за того, что я попала в беду.

— Вы сделали что-то нехорошее? — недоверчиво спросила Эмма.

— Я не знаю, — последовал тихий ответ Таси. — Тебе может показаться странным, но я почти ничего об этом не помню. Мне не хочется рассказывать тебе все подробности.

Единственное, что я могу сказать, — это было самое ужасное время в моей жизни... Но твой отец убежден, что я должна забыть о прошлом и смотреть только вперед, в будущее...

Худенькая рука Эммы с длинными пальцами скользнула, в ее руку.

— Могу я чем-то помочь вам?

— Ты уже помогла. — Тася ласково сжала детскую ладошку. — Вы с отцом приняли меня в свою семью. Это самое замечательное, что когда-либо со мной случилось.

Эмма улыбнулась в ответ:

— Я все еще не знаю, как вас называть.

— Может быть, белль-мер? — предложила Тася. — Так звучит слово "мачехам по-французски.

— Белль означает «красивая», а мер — «мать». Так ведь? — с довольным видом переспросила Эмма. — Да, это подходит идеально.

— Как жалко, что нет времени сшить настоящее подвенечное платье, — жалобно повторяла Алисия, помогая Тасе закончить свадебный туалет. — У тебя должно быть новое собственное платье, а не мое старое. — Они переделали привезенное Алисией ее летнее платье цвета слоновой кости, которое прекрасно подошло Тасе. — И по меньшей мере ему следовало быть белым.

— В данном случае это как раз сомнительно, — отозвалась Тася. — Самым подходящим, пожалуй, было бы крабное платье. Скорее даже алое.

— Я этого и слышать не хочу. — Алисия старательно прикрепляла Тасе белые розы к толстым косам, заколотым на затылке. — И не чувствуй себя виноватой, дорогая, если ты забылась с Люком. Так поступило бы большинство женщин, окажись они с ним наедине более пяти минут. Он неотразимый мужчина... Разумеется, если вы не замужем за Чарльзом. — Алисия притворилась, что не замечает вспыхнувших щек Таси, и продолжала шутливо болтать:

— Странно, что, когда я познакомилась с Люком, он мне совсем не понравился.

— Неужели? — изумилась Тася.

— Наверное, я ревновала к нему Чарльза. Он просто боготворил Люка. В их кругу все повторяли острооты Стоукхерста, передавали друг другу всякие его умные мысли, рассказывали о последних эскападах. Никто из них ничего не предпринимал, не узнав сначала его мнения. Они спрашивали даже, за какой девушкой ухаживать! Когда я наконец с ним встретилась, единственное, что я подумала, — это:

«Какой избалованный, себялюбивый мужчина! Что они, ради всего святого, в нем нашли?»

Тася рассмеялась:

— Что заставило тебя изменить мнение?

— Я поняла, каким хорошим мужем он был для Мэри.

Необыкновенным. С ней Люк был внимательным, нежным..., таким, каким большинство мужчин боятся себя показать, считая, что люди могут счесть их слабыми. И он никогда не заглядывался на других женщин, хоть было немало таких, которые чуть ли не кидались ему на шею. Я поняла, что он не высокомерен, как мне показалось сначала. У него необыкновенно сильный характер.

И потом этот несчастный случай... — Алисия покачала головой с изумленным видом. — Потерять Мэри, покалечиться на всю жизнь... У него были все основания ожесточиться, сломаться на жалости к себе. О, Чарльз просто побаивался навестить его в первый раз после этого!

«Никогда Стоукхерст не станет прежним, — сказал мне Чарльз перед тем, как поехать к Люку. — Не думаю, что смогу вынести зрелище жалкой человеческой руины».

Но Люк стал больше мужчиной, чем ранее. Он сказал Чарльзу, что не хочет тратить ни время, ни силы на жалость к себе и не примет жалости ни от кого. Он решил, что лучшим памятником Мэри будет счастливая жизнь Эммы. Он хотел, чтобы его дочь поняла: внешние увечья не имеют значения, важно только то, что у человека на сердце. Чарльз приехал домой со слезами на глазах и объявил, что восхищается Люком Стоукхерстом так, как ни одним из известных ему людей.

— Почему ты все это рассказываешь? — чуть хриловатым от волнения голосом спросила Тася.

— Чтобы ты поняла: я одобряю то, что ты делаешь. Тася, я верю, ты никогда не пожалеешь о том, что вышла за Люка.

Тася неловко повернулась к зеркалу, чтобы убедиться, что с прической все в порядке. Она постаралась, чтобы Алисия не видела ее полные слез глаза.

— До сих пор все, о чем я могла думать, — это Ангеловские и то ужасное, что я, возможно, совершила. Я не могу понять, какие чувства испытываю к лорду Стоукхерсту. И не могу пока выразить эти чувства словами. Но знаю, что меня тянет к нему, как никогда ни к кому не тянуло, и я начинаю полагаться на него...

— По-моему, это многообещающее начало. — Алисия отступила на шаг и оглядела Тасю. — Ты прелестна, — объявила она.

Тася протянула руку к затылку и дотронулась до цветов, приколотых к волосам.

— Сколько их?

— Четыре.

— Пожалуйста, приколи еще один цветок.

— Боюсь, что больше некуда.

— Тогда один надо убрать. Должно быть или пять, или три.

— Но почему?... О, как я могла забыть?! — Алисия улыбнулась, вспомнив русский обычай: нечетное число цветов для живых, четное — для мертвых. Она посмотрела на пышный букет, который Тася должна была держать в руках во время венчания. — Мне пересчитать цветы в твоём букете? Он довольно большой...

Тася улыбнулась и, взяв букет в руки, внимательно посмотрела на него.

— На это уже нет времени. Будем считать, что их столько, сколько надо.

— Слава Богу! — облегченно вздохнула Алисия.

Несмотря на испытываемое волнение, Тася еле удержалась от смеха при виде Самсона, терпеливо ожидающего их у дверей часовни. Поводок пса был привязан к одной из задних скамеек, что гарантировало его невмешательство в церемонию. Уши его настороженно подергивались, когда он рассматривал небольшую группу собравшихся перед часовней. Однако строгая атмосфера подействовала и на него, он вел себя с необычайным достоинством, лишь иногда фыркая и дергая лапой белые цветы, которыми Эмма обвила его ошейник.

Строгие лики каменных святых на стенах внушали почтение. В маленькой часовне было прохладно, но золотистое сияние свечей, казалось, согревало гладкий камень и темное дерево внутри ее. Тася отрешенно стояла рядом с Люком, Эмма была справа от нее, Эшборны — слева от него. Она произнесла слова обета голосом, который ей самой показался чужим.

Каким простым и на удивление домашним было это венчание по сравнению с грандиозной двухчасовой церемонией, которую ей предстояло бы выдержать в Санкт-Петербурге, если бы она выходила за Михаила Ангеловского! Тогда гостей было бы не меньше тысячи, и венчал бы их митрополит. Ее бы одели в платье из белоснежной, сверкающей серебром парчи с серебристым мехом, над ее головой держали бы серебряный венец, а над головой Михаила — золотой. Их обвели бы вокруг аналая. Ангеловские настаивали, чтобы во время обряда Михаил держал древний русский символ власти мужа над женой — серебряный кнут, а ей предписывалось опуститься на колени и поцеловать край его свадебного наряда, признавая тем самым свое полное подчинение его воле. Все это осталось далеко позади, в крови и обмане, а теперь она в чужой стране обменивалась кольцами с иностранцем.

Люк крепко держал ее за руку и твердо произносил слова, связывающие его с ней до самой смерти. Она посмотрела в его ясные синие глаза, и вся ее отрешенность рассеялась. Порвались последние нити, связывающие ее с прошлым: она приняла другое имя и ощутила кольцо Люка на пальце. Тася почувствовала нервный испуг, когда он склонился к ней и коснулся губами ее рта. Поцелуй этот был не ласковым, а кратким и жестким, казалось. Люк безмолвно утверждал: «Теперь ты моя. Отныне и навсегда... И ничто нас не разлучит».

Все слуги собрались в холле и, когда в дверях показались лорд и леди Стоукхерст, приветствовали их радостными возгласами. Люк дал слугам выходной на следующий день и распорядился приготовить побольше еды и вина, чтобы хватило на целую ночь веселья. Из деревни пришли арендаторы, чтобы тоже принять участие в празднике, поиграть на разных инструментах и потанцевать. Новобрачных окружила толпа.

Тася была тронута проявленной теплотой.

— Благослови вас Бог, миледи! — восклицали служанки. — Благослови Бог вас и хозяина!

— Никогда не было здесь такой красивой невесты. — У миссис Планкет стояли на глазах слезы.

— Счастливейший день Саутгейт-Холла, — с чувством поддержала ее миссис Наггз.

Мэр городка Орри Шиптон произнес тост. Его пухлое лицо покраснело от сознания

собственной важности. Он высоко поднял свой бокал:

— За леди Стоукхерст! Пусть ее нежность и доброта долгие годы осеняют этот дом и пусть. Бог даст, наполнит она Саутгейт-Холл многими детьми!

К восторгу собравшихся. Люк рассмеялся и наклонился поцеловать свою покрасневшую от смущения жену. Никто не расслышал, что он прошептал ей на ухо, но от этих слов щеки ее стали пунцовыми.

Через несколько минут Тася удалилась в сопровождении миссис Наггз и леди Эшборн, а Люк задержался, принимая сыпавшиеся со всех сторон сердечные поздравления. Чарльз оставался рядом с ним, сияя улыбкой, словно все происходящее было его личной заслугой.

— Я был уверен, что ты поступишь, как должен поступить джентльмен, — вполголоса сказал Чарльз; схватив Люка за руку, он с энтузиазмом стал ее трясти. — Я знал, что ты вовсе не блудливый негодяй, как назвала тебя Алисия. Я защищал тебя все время. И когда Алисия говорила, что ты самодовольный похотливый боров, который вечно лезет не в свое дело, я заявил ей, что она чересчур строга к тебе. И уж вовсе я не согласился с ней, когда она сказала, что ты бессердечный тиран. Когда же она продолжала шуметь насчет твоего эгоизма и самонадеянности, я...

— Спасибо, Чарльз, — сухо прервал его Люк. — Приятно сознавать, что ты так хорошо меня защищал перед своей женой.

— Господи, Стоукхерст, какой же сегодня счастливый день! — воскликнул Чарльз, широким жестом обводя холл, где было полно веселящихся людей. — Кто мог предсказать такое, когда я представлял тебе Тасю? Кто бы подумал, что она так понравится Эмме или что ты полюбишь ее? Я должен поздравить себя с...

— Я никогда не говорил тебе, что люблю ее, — произнес Люк, подняв бровь.

— Боюсь, старина, что это очевидно. Зная, как ты относишься к браку, я был уверен, что ты никогда бы не женился, если бы не любил ее. И еще, я со времен Итона не видел тебя таким беззаботным. — И Чарльз фыркнул в свой бокал с вином. — Но я тебе не завидую, Стоукхерст: когда лондонское общество ее увидит, тебе придется работать изо всех сил, чтобы отогнать от своей жены других мужчин. Не могу решить, с кем у тебя будет больше проблем: с молодыми холостяками или старыми распутниками. Тася обладает какой-то особой, таинственной женственностью, которой нет у англичанок, а это сочетание черных волос и белоснежной кожи...

— Знаю. — Люк раздраженно нахмурился. Чарльз был прав.

Красота, молодость и очаровательные манеры иностранки сделают Тасю принцессой-грезой в глазах многих мужчин. Люк раньше не испытывал чувства ревности, и ему оно очень не понравилось. На мгновение он вспомнил, как было ему уютно и легко с Мэри. С ней он не ощущал сердечной муки, ревности, ничего, кроме приятной легкости общения старых друзей.

Чарльз проникательно глянул на него.

— Все не так, как раньше, да? — заметил он с намеренной прохладцей: так он всегда подчеркивал особо важные мысли. — Должен признаться, я не знал бы, как начать все сначала, особенно с молодой женой. Тася ничего не знает о тех вещах, в которых ты поднаторел. У нее впереди годы ошибок, уроков, которые надо извлечь... Но с ней ты увидишь мир заново, ее глазами. Этому я, пожалуй, завидую. — Чарльз улыбнулся, глядя на ошеломленное лицо Люка. — Как это говорится: «Хоть юность дарит нам любовь и розы, у старости есть дружба и вино...» — Он поднял бокал в прощальном тосте. — Мой совет тебе,

Стоукхерст: наслаждайся этим вторым глотком юности, а вино оставь мне.

Когда Люк вошел в спальню, лампы в ней были скромно притушены. Тася ждала его, сложив руки на животе. На ней была льняная ночная рубашка с кружевной отделкой. Волосы темным облаком рассыпались по плечам и спине. Она была такой прекрасной, свежей, невинной. Взгляд Люка поймал золотой отблеск кольца у нее на пальце, и его захлестнуло сознание того, что это означает. Никогда он так не хотел заботиться о женщине. Больше того, он всегда боялся этого.

Но теперь, когда все свершилось, он ощущал необыкновенное счастье. И еще странное чувство облегчения оттого, что он может наконец-то не скрывать своих чувств.

— Леди Стоукхерст, — прошептал он, привлекая ее к своей груди, — в белом ты похожа на ангела.

— Ее подарила мне кузина Алисия. — Она смотрела на него светящимися глазами, теребя свой рукав.

— Ты прекрасна, — прошептал он.

Тася стала серьезной.

— Милорд, я хочу обсудить с вами очень важный вопрос.

— О! — Ожидая продолжения ее слов. Люк стал играть ее длинными волосами.

Она с мольбой во взгляде положила руку ему на грудь:

— Я ожидала, что сегодняшнюю ночь мы проведем вместе, но я отдала распоряжение миссис Наггз, чтобы с завтрашнего дня нам приготовили две отдельные комнаты. Думаю, вы со мной согласны.

Единственной реакцией Люка была слегка вздернутая бровь. Они не говорили об этом раньше. Без сомнения, он считал, что они будут делить супружеское ложе.

— Я женился на тебе не для того, чтобы спать врозь, — ответил он.

— Естественно, вы имеете право навещать меня, когда вам вздумается, милорд. — Тася застенчиво улыбнулась ему. — Так было у моих родителей, так делают Эшборны. Алисия говорит, что в Англии это принято.

Люк молча смотрел на нее. Он знал, что в разнообразных руководствах по семейной жизни и дамских журналах старые ханжи уверяют, что отдельные спальни обязательны в уважаемом доме. Однако его волновало устройство не чужих домов, а лишь своего собственного. Будь он проклят, если проведет хоть одну минуту в отдельной от Таси постели лишь для того, чтобы соответствовать чьему-то представлению о благопристойном браке!

Он крепче притянул ее к себе:

— Тася, я буду хотеть тебя каждую ночь... И мне вовсе не нравится эта идея, что я должен «навещать» свою жену. Разве ты не думаешь, что нам гораздо удобнее спать в одной комнате?

— Это не связано с удобством, — серьезно объяснила она. — Если мы будем спать в одной комнате, люди могут догадаться, что мы делаем ночью.

— Неужели? О Боже! — И Люк деланным ужасом покачал головой. Затем, подхватив

ее на руки, он поднялся с ней на ступени постели и уронил на широкое ложе, покрытое шелковым покрывалом цвета слоновой кости.

Тася насупилась, услышав иронию в его голосе.

— Милорд, я пытаюсь разъяснить вам, что значит вести себя благопристойно...

— Я весь внимание.

Но разумеется, это было не так. Его рука бродила по ее телу, скользила от бедра к груди, пока ее мысли не начали путаться. Он склонился над ее грудью, стараясь языком коснуться кожи, видневшейся в просветах кружев. Твердый пик соска попался ему на пути, и он легонько куснул его, а затем погладил языком сквозь влажную ткань. Тася ахнула и замолчала окончательно.

— Продолжай, — бормотал Люк, сдвигая рубашку у нее с груди. Его жаркое дыхание обжигало ее обнаженную кожу. — Разъясни мне насчет благопристойности...

Она лишь застонала и потянулась к нему, притягивая ближе к груди его голову. Улыбаясь, он поцеловал бархатистый кончик и, приоткрыв губы, втянул в рот ее нежную грудь, чуть прикусывая ее зубами. Всякая мысль о отдельных комнатах была забыта после того, как Люк усердно продемонстрировал ей, почему им понадобится только одна комната и одна постель.

Выходя замуж за Люка, Тася ожидала найти покой. Прошедший год принес ей столько страданий, что она хотела лишь тишины и размеренной жизни. Однако вскоре она убедилась, что у Люка совсем другие планы. Он начал с того, что решил взять ее с собой в Лондон, несмотря на все возражения и нежелание оставлять Эмму.

— Приедут мои родители и побудут с ней, — отвечал Люк. Лежа на постели, он наблюдал, как Тася расчесывает свои длинные волосы. — Эмма понимает, что молодоженам надо побыть одним, а кроме того, ей очень нравится дразнить мою мать.

— Она будет проказничать, — предупредила Тася, хмурясь при мысли о том, что Эмма будет предоставлена сама себе, ведь слуги и пожилые дед с бабкой не смогут подействовать на нее.

Люк улыбнулся, увидев в зеркале ее чопорное лицо:

— И мы тоже, дорогая.

Тася была очарована лондонским домом Стоукхерстов: он был построен на берегу Темзы в стиле итальянской виллы. Его украшали три круглые башенки с коническими крышами. С трех сторон дом опоясывал застекленный балкон.

Внутри были три фонтана с мраморными скульптурами, выполненными в античной манере. Предыдущему владельцу так нравился шум падающей воды, что он хотел наслаждаться им в каждом зале своего дома.

— У дома совсем нежилой вид, — заметила Тася, когда они бродили по комнатам. При всей его элегантности дом был совершенно лишен личных вещей и обычных комнатных украшений. — Никогда не догадаешься, чей это дом.

— Я купил его после того, как мой старый дом сгорел, — ответил Люк. — Мы с Эммой

некоторое время жили здесь.

Наверное, мне надо было нанять кого-то, чтобы обновили внутреннее убранство.

— Почему ты не стал жить в Саутгейт-Холле?

Он передернул плечами:

— Слишком много воспоминаний. Ночью я просыпался и ждал...

— Что рядом окажется Мэри? — мягко спросила она, когда он замолчал.

— Люк остановился посреди круглого, облицованного мрамором холла и повернул ее к себе лицом.

— Тебя тревожит, когда я упоминаю о ней?

Тася поднялась на цыпочки и отбросила упавший ему на лоб локон. Тонкие пальцы погрузились в волосы.

— Разумеется, нет. Мэри была важной частью твоей прошлой жизни. Я просто считаю себя счастливой, потому что теперь ночью с тобой сплю я. — Нежные губы изогнулись в улыбке.

Глаза Люка, бездонно-синие, потемнели, он смотрел на нее и не мог оторвать взгляда. Большим и указательным пальцами он обвел контур ее подбородка и, приподняв его, прошептал в обращенное к нему лицо:

— Я постараюсь сделать тебя счастливой.

— Я уже... — начала было Тася, но он приложил пальцы к ее губам, и она смолкла.

— Пока еще нет. Совсем нет...

Первые две недели он показывал ей Лондон — от первого римского поселения до великолепия Мэйфэра, Вестминстера и Сент-Джеймса. Они проехали верхом на породистых лошадях по сочной зелени лужаек Гайд-парка, посетили «Ковент-Гарден», где прошли под стеклянными навесами торговых рядов и посмотрели кукольное представление. Тася лишь чуть улыбнулась, глядя на проделки и потасовки Панча и Джуди, присоединиться к громовому хохоту толпы зрителей она не смогла. У англичан было странное чувство юмора, их очень развлекала бессмысленная жестокость, которая, казалось, вступала в противоречие с порядками в их цивилизованном обществе. Представление вскоре ей наскучило, и она потянула Люка дальше — к прилавкам, полным цветов, фруктов, игрушек.

— Как это похоже на Гостиный двор! — воскликнула она и рассмеялась, увидев его недоумение. — Это торговые ряды в Санкт-Петербурге, где выставлено все, что душе угодно.

Очень похоже... Разве что нет лавок с иконами.

Люк заулыбался, когда она удивленно покачала головой, словно рынок без икон — не рынок.

— Тебе одной иконы мало? — поинтересовался он.

— Икон никогда не бывает слишком много. Иконы нужны для молитвы, они дают благословение и приносят удачу.

Некоторые постоянно носят с собой образок, то есть совсем маленькую иконку. — Она слегка сдвинула брови. — Я хотела бы, чтоб у тебя была такая. Немного лишней удачи еще никому не вредило.

— У меня для этого есть ты. — Он тихонько сжал ее пальцы.

Потом они зашли в несколько магазинов на Риджент-стрит и в самый модный салон на Бонд-стрит. Англичанин-закройщик, мистер Мейтланд Холдинг, был маленьким аккуратным человечком. Они сразу же поняли друг друга.

Тасе понравилось скупое изящество его фасонов, а он понял, что строгая простота шла

ей куда больше, чем бесконечные модные рюши и банты. Сидя в золоченом кресле у стола, заваленного альбомами мод и образцами тканей, она не в силах была сдержать своего возбуждения.

— Раньше я всегда носила платья из Парижа, — сообщила мимоходом Тася, чем вызвала бурный отклик. — Парижская мода! — презрительно заявил Холдинг, перебирая пачку эскизов, чтобы предложить ей некоторые из них. — Они поднимают линию подола, опускают декольте, добавляют пару-тройку оборок, шьют все это из какой-нибудь кричащей малиновой ткани! И об этом женщины вздыхают, ради этого мечтают получить платье из Парижа! Но вы, леди Стоукхерст, будете сама элегантность. Мы придумаем для вас платья, в которых вы будете с пренебрежением смотреть на парижские моды. — Он сиял и обращался к ней приглушенным голосом, словно они были заговорщиками. — Я полагаю, вы будете так ослепительны, что лорд Стоукхерст и не заметит, во что это ему обойдется.

Тася посмотрела на мужа, сидевшего в бархатном кресле. Две девушки из демонстрационной комнаты суетились около него, заботясь о его удобствах. Одна из них принесла ему чай, а вторая размешивала в чашке сахар, пока не растворилась последняя крупинка. Раздраженная тем, как эти девицы порхали над ним, Тася нахмурилась, на что Люк только беспомощно пожал плечами.

Тася не могла не замечать, как волновала других женщин его смуглая красота. На маленьком вечернем приеме у Эшборнов она наблюдала, как гости всех возрастов начинали жеманничать и хихикать, лишь только Люк оказывался поблизости, как упорно они его преследовали призывными взглядами. Сначала это забавляло Тасю, но постепенно в ней стала закипать злость. И было не важно, что Люк ничем их не поощрял. Она с ненавистью смотрела на это зрелище, ей хотелось подойти и разогнать кокеток, рвавшихся к ее мужу.

Рядом с ней возникла Алисия и по-сестрински обняла за плечи:

— Твои глаза мечут молнии в моих гостей, Тася, а я пригласила тебя, чтобы ты завела себе приятельниц. Это так не делается.

— Они хотят заманить его и увести у меня, — мрачно сказала Тася, наблюдая за происходящим.

— Возможно. Однако у них были годы, чтобы испытать свои силы, но он никогда не обращал внимания ни на одну из них. — Алисия улыбнулась. — Не думай, дорогая, что он — не видит, как это на тебя действует. Люк не прочь заставить тебя мучиться ревностью.

— Ревностью?! — возмущенно и удивленно отозвалась Тася. — Я вовсе не... — И замолчала, осознав, что именно ревность была причиной жгучей боли в груди. Впервые она отчетливо поняла, что он принадлежит ей и она не хочет его никому отдавать. Весь остальной вечер она не отходила от Люка и с видом собственницы холодно кивала любой женщине, осмелившейся бросить взгляд в их сторону.

Вспоминая этот вечер, Тася решила, что ей нужно завести такие потрясающие новые платья, чтобы Люк глаз не смог от нее оторвать. Она перестала рассматривать эскизы и легко коснулась руки мистера Холдинга:

— Все они прелестны. Совершенно очевидно, что у вас настоящий дар создавать фасоны.

Мейтланд Холдинг порозовел от удовольствия, услышав этот комплимент, и как зачарованный уставился в ее по-кошачьи раскосые глаза.

— Для меня будет большой честью отдать должное вашей красоте, леди Стоукхерст.

— Мне не хочется никого копировать, мистер Холдинг.

Я прошу вас помочь мне создать свой, особый стиль. Несколько более экзотический, чем те эскизы, которые вы мне показывали.

Покоренный этой идеей. Холдинг велел помощнику принести новый альбом. Они долго совещались за бесчисленными чашками чая. Люка вскоре утомили раздушенная атмосфера модного салона и нудные подробности выбора фасонов и тканей. Он отозвал Тасю в сторону и тихо спросил:

— С тобой будет все в порядке, если я покину тебя ненадолго?

— Разумеется, — ответила она. — Мы будем заняты еще несколько часов.

— Ты не боишься?

Тасю тронуло его беспокойство. Люк, понимая, что ее ни на минуту не оставляет страх встретить Николая Ангеловского, старался, чтобы она не оставалась одна. Дом их был хорошо защищен: высокая ограда и прочные замки. Слугам были даны подробные распоряжения относительно любых иностранцев, которые могут появиться у ворот дома.

В тех случаях, когда Тася собиралась нанести кому-нибудь визит, ее сопровождали два лакея и вооруженный кучер. Однако самым важным было, чтобы никто не узнал ее настоящего имени: для всех, кроме Эммы и Эшборнов, она оставалась Карен Биллингз, бывшей гувернанткой, которой повезло выйти замуж за Стоукхерста. Тася надеялась, что после всех этих мер предосторожности она может не бояться Николая... И все же тайный страх оставался.

Подняв глаза на мужа, она улыбнулась:

— Я буду здесь в полной безопасности. Иди и не тревожься обо мне.

Люк наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Я скоро вернусь.

После того как Тася и мистер Холдинг пришли к согласию насчет фасона, они стали рассматривать груды шелка, бархата, тонких шерстяных тканей и поплина. Мистер Холдинг искренне восхищался Тасей:

— Леди Стоукхерст, у меня нет сомнений, что, когда вы наденете эти наряды, все дамы Лондона захотят вам подражать.

Тася улыбнулась, когда он помог ей подняться на ноги.

Она так давно не носила красивых платьев и с радостью сожгла бы черное, которое было на ней.

— Мистер Холдинг, — обратилась она к портному. — Нет ли у вас в лавке готового дневного платья, которое я могла бы забрать прямо сегодня?

Он задумчиво посмотрел на Тасю:

— Думаю, что смогу найти что-нибудь, например блузку и юбку.

— Я была бы очень признательна.

Одна из помощниц Холдинга, миниатюрная блондинка по имени Гэйби, проводила Тасю в примерочную. На стенах висели зеркала в резных рамах, в которых отражение Таси повторялось бесконечно. Гэйби помогла Тасе надеть юбку винного цвета и белую блузку с высоким воротом и пышным жабо из белоснежных кружев. В комплект входил облегающий жакет цвета слоновой кости, баской спускавшийся на юбку. Очарованная, Тася тронула изящно вышитые на его рукавах нежно-розовые цветы и зеленые листья.

— Какая прелесть! — воскликнула она. — Пожалуйста, запишите на мой счет его стоимость.

Гэйби восхищенно смотрела на нее:

— Не ко всякой фигуре этот наряд подошел бы. Он хорошо сидит только на женщине, такой тоненькой, как вы.

Но юбка в поясе слишком широка. Если вы обождете, миледи, я принесу иголку с ниткой и ушью ее в мгновение ока.

Она ушла, закрыв за собой дверь. Тася осталась в примерочной одна.

Она покрутилась перед зеркалом, любясь тем, как плавно взметнулась и закружилась тонкая ткань юбки. В окружавших ее зеркалах она видела себя со всех сторон. Наряд ее был одновременно строгим и модным, его изысканность сильно отличалась от девичьих платьев, которые она носила в России. Она с удовольствием придумывала слова, которые скажет Люк, увидев ее. При мысли об этом она радостно засмеялась. Остановившись на середине комнаты, она, охорашиваясь, взбила кружевную пену жабо и пригладила шелковые фалды жакета.

Вдруг какая-то тень шевельнулась позади нее. Улыбка сползла с лица Таси, мурашки побежали по коже. Она стояла в окружении своих отражений и отражений этих отражений. Со всех сторон мелькали красные и белые пятна, и отовсюду на нее смотрели десятки широко открытых глаз. Ее собственных глаз.

Темная фигура двигалась между зеркальными образами, она приближалась... Этого не могло быть на самом деле... Но она испугалась. В ушах тонко зазвенело. Она оцепенела, загнанная в ловушку этого калейдоскопа... Легкие не могли набрать достаточно воздуха... Ей нечем стало дышать...

Кто— то коснулся ее локтя. Мужчина повернул ее к себе лицом, и она увидела ухмыляющееся мертвое лицо Михаила Ангеловского. Его желтые глаза не отрываясь смотрели на нее. Кровь струилась у него из горла, с губ, медленно выговаривающих: «Тася...»

Она коротко вскрикнула, изворачиваясь в его руках. Она чувствовала, что в этой комнате был еще кто-то третий. Вместе они образовали жуткий смертельный треугольник, трое в ловушке красно-желтой комнаты, повторяющейся снова и снова...

Тася судорожно закрыла лицо руками.

— Нет! — всхлипнула она. — Уходи. Уходи...

— Тася, посмотри на меня.

Это был голос ее мужа. Тело ее дернулось, как от удара. Вся дрожь, она подняла на него глаза. Шум в ушах стал стихать.

Люк был с ней, прижимал к себе. Лицо его побледнело под бронзовым загаром, глаза стали пронзительно-синими.

Она старалась не сводить с него глаз в страхе, что, если посмотрит в сторону, он исчезнет, а Михаил вернется. Она, наверное, сходит с ума — приняла своего мужа за привидение? Вдруг все, что случилось, показалось Тасе очень смешным, и она беспомощно засмеялась, нервный хохот безостановочно сотрясал ее тело... Однако Люку было совсем не смешно. Он продолжал смотреть на нее с серьезным лицом, и это заставило ее понять, какой истеричкой она выглядит в его глазах. Наконец ей удалось остановить свой смех, и она рукавом вытерла слезы с глаз.

— Я вспомнила Михаила, — хрипло проговорила она. — Это произошло снова. Как всегда, я видела нож у него в горле, кровь, брызнувшую струей, а он не может отойти, держится за меня...

Люк, тихо бормоча что-то, пытался привлечь ее к себе, но она сопротивлялась.

— Там в к-комнате был еще один ч-человек, — заикаясь, сказала она. — Кто-то еще. Я только сейчас это вспомнила.

Он внимательно всматривался в нее:

— Кто? Слуга? Друг Михаила?

Тася отчаянно затрясла головой:

— Не знаю. Но он был там в это время. Он был частью моего видения, я в этом уверена... — Она оборвала фразу, потому что дверь в примерочную отворилась.

Растерянная Гэйби стояла на пороге.

— Миледи? Мне показалось, что я слышу крик...

— Боюсь, это я испугал свою жену, — ответил ей Люк. — Разрешите нам побыть несколько минут вдвоем.

— Да, милорд. — Смущенная Гэйби, пробормотав извинения, удалилась.

Люк снова перевел взгляд на Тасю:

— Ты помнишь, как он выглядел, этот другой человек?

— Я..., я не уверена. — Тася прикусила губу, стараясь успокоиться. — Я не хочу о нем думать...

— Какой он? Старый или молодой? Темный или светлый? Постарайся вспомнить.

Закрыв глаза, Тася втянула воздух и попыталась удержать в памяти тающий образ.

— Старый..., и высокий. Больше я ни в чем не уверена. — Ей было холодно, озноб пробирал до костей. — Я не могу больше, — прошептала она.

— Ладно. — Люк прижал ее к своей широкой груди и наклонился над ней. — Не бойся, — сказал он шепотом. — Ничего не изменится, если будет известна правда, какой бы она ни была.

— Но если я виновна...

— Мне все равно, что ты сделала там.

— Но мне не все равно. — Она не отрывала голову от его груди, и голос ее звучал приглушенно. — Я не сумею с этим жить, зная, что...

— Тише. — Люк обнял ее так крепко, что она едва дышала. — Что бы ни произошло в той комнате с Ангеловским...

Когда—нибудь ты вспомнишь все, каждую деталь, и тогда воспоминания об этом оставят тебя навсегда. Я буду рядом и помогу тебе.

— Но ты не сможешь остановить Николая...

— Я справлюсь с Николаем. Не бойся, все будет в порядке.

Тася хотела объяснить ему, что это невозможно, но он прижался к ее губам сокрушительным жестким поцелуем, решительно вторгшись в ее рот, душу, сердце... Она не могла с ним бороться и ослабела в его объятиях, ее руки обвилились вокруг его шеи. При этом признаке появившегося желания губы Люка стали нежнее, и поцелуй расцвел под солнцем изумительно бережной ласки. Когда наконец он поднял голову, Тася вся пылала. Его рот дотронулся до мочки ее уха, до бледного изгиба шеи над белым кружевом воротника.

Приоткрыв глаза, Тася увидела многократное отражение слившихся фигур, ее и его. Она вздрогнула от этой картины.

— Я хочу уйти из этой комнаты, — дрожащим голосом проговорила она.

— Все эти зеркала...

— Ты не любишь зеркал? — спросил он.

— Не такое множество.

Люк огляделся вокруг с усмешкой:

— Пожалуй, мне нравится видеть сразу двадцать таких красавиц. — Однако, снова посмотрев на Тасю, он увидел ее напряженность и с непроницаемым лицом сказал:

— А теперь мы едем домой.

Ей хотелось найти темную комнату, забраться в кровать и натянуть на голову одеяло, чтобы ни о чем не думать, ничего не чувствовать. Но она не могла себе этого позволить. Она должна бороться за себя. Самобичевание вызывает это ужасное видение мертвого Михаила, а дальше страх..., безумие...

— Я хочу еще что-нибудь купить, — храбро заявила она.

— По-моему, на сегодня с тебя хватит волнующих впечатлений.

— Ты обещал мне, что мы посетим «Харродз» сегодня днем. — Тася капризно выпятила нижнюю губку, зная, что это отвлечет его. Как она и думала, он был так очарован этой гримаской, что сразу же согласился.

— Все, что хочешь, — произнес он, целуя нежную щеку. — Все, что твоей душе угодно.

Хорошее настроение вернулось к Тасе, когда она увидела множество товаров в самом знаменитом универсальном магазине — «Харродз» на Бромитон-роуд. Каждый раз, стоило ей остановиться и похвалить какую-то вещь: часы, поднос, шляпку, украшенную перьями райской птички, или разрисованную жестянку с засахаренными фруктами, которые могут понравиться Эмме, — Люк делал знак сопровождающему их носильщику, что это должно быть упаковано и отнесено в их карету.

Однако когда Люк стал уговаривать Тасю купить еще что-то понравившееся ей, Тася отказалась:

— Мы и так уже очень много закупили.

Люка это позабавило.

— Никогда не предполагал, что наследница огромного состояния будет так бояться тратить деньги.

— Я ничего не могла купить без разрешения матери, а она не любила ходить по улицам. Говорила, что от этого у нее болят ноги. Она вызывала торговцев и ювелиров с их товарами к нам во дворец. Я никогда не делала покупки так, как сегодня.

Люк рассмеялся и подбросил пальцем кружевное жабо у нее на груди. Стоявший рядом носильщик откашлялся и демонстративно отвел глаза, делая вид, что он ничего не заметил.

— Трать сколько хочешь, любимая, — попросил Люк. — Тебе еще много-много надо купить всего, чтобы потратить столько, во сколько обходится содержание любовницы.

Тася понадеялась, что их никто не слышит.

— Милорд, — укоризненно прошептала она, но он лишь усмехнулся:

— Ты понятия не имеешь, сколько стоит твое присутствие в моей постели. Советую тебе воспользоваться своим положением.

Она разрывалась между желанием закончить этот непристойный разговор и продолжить его. Ощущение его крепкой руки на талии, его жаркого дыхания на коже волновало ее до невероятности. Она посмотрела в его смеющиеся глаза, не зная, что ей отвечать на его шутки.

— Почему ты захотел, чтобы я стала твоей женой, а не любовницей? — поинтересовалась она.

Выражение его глаз изменилось, и он произнес мягким мурлыкающим голосом:

— Хочешь, чтобы я отвез тебя домой и там все показал на деле?

Тася промолчала, зачарованная его пристальным взглядом. Она не сознавала, что вцепилась ему в руку, до тех пор, пока ее пальцы, соскользнув, не уперлись в кожаный ремень под рукавом рубашки. Внезапно все отошло куда-то в сторону, и она могла думать лишь об одном — как бы поскорее оказаться с ним в постели, ощутить прикосновение его губ к своей коже и вновь почувствовать тот отклик своего тела, который он умел пробудить с такой легкостью.

Увидев ответ в ее глазах, Люк обернулся к носильщику, топтавшемуся в нескольких шагах от них, и проговорил невозмутимым голосом:

— Полагаю, что на сегодня наши покупки закончены.

Леди Стоукхерст несколько устала.

Хотя Тася не знала других мужчин, она понимала, что ее муж — великолепный любовник. Как искусно, с каким бесконечным умением он пользовался прикосновениями, поцелуями, близостью своего тела! Были ночи, когда часы любви переходили в медлительный сон, а потом снова ощущения лились непрерывным потоком, переполняя ее. Он обнимал, целовал, сжимал и нежно гладил ее, пока она не начинала стонать от удовольствия, вызванного его обладанием. Но Люку больше нравилось играть в постели в буйные и бурные игры, оставлявшие ее без сил от смеха и наслаждения. Тасю поражало, как он умел ее расшевелить. Даже в детстве она всегда была тихой и воспитанной девочкой. Люк буквально содрал с нее все сдерживающие запреты, поощряя ее..., нет, просто требуя, чтобы она откликалась на его ласки, забыв свои старые представления о пристойности.

Тасе хотелось бы, чтобы ее потребность быть с Люком, потребность в нем была поменьше. Она старалась сохранить умеренность, но ее чувства расцветали неудержимо и неуправляемо. Внимание, которое он ей уделял, его разговоры, улыбки, его забота стали для нее каким-то наркотиком. Чем больше она их получала, тем больше хотела. А взамен он просил так мало. Она виновато думала, что должна бы сказать ему о своей любви, но слова не шли с языка, словно в этой произнесенной фразе был ключ к ее гибели. Она отдавала какую-то часть себя и тут же в страхе отступала, не в силах понять сама себя.

— Меня никогда раньше так не баловали, — сказала она ему как-то днем, когда они, разнеженные, лежали в саду, окруженном высокой оградой. — Думаю, что тебе не следовало бы меня к этому приучать.

Наступила самая настоящая летняя жара. Они отдыхали в тени раскидистого дуба. Воздух был напоен запахом жимолости и вьющихся роз. Тася водила цветком по щекам и подбородку Люка, по-детски радуясь этой игре.

Он лежал, положив голову ей на колени.

— Не вижу, чем тебе навредило, что тебя балуют. — Он поднял на нее глаза и погладил бархатистую щеку. — Ты с каждым днем становишься все красивее.

Тася улыбнулась и, склонившись над его головой, притронулась своим носом к его носу.

— Это из-за тебя.

— Правда? — Его рука скользнула ей на затылок, пригибая ее голову поближе к себе.

Они обменялись долгими проникновенными поцелуями, и только затем она ответила:

— У русских есть особое слово для самого первого проблеска весны — «оттепель».

Этим словом называют пробуждение природы. Вот так я себя чувствую сейчас.

— Неужели? — И глаза Люка заискрились интересом. — Покажи-ка мне, что значит быть пробужденной.

— Нет! — взвизгнула она, роняя розу, когда он начал сладострастно ласкать ее.

— Я хочу точно знать, какая твоя часть пробудилась, — настаивал он, привлекая ее к себе, пока она не оказалась под ним. Тогда он легонько провел рукой по ее телу, не обращая внимания на ее смешки, протесты и опасения, что их кто-то может увидеть.

За те три недели, которые они провели в Лондоне, память Люка вобрала в себя тысячу образов Таси, но ему казалось, что он никогда не видел ее столь очаровательной, как сейчас, когда она в борьбе с ним пыгалась вскарабкаться на него. Люк предпочитал нынешнюю бурную возню ее прошлой угасающей грациозности. Тася уже не выглядела такой худой и болезненной, ее шея, плечи и лицо округлились. Грудь оставалась маленькой, но стала более округлой и упругой. Сейчас, задрав юбку до колен, она оседлала его бедра и уперлась руками ему в плечи, чтобы не потерять равновесия. Она торжествующе восседала на нем, однако Люк слегка напряг плечи, давая ей почувствовать силу мускулов под ее руками, напоминая, что она сидит верхом на нем только потому, что он это позволяет.

— Я хочу тебя кое о чем попросить, — сказала она.

— Давай проси.

— Только заранее обещай мне, что не откажешь и разрешишь сделать все, что я хочу. И постарайся спокойно меня выслушать.

— Проси, — прорычал он с деланным нетерпением.

Тася набрала в грудь побольше воздуха.

— Я хочу написать матери, — без обиняков объявила она. — Я хочу успокоить ее, она должна знать, что я в безопасности и счастлива. Тогда ни она, ни я не будем беспокоиться. Знаю, она обо мне тревожится, а это вредно для ее здоровья. Я каждый день о ней думаю. Я не напишу ей ничего, что бы выдало мое нынешнее положение, не упомяну ни чьих-либо имен, ни адреса, где живу. Но мне просто необходимо это сделать. Ты должен понять, как много это для меня значит.

Какое — то время Люк молчал, потом невыразительно проговорил:

— Я понимаю.

Глаза ее засияли счастьем.

— Значит, ты позволишь мне написать ей?

— Нет.

Прежде чем он успел объяснить причину, Тася спрыгнула и, сев рядом, уставилась на него мрачно и решительно.

— Я не просила у тебя разрешения. Я просто пыталась проявить учтивость. И вообще, не тебе решать, писать мне письмо или не писать. Это моя мать, и зависит от этого только моя безопасность.

— А еще ты моя жена.

— Я уже давно сама решаю, какой риск возможен и необходим. А ты пытаешься отказать мне в том, что я просто должна сделать.

— Ты помнишь, что я говорил тебе насчет контактов с твоей семьей? И сама знаешь причины, почему этого нельзя делать.

— Мы можем положиться на мою мать, она никому ничего не скажет.

— Неужели? — холодно спросил он. — Тогда почему же ты не доверилась ей и не рассказала, что твоя смерть инсценирована? Почему Кирилл настаивал, чтобы это держалось в секрете от нее?

Тася замолчала, только яростно сверкнула на него глазами. Спорить с этими доводами она не могла, но ограничение независимости ее взбесило. Ей была нужна хоть какая-то, хоть тонкая связь с миром, который она покинула. Временами ей казалось, что она просто не существует, она была полностью отрезана от всего, чем была, что знала и делала в прошлом. Словно старое ее существование, прошлое "я" и в самом деле умерло. Никто не мог по-настоящему понять всю ее растерянность: ощущения счастья и потери нераздельно смешались в ее душе. Муж сочувствовал ей, но не уступал.

Его решение было окончательным.

— Ты не можешь помешать мне поступать так, как я решила, — мятежно возразила она. — Если только не будешь держать под надзором ежеминутно. — Тася понимала, что ее негодование было несправедливым, но она не могла удержаться и не хотела уступить ему. — Я могу добиться аннулирования нашего брака!

Внезапно он крепко схватил ее за руку и рванул к себе.

Она оказалась прижатой к мужскому телу, напряженному от бешенства.

— Ты дала клятву перед Богом быть моей женой, — проговорил он сквозь стиснутые зубы. — А это значит больше, чем все другие законы, писанные и неписанные. Это духовное соглашение ты не можешь так просто нарушить — это все равно что хладнокровно убить человека.

— Если ты так думаешь, то, значит, ты меня не знаешь, — сверкая глазами, объявила Тася. Она вырвала у него свою руку, причем ей пришлось приложить все силы, чтобы он ее отпустил. После этого она поспешила покинуть сад и укрыться в уединении дома.

За ужином они не обменялись ни словом. Тася и Люк сидели в столовой, отделанной желтым итальянским мрамором. Потолок шестнадцатого века был расписан мифологическими картинами, венецианскую мебель украшала тонкая резьба. Хотя все блюда, как всегда, были очень вкусны, Тася с трудом проглотила несколько кусочков. Из-за продолжающегося молчания нервы натянулись, как струны.

Обычно время ужина было у нее самым любимым. Люк развлекал ее историями о местах, где бывал, и о людях, которых встречал. Он уговаривал ее рассказать о жизни в России.

Иногда они обсуждали какой-нибудь вопрос, иногда несли чепуху и флиртовали. Однажды вечером Тася почти весь ужин просидела у него на коленях и учила его русскому, называя на родном языке блюда, которыми по ложечке, по кусочку кормила его.

— Яб-ло-ко, — старательно выговаривала она, поднося ломтик к его рту. — Гри-бы. У вас их называют «шампиньоны». А это ры-ба. — Она смеялась над его произношением и качала головой. — Вы, англичане, "р" говорите где-то в глубине рта, вот оно у вас и получается как рычание. Произноси его так, чтоб звук упирался в зубы, — «р-р-р».

— Ры-ба, — послушно повторял он, вызывая очередной взрыв ее смеха.

— Выпей вина, может, оно немножко расслабит твой язык. — Она поднесла стакан белого вина к его губам. — Это бе-ло-е ви-но. Выговаривай слова в передней части рта, у самых зубов. Чтобы хорошо говорить по-русски, представь, что ты выплевываешь свои зубы. И губы делай покруглее, вот так. — Она попыталась пальчиками придать им нужную форму в то время, когда он произносил слова, и оба покатывались со смеху, так что она чуть не свалилась с его коленей.

— Скажи мне, как по-русски «целоваться», — продолжал он, снова привлекая ее к себе.

— По-це-луй. — Она обвила его руками за шею и крепко прижалась к его губам.

Как хотелось Тасе повторить сейчас один из тех вечеров!

Уже несколько часов прошло с начатого ею спора. Она осознавала, что была несправедлива к нему. Даже не могла понять, что вызвало эту вспышку. Слова извинения трепетали на ее губах, но гордость не давала ей произнести их вслух.

Тем более что любящий ее муж куда-то исчез, а вместо него напротив сидел равнодушный незнакомец, холодно-безразличный и не проронивший ни слова за весь вечер.

Страдания Таси усиливались с каждой минутой. Она выпила три бокала красного вина, пытаясь хоть немного смягчить свою грусть, и наконец, извинившись, неровной походкой одна направилась в спальню. Отпустив горничную, она кое-как стащила с себя одежду, бросила ее на пол и нагая забралась в постель. От вина в голове стоял туман. Она провалилась в тяжелый сон и не пошевелилась, когда в середине ночи почувствовала, как прогнулся матрас под телом Люка.

Сны поглотили ее, затянули в черно-красное марево.

Она в церкви, вокруг горящие свечи, воздух наполнен сладковатым запахом курящегося ладана. Она не может дышать и, хватаясь за горло, опускается на пол.

Поднимает глаза к золотому сиянию иконостаса. «Боже, пожалуйста, пожалуйста, помоги мне...» Жалостливые лики икон расплываются, она чувствует, как ее поднимают и кладут в узкий ящик. Хватаясь за его бортики, она старается выбраться из него, но над ней

возникает золотое лицо Николая Ангеловского. Своими волчьими желтыми и пустыми глазами он наблюдает за ее попытками, и зубы его оскалены в злобной ухмылке.

«Ты никогда отсюда не выберешься», — с издевкой говорит он и захлопывает крышку гроба. Стук молотка грохочет в ушах. Он заколачивает гроб гвоздями. Тася рыдает, бьется..., и наконец заставляет голос подчиниться, закричать.

— Люк! Люк...

Он потряс ее за плечо, разбудил, склонился над мечущимся телом.

— Я здесь, — повторял он снова и снова, но она, вцепившись в него, задыхалась в рыданиях. — Тася, я здесь.

— Помоги мне...

— Все хорошо. Ты в безопасности.

Кошмар медленно покидал ее. Сотрясаясь отчаянной дрожью, Тася уткнулась ему в грудь залитым слезами лицом.

Никогда она не чувствовала себя такой глупой и напуганной.

— Николай, — с трудом выговорила она. — Он положил меня в гроб. Я..., я не могла выбраться.

Люк сел на постели и, взяв ее на руки, стал укачивать, как ребенка. В темноте она не могла ничего толком разглядеть, но его крепкие руки защищали ее, его низкий голос успокаивал:

— Это был просто сон. Николай далеко, а ты в безопасности, в моих объятиях.

— Он найдет меня. Он увезет меня в Россию.

Люк продолжал медленно укачивать ее.

— Милая моя, сладкая девочка, — шептал он. — Никто тебя не сможет отобрать у меня.

Тася старалась глубоко вздохнуть, чтобы остановить слезы.

— Я... Мне очень жаль, прости меня за сегодняшнее. Я не знаю, почему я тебе это наговорила...

— Ш-ш-ш... Все кончилось.

Внезапно она разразилась истерическим хохотом вперемежку с рыданиями.

— Я с ума сойду, если мне приснится еще раз такой кошмар. Но я не могу помешать этому сну возвращаться. Я боюсь засыпать.

Крепко прижав ее к себе, Люк уткнулся ей в волосы и шептал ласковые слова, бессмысленные фразы, стараясь ее успокоить. Его мощное плечо напряглось, как камень, под ее мокрой щекой. Вся содрогнувшись, Тася сокрушенно вздохнула, вобрав при этом в себя запах его кожи. Его рука лежала у нее на боку, большой палец касался изгиба груди.

— Не отпускай меня, — всхлипнула она, всем телом прикикая к нему. Все ее существо, все тело жаждало его отчаянным голодом, пугавшим ее.

— Никогда! — Он поцеловал ее, и его язык ловко проник в ее рот и стал его обследовать. Одновременно рукой он накрыл ее бурно вздымающуюся грудь. Люк не дал ей ни говорить, ни думать, а, вытянув из кошмарного сна, заменил его сном, полным изысканных ласк и огненной страсти. Пальцы его скользнули по ее груди, легко тронули сосок, потянули, покрутили его, пока он не собрался в тугую пуговку. Накрыв ртом шелковистую грудь, он легкими движениями языка стал водить по ней, возбуждая, пробуждая... Голова Таси запрокинулась, жаркие волны прокатились по телу, и целебная теплота страсти охватила ее.

Он толкнул ее навзничь на постель. Тася, дрожа, повиновалась и стала ждать, чтобы его

прикосновение, его тепло нахлынуло и обволокло ее. Стояла тишина. Глаза ее открылись, она напряглась, разыскивая его в темноте.

— Пожалуйста... — Она старалась вслепую нашарить его, но находила лишь воздух.

Затем она ощутила его губы на животе, они целовали, ласкали, медленно прокладывая путь от одного бока к другому. Мышцы ее сжались, и она простонала его имя. Однако его не поколебало ее нетерпение. Отводя ее мешающие руки, он наслаждался нежным телом, как гурман, вкушающий изысканное блюдо. Легонько провести языком вдоль груди, чуть дразня, куснуть кожу у талии, пройти цепью поцелуев по внутренней стороне бедра... Доведенная этими ласками до бесстыдной разнузданности, она широко раскинула ноги. Он мягко рассмеялся и скользнул пальцами в нежное лоно. Она ахнула, ощутив внутри своего тела легкие прикосновения, поглаживание, бережную умелую ласку этого поиска ее женской сути.

Его дыхание жгло шелковистую долинку ее лона. Он зарылся ртом и носом в пушистые завитки, языком раздвигая душистую поросль. Ртом и пальцами он довел ее до грани удовлетворения и отступил в то мгновение, когда она уже готова была низвергнуться в пропасть наслаждения.

Тася тоненько вскрикнула, выгибаясь в пылком стремлении к нему, и он взметнулся над ней и устроился между ее ног. Плавным твердым выпадом он проник в нее. С криком наслаждения она содрогнулась, а он, стремясь сохранить контроль над собой, продолжал двигаться в мерном ритме, кожа его блестела от пота. Она обвила его руками, потерянная для мира, ощущая лишь тяжкие толчки его плоти в знойных глубинах своего тела. Еще одна чувственная волна нахлынула, нарастая, и снова она напряглась под ним. Жгучие слезы набухли в уголках глаз, заструились по щекам, и она неудержимо прорыдала, уткнувшись в его шею:

— Я люблю тебя.

Он углубил свои выпад, они стучались в сердцевину ее лона, и она содрогалась в экстазе. Тело сжалось, плотно обхватывая его, делая невозможным продолжение этого страстного вторжения... И они слились в едином порыве, огненным вихрем опалившем каждый нерв, каждую жилку их соединившихся тел... Они еще долго оставались неразделенными, тяжело дыша, сплетаясь в яростном нежелании оторваться друг от друга и закончить этот миг полной близости.

— Я люблю тебя, — снова повторила Тася, когда к ней вернулись силы и она смогла заговорить. Лицом она зарылась в волосы у него на груди. — Я боялась сказать это раньше.

Ласково глядя ее по волосам, он выдохнул:

— Почему? И почему говоришь сейчас?

— Я больше не могу жить, страшась того, что у меня в сердце. И я не хочу, чтобы между нами стояли какие-то тайны.

Люк коснулся губами ее лба, и она почувствовала, что он улыбается, шепча:

— Никаких тайн, никакой лжи и никакого страха. Никакого прошлого.

— Если завтра все это кончится, по крайней мере у нас останутся воспоминания об этих ночах. — Сон затягивал ее в свои глубины, томную, полную недавним наслаждением. Я думаю, множество людей не испытало такой любви. Этого нам может хватить и на потом.

— Нам не хватит и целой жизни, — усмехнулся Люк, не выпуская ее из объятий, так что ее теплое дыхание щекотало ему шею и плечо. Ее волосы укрыли его шелковым покровом, темными струями скользя по коже, их руки и ноги переплелись.

Он ощущал одновременно ее хрупкость и ее выносливость и, хотя не был религиозным, вознес безмолвную молитву: «Благодарю тебя. Господи! Благодарю за то, что ты послал мне ее...» Чем он заслужил этот дар — ее присутствие в своей жизни? На этот вопрос ответа не было, и лучше было не думать: он не станет испытывать судьбу пустыми размышлениями.

За месяц, который они не виделись, Эмма, казалось, еще вытянулась. Разметав рыжие кудри, она ворвалась в лондонский дом и, заливаясь радостным смехом, кинулась к Тасе:

— Белль-мер! Я так скучала, я так хотела увидеть вас и папу!

— Я тоже скучала по тебе. — Тася крепко обняла ее. — Как поживает Самсон?

— Нам пришлось оставить его в деревне. — Эмма отступила на шаг и сморщилась. —

Он ужасно плакал. Понадобились двое лакеев, чтобы его удержать: он хотел бежать за нашей каретой и выл так душераздирающе... — Она воспроизвела горестный собачий вой, заставив Тасю расхохотаться. — Но я объяснила ему, что скоро мы все вернемся.

— Ты продолжала уроки?

— Нет. Бабушка не заставляет меня учиться, только иногда она велит мне «пойти и почитать какую-нибудь большую книжку». А дедушка всегда занят — он ездит в гости к своим друзьям или слоняется по углам, пытаюсь ущипнуть горничных.

— О Боже! — Удрученная этими словами Эммы, но продолжая улыбаться, Тася прошла с ней в холл, где задержалась герцогиня, чтобы сказать несколько слов Люку.

Ее светлость герцогиня Кингенстонская была высокой, стройной, импозантной женщиной с волосами, сверкающими серебром, и темными пронзительными глазами. Она была одета в жемчужно-серое с лиловым шелковое платье и необыкновенную высокую шляпку из соломки, называемую в просторечии цветочным горшком. На приспущенных полях шляпки красовались два птичьих чучела.

— Она сама их убила, — с каменным лицом объявила Эмма и радостно хихикнула, когда Тася, поверив ей, широко открыла глаза.

Люк стоял рядом с матерью и внимательно слушал ее подробный отчет о поведении Эммы.

— Ей больше подходит жить в лесу с дикими зверями, а не в цивилизованном доме, — заключила герцогиня. — К счастью, я оказываю на Эмму умиротворяющее действие. Ей всегда идет на пользу мое влияние. Ты сам убедишься, что ее манеры резко улучшились с того времени, как ты ее видел.

— Это очень мило, — произнес Люк и подмигнул приближающейся к нему дочери. — А где отец?

Герцогиня нахмурилась:

— Уехал в связи с какой-то своей интрижкой. Он ловит этих глупых молодых девчонок, как старый котик птенчиков. Тебя должно радовать его отсутствие. В противном случае он бы бродил по дому за твоей молодой женой и строил ей глазки.

Люк усмехнулся и поцеловал мать в морщинистую щеку.

— С ним ничего не поделаешь. Разве только привязать его к тяжелому стулу.

— Тебе надо было много лет назад предложить это средство, — кислым тоном проговорила герцогиня, по-видимому, приберегая эту идею для дальнейшего размышления. Она повернулась к тактично ожидавшим в сторонке Тасе и Эмме и заговорила громче:

— Я приехала посмотреть, что за женщина сумела привести моего сына к алтарю. Мне казалось, что это уже невозможно.

Люк с гордостью наблюдал, как выступила вперед Тася, приветствуя герцогиню.

— Ваша светлость, — мягко произнесла она и присела в изящном реверансе.

Герцогиня посмотрела на Люка, не пытаясь скрыть изумления. Она явно не ожидала, что встретит простую гувернантку с такой царственной осанкой.

В этот день Тася выглядела особенно красивой. Ее темные волосы были высоко зачесаны в шиньон и заколоты шпильками с бриллиантами, сквозь бледно-голубой газовый шарф светилась белоснежная шея. Прямое платье облегло тонкую талию и бедра. Юбка, изящно присборенная сзади в турнюр, переходила в небольшой шлейф. На ней почти не было драгоценностей, только шпильки, скромное обручальное кольцо и крестик на золотой шейной цепочке.

Люк попытался посмотреть на жену глазами матери. Тася держалась со скромным достоинством и самообладанием, которые были обычно свойственны воспитанницам монастыря. Глаза ее смотрели на мир с милой серьезностью ребенка, произносящего вечернюю молитву. Для Люка оставалось тайной, как может она сохранять этот невинный взгляд при его развращающем влиянии. Но мать должна ее одобрить, хотя считала Тасю просто бедной гувернанткой.

— Добро пожаловать в семью, — обратилась герцогиня к Тасе. — Хотя следует заметить, вы вошли в нее при весьма любопытных обстоятельствах.

— Ваша светлость? — вопросительно произнесла Тася, притворяясь, что не поняла ее намека.

Герцогиня нетерпеливо нахмурилась:

— Во всех уголках Англии сейчас сплетничают о вашем таинственном появлении и поспешном браке с моим сыном.

Таким поспешным, что мы с герцогом не были приглашены.

Люк торопливо прервал ее:

— Мы решили ограничиться церемонией в узком кругу, мама.

— Похоже на то, — ледяным тоном заметила герцогиня.

Тася слегка качнула головой, вспомнив свой короткий разговор с Люком, когда они обсуждали, нужно ли приглашать его родителей. Люк сказал решительное «нет», опасаясь, что они будут вмешиваться во все и задавать при венчании ненужные вопросы. Ее легкое движение заставило закачаться крестик на длинной цепочке, и он привлек внимание старой женщины.

— Какой необычный! — сказала герцогиня. — Могу я посмотреть? — И, когда Тася разрешила, узловатыми пальцами поднесла филигранный крестик к глазам.

Это был русский православный крестик из золотой скани — кружева из золотой проволоки с золотыми же капельками. В центре его уютно сидели несколько кроваво-красных рубинов и маленький бриллиант чистой воды.

— Никогда не видела такой работы, — сказала герцогиня, отпуская крестик.

— Он принадлежал моей бабушке, — ответила Тася. — Она носила его на шею с крещения и до смерти. Она его очень берегла. — Поддавшись внезапному порыву, она сняла

через голову цепочку и, взяв всю в синих жилках руку герцогини в свою нежную мягкую руку, вложила в нее крестик. — Мне хотелось бы, ваша светлость, чтобы он был у вас.

Герцогиня была ошеломлена этим жестом.

— Дитя мое, не хочу отнимать у вас памятные вещи.

— Прошу вас, — очень серьезно сказала Тася. — Вы сделали мне самый драгоценный на свете подарок — вашего сына. Я хотела дать вам хоть что-то взамен.

Герцогиня перевела взгляд с золотого крестика в руке на Люка, как бы прикидывая их относительную ценность.

— Возможно, придет день, когда вы решите, что вас обокрали, — с сарказмом проговорила герцогиня. — Тем не менее я принимаю этот подарок. Можете надеть мне его на шею, дорогая. — И, когда Тася застегнула на ней цепочку, улыбнулась:

— Что ж, я одобряю выбор моего сына. Вы чем-то похожи на меня, на ту, какой я была, когда только-только вышла замуж. Позже я прочитаю Люку наставление о том, как быть почтительным и внимательным мужем.

— Он очень внимательный и почтительный муж, — уверила ее Тася, лукаво поглядывая на Люка. Он, казалось, остолбенел, услышав слова матери. Тася с трудом сдержала улыбку. — Ваша светлость, позвольте мне проводить вас в сиреневые комнаты. Я взяла на себя смелость приготовить их для вас.

— Да, конечно. Я люблю эти комнаты. Сиреневый мне к лицу.

Женщины удалились под руку, а Люк и Эмма, лишившись дара речи, остолбенело смотрели им вслед. Эмма пришла в себя первая и заговорила:

— Она сумела понравиться бабушке. Бабушке, которой не нравится никто!

— Знаю. — Люк внезапно расхохотался. — Может, она все-таки ведьма, а, Эмма? Но не говори ей, что я это сказал.

Следующие несколько дней прошли очень спокойно, хотя Тасю и огорчало, что Люка часто не бывало дома и возвращался он поздно ночью. Он весьма туманно объяснял, что его задержала обязательная деловая встреча, но от его одежды несло сигарным дымом, а дыхание отдавало портвейном.

— В этих деловых встречах участвуют только мужчины? — подозрительно осведомилась Тася, помогая снять сапоги устало сидевшему на постели Люку.

— Старые седые мужчины с большими животами и желтыми зубами.

Тася тщательно рассмотрела воротник его рубашки.

— Это утешает. Мне было бы неприятно каждый вечер проверять твою одежду в поисках следов помады и духов.

Слегка пьяный. Люк притянул ее к себе, радуясь, что наконец оказался с ней наедине.

— Пожалуйста, проверяй где хочешь. — Он уткнулся носом и ртом в ее душистые волосы. — Мне скрывать нечего.

Посмотри здесь..., и здесь. — Он перекатился с одного бока на другой и, заигрывая, подмял под себя смеющуюся жену.

Днем Тася с герцогиней и Эммой посещали магазины, чтобы купить какие-нибудь безделицы для убранства дома, наносили визиты. Герцогиня решила ввести Тасю в высшее общество Лондона. Старые светские львицы были очарованы неизменно хорошими манерами Таси. «Такая скромная, прекрасно воспитанная девушка. Она так отличается от легкомысленных современных девушек, которые не знают, как взять в руки нитку с иглой, не носят, когда должно, перчаток и лишний раз не сделают реверанса», — одобрительно рассуждали они. Тасины манеры доставляли старым дамам бесконечное удовольствие, заставляя их объявлять всем и каждому, что их вера в будущее цивилизации восстановлена.

До обеда герцогиня отдыхала в своих комнатах, а Тася занималась уроками с Эммой. К восторгу Таси, Эмма начала писать пьесу. Однажды, когда они сидели втроем, Эмма заявила:

— Я собираюсь стать актрисой. Пойти на сцену. Вообразите меня на подмостках Королевского театра... Из меня выйдет самая великолепная леди Макбет на свете! — Она продемонстрировала свои актерские способности, изобразив сцену лунатизма из «Макбета» с таким энтузиазмом, что герцогиня схватилась за нюхательную соль.

Получив приглашение на прием, который давала леди Уолтфорд в честь дня рождения дочери, Эмма решительно сказала, что даже всемирная катастрофа не заставит ее пойти на этот прием.

— Я буду там самой высокой! Я буду выше всех мальчиков! И кто-нибудь обязательно будет смеяться над цветом моих волос, а мне придется дать в нос, и получится ужасный скандал. Я туда не пойду!

Отеческий разговор Люка с Эммой не произвел на нее никакой впечатления. Когда Тася расспрашивала его об этом разговоре, вид у него был озадаченный и несколько растерянный.

— Она не хочет туда идти, — коротко ответил он. — Заставлять ее — только делать несчастной.

Тася вздохнула:

— Не думаю, что ты понимаешь, в чем дело, милорд.

— Ты права, — мрачно отозвался он. — Несмотря на все мои усилия, я уже давно перестал понимать Эмму — с момента, когда ей исполнилось семь лет. Разбирайся с ней сама.

— Хорошо, Люк. — Она с трудом сдержала улыбку. Люк был преданнейшим отцом, но как быть с проблемами дочери, которые нельзя решить подарками или поцелуем, он не знал.

Тася направилась в комнату Эммы и осторожно постучалась в закрытую дверь. Ответа не последовало, и Тася толкнула дверь и заглянула внутрь. Эмма, лежа на полу, раскладывала по порядку своих многочисленных кукол. Выражение лица у нее было мятежным.

— Мне кажется, вы собираетесь сказать, что мне надо пойти на этот вечер, — пробормотала Эмма.

— Да. — Тася уселась на пол рядом с ней, юбки ее взметнулись и опали, окружив ее мерцающим зеленым озерком. — Там ты сможешь познакомиться и подружиться с девочками своего возраста.

— Мне не нужны подруги. У меня есть вы, и папа, и все в Саутгейт-Холле, и Самсон.

— И все мы тебя обожаем, — улыбнулась Тася. — Но, Эмма, этого недостаточно. Я знаю это по своему опыту. Я росла точно так же, как ты, вдали от всех, как и ты, и более

того. У меня никогда не было подруг — моих ровесниц. Я не хочу, чтобы ты была такой же одинокой, как я.

Эмма нахмурилась:

— Я не знаю, как с ними разговаривать.

— Ты научишься, тебе нужно только немножко попрактиковаться.

— Папа сказал, что, если я не хочу идти, он не будет настаивать.

— Я настаиваю, — тихо проговорила Тася и, увидев, как удивилась девочка, поскорее продолжила, чтобы она не успела возразить:

— Мы сошьем тебе новое платье. В салоне мистера Холдинга я видела шелк прелестного персикового цвета. Он идеально подойдет к твоим волосам.

Эмма покачала головой:

— Белль-мер, я не смогу...

— Ты только попробуй, — уговаривала ее Тася. — Ну что такое плохое может с тобой случиться?

— Я ужасно проведу там время.

— Думаю, что один ужасный вечер ты выдержишь. Кроме того..., возможно, тебе будет там интересно.

Эмма театрально застонала и продолжила выстраивать кукол по росту. Тася улыбнулась, зная, что молчание означает согласие пойти на вечер.

Люк с облегчением вздохнул. Закрытая дверь спальни как бы отгораживала от всего мира. Еще один день прошел впустую — совещания с банкирами, адвокатами, деловыми людьми. Бесконечные разговоры утомляли и раздражали его.

Он был членом правления железнодорожной компании, пивоваренного завода, а недавно с неохотой принял директорство страховой конторы.

Он не любил мира финансов, ему была по сердцу роль землевладельца-джентльмена, которую успешно играли мужчины его семьи на протяжении многих поколений. Люка вдохновляли не акции и ценные бумаги, а распаханые поля, поднимающиеся посевы и добрая жатва.

Но жить только на ренту, которую давало поместье, было уже невозможно. Ради своих арендаторов и своей семьи он вложил деньги в городскую недвижимость, фабрики, железные дороги. Это приносило ему достаточный доход, и он смог не поднимать арендную плату и вводить различные улучшения в собственные земли Стоукхерстов.

Старые мелкопоместные дворяне — джентри насмехались над Люком, осуждая его, как они говорили, за вульгарную погоню за деньгами, но он видел, как съеживаются их поместья, взлетает арендная плата на их землях, как разоряются арендаторы. Общество быстро преобразовывалось, аристократический образ жизни уходил в прошлое, поднимались промышленники. Многие благородные семейства, когда-то обладавшие несметными богатствами, нищали, не умея и не желая приспособиться к происходившим переменам. Люк не хотел, чтобы это случилось с близкими ему людьми. Его земли никогда не зарастут

бурьяном. И его дочери не придется выходить замуж за кого-то ради денег. А поэтому приходилось заниматься не тем, чем хотелось, приходилось становиться деловым человеком, что, полагал Люк, было весьма малой платой за благополучие семьи.

Люк улыбнулся, глядя на свою жену, сидящую на кровати в скромной белой ночной рубашке, отделанной у горла белым кружевом. Прекрасные волосы Таси были распущены и сбегали вниз сверкающим в свете лампы черным водопадом.

— Ты не ужинал, — строго произнесла она, поднимая голову от книги.

Ее голос звучал не так, как обычно, в нем слышалась какая-то напряженная нотка. Он подумал, не сердится ли она за то, что в последнее время он часто не бывает дома.

— Хотелось бы мне быть дома с тобой, — отозвался он. — А вместо этого я с кучкой мужчин обсуждал цены на пшеницу и достоинства разных биржевых маклеров.

— И к чему же вы пришли?

— Что старый порядок вещей уходит вместе с доходным сельским хозяйством. — Люк задумчиво сдвинул брови, снимая сюртук. — Я не смогу вести такую жизнь, как мои отец и дед. И уж точно у меня не будет праздного досуга. Отец всю свою жизнь гонялся за женщинами, охотился, иногда занимался политикой. Он считает, что я, занимаясь торговлей и промышленностью, роняю родовую честь.

Тася встала с кровати и подошла к нему, чтобы помочь раздеться. Пока он говорил, она расстегивала на нем рубашку.

— Но ведь ты делаешь это для блага семьи. — Широко распахнув его рубашку, она прижалась поцелуем к его твердой мускулистой груди.

— Да, — улыбнулся Люк, погружая пальцы в ее волосы и запрокидывая голову. — Но меня раздражает каждая минута, проведенная вдали от тебя.

Тася обняла его за талию.

— Меня тоже.

— Что тебя беспокоит? — спросил он. — Что последние дни я много времени провожу вне дома?

— Ничто меня не беспокоит. Все прекрасно.

— Никакой лжи, — тихо напомнил он ей, и она покраснела.

— Есть кое-что, что меня заботит... — Она немного помолчала, подбирая нужные слова. — Я опаздываю, — наконец произнесла она, и алый румянец залил ее лицо.

Люк озадаченно покрутил головой:

— Опаздываешь? Куда?

— Мои..., мои месячные, — с трудом выговорила она. — Они должны были начаться неделю назад. У меня всегда это..., не очень регулярно, но все равно..., никогда не было такой задержки. Это ничего. Я уверена. На самом деле я не думаю, что это...

— Ребенок? — мягко подсказал он.

— Слишком рано говорить об этом. Я не ощущаю в себе никакой перемены, а если бы это было так, уверена, что какая-то перемена была бы.

Он затих, гладя ее по голове.

— Ты недоволен? — тоненьким голосом спросила Тася.

Люк неотрывно смотрел на нее, пока у нее не закружилась голова от пронзительной синевы его глаз.

— Это станет самой большой радостью в моей жизни. — Он прислонился к ней лбом. — Что бы ни случилось, мы встретим это вместе. Ладно?

Она кивнула.

— Значит, ты хочешь ребенка?

Он нахмурился, размышляя над ответом.

— Я об этом как-то не думал, — признался он. — Мне не приходило в голову, что у меня будут другие дети, кроме Эммы. Мысль о другом... — Он замолчал и усмехнулся. — Наполовину я, наполовину ты... Да, я хочу этого. Но я предпочел бы, чтобы мы еще какое-то время были только вдвоем, только ты и я, до того как мы заведем детей. Ты сама еще совсем ребенок. Мне хотелось бы, чтобы ты подольше оставалась юной и беззаботной, получила то, чего у тебя еще не было. Я хочу, чтобы ты забыла о том аде, через который прошла. Хочу сделать тебя счастливой.

Тася теснее прижалась к нему.

— Забери меня в постель, — еле слышно прошептала она. — Это сделает меня очень счастливой.

Он поднял бровь с деланным удивлением:

— Как, леди Стоукхерст? Вы сами проявляете ко мне такой интерес? Это впервые. Я потрясен и переполнен чувствами.

Она завозилась, расстегивая на нем брюки.

— Надеюсь, не слишком потрясен и переполнен.

Он расхохотался:

— Только не жалуйся, если я не дам тебе спать всю ночь!

— Я об этом только и мечтаю. — Она не смогла ничего добавить к этим словам — , он накрыл ее губы своими.

— Как жалко, что папа не курит, — заметила Эмма, оглядывая предметы, выставленные на застекленном прилавке. — Это самый красивый портсигар, который я когда-нибудь видела.

— А я рада, что он не курит, — отозвалась Тася. — Я всегда считала, что табак — вещь очень противная.

Алисия, присоединившаяся к их экспедиции за покупками в «Харродз», окинула взглядом витрину.

— Как бы мне хотелось, чтобы Чарльз никогда не заводил этой привычки... Но ты права, Эмма, это очень элегантный портсигар.

Серебряный портсигар с золотой гравировкой был украшен топазами. К трем женщинам, увлеченно разглядывающим ценную вещицу, поспешно подошел продавец. Вощные кончики его усов подергивались от рвения.

— Возможно, леди хотят рассмотреть его поближе? — неуверенно осведомился он.

Тася покачала головой:

— Я хотела бы купить подарок на день рождения мужу, но не это.

— Возможно, ему придется по душе золотые ножнички для усов и расчесочка для них в кожаном футляре?

— Боюсь, что нет: он чисто выбрит.

— Тогда зонтик? С ручкой из слоновой кости или серебряной?

Тася снова покачала головой:

— Слишком практично.

— Коробка итальянских носовых платков?

— Очень безлично.

— Флакон французского одеколона?

— Чересчур пахуче, — вмешалась Эмма.

Тася рассмеялась, глядя на встревоженное лицо продавца.

— Может быть, мы походим и подумаем? — попыталась успокоить она его. — Уверена, что раньше или позже мы найдем что-нибудь подходящее.

— Да-да. — Разочарованный продавец перешел к другим покупателям.

Алисия подошла к столу, заваленному бисерными сумочками, корзинками с газовыми вышитыми шарфами, коробками с перчатками. Тася медленно двинулась в противоположном направлении. Ее притягивала к себе ярко раскрашенная лошадка-качалка. Она стояла на полу рядом с резными деревянными колыбелями. Тася осторожно подтолкнула лошадку ногой, и та плавно закачалась. Легкая улыбка тронула ее губы.

С каждым днем она все больше убеждалась, что беременна.

Она представляла себе, как будут выглядеть их дети: высокие, черноволосые, синеглазые...

— Белль-мер! — обратилась к ней следовавшая по пятам Эмма. Она тоже обратила внимание на игрушку. — Теперь, когда вы спите в папиной постели, у вас, наверное, будет ребенок?

— Когда-нибудь. Я надеюсь на это. — Тася положила тонкую руку на плечо Эммы. — Ты хочешь иметь братика или сестричку?

— Да, — с готовностью ответила девочка, — особенно братика. Если, конечно, мне разрешат помочь выбрать ему имя.

Тася улыбнулась:

— Как же ты хочешь его назвать?

— Как-нибудь по-особенному. Может быть, Леопольд.

Или Квентин. Вам нравятся эти имена?

— Очень грандиозно. — Тася подобрала маленькую погремушку и попробовала потрясти.

— А может быть, Гидеон... — размышляла вслух Эмма. — Или Монтгомери... Да Монтгомери Стоукхерст...

Тася, улыбаясь, слушала, как Эмма примеряет имена к будущему лорду Стоукхерсту. Но вдруг улыбка исчезла с лица Таси. Станный леденящий холод сковал ее, она оперлась руками на стол, чтобы не упасть. Она на какие-то секунды потеряла представление о том, где находится. Горький вкус страха наполнил рот. Что происходит? Что неладно?...

Она вскинула голову... У входа в магазин появилось страшное видение. Образ из ее ночных кошмаров, никогда ее не покидавший. Михаил... Нет, это все-таки не Михаил. Человек, которого она убила, был бледным и темноволосым, а у этого были золотистые волосы, загар и смертельная решимость во взгляде... Да, глаза были такие же — пустые, желтые, волчьи.

Как зачарованная Тася наблюдала за золотой фигурой, медленно приближавшейся к ней. Красивый, неотвратимый, как ангел смерти. Это был не призрак, не видение.

Князь Николай Ангеловский явился за ней.

Как нелепо было встретить его в универсальном магазине, где их окружали клерки, продавцы и толпы женщин! Его строгий темный сюртук, казалось бы, должен был скрывать то, что он иностранец, но почему-то, наоборот, подчеркивал это. Николай был как-то необыкновенно красив своеобразной жестокой красотой. Такого лица Тася больше ни у кого

и никогда не видела. Золотистая кожа, каштановые волосы с золотыми отблесками и более светлыми прядями, лицо словно высечено резцом, грация движений... Он выглядел как тигр, силой волшебства превратившийся в человека.

Детская погремушка дрогнула в трясущейся руке Тася.

Она бережно положила ее на покрытый фетром стол. Улыбка далась ей мучительно: щеки онемели, и при движении губ острые иголки пронзали непослушные мышцы, но Тася все-таки сумела улыбнуться.

— Эмма, — тихо проговорила она, — если не ошибаюсь, тебе нужны новые перчатки?

— Да, Самсон стащил у меня последние и сжевал. "Он не в состоянии устоять перед новой белой лайкой."

— Может, леди Эшборн поможет тебе купить новую пару?

— Ладно.

Когда Эмма ушла, Тася снова взглянула в сторону двери.

Николай исчез. Она торопливо обвела взглядом торговый зал.

Его и след простыл.

Сердце ее билось мучительно сильно. Быстрым шагом она обошла зал вдоль стены и попала в другой зал, где продавали продукты. Она почти бегом миновала ряды замороженной рыбы, висящие мясные туши, мешки бакалеи, пирамиды банок с вареньем, ящики засахаренных фруктов, конфет и каких-то иностранных лакомств. Люди стали оборачиваться и смотреть на нее.

Тася поняла, что дышит прерывисто, с хриплым рыдающим звуком. Она сжала губы и так стояла, бледная, с раздувающимися ноздрями.

«Эмма в безопасности с Алисией, — успокаивала она себя. — Теперь мне нужно ускользнуть от Николая, где-то укрыться и послать за Люком...»

Она покинула зал продуктов и поспешила перейти в лавку торговца мануфактурой, которая находилась рядом с выходом из магазина. Если ей удастся выйти на улицу, она смешается с толпой и станет незаметной. Даже Николай с его чутьем хищного зверя не найдет ее в этой суетящейся массе народа.

Тася выбралась на улицу и с облегчением вдохнула зловонный воздух лондонского лета. Но не успела ее нога коснуться мостовой, как огромная рука рывком обхватила ее за талию с такой силой, что чуть не вышибла дух. У нее даже позвоночник прогнулся от этой грубой хватки. Одновременно другая рука, в перчатке, закрыла ей нижнюю половину лица. Бесшумно, сноровисто двое мужчин повели ее в боковую улицу к ожидавшему экипажу. Около него спокойный, как сытый тигр, стоял Николай. Он был еще молод — ему едва ли исполнилось двадцать пять, но все следы юности и доброты давно исчезли с его лица. Он смотрел на нее сверкающими, круглыми, как золотые диски, бесстрастными, пустыми глазами.

— Здравствуй, кузиночка, — с деланной вежливостью произнес он. — Ты хорошо выглядишь. — Протянув руку, он пальцем снял с ее ресниц слезу, посмотрев на нее, как на драгоценный эликсир. — Знаешь, ты могла бы гораздо больше затруднить мне поиски, например, могла бы прятаться где-нибудь в деревне, переодевшись крестьянкой. У меня годы ушли бы на розыски. А вместо этого ты стала в Лондоне притчей во языцех. Тайнственная иностранная гувернантка, которая вышла замуж за богатого маркиза. Узнав об этой истории, я сразу понял, что это могла быть только ты. — Он окинул презрительным взглядом ее фигуру в шелковом платье. — Наверное, твоя любовь к роскоши пересилила

здравый смысл. — Кошачьим движением он приподнял ее побелевший от напряжения кулачок, разглядывая массивный обруч на пальце. — Кто твой муж?

Думаю, какой-нибудь богатый старик, охотник до юной плоти.

Кто— то должен был бы объяснить ему, что ты опасное дитя.

Николай махнул рукой казакам, чтобы они запихнули ее в экипаж, но, увидев тревогу, мелькнувшую в глазах Таси, круто обернулся. Если бы не это, удар зонтиком с увесистой ручкой из слоновой кости обрушился бы на его голову, но, к счастью для Николая, удар пришелся по плечу. Ему не составило труда вырвать столь неожиданное оружие у голенастой девочки-подростка и прижать ее так, что она не могла и шевельнуться. Она широко открыла рот, чтобы закричать.

— Один звук, и я тут же сломаю ей шею, — пригрозил он.

Раскрасневшись от негодования и страха, девочка молчала, только смотрела на него в упор сверкающими синими глазами. Огненные кудри цвета редкого красного янтаря и прозрачная порозовевшая кожа юного лица представляли очаровательный контраст.

— Еще одно опасное дитя, — тихо рассмеялся Николай, прижимая к груди ее еще не оформившееся, плоскогрудое тело.

Один из казаков обратился к нему по-русски:

— Ваше сиятельство...

— Все в порядке, — коротко отозвался Николай тоже по-русски. — Забирайся с женщиной в экипаж.

Девочка, которую он держал, проговорила хрипло:

— Отпусти мою мачеху, ублюдок!

— Боюсь, что не смогу, мой прелестный зверек. Где ты научилась скверным словам?

Девочка попыталась вывернуться из его рук.

— Куда ты ее увозишь?

— В Россию, где ей придется ответить за свои преступления. — Николай ухмыльнулся и, отпустив ее, смотрел, как она, спотыкаясь, попятилась. — Прощай, девочка. И благодарю тебя: уже давно никто не мог вызвать у меня улыбку.

Она повернулась и со всех ног бросилась в магазин. Какое-то мгновение Николай смотрел ей вслед, затем подошел к экипажу, вскочил в него и дал знак кучеру ехать.

Все собрались в библиотеке. Чарльз Эшборн сидел на диване, жена рыдала у него на плече. Эмма, бледная от горя, затихла в кожаном кресле, прижав колени к груди. Люк стоял у окна, устремив взгляд на реку. Он был на заседании правления Северо-Британской железнодорожной компании, когда ему сообщили, что его присутствие срочно требуется дома. Примчавшись домой, он нашел Эшборнов и Эмму. Дочь была на грани истерики. Таси нигде не было.

Понукаемая Чарльзом, Алисия рассказала о случившемся все, что ей было известно.

— Я оставила ее на минутку, чтобы взглянуть на шелковые шарфы, — запинаясь говорила она, — и вдруг они с Эммой потерялись. А потом прибежала Эмма с криком, что

какой-то желтоглазый русский увез Тасю в своей карете... Я понять не могу, как он ее нашел. Разве что следил за мной...

О Боже, мы ее больше никогда не увидим! — Она не выдержала и снова зарыдала, а Чарльз тщетно похлопывал ее по спине, стараясь успокоить.

Все молчали, в тишине раздавался только плач Алисии.

Люк, с лицом белым, как смерть, обернулся и взглянул на Эшборнов. Его трясло от гнева, в глазах застыло безумие, и все сжались, ожидая взрыва. Но он продолжал молчать. Пальцы его бессознательно прощлись по изгибу стального крючка, словно он проверял оружие перед боем.

Не в силах больше переносить его молчание, Чарльз нервно заговорил:

— Что делать, Стоукхерст? Думаю, надо провести какие-то переговоры по правительственным каналам... В конце концов, у нас есть посол в Санкт-Петербурге, и, возможно, следует направить полномочного представителя с прощением...

— Мне не нужен никакой полномочный представитель, — ответил Люк, широкими шагами направляясь к двери. — Биддл! — Голос его разнесся по дому как звон колокола.

Камердинер появился мгновенно.

— Да, милорд?

— Сообщите секретарю министра иностранных дел, что мне нужно сегодня же встретиться с министром. Скажите ему, что дело безотлагательное.

— Милорд, а если министр откажется?

— Тогда я найду его, где бы он ни был. Так что пусть лучше назначает встречу сам.

— Что-нибудь еще, милорд?

— Да, я отправляюсь в Санкт-Петербург. Если нет корабля, отплывающего туда в ближайšie двадцать четыре часа, немедленно наймите какое-нибудь судно.

— Сэр, могу ли я осведомиться, будет вас кто-нибудь сопровождать?

— Вы.

— Но, милорд, — залепетал камердинер. — Право же, я никак не могу...

— Идите. Когда: выполните поручения, можете, начать упаковывать вещи.

Биддл повиновался, но, уходя, продолжал бормотать что-то себе под нос, отчаянно качая головой.

Чарльз Эшборн с участием обратился к Люку:

— Чем мы можем помочь?

— Позаботьтесь об Эмме, пока меня не будет.

— Разумеется.

Люк взглянул на покрасневшие от слез глаза дочери, и лицо его заметно смягчилось. Он пересек комнату и, сев около нее, привлек к себе.

— О, папа! — жалобно бормотала она, снова разразившись слезами. — Я не знала, что делать... Я просто следовала за белльмер. Мне надо было броситься за помощью, когда я увидела, что происходит, но я не остановилась, не задумалась...

— Все в порядке. — Люк крепко обнял дочь. — Ты не смогла бы им помешать, что бы ни делала. Это моя ошибка, и ничья больше. Я должен был лучше охранять вас обеих.

— Зачем она нужна этому человеку? Кто она? Она сделала что-то не то? Не понимаю, что происходит...

— Знаю, что не понимаешь, — кивнул он. — Она не сделала ничего плохого. Но ее несправедливо обвинили в смерти одного человека, и в России есть люди, которые хотят ее

наказать. Мужчина, которого ты сегодня видела, повез ее в Россию.

— Ты собираешься снова привезти ее домой?

— Да. Ни секунды не сомневайся в этом, Эмма. — Он говорил мягко, но лицо его было суровым и холодным. — Князь Николай Ангеловский еще не осознал, во что ввязался. Никому не отнять у меня мое.

Торговое судно «Свет с Востока» было маленьким, но крепким. В его трюмах были английская пшеница, фарфор и ткани. В тихую, безветренную погоду, такую, как установилась сейчас, рейс длился не больше недели. Николай Ангеловский, капитан судна, почти целый день проводил на палубе, следя за тем, чтобы команда выполняла свои обязанности так же тщательно, как и он сам. Командование судном для Николая не было просто прихотью богатого человека.

Он отлично знал навигацию и обладал решительностью прирожденного руководителя. Привычно прокладывая курс, он направлял судно на восток, к Балтийскому морю, и далее в устье Невы, туда, где в царственном величии раскинулись каменные громады Санкт-Петербурга.

На исходе первого дня пути Николай зашел в каюту, куда поместил Тасю. Эта каюта стала для Таси настоящей тюремной камерой-одиночкой — даже юнге, обслуживающему каюты, было запрещено с ней не только разговаривать, но и отвечать на ее вопросы, если она обратится к нему из-за двери.

Тася, лежавшая на узенькой койке, испуганно села, когда он открыл дверь. На ней была та же одежда, в которой ее схватили: костюм из шелка янтарного цвета, отделанный черной бархатной ленточкой. С тех пор как Николаи настиг ее в Лондоне, она не сказала ни единого слова, не пролила ни одной слезы. Она находилась в шоке с момента, когда увидела Николая, когда то, чего она так боялась, произошло. Ей было страшно от того, что прошлое вернулось с такой ужасающей легкостью и быстротой. В настороженном молчании она смотрела на Николая, внимательно следя за всеми его движениями. Он вошел и закрыл за собой дверь.

Лицо его было совершенно неподвижно, только уголки рта презрительно опущены.

— Ты спрашиваешь, что мне от тебя нужно, моя маленькая кузина? Сейчас ты об этом узнаешь.

Он шагнул к окованному медью сундуку у стены. Хорошо смазанные петли не скрипнули, когда он откинул крышку. Тася забилась в глубь койки и прижалась к деревянной переборке.

От страха ее тело покрылось холодным потом. Она в полной растерянности наблюдала, как Николай вытащил из сундука матерчатый сверток. Сжав его в кулаке, он двинулся к ней:

— Узнаешь?

Тася покачала головой. Тогда он разжал кулак, и сверток, падая, развернулся. Обеими руками он поднял его, и перед глазами Таси оказалось белое мужское одеяние. Крик вырвался из ее горла. Вжавшись спиной в переборку, она не могла отвести глаз от белой

рубахи. Именно ее видела Тася на Михаиле в ночь его смерти. Эту рубаху нельзя было не узнать: покрой в старорусском боярском стиле — высокий стоячий ворот, расшитый золотом, длинные широкие рукава. Спереди ее покрывали жуткие коричневые и черные пятна засохшей крови Михаила.

— Я берег ее для нашей встречи, — мягко проговорил Николай. — Расскажи мне подробно, что произошло в ту ночь, когда умер мой брат... Его последние слова, выражение его лица... Твой долг рассказать мне об этом.

— Я не помню, — ломким от ужаса голосом ответила она.

— Тогда всмотрись получше. Может быть, это оживит твою память.

— Николай, пожалуйста!

— Гляди!

Тася смотрела на заскорузлую от крови рубаху, и к горлу у нее подкатила тошнота. Она старалась сдержать ее, но, казалось, тошнотворно сладкий запах свежей крови снова наполнил ей ноздри, воздух каюты душил ее теплым смрадом... все предметы начали кружиться в плавном водовороте.

— Меня сейчас вырвет, — сдавленно проговорила она, рот наполнился кислой слюной. — Убери от меня эту...

— Скажи, что случилось с Мишей. — Николай подошел совсем близко, и она уже ничего не видела, кроме ржавых засохших пятен. Она застонала и, давась, поднесла руку ко рту.

Он сунул ей под нос тазик, и ее вырвало мучительными дикими спазмами. Слезы струились из глаз. Ничего не видя, она взяла из его рук протянутое льняное полотенце и отерла лицо.

Подняв глаза, Тася отшатнулась в ужасе, потому что Николай надел рубаху брата, она затрещала на его могучих плечах, смутный темный узор засохших кровавых пятен сбегал по рубахе к подолу. Когда в ту страшную ночь эта белая рубаха была на Мише, кровь алым водопадом струилась на нее, нож торчал у него из горла, глаза выкатились из орбит от боли и ужаса, заплетающимися ногами он, шатаясь, шагнул к ней, протягивая руки...

— Нет! — закричала она, взмахнув немеющими руками, но, когда Николай двинулся вперед, кошмар ожил. — Не подходи! Не подходи!

Тяжелый душный воздух задрожал от ее крика, яркий свет вспыхнул под зажмуренными плотно веками, и наступил благословенный мрак. Память прорвала плотину внутреннего запрета и хлынула разрушительным потоком.

— Миша! — прорыдала она, и бездонная черная воронка втянула ее в себя. Там не было ни слов, ни цвета, ни звука — ничего, кроме разлетевшихся клочьев ее разодранной души.

Николай, убрав запятнанную рубашу, сидел у постели и ждал, когда Тася очнется. Внешне он был холоден и спокоен, но обуревавшие его чувства, то ли тревога, то ли страх, были невероятно сильны. Черная рубашка на нем стала влажной от пота и прилипла к золотистой коже.

Ему так отчаянно хотелось получить ответ на мучивший его вопрос, что Тася ощутила жалость, не понимая точно, что толкнуло его на такой поступок: горе из-за смерти брата или жажда справедливости.

Тася, не сводя с него глаз, облизала сухие губы и хрипло проговорила:

— Я расскажу тебе, что случилось в ту ночь. Каждую деталь, но сначала дай мне воды...

Николай налил воды в стакан и, не говоря ни слова, принес ей. Затем, сев на кровать, он наблюдал, как она, устроившись поудобнее, с жадностью глотала освежающую воду.

Тася думала, с чего начать свой рассказ. Память вернулась к ней мощным зарядом, а с ней все чувства, испытанные в ту ночь. Однако то, что она наконец вспомнила правду и могла ею поделиться, принесло ей невероятное облегчение.

— Я не хотела выходить за Мишу, — начала Тася. — Судя по всему, что я знала и слышала о нем, он был странным страдающим человеком, который играл людьми, как ребенок игрушками. Я его не столько ненавидела, сколько боялась. Все были рады нашему обручению, говорили, что я окажу на него хорошее влияние. — Она горько рассмеялась. — По-моему, они убедили себя, что я смогу соблазнить его и он полюбит женщин. Глупцы! Даже я, юная, наивная девушка, понимала, что человек, который любит мальчиков, никогда не захочет видеть меня в своей постели. В лучшем случае я была бы для Михаила ширмой: в обществе его считали бы приличным женатым человеком. Но скорее всего стала бы для него объектом извращенных забав, он бы мучил меня и унижал, отдавал бы другим мужчинам, заставлял бы делать неестественные вещи, которые не должно делать ни одному человеческому существу...

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Знаю, — тихо откликнулась она. — И ты тоже знаешь. — Когда Николай не ответил, она допила воду и продолжала:

— Я поняла, что попала в ловушку. И как ни странно, никто не хотел мне помочь. Моя собственная мать настаивала на этом браке. Единственным, к кому я могла обратиться за помощью, был сам Миша. Несколько дней я обдумывала, что делать, и наконец решила поговорить с ним. Я ничего не теряла, но почему-то надеялась, что он меня послушает. В Мише было что-то детское... Временами он казался маленьким мальчиком: он то ждал, когда все обратят на него внимание, то капризничал. Я подумала, что, может быть, мне удастся убедить его и он освободит меня от данного слова. Несколько его слов могли бы изменить мою судьбу... И однажды ночью я отправилась к нему, чтобы наедине умолять его об этом.

Тася поставила пустой стакан. Глаза ее были устремлены на сложенное квадратом шерстяное одеяло, лежавшее в ногах. Смотря на него невидящим взглядом, она как во сне продолжала ровным голосом рассказывать:

— Во дворце было пустынно. Мишу обслуживало лишь несколько человек. Я покрыла голову шалью, низко натянув ее на лоб, чтобы скрыть лицо. Парадная дверь оказалась

незапертой. Я вошла. Кто-то из слуг увидел меня, когда я шла по дворцу, но не попытался меня остановить. Я очень волновалась, боялась, что Миша накурился опиума до бесчувствия.

Внизу его не было. Тогда я поднялась наверх и стала заглядывать во все комнаты подряд. Всюду царил ужасный беспорядок. В воздухе пахло табачным дымом, пролитым вином, прогорклой едой. На полу вперемешку лежали груды мехов и шелковых подушек, остатки еды, странные предметы, которыми Миша, наверное, пользовался для... Ну, не знаю, для чего... Мне все равно.

Тася разжала руки и порхающим движением как бы сняла что-то с головы.

— Было очень жарко, и я сняла шаль. — Она прижала пальцы к бьющейся жилке у горла. — Раз или два я позвала его по имени: «Миша, где ты?» Но он не откликнулся. Я подумала, может, он сидит в библиотеке со своей трубкой, и пошла дальше по коридору. Голоса... Два голоса спорили, громко и страстно, плакал мужчина...

Воспоминания нахлынули мощной волной, и Тася уже не думала о том, что говорит, слова лились помимо ее сознания.

— Миша, я люблю тебя в тысячу раз больше, чем сможет когда-либо любить она. Она не сумеет дать тебе то, что тебе нужно.

— Ты старый сморщенный болван, — отвечал Миша. — Ты ничего не знаешь о моих нуждах.

— Я не хочу ни с кем делить тебя, особенно с балованной девчонкой.

В бархатном голосе Михаила звучала издевка.

— Значит, тебя тревожит, что она окажется в моей постели? Свежее юное тело, невинность, ждущая, чтобы ее развратили.

— Миша, не мучь меня так...

— Я больше не хочу тебя. Поди прочь и никогда не возвращайся. Ты мне надоел. Видеть тебя не хочу. Меня от тебя тошнит.

— Нет! Ты моя жизнь, ты для меня все...

— Мне противны твоё нытьё и твои жалкие любовные потуги. Я лучше займусь этим с собакой. А теперь убирайся отсюда!

Второй мужчина мучительно взвыл, рыдающе взвизгнул.

Раздались удивленный вскрик, шум отчаянной борьбы..., странные звуки...

— Я была в ужасе. — Тася постаралась успокоиться. Жгучие слезы жалили ее сухие, потрескавшиеся губы. — Но не могла не войти в ту комнату. Я ни о чем не думала, даже не догадывалась, что случилось. Какой-то мужчина застыл в углу, как статуя. Миша, шатаясь, пятился от него. Потом он заметил меня и, повернувшись, шагнул в мою сторону. Всюду было столько крови... Из его горла торчал нож... Он, глядя с мольбой, протянул ко мне руки, словно просил помочь. Я замерла на месте, как будто мои ноги налились свинцом... А потом... Миша упал на меня... И все куда-то провалилось.

Когда я очнулась, у меня в руке был нож для разрезания бумаг, липкий от крови. Этот другой мужчина подстроил все так, будто я убила Михаила. Но я не убивала! — Она засмеялась и заплакала одновременно. — Все эти месяцы я думала, что убила человека. Я страдала от мучительного ощущения вины, и ни молитвы, ни пост, ни покаяние — ничто не могло смягчить этого чувства... А теперь я знаю: я этого не делала.

— Как имя человека, убившего Мишу? — мягко спросил Николай.

— Савелий Игнатьевич, граф Щуровский. Я знаю это точно, без всяких сомнений. Я как-то раз видела его в Зимнем дворце.

Николай никак не отозвался на ее слова. Он стоял и смотрел на нее своими холодными безжалостными глазами, затем медленно направился прочь.

Когда он подошел к двери, Тася спросила:

— Ты мне не веришь?

— Нет.

Она на мгновение задумалась.

— Это не важно. Я теперь знаю правду.

Николай обернулся и сказал, презрительно улыбаясь:

— Граф Щуровский — уважаемый человек, преданный муж, к тому же любимец государя. Много лет он был наперсником царя, его советчиком. Его называют отцом реформы.

Не будь Щуровского, неизвестно, отменили бы девять лет назад крепостное право или нет. Более того, стало известно, что его вот-вот назначат генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Мне кажется просто забавным, что именно Щуровского ты представила как любовника и убийцу моего брата.

Почему бы не самого царя?

— Правда есть правда, — просто ответила она.

— Все русские знают, что у каждого своя правда, — с издевкой усмехнулся он, покидая каюту.

Биддл любил корабли, и это было для него вполне естественно. На корабле всегда все вымыто, начищено, никто не смеет нарушить строгий порядок. Люка нередко раздражала страсть его камердинера расставлять вещи на свои места, но оказалось, что это вполне отвечает жизни на корабле. Более того, здесь строгий порядок был просто необходим. Люк никогда не испытывал особой любви к морю, а это путешествие было самым горестным из тех, что он когда-либо предпринимал.

День за днем он бесконечно шагал по каюте, бродил по палубе, почти не оставаясь на одном месте. Он не мог ни на секунду забыть о случившемся, не мог ни сидеть, ни стоять спокойно. Ел он неохотно, разговаривал только тогда, когда было необходимо. То упрямый, то разъяренный, Люк развлекал себя мыслями о том, что сделает с Николаем Ангеловским, когда его найдет. Он безумно боялся за Тасю и чувствовал отвращение к себе. Он во всем виноват. Он должен был стать ее защитником и не сумел. Из-за его непредусмотрительности ее похитили с необычайной легкостью.

О том, что он может потерять Тасю навсегда, он запрещал себе думать... Только по ночам, во сне выдержка ему изменяла. После смерти Мэри он еще смог вести какое-то подобие нормальной жизни. На этот раз этого не получится.

Утрата Таси сломает его окончательно. У него не останется ни для кого ни любви, ни доброты..., даже для собственной дочери.

Как— то поздно ночью он стоял на корме, глядя на широкий пенный след корабля. Беззвездное небо было затянуто облаками, более темными на фоне общего светящегося

мрака, мерный шум волн убаюкивал, успокаивал. Он вспомнил ту ночь, когда держал Тасю в объятиях и они слушали музыку леса. Один из тех высоких и прекрасных моментов, доступных лишь истинно любящим... И вдруг Люк с такой силой ощутил ее присутствие, что даже обернулся, словно ожидая увидеть ее рядом. Он опустил глаза на золотой перстень ее отца и услышал нежный перелив ее голоса... На нем написано: «Любовь — чаша золотая, погнешь, но не сломаешь».

И свой ответ: У нас с тобой все будет хорошо.

Пальцы сами собой сжались в кулак.

— Я иду за тобой. — Его хриплый голос слился с воем ветра. — Я скоро найду тебя, Тася.

Как только были брошены якоря и корабль пришвартовался в гавани, Люк с Биддлом поспешили сойти на берег.

Люк сразу направился к дороге, ведущей в город. Биддл с чемоданами следовал за ним. Им пришлось пройти через рынок, находящийся недалеко от гавани. Вид этого рынка их поразил. Люк ничего подобного раньше не видел. Стены, двери, прилавки были выкрашены в яркие цвета, что придавало всему какой-то веселый, ярмарочный вид.

На торговцах были длинные красные или синие рубахи, на женщинах — цветастые платки. Казалось, все вокруг пели.

Продавцы нараспев хвалили свои товары, прохожие мурлыкали или напевали на ходу... У Люка это вызвало неприятное чувство, что на него все смотрят с удивлением, как смотрели бы на обычного человека, оказавшегося среди певцов на сцене во время оперы.

Он не мог отделаться от запаха рыбы, казалось, этим запахом пропитано все вокруг: море, рыбачьи шхуны на Неве, а особенно рынок. Здесь можно было увидеть в корзинах семгу и лосося, щук, угрей, окуней и огромных севрюг, переложенных тающим льдом. До полудюжины разных сортов икры красовалось в широких бочонках. Мелкую полупрозрачную рыбку продавали вразвес. Ее уносили мешками и ведрами. От жары рыба издавала такое зловоние, что порядочная английская кошка, отвернув нос, обошла бы этот рынок стороной.

— Снетки-с, — объяснил с наглой ухмылкой один из торговцев, увидев явное отвращение на лице Люка.

Суматоха и пестрота Санкт-Петербурга были такими, как и в других больших городах, но только здесь все было ярче и суетливее. На улицах было полно спешащих куда-то пешеходов и экипажей. По реке и каналам сновали лодки, маленькие и большие. Среди домов стояли храмы, и не только православные, звон колоколов вразнобой неся над городом.

Через десять минут Люк перестал даже пытаться понять окружающее. Он не собирался надолго оставаться в Санкт-Петербурге и поэтому не хотел узнавать о нем больше того, что уже знал. Все, что ему было нужно, — вернуть жену и никогда после этого не видеть Россию.

Однако перед Биддлом не стояли такие цели. Он отправился в Россию с зонтом, крепко зажатым под мышкой, и с путеводителем по России, изданным в Лондоне. Они миновали рыночную площадь, прошли вдоль цветочного ряда, где продавались самые экзотические

цветы. К ним подошел разносчик, через плечо у него висел кожаный короб с толстыми ломтями имбирной коврижки, со стаканами и кувшином, полным коричневой жидкости, которую он назвал «квас». Увидев кивок Люка, Биддл купил два стакана жидкости и немного этого темного кекса. Квас оказался похожим по вкусу на слабенькое ржаное пиво, подслащенное медом.

«Странно, но не противно», — подумал Люк, допивая стакан.

Его заинтересовала внешность русских. В большинстве они были светловолосыми и голубоглазыми, с правильными чертами лица, однако у многих была более экзотическая восточная внешность: широкоскулые лица и красивые раскосые глаза. Тасины черты были сплавом того и другого, что придавало ее красоте тонкую изысканность. При мысли о жене у него сжалось горло, а в груди заклокотала мучительная ярость, не покидавшая его с того момента, когда он узнал, что Тася похищена.

— Сэр? — нервно обратился к нему Биддл, явно испуганный свирепым выражением его лица. — Вам не понравился напиток?

— В резиденцию английского посла, во дворец Куркова, — с трудом выговорил Люк.

— Одну секунду, милорд. — Биддл храбро вышел на мостовую и начал махать зонтом. — Я попытаюсь нанять экипаж. В путеводителе сказано, что они называются как-то вроде «дрожки», а еще сказано, что не стоит волноваться, если кучер станет разговаривать с лошастью. Они здесь все разговаривают со своими лошадьми.

Наняв крохотную открытую коляску, они велели кучеру везти их в английское посольство. Как и предсказал Биддл, возница разговаривал с лошастью, называя ее Осипом. Экипаж мчался по городу с бешеной скоростью, как, впрочем, и остальные экипажи. Кучер часто вскрикивал «пади!», предупреждая пешеходов о своем приближении. Они чуть не задавили двоих прохожих, переходивших дорогу. Русские ездили чрезвычайно лихо, будь они в прекрасных лакированных каретах или в скрипучих тарантасах.

Санкт— Петербург был городом камня, воды и мостов.

Даже Люк, настроенный ненавидеть все в этой стране, должен был признать, что город прекрасен. Биддл, тут же открыв британский путеводитель, прочитал, что Санкт-Петербург был основан сто пятьдесят лет назад Петром Великим, который хотел принести западную культуру в Россию. Петр великолепно в этом преуспел. Некоторые части города казались более европейскими, чем сама Европа.

Экипаж проезжал мимо поразительно роскошных дворцов, стоявших на гранитных набережных. Всюду были львы из камня, бронзы и железа. Они охраняли мосты и здания, пугая прохожих застывшей яростью своих морд.

Резиденция английского посла, лорда Сиднея Браммуэлла, была в красивейшем дворце Куркова на восточной стороне Невского проспекта, центральной улицы города. Когда экипаж остановился. Люк вышел и оказался перед дворцом, построенным в классическом стиле, с фронтоном и высокими белыми колоннами. Люк поднялся по широким мраморным ступеням, предоставив Биддлу заплатить кучеру и заниматься чемоданами. Два дюжих казака в алых рубахах и высоких черных сапогах охраняли вход во дворец.

— Я пришел повидать лорда Браммуэлла, — коротко сказал Люк.

Казаки посоветались. Один из них на ломаном английском с наглым угрожающим видом ответил:

— Это невозможно.

— Почему?

— Лорд Браммуэлл дает обед в честь губернатора. Приходите позже. Завтра. А может, через неделю.

Люк насмешливо посмотрел на Биддла:

— Ты слышал? Мы опоздали на обед. — С этими словами он повернулся и послал кулак в живот казака, так что тот согнулся пополам. Второй удар, сверху по шее, швырнул наглеца на ступеньку, где он и остался лежать. Другой страж двинулся было на подмогу, но, ахнув, застыл на месте, когда Люк взмахнул левой рукой. Люк улыбнулся с тихой угрозой, прекрасно понимая, какое впечатление производит вид стального крючка вместо руки.

— Подходи, подходи, — вежливо пригласил он.

Казак покачал головой, не отрывая глаз от крючка, затем попятился и сошел с лестницы.

— Сэр, я вас таким никогда не видел, — пробормотал Биддл, с тревогой глядя на Люка.

— Ты и раньше видел, как я дрался.

— Да, но никогда вы не делали это с таким удовольствием...

— У, еще только вхожу во вкус, — буркнул Люк и открыл парадную дверь.

Повсюду во дворце можно было увидеть выющиеся растения, магнолии, орхидеи. Великолепные паркетные полы были выложены удивительным узором из дерева различных цветов, что делало паркет похожим на восточный ковер. Слуги в ливреях стояли по углам неподвижно, как статуи. Ни один из них даже глаз не поднял, чтобы взглянуть на проходивших.

— Где лорд Браммуэлл? — спросил Люк одного из них.

Когда ответа не последовало, он повторил нетерпеливо:

— Браммуэлл!

Слуга робко показал пальцем в сторону одного из ярко освещенных залов.

— Сэр, — раздался за его спиной встревоженный голос Биддла. Он ненавидел скандалы, а сейчас чувствовал, что это неминуемо. — Может быть, мне подождать с чемоданами в холле?

— Да, оставайся здесь, — ответил Люк, отправляясь на поиски Браммуэлла в банкетный зал.

Биддл с явным облегчением отступил к вестибюлю:

— Благодарю вас, милорд!

Зал окаймляли колонны, покрытые золотом и полудрагоценными камнями. Французская речь доносилась из распахнутых двойных дверей, выложенных узором из золотых пластинок и лазурита. Нежные звуки струнного инструмента, цитры или какого-то ей подобного, служили музыкальным фоном для мужских и женских голосов. Люк вошел в банкетный зал, где за длинным золоченым столом сидело по крайней мере человек двести — иностранные дипломаты и их жены.

Одетые в бархат с золотым шитьем слуги разливали охлажденное шампанское, но, увидев Люка, замерли от неожиданности с бутылками в руках. Стол ломился от различных мясных яств, холодных салатов, дичи, пирогов, икры. Многие на этом столе было непривычно глазу иностранца: изящнейшие эмалевые сосуды с горчицей и солью, гигантские серебряные чаши с маринованными грибами и солеными огурцами. Украшением стола был большой жареный павлин с широко расправленным веером перьев, сверкающих золотом и отливающих зеленоватой синевой.

Знатные гости замолчали, пораженные нежданным вторжением. Музыка стихла.

Люк узнал посольские отличия и ордена Дании, Польши, Австрии, Франции, Германии Швеции. Во главе стола сидел почетный гость — худой седовласый человек с аристократическим лицом и темными раскосыми «татарскими» глазами. На его мундире с золотым шитьем было множество орденов и медалей.

Заметив по правую руку от него английского посла, Люк решительно подошел к нему.

— Лорд Браммуэлл? — спросил он, и взоры всех гостей обратились к нему.

Посол, пухлый розовощекий мужчина с несколько свинячьим лицом и глубокоседающими быстрыми глазками под редкими бесцветными бровями, надменно выпрямился:

— Я Браммуэлл. Ваше вторжение весьма непристойно...

— Мне нужно поговорить с вами.

Дежурившие солдаты приблизились к Люку, готовые схватить его по первому знаку. Обернувшись, он остановил их угрожающим взглядом.

— Нет-нет, все в порядке. — Лорд Браммуэлл поднял короткопялую руку, повелительным жестом останавливая солдат. — Этому человеку пришлось очень постараться, чтобы увидеть меня. Мы дадим ему возможность сказать, что ему нужно. Несмотря на бесцеремонность, у него вид джентльмена.

Люк представился:

— Лорд Стоукхерст.

Браммуэлл задумчиво посмотрел на него:

— Стоукхерст... Стоукхерст... Если не ошибаюсь, вы и есть муж несчастной Анастасии Ивановны Каптеревой?

Шепот пробежал по залу.

— Да, это я, — мрачно подтвердил Люк. — Я приехал обсудить с вами положение моей жены. Если бы мы могли поговорить без...

— Нет-нет... В этом нет нужды. — Браммуэлл снисходительно улыбнулся Люку и бросил взгляд на гостей, как бы призывая их оценить, насколько трудна его задача — убедить безумца. — К сожалению, лорд Стоукхерст, я ничего не могу поделать. Как я знаю, уже назначен день, когда приговор о повешении вашей жены будет приведен в исполнение.

Люк ожидал, что русское правительство будет действовать быстро, но не настолько... Услышав произнесенные будничным голосом слова «повешение вашей жены», он чуть не потерял рассудок. Ему еле удалось сдержаться, чтобы не наброситься на посла и не растерзать его. Каким-то образом он смог сказать холодно и ровно:

— У меня с собой перечень официальных действий, которые вы должны предпринять в отношении моей жены. В вашей власти отложить казнь.

— Нет, лорд Стоукхерст, не могу. Во-первых, я не намерен рисковать своим именем и положением, защищая женщину сомнительной репутации. Кроме того, у меня нет права действовать без указаний моего министерского начальства в Лондоне. А теперь, будьте любезны, покиньте наше собрание. — Браммуэлл самодовольно улыбнулся, снова поворачиваясь к своей тарелке, явно удовлетворенный тем, как он показал свою власть.

Очень бережно Люк взял со стола блюдо с изысканно разложенным кушаньем, с удовольствием вдохнул его аромат и швырнул на пол. Дорогое севрское блюдо упало с оглушительным звоном, осколки бесценного фарфора и все, что было на блюде, полетели в разные стороны.

В зале наступила тишина. Никто не осмеливался ни двинуться, ни заговорить. Люк

сунул руку во внутренний карман сюртука:

— Хм, мне помнится... А, да. Вот они. — Он швырнул на стол перед Браммуэллом пачку свернутых документов. Несколько гостей подскочили на месте от неожиданности. — Вот бумаги из Лондона, из министерства иностранных дел, с подробными распоряжениями касательно дипломатических действий, которые вы должны предпринять по этому вопросу. И если вы не убедите своих русских коллег, что возможен неприятнейший международный скандал, — блестящий изгиб крючка скользнул по плечу Браммуэлла, — моей выдержки тоже может не хватить. — И мягко добавил:

— Мы ведь не хотим этого?

Посол поспешно согласился.

— Я сделаю все зависящее от меня, чтобы вам помочь, — торопливо пообещал он.

— Хорошо, — улыбнулся ему Люк. — А теперь мне бы хотелось побеседовать с вами с глазу на глаз.

— Разумеется, милорд. — Браммуэлл вышел из-за стола и попытался принять вид благодушного хозяина. — Прошу всех..., и ваше высокопревосходительство..., продолжать в мое отсутствие.

Граф Щуровский величественно кивнул. В полной тишине взволнованный посол покинул зал вместе с большим мрачным англичанином. Лишь после этого гости принялись возбужденно переговариваться.

Люк последовал за Браммуэллом в маленькую уединенную гостиную. Они закрыли за собой застекленную дверь.

— Я думаю, что у вас много вопросов, — сказал посол, окидывая Люка взглядом, в котором смешались страх и неприязнь.

— Сначала только один. Где, черт возьми, моя жена?

— Я все вам объясню. Общество настроено против нее, угрозы поступают со всех сторон. Поэтому держать ее в государственной тюрьме было бы слишком рискованно. И потом, конечно, принимая во внимание ее предыдущий побег...

— Где она? — прорычал Люк.

— Один зна..., знатный петербуржец любезно согласился держать ее в заключении в собственном дворце, а государство предоставило соответствующую охрану.

— Знатный петербуржец? — Люк смотрел на посла с явным недоверием. — Ангеловский! — хрипло произнес он. И после краткого кивка Браммуэлла не мог сдержать взрыва ярости:

— Проклятие, продажные холоуи..., ублюдки!.. Они отдали ее в руки Ангеловского! Чего ждать еще? Не собираются ли они часом принять его любезнейшее предложение совершить казнь, чтобы не затруднять правительство? Это цивилизованная страна или какое-то средневековье? Клянусь Богом, я скоро здесь убью кого-нибудь...

— Милорд, пожалуйста, успокойтесь! — воскликнул посол, пятясь от него. — Я за это не отвечаю!

В синих глазах Люка сверкал сатанинский гнев.

— Если вы не сделаете все, что в вашей власти..., и, более того..., все, чтобы вызволить мою жену из этой проклятой истории, я вас сотру в порошок, растопчу в пыль...

— Лорд Стоукхерст, уверяю вас... — начал было Браммуэлл, но Люк уже выходил из комнаты быстрым шагом, так что Браммуэлл едва поспевал за ним.

В холле Люк чуть не налетел на двоих мужчин. В одном из них, высоком и седом, он узнал почетного гостя, сидевшего во главе стола. Его молодой спутник в безупречно сшитом гвардейском мундире явно был адъютантом.

— Граф Щуровский, — с беспокойством сказал Браммуэлл. — Я надеюсь, что вы извините нас за то, что прием был прерван.

Раскосые глаза Щуровского впились в Люка.

— Я хотел увидеть этого англичанина.

Люк молчал, хотя все в нем напряглось от вызывающего тона, каким это было произнесено. Один Бог знает, зачем этому высокопоставленному лицу понадобилось увидеть его.

Этот человек с темными жесткими глазами вызывал у Люка инстинктивную неприязнь.

Пока двое мужчин пристально разглядывали друг друга, адъютант довольно дерзко проговорил:

— Что за странная история! Убит князь Михаил Ангеловский, молодая женщина, ответственная за это, «умирает» в тюрьме, а через несколько месяцев ее привозят обратно в Россию вполне живой, а теперь здесь появляется муж-англичанин и хочет снова увезти ее в Англию.

— Вам это не удастся! — визгливым голосом обратился Щуровский к Люку. — Я заявляю от имени правительства: за смерть Ангеловского кто-то должен понести наказание. Искупительная жертва должна быть принесена.

— Но это не будет моя жена, — тихо и твердо отчеканил Люк. — И не в этой жизни.

Прежде чем граф успел ответить, Люк покинул посольство и, как надвигающийся шторм, поспешил ко дворцу Ангеловских.

Дворец Ангеловских был еще великолепнее, чем у Куркова. Всюду царил варварская роскошь: золотые накладки на дверях, серебряные полосы с гравировкой на оконных наличниках, золотые с драгоценными камнями рамы картин Гейнсборо и Ван-Дейка, люстры из хрусталя и эмали, походившие на свисающие с потолка букеты цветов. Люк изумился этой роскоши. Королева Англии жила куда проще и охранялась не так строго. Гвардейцы, казаки, черкесы толпились всюду: в вестибюле вдоль стен, на мраморной лестнице и около каждой двери.

К удивлению Люка, требование провести его к Ангеловскому было выполнено быстро и без всяких разговоров. Биддл остался в вестибюле, чему он очень обрадовался, а Люка повели вниз, в курительную комнату. Воздух в ней был сизым от табачного дыма. Стены украшала коллекция холодного оружия — от античных мечей и рапир до славянских секир

со злобно изогнутыми лезвиями. Посередине комнаты стоял круглый «поворотный» стол, заставленный графинами с различными алкогольными напитками. Несколько офицеров и штатских вольно расположились в комнате — кто сидел, кто стоял. Они курили, болтали и при появлении нового человека все, как по приказу, уставились на него.

Один из молодых людей шагнул вперед. Он сказал несколько слов по-русски, но, видя, что Люк его не понимает, перешел на английский, произнося слова с легким акцентом:

— Что угодно?

Это, несомненно, был Николай Ангеловский. Он был моложе, чем ожидал Люк, — немного больше двадцати. Люк убедился в справедливости слов Алисии Эшборн — экзотическая мужественная красота, грация тигра, желто-золотые глаза поражали. Никого Люк так не хотел убить, как этого русского красавца. Жажда крови вспыхнула в нем, но ему удалось сдержаться.

— Я хочу видеть свою жену, — с трудом произнес Люк.

На мгновение Ангеловский ошеломленно замер и пристально посмотрел на Люка:

— Стоукхерст? Я, признаюсь, думал, что вы старик. — Уголок его рта приподнялся в нагловатой усмешке. — Добро пожаловать в Россию, кузен!

Люк молчал, стиснув зубы так крепко, что свело челюсть.

Заметив это легкое движение лицевых мускулов, Николай принял его за страх и усмехнулся прямо в неподвижное лицо Люка.

— Вы зря потратили время. Посетители к заключенной не допускаются. Примите мой совет: возвращайтесь в Англию и найдите себе новую жену.

Он был застигнут врасплох, когда Люк, прыгнув с молниеносной быстротой, прижал его к стене, рыча, как бешеный волк. Острый конец стального крючка слегка вонзился Николаю в грудь, и в месте укола показалась капелька крови.

Голос Люка проскрежетал негромко ему в самое ухо:

— Дай мне увидеть ее... Или я этой штукой выковырну тебе сердце.

Какое— то мгновение Николай растерянно смотрел на него, затем оскалился в хищной одобрительной ухмылке:

— Ну и наглый же ты мужик! Угрожать мне в моем собственном доме, в комнате, полной оружия и солдат! Ладно, можешь посетить Анастасию. Вреда от этого не будет. Она все равно останется у меня, когда ты уедешь. А теперь, если изволите... — Он выразительно глянул на расплывающееся по рубашке кровавое пятно. Люк убрал жалящий конец своего крючка с его груди и опустил руку.

Взяв льняную салфетку, Николай промокнул ранку. Все еще улыбаясь, он обратился к солдату:

— Митька, отведи-ка моего нового двоюродного братца в покои нашей пленницы. И не стой к нему близко: он может и укусить.

Вокруг раздались добродушные смешки, потому что более всего русские ценят грубую силу в сочетании с твердой решимостью. Обнаружить эти черты в англичанине показалось всем невероятно забавным.

Тасины покои состояли из маленькой передней и спальни, которые были обставлены с обычной для русских роскошью.

Она полулежала на диване, ручки и спинка которого были украшены русской «сквозной», то есть кружевной, резьбой по дереву. Хотя посетители к ней не допускались, но она получала закапанные слезами материнские записочки.

Еще Николай позволил Марии Петровне переслать Тасе несколько ее старых платьев. Одно из них, из фиолетового шелка, было на ней сейчас, оно было сшито так давно, еще в той жизни: широкая юбка, пышные рукава, отделка из белых кружев.

Тася грустно перебирала стопку французских романов. До сих пор ее попытки заняться чтением не удавались. Сколько раз она ловила себя на том, что перечитывает одну и ту же страницу, не понимая смысла прочитанного.

Ключ повернулся в замке. Дверь отворилась, потом закрылась. Уверенная, что это один из слуг несет ей поднос с дневной трапезой, Тася не подняла глаз от книги.

— Поставь его на столик у окна, — сказала она по-русски.

Ее распоряжение было встречено молчанием. Она подняла холодный вопрошающий взгляд и увидела улыбающиеся синие глаза. Ее муж произнес хриплым голосом:

— Я же говорил тебе, что не собираюсь спать отдельно.

Тася вскрикнула, не веря самой себе, и, буквально перелетев комнату, кинулась ему на шею.

Люк засмеялся и подхватил ее за тонкую талию. Опустив ее на пол, он приник лицом к изгибу между шеей и плечом.

— Господи, как я по тебе соскучился! — пробормотал он, прижимая ее к себе.

— Люк, Люк... Ты пришел за мной! Неужели это правда и ты здесь? Нет, это сон! — Руки Таси скользнули к его лицу, притянули вниз голову, и она стала целовать его с безудержной страстью. Она наслаждалась его родным запахом, вкусом, надежной силой его тела.

Заставив себя оторваться от ее губ, он прошептал:

— Нам надо поговорить.

— Да..., да... — Тася обвила его шею руками, и они снова слились в поцелуе, глубоком, проникновенном, томительном, забывая обо всем на свете. Он прижал ее к стене, его губы дразнили и ласкали ее рот, а его большая ладонь легла на ее грудь. Тася водила носом и ртом по его шее, ощущая на губах соль его кожи. Он тихо застонал, еще сильнее прижимая ее к стене своим возбужденным телом.

— С тобой все в порядке? — ухитрился он спросить, почти лишив ее воздуха жестким поцелуем. Она кивнула и неуверенно улыбнулась:

— Как Эмма? Я так волновалась.

— Она хочет, чтобы ты как можно скорее вернулась домой.

— О, если б только... — начала Тася с мучительной тоской и вдруг, подпрыгнув, вцепилась обеими руками ему в рубашку. — Люк, я все вспомнила! На корабле. Теперь я знаю, что произошло с Михаилом! Я ничего ему не сделала. Я пришла во дворец в самый неподходящий момент и наткнулась на ссору... Я видела настоящего убийцу. Я не убивала.

Глаза его сузились.

— Кто это сделал?

— Граф Савелий Игнатьевич Щуровский. Они с Михаилом были любовниками.

— Щуровский? — потрясенно повторил Люк. — Будущий генерал-губернатор? Я только что видел его!

— Но каким образом?

— Не важно. Расскажи мне все подробно.

Тася рассказала обо всем, что видела и слышала в ночь убийства. Люк внимательно слушал ее, все крепче и крепче прижимая ее к себе.

— Но Николай мне не верит, — закончила она. — Ему хочется, чтобы виновной была я, и он не желает слышать ни о ком другом. Тем более что граф Щуровский — очень влиятельный человек! Царский любимец. Мне кажется, все слуги знают, что он был той ночью во дворце, но боятся сказать об этом. Может, их подкупили или запугали, чтобы они не проболтались.

Люк молчал, не высказывая своих мыслей. Тася никак не могла поверить, что он на самом деле здесь, в Санкт-Петербурге. То, что он последовал за ней, переполнило ее душу такой всепоглощающей любовью, которую она не могла выразить словами. Она прильнула к нему, всхлипнув от наслаждения, и он отозвался, сжав ее сильнее в своих объятиях.

— Ты ешь что-нибудь? — спрашивал он, целуя ее виски, где шелковистые локоны переходили в тугие косы.

— Да, аппетит у меня хороший. Мне дают все, что я люблю: щи, блины с икрой и замечательные грибы в сметане. И сколько угодно каши.

— Я и спрашивать не буду, что такое каша, — усмехнулся Люк уголком рта. Он вглядывался в ее лицо, нежно обвел пальцем темные круги под глазами, словно это могло заставить их исчезнуть. — Ты плохо спишь.

Тася покачала головой и тихо сказала:

— Они никогда меня не отпустят. Не думаю. Люк, что ты чего-то здесь добьешься.

— Я много чего могу добиться, — грубовато перебил он ее. — Сейчас я ненадолго уйду. Попробуй поспать, пока я не вернусь.

— Нет. — Она вцепилась в него. — Не уходи еще..., или я решу, что только вообразила, что ты был здесь. Обними меня.

Люк снова заключил ее в объятия.

— Любовь моя, — проговорил он, и его теплое дыхание согрело ее лицо. — Милая мря, бесценная жена. Разве ты не знаешь, что я могу сражаться за тебя со всем миром?

Она рассмеялась дрожащим смехом:

— Думаю, что так и придется!

— В день нашей свадьбы я посчитал, сколько ночей проведу с тобой. По меньшей мере десять тысяч. Неделю у меня украли. Ничто не разлучит нас на остальные.

— Не надо... — Она прикрыла ладонью ему рот. — Не искушай судьбу.

— Я скажу, какая тебя ждет судьба. — Люк отклонился и посмотрел ей прямо в глаза. — Тебе предстоит провести девять тысяч девятьсот девяносто три ночи в моих объятиях. И я их получу все, чего бы это ни стоило. Можете не сомневаться, леди Стоукхерст.

Сидя на покрытых ковром ступенях лестницы, Николай наблюдал за Люком, направлявшимся к нему.

— Ну, теперь вы убедились, что с ней обращаются хорошо. Еда, книги, одежда...

— Все равно это тюрьма, — холодно отозвался Люк.

— Тася вам рассказала свою историю насчет Савелия Игнатьевича? — Николай

улыбнулся в непонимающее лицо Люка и добавил, объясняя:

— Графа Щуровского.

Остановившись на верхней ступеньке, Люк посмотрел на него:

— Она сказала мне, что вы ей не верите.

— Между Щуровским и Мишей не было никаких отношений.

— Вы спрашивали об этом Щуровского? — поинтересовался Люк.

— Это ничего не даст, только опозорит меня. Все это ложь от начала до конца. Она придумала эту историю от отчаяния и хочет всех нас оставить в дураках.

— Тогда почему же она не рассказала эту историю на суде, во время разбирательства? Она не лгала тогда, не лжет и теперь. Но вы скорее отправите невинную женщину на смерть, чем взглянете в лицо неприятной истине.

— Вы смеете говорить мне об истине? — Голос Николая вдруг приобрел угрожающие интонации. Он встал и в упор посмотрел на Люка. Такой же высокий, он был сложен совершенно иначе. У Люка была широкоплечая мускулистая фигура атлета. Николай был жилист и гибок, как кошка. — Мне хочется вогнать вам в плотку эти слова, — сказал Николай. — Идите спрашивайте Щуровского. Благословляю. Хотелось бы мне увидеть ваше лицо, когда вы поймете, что натворила ваша жена.

Люк повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, — остановил его князь. — Не пытайтесь увидеться со Щуровским сейчас. Пойдите к нему вечером. Когда стемнеет. Русские такие дела делают по ночам. Понимаете?

— Понимаю. Русские любят все делать в тайне.

— Мы предпочитаем слово «скрытно», — мягко поправил его Николай. — Этим достоинством, кузен, вы явно не обладаете. Ночью я пойду с вами. Щуровский не говорит по-английски. Вам понадобится переводчик.

Люк издал хриплый смешок:

— Вы последний человек, кого я хотел бы взять с собой.

— Не будьте дураком. Не думайте, что я преследую вашу жену по личным мотивам. Если будет доказано, что я ошибся..., что Тасю осудили несправедливо..., я поцелую край ее подола и буду молить о прощении. Я хочу только одного — чтобы убийца моего брата был наказан.

— Вам нужен козел отпущения, — едко отозвался Люк. — Вам все равно, кто им будет, лишь бы чья-то кровь пролилась взамен крови Михаила.

Плечи Николая напряглись, окаменели, но больше он ничем не выдал своих чувств.

— Сегодня вечером я иду с вами, Стоукхерст, и мы вместе убедимся в том, что Тася лжет, и больше не будем сомневаться в том, кто именно убил Мишу.

Остаток дня Люк провел в посольстве, заставив лорда Браммуэлла и его секретаря составить официальную жалобу о похищении и незаконном задержании жены подданного ее величества королевы Англии.

Вечером Люк опять был во дворце Ангеловских. Николай небрежно приветствовал его, грызя яблоко. На взгляд Люка, оно было необычным — с белоснежной мякотью и почти прозрачной желто-зеленой кожицей.

— Это русская антоновка, ее еще называют восковым яблоком, — проговорил он, вытаскивая из кармана еще одно. — Я их очень люблю. Хотите попробовать?

Хотя Люк не ел весь день, он покачал головой.

Николай рассмеялся.

— Какие вы, англичане, гордецы, — насмешливо произнес он. — Вы будете голодать, но не примете пищи из моих рук. Это всего лишь яблоко, кузен. — И он бросил его Люку.

Тот легко поймал его и, надкусив хрустящий кисло-сладкий плод, проворчал:

— Я вам не кузен.

— Кузен, кузен. Тася — внучка двоюродной сестры моего отца. Так что мы теперь связаны родством. Русские очень ценят родственные связи, какими бы далекими они ни были.

— Ценят, но преданности не испытывают, — с издевкой заметил Люк.

— Убийство как-то охлаждает родственные чувства.

Обменявшись ненавидящими взглядами, они направились к ждавшей на улице лакированной черной коляске. Большая часть пути до дома Щуровского прошла в полном молчании. Коляска летела по уже опустевшим улицам. Мягкий теплый свет лился из окон домов и дворцов, мимо которых они проезжали.

— Вероятнее всего, Щуровский сегодня вечером у царя, — заметил Николай. И, не обращая внимания на то, что Люк не ответил, небрежно продолжал:

— Они очень близки, почти как родные. Когда царь отправляется в Царское Село, в свой загородный дворец, он всегда требует, чтобы Щуровский был в числе сопровождающих. Граф — человек не только влиятельный, но и очень хитрый.

— Вы уважаете его?

— Нет. Разумеется, нет. Щуровский станет на четвереньки и будет лаять собакой, чтобы угодить государю.

— Что вам известно о его личной жизни?

— Внебрачных связей у него нет. Некоторых людей мучают плотские желания, но Щуровский к таким не принадлежит. Он питает страсть к политике, к власти.

— Вы не можете быть так наивны. — Люк пожал плечами.

— Придворное общество России — это очень узкий круг лиц. Здесь сохранить тайну невозможно. Если бы у Щуровского проявлялся вкус к мальчикам, об этом бы все узнали.

Между тем о нем не было ни слова. Да и мой брат вечно хвастался своими победами, несмотря на все усилия семьи притушить эти разговоры. Так вот, Миша никогда не упоминал и не намекал на то, что он хотя бы знаком со Щуровским. Между ними не было никаких отношений.

— Значит, Михаил компрометировал свою семью, — задумчиво сказал Люк. — Я думаю, Ангеловским очень хотелось, чтобы эти слухи прекратились. Не так ли?

Впервые с момента их встречи в золотистых глазах Николая мелькнуло какое-то чувство.

— Не надо, — тихо и жестко проговорил Николай. — Даже и не думайте такого, или я...

— Убьете меня? — предположил Люк, поднимая темную бровь. — Полагаю, что вы способны на убийство..., несмотря на наши родственные связи.

Николай стиснул зубы и яростно сверкнул глазами. Ненависть накрыла их тяжелым облаком. Наконец они подъехали к дому Щуровского, двухэтажному особняку на берегу Невы. Перед золоченой резной дверью стояли двое часовых.

— Это дворники, — сказал Николай, выходя из экипажа. — Безвредные сторожа. Прежде чем вы начнете рубить их в капусту, дайте-ка я с ними поговорю.

Люк выбрался из коляски вслед за ним и наблюдал, как Николай перебросился со сторожами парой слов, а потом сунул им несколько монет. Те, быстро и бесшумно открыв двери, пропустили их в дом.

Поговорив о чем-то с подошедшим лакеем, Николай жестом пригласил Люка следовать за ним по коридору, обитому золотой парчой.

— Никого из семьи дома нет. Графиня в деревне, а графа ждут попозже, ближе к ночи.

— А пока?

— Мы подождем. И выпьем. Вы как, Стоукхерст, — пьющий человек?

— Не особенно.

— У нас, русских, есть поговорка: «Не пить — не жить».

Они направились в библиотеку, обставленную в западноевропейском стиле: высокие книжные шкафы, мебель красного дерева, кожаные кресла. Слуга принес на подносе рюмки и несколько запотевших бутылок.

— Это водка, настоящая на различных травах и тому подобном, — объяснил Николай, наливая в рюмку янтарную жидкость и указывая на бутылки, — на березовых почках, на древесном угле, на перце, на лимонных корочках...

— Мне березовую, — откликнулся Люк.

По кивку Николая слуга принес еще один поднос — с закусками: икрой, хлебом, селедкой. Николай с довольным видом устроился в кресле, держа в одной руке рюмку водки, в другой — ломоть черного хлеба, намазанный зернистой икрой. Мгновенно расправившись с ними, он вновь наполнил рюмку. Желтые глаза его пристально вглядывались в Люка.

Внезапно он показал на крючок на месте левой кисти Люка и спросил, осушив вторую рюмку:

— Как это случилось?

— Покалечился при пожаре.

— А! — В коротком восклицании не было ни удивления, ни сочувствия. Николай продолжал оценивающе разглядывать его. — Почему вы женились на Тасе? Надеялись получить какую-то долю ее состояния?

— Я не нуждаюсь в деньгах, — холодно отвечал Люк.

— Тогда почему? Вы чем-то обязаны вашим друзьям Эшборнам?

— Нет. — Люк слегка запрокинул голову, допивая водку.

Напиток был мягким и холодным, но жгучая волна опалила ему горло.

— Значит, по любви, — продолжал Николай. В его голосе, как ни странно, не было насмешки. — Разумеется, вы ранее никогда не видели девушки, подобной Анастасии Ивановне? Так ведь?

— Да, — угрюмо буркнул Люк.

— Это потому, что Тасю воспитывали в старорусских «теремных» традициях. Она жила в деревне, подальше от мужских глаз, и не видела никого, кроме отца, нескольких близких родственников и учителей. Птица в золотой клетке. Так воспитывали дочерей на протяжении многих поколений, но это было давно. В наши дни такое воспитание редкость. Когда Тасю увидели на первом «белом» балу, все мужчины Санкт-Петербурга были увлечены ею. Странная, тихая, красивая девушка. Прошел слух, что она ведьма. Я чуть сам в это не поверил, когда заглянул в ее бездонные глаза. Все мужчины одновременно боялись и желали ее. Кроме меня. — Николай замолчал и вновь наполнил рюмку Люка. — Я хотел, чтобы брат получил ее.

— Почему?

— Мише был нужен кто-то, кто мог заботиться о нем и понять, какие демоны терзают его душу. Ему была нужна жена из хорошего рода, умная, чуткая, терпеливая женщина, чье чувство долга принудит ее оставаться с ним, несмотря на все оскорбления и издевательства. Все эти черты я видел в Тасе.

Люк смерил его яростным взглядом:

— А вы не подумали о том, что Михаил ее просто погубит, вместо того чтобы воспользоваться ее помощью?

— Конечно. Но это не имело значения, раз появился шанс спасти Мишу.

— Он получил то, чего заслуживал. — С мрачной улыбкой Люк сделал глоток водки.

— А теперь это же получит и Тася.

Люк уставился на русского тяжелым взглядом, ненависть захлестывала его. Если с Тасей что-то случится, Ангеловские дорого заплатят за это. Оба замолчали — водка начала оказывать свое притупляющее чувства действие. Только поэтому Люк не бросился на русского князя в попытке свернуть ему шею.

В библиотеку бесшумно вошел слуга и приглушенным голосом обратился к Николаю. Разговор длился довольно долго, после чего Николай махнул рукой, отпуская слугу, и, нахмурившись, повернулся к Люку:

— Он сказал, что Щуровский вернулся, но он болен. — Видя недоумение Люка, князь объяснил:

— Слишком много выпил. Все еще хотите поговорить с ним сегодня?

Люк поднялся на ноги:

— Где он?

— У себя в спальне, готовится ко сну. — Поняв, что решение Люка увидеть Щуровского непреклонно, Николай закатил глаза к небу. — Ладно, пойдем к нему. Может, нам повезет, и он потом ничего не вспомнит. Но только на пять минут. Понятно? После этого сразу уходим.

Они поднялись наверх, в роскошные покои. Щуровский сидел на краю постели, безучастно ожидая, пока слуга его разденет. Он совсем не был похож на того лощеного самоуверенного человека, которого Люк впервые увидел на приеме во главе стола среди знатных гостей. Сейчас его седые волосы были неряшливо всклокочены, глаза покраснели, взгляд затуманился. Рубашка была расстегнута до пояса, открывая обвисшее рыхлое тело. В комнате стоял сильный запах вина и табачного дыма, казалось, исходивший от старика.

— Не знаю, зачем я это делаю, — зло шепнул Николай, заходя в комнату, и уже громко позвал:

— Граф Щуровский...

Ваше высокопревосходительство... — Помолчав, он коротко приказал растерянному слуге:

— Пошел прочь.

Без лишних понуканий слуга быстро вышел из спальни.

Он промелькнул мимо Люка, не сказав ни слова. Люк не стал проходить в комнату, а остался около двери. Какой-то инстинкт не позволил ему пройти вперед. Он почувствовал, что ему лучше быть незаметным. Перед его глазами разворачивался странный спектакль, и он хотел в нем разобраться, несмотря на незнание языка.

— Ваше высокопревосходительство, я приношу свои извинения, что потревожил вас, —

начал Николай по-русски, подходя к поникшей фигуре на краю постели. — Я буду краток и затем оставлю вас в покое. Мне хотелось бы спросить вас кое о чем. Это касается смерти моего брата, Михаила Дмитриевича. Ваше высокопревосходительство, вы не помните, были ли вы с ним знакомы?

— Миша, — хрипло проговорил Щуровский, поднимая глаза на золотозабого молодого мужчину, стоявшего перед ним, и сразу чудесным образом преображаясь. Казалось, он ожил: плечи распрямились, лицо порозовело, словно перед ним предстало волшебное видение. В темных глазах блеснули слезы. — Мой прекрасный мальчик, мой милый тигреночек, ты явился мне! Я знал, что ты вернешься, дорогой мой Миша!

Николай застыл, его лицо окаменело.

— Что? — прошептал он.

Тонкие пальцы Щуровского ухватились за край одежды Николая и настойчиво потянули его к себе. Николай медленно подчинился безмолвному приказу и опустился перед сидящим человеком на колени, не отрывая взгляда желтых глаз от лица Щуровского. Он оставался абсолютно неподвижным, когда дрожащая рука графа ласково погладила его золотисто-каштановые волосы. Худое лицо Щуровского исказилось мучительной любовной тоской.

— Прекрасный мой Миша, я не хотел тебе вреда. Ты огорчил меня, когда сказал, что расстанешься со мной. Но теперь ты снова здесь, мой любезный, и все остальное не важно...

Люк увидел, как содрогнулся Николай Ангеловский, и недоуменно нахмурился.

— Что ты сделал? — прошептал Николай. Глаза его смотрели в упор на графа Щуровского.

Граф улыбнулся в блаженном безумии:

— Дорогой мальчик... Ты никогда не покинешь меня. Не так ли? Вся радость небес в твоих объятиях. И тебе я тоже нужен, поэтому ты и вернулся к своему Савелию. — Он нежно дотронулся до лица Николая. — При мысли, что теряю тебя, я почувствовал себя погибшим. Никто не понимает...

Никто не испытал такой глубокой любви, как мы. Когда ты так жестоко насмеялся надо мной, я обезумел и схватил со стола нож для разрезания бумаг... Я хотел только одного — чтобы ты перестал говорить эти ужасные слова, хотел прекратить твой злой смех. — Граф почти мурлыкал. — Скверный мальчик, прелестный мальчик, теперь все забыто.

Мы прибавим и эту тайну к нашим другим секретам. Дражайшая любовь моя... — Он склонялся все ниже к лицу Николая с явной целью...

Николай успел отдернуться до того, как губы Щуровского прикоснулись к нему. Резким движением он поднялся с колен, с трудом втягивая воздух сквозь сжатые зубы. Его била нервная дрожь. Растерянный, посеревший, Николай потряс головой и вдруг, как испуганная кошка, бросился из спальни. Граф повалился на постель в безудержных рыданиях.

Люк следовал за Николаем в его паническом бегстве из дома Щуровского.

— Ангеловский! — прорычал он. — Проклятие... Скажите мне, что случилось?

Николай остановился, лишь оказавшись на свежем воздухе. Он замер, шатаясь, сделал несколько шагов и остановился, отвернувшись от Люка, с трудом пытаясь отдышаться.

— Что он сказал? — настаивал Люк. — Ради Бога...

— Он признался, — наконец выговорил Николай.

— Старческий пьяный бред. — Сердце Люка стучало как молот.

Николай покачал головой, все еще пряча лицо:

— Нет. Он убил Мишу. Теперь я не сомневаюсь.

Дюк с облегчением закрыл глаза.

— Слава Богу, — прошептал он.

Заметив их появление, кучер Ангеловских подал поближе коляску и остановился возле них. Николай ничего не видел и не слышал. Буря клочкотала в его душе.

— Как трудно во все это поверить! Легче было считать виновной Тасю... Насколько же легче!

— Теперь мы пойдем в полицию, — объявил Люк.

Николай горько рассмеялся:

— Что вы понимаете в России?! Может, в Англии все по-другому, но у нас член правительства не может быть в чем-то виноват. Особенно если этот человек близок к царю. Слишком многое зависит от влияния Щуровского — реформы, политика. Если падет он, падут и другие, связанные с ним. Этого никто не допустит. Только слово пророни о Щуровском, и завтра поплывешь вниз по Неве с перерезанным горлом. У нас нет правосудия. Голову дам на отсечение: кто-то еще знал о связи графа с Мишей. Ручаюсь, что министр внутренних дел был в курсе всего. Он сделал карьеру на том, что использовал чужие секреты к своей выгоде. И все замешанные в этой истории не смогут признать суд не праведным, а приговор — несправедливым, им выгоднее принести Тасю в жертву.

Люк был возмущен:

— Если вы думаете, что я допущу, чтобы мою жену казнили на радость вашим вонючим правительственным чиновникам...

— Сейчас я ни о чем не могу думать. — Николай злобно взглянул на Люка. Румянец снова заиграл у него на щеках, и, казалось, он стал легче дышать.

— Я хочу забрать Тасю из этой Богом забытой страны как можно скорее.

Николай коротко кивнул:

— В этом мы сходимся.

Люк улыбнулся ему циничной улыбкой:

— Простите, но мне трудно поверить в эту внезапную перемену мнения. Несколько минут назад вы хотели казнить ее собственной рукой.

— С самого начала я хотел только одного — правды.

— Нужно было упорнее искать ее.

— Вы, англичане, народ умный, — насмешливо заметил Николай. — Вы всегда поступаете самым разумным образом.

Так, что ли? Все эти ваши бескровные правила, законы, установления... Вы уважаете только тех, кто живет по вашему образцу. И считаете, что лишь англичане — народ цивилизованный, а все остальные — дикари.

— Разумеется, нынешний опыт убедит меня в обратном, — саркастически заметил Люк.

Николай вздохнул и почесал в затылке, взлохматив выгоревшие на солнце волосы.

— Тася жить здесь, в России, больше не сможет. Этого мне не изменить. Но я помогу вам благополучно вернуться в Англию. То, что она оказалась здесь в опасности, — моя вина, и мне ее исправлять.

— А Щуровский? — тихо спросил Люк.

Николай посмотрел в сторону кучера и снизил голос до шепота:

— О нем я позабочусь. Справедливость восторжествует.

Люк взглянул на мстительное лицо молодого человека и покачал головой:

— Вы не можете его хладнокровно убить.

— Это единственный способ. И делать это мне.

— Граф явно гибнет, раздавленный своей виной. Он и так вскоре доконает себя. Почему бы не предоставить времени и событиям идти своим ходом?

— А вы могли бы спокойно стоять в стороне и ничего не делать, если бы ваш брат был убит?

— У меня нет брата.

— Тогда ваша рыжеволосая дочурка. Разве не стали бы вы мстить сами, если бы не было другого пути наказать ее убийцу?

Люк весь внутренне сжался и промолчал.

— Может быть, вы считаете, что такой избалованный себялюбец, как Миша, вообще не заслуживает подобных хлопот? — мягко осведомился Николай. — Может, вы считаете его смерть небольшой потерей для всех? Возможно, вы и правы, но он мой брат, и я не могу забыть, что когда-то он был невинным ребенком. Если бы вы знали нашу жизнь, вы бы кое-что поняли: Миша виноват в том, что стал таким. Наша мать была тупая крестьянка, которая только и умела, что рожать детей. Наш отец был чудовищем. Он... — Николай помолчал несколько секунд, подавленный собственными воспоминаниями, и продолжал невыразительным голосом:

— Иногда я находил своего брата в темном углу, в шкафу, плачущего, истекающего кровью. Все знали, что он был предметом отцовской похоти. Не знаю, почему он выбрал для этого Мишу, а не меня. Никто не осмеливался вмешаться. Однажды я попытался перечить отцу, так он бил меня до тех пор, пока я не потерял сознание. Малоприятная штука — зависеть от милосердия человека, у которого его нет. Наконец я повзрослел достаточно, чтобы..., убедить отца оставить Мишу в покое. Но было уже слишком поздно. Моего брата погубили еще до того, как он получил возможность вести достойную жизнь. — Губы Николая скривились в болезненной усмешке. — И меня тоже.

Люк, не в силах слушать этот ужасный рассказ, не сводил глаз с великолепной пустынной улицы. Коляска пронеслась мимо собора с луковицами куполов, зданий, стоявших вдоль реки так ровно, как на параде. Никогда он не чувствовал себя так неуютно и неловко..., таким англичанином. Эта красивая непростая страна безжалостно гнет человека по своей воле, будь он смирен или горд, богат или беден.

— Прошлое Михаила..., и его смерть..., меня не касаются, — наконец безучастно произнес он. — Не мне давать вам советы, что делать дальше. Я хочу одного — забрать свою жену и увезти ее в Англию.

Тася мирно спала. Она поступила, как велел Люк: легла, когда он ушел... Впервые за много дней она смогла отдохнуть. Теперь все заботы позади. Люк нашел ее и сейчас делает все возможное, чтобы освободить. Теперь, когда она знает, что случилось в ту страшную ночь, когда об этом знает Люк, все сомнения и угрызения совести исчезли.

Сон ее прервался, когда большая мужская рука прикрыла ей рот, чтобы приглушить возглас удивления, и хриплый родной голос прошептал ей в самое ухо:

— Мы еще не все дела закончили.

Тася мгновенно открыла глаза и увидела над собой смуглое, заросшее щетиной лицо. Радость переполнила ее, когда до затуманенного сном сознания дошло, что это Люк, и сердце затрепетало часто-часто. Он снял руку с ее рта.

— Люк...

— Ш-ш-ш... — Его рот накрыл ее губы жадным поцелуем.

— Как ты сюда попал? — ахнула она, отворачиваясь, чтобы договорить:

— Полковник Редков сказал, что охрана усилена и больше посетителей ко мне не пустят...

— Николай отменил его приказ. Мы заперты вместе на ночь.

— Но почему вдруг Николай?...

— Позже. Сейчас я хочу тебя.

Его тяжелое тело придавило ее, и все вопросы потеряли значение, растворились в пылком волнении. Казалось, что она не была с ним давным-давно, а как же хорошо было снова оказаться вместе, ощущать его тело, прижавшее ее к кровати, почувствовать натиск его жаркого рта. Где-то в глубине Тасино горла родился стон, и она заметалась, стремясь выпутаться из мешающих ей простыней. Люк продолжал целовать ее, ласкать, дразнить, припечатывать ртом ее губы. Сквозь льняные простыни, сквозь одежду Тася ощутила его восставшую плоть, твердую и напористую. Она выгнулась навстречу, требовательным покачиванием бедер умоляя его овладеть ею.

Люк, приподнявшись, сбросил на пол простыни, открыв ее стройную фигурку в тоненькой батистовой ночной рубашке. Полуоткрытыми губами он прошелся по ее обнаженной коже, следуя за отступающим краем батиста, который она торопливо стягивала с себя дрожащими руками. Его голова склонилась над ее открывшейся грудью, губы нашли нежные пики и втянули в себя.

Они устремились друг к другу, раздевая и раздеваясь, прикасаясь, стремясь дотронуться, прильнуть кожей к коже.

Люк был еще полуодет, когда вошел в нее: рубашка всего лишь распахнута, брюки на одной ноге. Решительный выпад заставил Тасю ахнуть от легкой боли, а тело ее уже с готовностью уступало безжалостной мужской силе. Он целовал ей шею, подбородок, а затем нажал и проник в нее еще глубже, заставляя ее стонать от наслаждения. Ее руки гладили его по плечам, пальцы впивались в мощные мышцы.

Он перекатился на спину, плотно придерживая ее рукой.

Тася оказалась на его бедрах и уперлась руками в крепкое тело. Она отыскала идеальный угол касания, всем телом прижав сладостную точку их соединения. Она приподнималась и толчком опускалась вниз, наслаждаясь жарким скольжением внутри себя. Он послушно следовал заданному ею темпу, его глаза сияли в полутьме сапфировым блеском, неотрывно следили за выражением ее лица.

Она ритмично покачивалась, испытывая острое удовольствие от силы и мощи распластанного под ней тела, крепко захваченного в плен ее бедрами. Она замедлила скорость своего движения, мучая себя и его, потому что каждый выпад, каждый рывок подталкивал ее все ближе и ближе к последнему пределу, к самому краю необычайной полноты чувств. Внезапный взрыв сладкой муки настиг ее, она вся напряглась, задрожала и

отчаянно закусила губы, сдерживая всхлип. Люк пригнул правой рукой ее голову к себе и заглушил ее вскрик губами. Стон своего освобождения он выдохнул в нее, когда в последнем порыве рванулся вверх. Опустошенный, удовлетворенный, Люк расслабленно раскинулся, а Тася приникла в бессильной истоме к нему на грудь.

Спустя какое-то время она потянулась с протяжным вздохом, не спеша сняла ночную рубашку с себя и остатки одежды с Люка. Он лежал на постели, как избалованный султан, лениво принимающий ухаживания своей любимой наложницы.

— Ты и представить себе не можешь, как я скучала об этом, — сказала Тася, швыряя на пол его рубашку, после чего она снова легла на него, сначала поведив кончиками груди по его обнаженному телу.

Люк улыбнулся, играя ее длинными волосами.

— У меня есть идея. — Он водил пушистыми кончиками Тасиных локонов по своей груди и шее, а затем стал щекотать ими ее плечи. — Ты так хорошо стала это делать, что, по моему, тебя лучше забрать поскорее в Англию. Такой талант пропадать зря не должен.

— Я согласна, — мечтательно проговорила она, приникая губами к его теплой коже. — Давай уедем сейчас же.

— Завтра ночью, — ответил Люк, становясь серьезным, и, прежде чем она успела произнести хоть слово, рассказал ей обо всем, что произошло этим вечером, и о плане, который придумали они с Николаем на обратном пути от Щуровского.

Тася выслушала его в молчании, стараясь разобраться в странном смещении своих мыслей и чувств. У нее появилась надежда, что она вернется в Англию и ее счастливая жизнь с Люком продолжится. Но в то же время ее переполняла обида на несправедливость того, что с ней сделали, что у нее отняли.

— Я буду рада покинуть Россию, — с горечью произнесла она. — Первый раз мне было грустно уезжать, а теперь нет. Это моя страна, моя родина... Но все, что я знала, оказалось лишь красивым фасадом. Я не могла представить себе, как прогнило все за этим фасадом. Сколько людей было принесено в жертву «благу государства»! Здесь для меня нет будущего. Русские утверждают, что все мы дети государевы, называют его «царь-батюшка», говорят, что он отец всех россиян, милостивый и великодушный родитель, который любит и защищает нас, как Господь. Все это ложь, сказка, придуманная, чтобы немногим жадным негодьям легче было грабить народ. Царь, его министры, знатные семьи, вроде моей или Ангеловских, на самом деле не думают о России, а просто хотят, чтобы ничто не угрожало их благополучной и удобной жизни. Если мне удастся отсюда уехать, я никогда не вернусь обратно, даже если мне когда-нибудь представится такая возможность.

Слыша боль и гнев в ее голосе. Люк попытался ее утешить.

— Одно из самых болезненных переживаний в жизни, — тихо произнес он, — это когда разрушаются иллюзии. Не считай, что только здесь, в России, одни люди унижают и используют других. Это случается повсюду. Даже самые порядочные люди способны на жестокость и предательство.

Такова человеческая природа... Во всех нас есть и свет, и тень.

— Слава Богу, что у меня есть ты, — устало сказала Тася, опуская голову ему на грудь. — Ты меня никогда не предашь.

— Никогда, — согласился он, поднося к губам ее душистый локон.

— Ты лучший человек на свете. Других таких я не знаю.

— Ты вообще знаешь немногих, — засмеялся Люк, смутившись от ее похвалы. Он

подвинулся к ней и дотронулся рукой до щеки. — Но я люблю тебя больше жизни. Ты можешь на это рассчитывать, Тася..., всегда.

На следующее утро Николай пришел один, без часового, и попросил Люка оставить его на несколько минут наедине с Тасей, но не стал объяснять, зачем ему это нужно. Люк отказался уйти, заявив: все, что Николай захочет сообщить его жене, может быть высказано в его присутствии. Спор продолжался, пока не вмешалась Тася. Подойдя к мужу, она встала на цыпочки и прошептала на ухо:

— Пожалуйста, Люк, разреши. Всего несколько минут.

Свирепо глянув на Николая, Люк с неохотой покинул комнату. Тася слабо улыбнулась вслед сердито ушедшему мужу и обернулась к кузену:

— В чем дело, Николай?

Минуту он стоял и смотрел на нее, его лицо казалось высеченным из гранита. У Таси промелькнула мысль, что он красив необыкновенной, но холодной красотой. Вдруг у нее перехватило дыхание: он шагнул вперед и одним гибким движением опустился перед ней на колени. Склонив голову, он поднес к губам край ее платья, моля о прощении. Затем он выпустил его из рук и поднялся на ноги.

— Прости меня, — скованно произнес он. — Я был несправедлив. Долг мой тебе за это перейдет к моим детям и внукам.

Растерянная, Тася попыталась собраться с мыслями. Она никогда не могла себе вообразить, что Николай будет просить прощения за свои поступки, тем более таким образом.

— Я у тебя прошу одного — защити мою мать, — сказала она. — Боюсь, ее накажут за то, что она поможет мне сегодня.

— Марии Петровне ничего за это не будет. У меня есть друзья в министерстве внутренних дел и в департаменте полиции. Власти, конечно, будут тебя разыскивать, но смогут только формально допросить Марию Петровну. Я подкуплю пару-тройку высших чиновников, чтобы ее не арестовали и строго не допрашивали. Скажу, что она глупая мать, которую умная дочь обвела вокруг пальца. Я обо всем позабочусь. Можешь мне довериться.

— Хорошо. Я тебе верю.

— Ладно. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Никки, — мягко окликнула она его. Он остановился и оглянулся, удивленно глядя на нее: никто никогда не звал его этим уменьшительным именем. — Ты ведь знаешь, что иногда я..., чувствую будущее.

— Да, — Николай чуть улыбнулся, — слышан о твоём ведьмацком провидении! Если ты чувствуешь что-то насчет меня, я не хочу этого знать.

— Тебя ждет беда, — настаивала Тася. — Ты должен покинуть Россию. Если не сию минуту, то очень скоро.

— Я могу сам о себе позаботиться, кузина.

— С тобой произойдут ужасные вещи, если ты не начнешь новую жизнь где-то в другой

стране. Николай, ты должен мне верить!

— Все, чего я хочу, все, что знаю, здесь. Вне России мне нет жизни. Лучше завтра я умру здесь, чем проживу целую жизнь в каком-нибудь другом месте. — Насмешливая улыбка тронула его губы, когда он увидел осунувшееся от тревоги и жалости лицо Таси. — Уезжай со своим английским мужем и роди ему дюжину сыновей. Прибереги свое участие для тех, кому оно нужно. До свидания, кузиночка.

— До свидания, Николай, — ответила она, глядя, как он уходит.

Мария Петровна Каптерева явилась во дворец Ангеловских закутанная с головы до пят в зеленую атласную накидку с капюшоном. Охрана, размещенная в вестибюле, рассматривала ее с почтительным интересом.

Полковник Редков, жандармский офицер, временно приписанный ко дворцу Ангеловских для охраны осужденной государственной преступницы, подошел к женщине и суровым подозрительным тоном сказал:

— Заключение не разрешено принимать посетителей.

Мария Петровна не успела вымолвить ни слова, как Николай поспешил вмешаться:

— Госпоже Каптеревой позволяется провести десять минут с осужденной на смерть дочерью. По моему приказу.

— Вообще-то это против правил — позволять...

— Разумеется. И я пойму, если вы обратитесь с жалобой к министру. Я известен как человек очень снисходительный. — И словно в подтверждение этих слов, Николай одарил его улыбкой, полной такой леденящей угрозы, что офицер побелел и затряс головой, бормоча под нос что-то невнятное. Репутация Ангеловского была широко известна и, по всем отзывам, вполне заслуженна. Ни один человек в здравом уме и по доброй воле не хотел бы, чтобы Николай стал его врагом.

Мария Петровна, молча положив белые пальцы, унизанные драгоценными кольцами, на предложенную Николаем руку, поднялась с ним по мраморной лестнице.

Люк ждал их. Дверь в комнату Таси была отворена. Они с Николаем обменялись взглядами: пока все шло так, как они задумали, и Николай удалился, буркнув предостережение:

— Даю вам десять минут.

Дверь за собой он закрыл и запер.

Люк во все глаза смотрел на стоявшую перед ним женщину, отмечая внешнее сходство ее со своей женой. Обе были миниатюрны, с черными волосами и нежной, будто фарфоровой, кожей.

— Мадам Каптерева, — пробормотал он, склонясь к ее руке.

Мария Петровна легко могла сойти за тридцатилетнюю, хотя ей было сорок. Она отличалась необыкновенной красотой, классические черты ее лица были более правильными, чем у дочери. Глаза, скорее круглой формы, совсем не походили на раскосые кошачьи глаза Таси. Брови, подобно усикам бабочки, вздымались над ними тонкими дугами

и существенно разнились с Тасиными — смелыми, вразлет.

Изящно очерченный ротик был пухло-капризным в отличие от страстной сочности губ его жены. Во внешности Марии Петровны была какая-то хрупкая недолговечность, которая с годами только усиливалась. Нет, Люк, безусловно, предпочитал сияющую необыкновенную красоту Таси, которая никогда не потеряет власти над его душой и сердцем.

Мария Петровна окинула его с головы до ног опытным глазом и улыбнулась.

— Лорд Стоукхерст, — сказала она по-французски. — Какой приятный сюрприз! Я ожидала, что вы окажетесь маленьким, бледным, некрасивым, а вместо этого вижу высокого смуглого красавца. Я обожаю высоких мужчин. Рядом с ними чувствуешь себя такой защищенной. — Она изящным движением расстегнула пряжку накидки и позволила ему ее снять. Ее пышная фигура была великолепно обрисована желтым платьем. Драгоценные камни сверкали на шее, на поясе, на руках и в ушах.

— Мама, — донесся до них дрожащий голосок Таси, и Мария Петровна, обернувшись с ослепительной улыбкой, протянула руку к дочери, которая бросилась в ее объятия без оглядки. Они обнялись, захлебываясь смехом, слезами и восклицаниями.

— Тася, они до сих пор не разрешали мне повидаться с тобой.

— Да, да, я знаю...

— Ты стала такой красивой!

— А ты, мама, красивая, как всегда.

Они вместе перешли в комнату, чтобы побыть наедине, и уселись на постели, тесно сплетя руки.

— Мне столько надо тебе рассказать, — говорила Тася приглушенным голосом, не выпуская мать из своих объятий.

Непривычная к такому открытому проявлению чувств, Мария Петровна порхающим движением похлопывала Тасю по спине.

— Как тебе в Англии? — спросила она по-русски.

Тася улыбнулась, лицо ее сразу просияло.

— Божественно, — прошептала она.

Мария Петровна глянула в сторону соседней комнаты, где их ждал Люк:

— Он хороший муж?

— Хороший, добрый и щедрый. Я его очень люблю.

— У него есть земли, поместья?

— Он состоятельный человек, — успокоила ее Тася.

— А сколько у него слуг?

— По меньшей мере сотня, а может, и больше.

Мария Петровна нахмурилась: по меркам русского дворянства, это было довольно скромно. Одно время челядь Каптеревых достигала почти пятисот человек. Слуги Николая Ангеловского исчислялись тысячами. Они работали в его двадцати семи поместьях.

— Сколько поместий у Стоукхерста? — подозрительно осведомилась Мария Петровна.

— Три.

— Всего три. — Мать нахмурилась и разочарованно вздохнула. — Что ж..., раз он добр к тебе... — Она старалась, чтобы это прозвучало не совсем уныло. — И он красивый. Полагаю, это тоже чего-то стоит.

Тася усмехнулась уголком рта и, взяв мать за руку, нежно сжала ее пальцы.

— Мама, я жду ребенка, — поделилась она своей тайной. — Я почти в этом уверена.

— Неужели? — На лице Марии Петровны отразились одновременно радость и досада. — Но, Тася... Я еще слишком молода, чтобы быть бабушкой.

Тася рассмеялась и внимательно выслушала советы матери, что ей есть и как сохранить фигуру после родов. Мария Петровна пообещала прислать ей крестильную рубашечку из белого кружева, в которой крестили четыре поколения Каптеревых. Очень скоро десять минут истекли, и в дверь передней постучали. Тася вздрогнула и подняла расширившиеся от страха глаза на прижавшегося к стене мужа.

— Пора, — тихо произнес Люк.

Тася повернулась к матери:

— Мама, ты не сказала мне, как там Варвара.

— С ней все хорошо. Я хотела сегодня взять ее с собой, но Николай запретил.

— Передай ей привет и скажи, что я счастлива.

— Конечно, передам. — Мария Петровна стала деловито расстегивать ожерелье и браслеты. — Вот, надень их. Я хочу, чтобы они были у тебя.

Тася растерянно и удивленно покачала головой:

— Нет, я же знаю, как ты любишь свои драгоценности...

— Возьми, — настаивала Мария Петровна. — Я сегодня надела не самые ценные. Прав же, я устала от этих побрякушек.

Она небрежно назвала побрякушками прекрасные украшения с драгоценными камнями: двойные нити жемчуга с бриллиантами, золотой браслет с огромными сапфировыми кабошонами. Камни, объединенные толстым золотым плетением, были не огранены, а отшлифованы и походили на сияющие голубиные яйца. Не обращая внимания на протесты дочери, мать застегнула браслет на ее запястье и надела тяжелые золотые перстни, сняв их со своих пальцев: перстень в виде цветка из кроваво-красных рубинов («Всегда носи рубины, они очищают кровь», — приговаривала Мария Петровна), перстень с десятикаратовым желтым бриллиантом и необыкновенное творение ювелира — жар-птица из рубинов, изумрудов и сапфиров.

— Эту брошь подарил мне твой отец, когда ты родилась, — сказала Мария Петровна, прикалывая к лифу Тасинового платья последний дар — драгоценную брошь в виде букета из самоцветов.

— Спасибо, маман.

Тася встала и позволила Люку закутать себя в материнскую зеленую накидку. Когда опустится капюшон, она будет совсем скрыта от чужих глаз. Озабоченно нахмурившись, Тася посмотрела на мать:

— Что будет, когда они найдут здесь тебя вместо меня? Не получится ли...

— Все будет в порядке, — успокоила ее Мария Петровна. — Николай дал мне слово.

Николай вошел в спальню, нетерпеливо сжав губы.

— Хватит бабской болтовни. Пошли, Тася.

Люк сжал плечо Таси и, мягко подтолкнув ее к Ангеловскому, сказал:

— Я присоединюсь к тебе позже.

— Что-о? — Тася круто обернулась к нему, краска сбежала с ее щек. — Ты ведь пойдешь со мной. Разве не так?

Люк покачал головой:

— Если я уйду из дворца сейчас, это будет выглядеть очень подозрительно. Будет лучше, если Редков и его офицеры подумают, что я остался с тобой и утешаю. Они слишком

пристально следят за нами. Я скоро уйду отсюда и встречу с тобой и Биддлом на Васильевском острове.

На расположенном в восточной части города острове находилась маленькая гавань, открытая в сторону Финского залива.

Тасю охватила паника. Она прильнула к мужу, обняв его за талию:

— Я никуда не пойду без тебя. Я не могу покинуть тебя теперь.

Люк успокаивающе улыбнулся. Прямо" на глазах у Марии Петровны и Николая он крепко поцеловал ее в губы.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Я скоро последую за тобой. Иди и, пожалуйста, не спорь.

Николай не сдержался.

— «Пожалуйста, не спорь»?! — ядовито повторил он. — Теперь я верю, что об англичанах говорят правду, когда утверждают, будто ими командуют женщины. Надо же! Просить жену послушаться своего приказа, когда ее следовало бы поучить ремнем. Если, не дай Бог, наступит такой день, когда уважающий себя русский заговорит с непослушной женой в том же тоне, что и вы... — Он оборвал себя и посмотрел на них с отвращением.

Тася насупилась в ответ:

— Слава Богу, я замужем не за «уважающим себя русским». Вам нужны не жены, а рабыни! Помоги Господь здешним женщинам, у которых есть ум, и характер, и свое мнение!

Николай посмотрел Поверх ее головы на Люка, и его золотые глаза блеснули внезапным весельем.

— Вы ее испортили, — произнес он. — Ей лучше убраться в Англию.

Повинуясь знакам мужа, Тася отпустила его и шагнула к Николаю, на ходу натягивая на голову капюшон накидки.

Однако тут же замерла, увидев тень, мелькнувшую в передней, и услышав приглушенные ковром шаги.

Остальные тоже услышали осторожные шаги и замерли.

Люк опомнился первым и бесшумно выбежал в переднюю.

Он схватил подслушивающего часового и зажал ему рот. Тот стал так сильно сопротивляться, что оба ударились о стену.

Люк задыхался, напрягая последние силы, еще немного — и солдат вырвется из объятий сжимавшей его руки. Один крик поднимет всех на ноги, и Тася лишится последнего шанса на освобождение.

Люк, хватая ртом воздух, смутно ощутил, что Николай приблизился. Блеснула сталь, и человек обмяк, тяжело привалившись к Люку. Он понял, что Николай заколол часового и сразу прижал какой-то матерчатый ком — не то полотенце, не то тряпку — к смертельной ране, чтобы остановить кровь.

Солдат последний раз дернулся в руках Люка.

— Не дай крови попасть на ковер, — проговорил Николай, осторожно отступая от тела.

Люка замутило Мельком он увидел два женских лица: бледное, напряженное лицо Марии Петровны и замкнутое, отчужденное лицо Таси. Решительно подавив легкую тошноту, он помог Николаю вынести мертвого часового. Дальше по коридору была комната, нечто вроде кладовой, в которой стояла ненужная мебель и были сложены картины. Они положили тело в угол, загородили его столом и заложили картинами в рамках.

— Еще один скелет в семейной истории Ангеловских. — Николай критически оглядел

их работу. Лицо его не выражало никаких эмоций, желтые глаза были пусты, как плоски.

Люк был поражен бездушной черствостью Николая, но тут он обратил внимание на то, как побелели костяшки его сжатых в кулак, запятнанных кровью пальцев.

— Не думайте, — пробормотал Николай, заметив этот взгляд, — что вид смерти меня волнует. Раньше волновал, а теперь меня беспокоит как раз отсутствие всяких чувств.

Люк скептически посмотрел на него:

— Как угодно.

— Пошли. — Николай не стал задерживаться. — Вся эта возня и передвижка мебели... Они скоро заметят, что солдат пропал, и пошлют целый полк на его розыски.

Тася спокойно, не ускоряя шага, спустилась по лестнице, опираясь на руку Николая. Она низко склонила голову, чтобы походить на страдающую мать, и капюшон опустился на лоб, скрывая лицо. Смерть солдата потрясла ее, и она поняла, как жестока и кровава борьба за жизнь.

Она черпала силы в холодной решимости Николая. Тася покидала дворец, где умер Миша и началась ее непростая дорога, но теперь у нее был Люк и был дом, куда она отчаянно хотела вернуться. Она положила руку под плащом себе на живот, где уже гнезвился ее ребенок. Господи, дай мне вернуться, пусть мы все благополучно вернемся домой...

Губы ее шевелились в беззвучной молитве, пока она шла рядом с Николаем через вестибюль, полный солдат, и ощущала на себе их взгляды.

Кто— то встал на их пути, вынуждая остановиться. Тася вцепилась в руку Николая. Он не моргнул, хотя ее ногти больно впились в кожу.

— Полковник, в чем дело? — холодно спросил он. — Вы что-то хотите?

— Да, ваше сиятельство. Мадам Каптерева известна как женщина необыкновенной красоты. Я счел бы за честь хоть мельком увидеть ее лицо.

Ответ Николая источал презрение:

— Только тупой холоп может попросить об этом. Неужели вы совсем не уважаете горе матери, что осмеливаетесь тай оскорблять ее?

Наступило долгое вызывающее молчание. Рука Николая под Тасиными пальцами напряглась и словно окаменела.

Наконец Редков отступил.

— Простите меня, госпожа Каптерева, — пробормотал он. — Я не хотел вас оскорбить.

Тася молча кивнула и продолжила свой путь об руку с Николаем, а офицер остался на месте, глядя им вслед. Переступив порог, выложенный узором из цветных кирпичей, она ощутила на лице прохладу ночного ветра. Они быстро пошли к экипажу, поджидавшему их в темноте, в стороне от света, бросаемого уличным фонарем.

— Быстрее, — сказал Николай, подталкивая ее к экипажу и помогая зайти внутрь.

Тася крепко сжала его руки. Из тени приспущенного капюшона глаза ее светились неестественным блеском. Ощущение неминуемой беды, страха не за себя, а за него нахлынуло и стало невыносимым. Перед ее глазами мелькнуло видение — он корчится и кричит в ужасной муке..., и лицо его залито кровью. Ее затрясло.

— Николай, — настойчиво прошептала она. — Ты должен поскорее покинуть Россию. Ты должен приехать к нам, в Англию.

— Нет, даже если от этого будет зависеть моя жизнь, — возразил он.

— Но так и есть, — напряженно шепнула она. — Именно твоя жизнь зависит от этого.

Николай пристально посмотрел ей в глаза, улыбка его исчезла. Он нагнулся к экипажу,

словно желая сказать ей что-то личное и важное. Она затаилась, не шевелясь.

— Такие, как ты и я, не пропадают. Мы всегда выживем, — сказал он. — Мы берем свою судьбу в свои руки и лепим то, что нам хочется. Сколько женщин, по-твоему, смогло бы пройти путь от вонючей тюремной камеры до положения жены английского аристократа? Ты использовала свой ум, свою красоту — все, что имеешь, чтобы получить то, что хочешь. Я сделаю для себя не меньше. Не беспокойся обо мне.

Желаю тебе счастья.

Она почувствовала прикосновение его холодных твердых губ на своих губах и содрогнулась, словно ее поцеловал покойник.

Дверца кареты захлопнулась. Тася откинулась на подушки. Кучер щелкнул кнутом, посылая лошадей вскачь. Ахнув от удивления, она поняла, что рядом с ней кто-то есть.

— Леди Стоукхерст, — раздался мягкий голос Биддла. — Как приятно видеть вас в добром здравии!

Тася рассмеялась:

— Мистер Биддл! Теперь я начинаю верить, что еду домой.

— Да, миледи. Как только заберем лорда Стоукхерста около доков.

Она сразу стала серьезной, лицо окаменело от тревоги.

— Чем раньше, тем лучше!

Мария Петровна подошла к Люку, стоявшему у окна, и они вместе наблюдали, как отъехал экипаж с Тасей. Только тогда она вздохнула с облегчением:

— Слава Богу, теперь она в безопасности. — И, обернувшись к зятю, коснулась его руки. — Спасибо, что вы ее спасли. Мне приятно знать, что у нее такой преданный муж.

Должна признаться, сначала я была огорчена тем, что у вас недостаточное состояние, но теперь понимаю: есть более важные вещи, такие, как любовь и верность.

Люк несколько раз порывался что-то сказать, но, пораженный словами Марии Петровны, только открывал и закрывал рот. Наследник герцогства, дополнивший доходами от промышленности свои весьма значительные доходы от земель и имений, занимающих большие территории в семи графствах, не говоря уж о контрольном пакете акций в расширяющейся железнодорожной компании... Нет, ему и в голову не приходило, что теща снисходительно решит примириться с его «недостаточным состоянием».

— Спасибо, — удалось выговорить ему.

Глаза Марии Петровны затуманились.

— Я вижу, вы хороший человек. Добрый и надежный.

Тасин отец, Иван, тоже был таким. Дочь была для него счастьем. Он называл ее своим сокровищем, своей жар-птицей. Последние его слова перед смертью были о Тасе.

Он умолял меня позаботиться о ней, выдать ее замуж за человека, который будет ее лелеять. — Мария Петровна прослезилась. — Я думала, дочке надо выйти замуж за Ангеловского. С ним она бы никогда ни в чем не нуждалась.

Я убедила себя, что так было бы лучше, и не слушала ее, когда она умоляла не

принуждать ее к браку с Михаилом.

Но для меня она была ребенком, а ее мольбы — просто лепетом о любви и мечтах... — Она склонила голову и промокнула глаза платком, который подал ей Люк. — Я виновата во всем, что случилось с Тасей.

— Не стоит искать виновных, — проговорил Люк. — Всем пришлось несладко. С Тасей теперь все будет хорошо.

— Да, я верю в это. — Мария Петровна поцеловала его в щеки по европейской моде. — Вам надо немедленно отправляться к ней.

— Да, я иду, — ответил он, склоняясь к ее руке. — Не беспокойтесь о дочери, госпожа Каптерева. Тася будет в полной безопасности в Англии... И будет счастливей, чем вы можете себе представить.

Тася и Биддл сидели в темном углу склада, где хранились корабельные грузы. Жизнь здесь почти замерла — лишь несколько отпущенных на берег матросов, рабочих доков да двое торговцев, спорящих насчет поврежденного товара. Забившись в тень, Тася с беспокойством ждала прихода мужа.

Биддл чувствовал ее растущую тревогу.

— Прошло еще мало времени, миледи. Он еще не мог добраться до острова, — тихо сказал он.

Она глубоко вздохнула:

— А если обнаружилось, что я исчезла? Тогда его попытаются задержать для допроса в полиции... Его могут обвинить в политическом преступлении против царя, и тогда...

— Он скоро будет здесь, — уверял ее Биддл, хотя в его голосе зазвучали тревожные нотки.

Тася застыла, заметив, что к ним приближается высокий человек в черно-красной с золотом форме корпуса жандармов — специального подразделения полиции, находящегося в подчинении императорской тайной канцелярии. Когда жандарм подошел ближе, на его усатом лице читалось подозрение. Он явно хотел узнать, кто они такие и что они здесь делают.

— О Боже! — прошептала Тася. Но она не поддавалась панике. Молниеносно сообразив, что надо делать, она обернулась и обняла за шею удивленного камердинера. Не обращая внимания на его потрясенное восклицание, она прижалась губами к его губам и не выпускала беднягу из объятий, пока не подошел жандарм.

— В чем дело? — сурово осведомился он. — Что здесь происходит?

Тася с деланным ужасом отпрыгнула от Биддла.

— О, — задыхаясь, проговорила она, — умоляю вас, не рассказывайте никому, что мы здесь! Я пришла сюда на свидание к моему поклоннику-англичанину... Отец не любит его...

Подозрительность жандарма перешла в хмурое осуждение.

— Без сомнения, отец высечет тебя, если узнает, что ты тут делаешь.

Тася умоляюще смотрела на него, глаза ее налились слезами.

— О, прошу вас! Это наш последний вечер вместе... — Она снова подвинулась к Биддлу и уцепилась за его руку.

Жандарм оглядел тощенькую маленькую фигурку Биддла, явно не понимая, что в нем могло пробудить такую страсть.

После долгой мучительной паузы он смилостивился и грубовато велел Тасе:

— Прощайтесь, и пусть он уходит. Поверь, твой отец знает, что для тебя лучше. Послушные дети — радость родителей. А такая хорошенькая девушка, как ты... Да тебе найдут мужа получше этого тщедушного англичанина.

Тася кротко кивнула:

— Да, конечно.

— Я сделаю вид, что не заметил вас, и продолжу свой обход. Но, — он погрозил ей пальцем, — пусть вас не будет здесь, когда я вернусь.

— Спасибо. — Она рассыпалась в благодарностях и, сняв с пальца перстень с драгоценным камнем, вложила ему в руки. Подарок убедит его не торопиться с возвращением и дать им еще несколько минут побыть в помещении склада. С коротким кивком жандарм принял перстень и, бросив мрачный взгляд на Биддла, продолжил свой обход.

Тася, почувствовав облегчение, с извиняющейся улыбкой обернулась к Биддлу:

— О, мистер Биддл, я, наверное, вас шокировала?

Он кивнул и, судорожно вздохнув, ослабил ворот рубашки.

— Я..., я не знаю, как взгляну в лицо его милости.

— Уверена, что он все поймет... — смущенно начала она и вздрогнула, увидев, что к ним направляется еще один мужчина.

Биддл замер, готовясь к возможному нападению, но вместо этого Тася кинулась к незнакомцу с тихим восклицанием:

— Дядя Кирилл!

Бородатое лицо Кирилла расплылось в улыбке, и он схватил Тасю в охапку мощными руками.

— Малышка племянница, — бормотал он, крепко прижимая ее к себе. — Какой мне толк тайком вывозить тебя из России, если ты все время возвращаешься обратно. На этот раз ты уж оставайся там, ладно?

Тася радостно улыбнулась в ответ:

— Да, дядюшка.

— Николай прислал мне записку, где все объяснил. Он написал, что в Англии ты вышла замуж. — Кирилл отстранил ее на длину вытянутой руки, чтобы лучше разглядеть. — Ты цветешь, как роза, — одобрительно заметил он и перевел взгляд на Биддла. — Он, верно, хороший муж, этот маленький англичанин.

— О нет, дядя Кирилл, — поспешно объяснила Тася. — Это его камердинер. Мой муж должен присоединиться к нам... вскоре..., если все будет хорошо. — При мысли об опасности, которой подвергался Люк, она нахмурилась.

— А-а... — сочувственно протянул Кирилл. — Я пойду посмотрю, где он, но сначала отведу тебя на корабль...

— Нет, без него я никуда не пойду.

Кирилл начал было ее уговаривать, но вдруг кивнул головой, соглашаясь с ней.

— Твой муж высокого роста?

— Да.

— Темноволосый?

— Да!..

— С крючком вместо кисти руки? И слегка прихрамывает на ходу?

Озадаченная Тася молча смотрела на дядю, но, сообразив, в чем дело, круто обернулась и увидела подходившего Люка. У него был растерзанный и взъерошенный вид, он слегка хромотал, но никогда не казался ей таким красивым.

Она бросилась к нему и обхватила за талию.

— Люк, — шептала она, закрывая глаза в безмолвной благодарности Богу и судьбе. — С тобой все в порядке?

Люк запрокинул ей голову и крепко поцеловал в губы.

— Нет. У меня дюжина синяков и ссадин, я растянул все мышцы, и на обратном пути тебе придется ухаживать за каждой из них отдельно.

— С удовольствием, милорд. — Тася продела руку под его локоть и потянула вперед, чтобы представить своему дяде.

Кирилл произнес несколько слов на ломаном английском, они обменялись улыбками и решили немедленно подняться на корабль.

Внезапно камердинер привлек внимание Люка своим странным видом — он стоял рядом, ломая руки.

— Биддл, почему ты такой багровый? У тебя такой вид, словно тебя сейчас хватит апоплексический удар. — Нахмутив брови, он наблюдал, как его слуга, пробормотав что-то невнятное, опрометью кинулся к кораблю. — Да что это с ним такое?

Тася небрежно пожала плечами:

— Возможно, сказалось наконец напряжение этих дней.

Люк скептически посмотрел на нее:

— Не важно. Потом расскажешь мне, в чем дело. А теперь давайте поскорее отсюда убираться.

— Да, — проговорила Тася спокойно и решительно. — Едем домой.

Прошло три месяца после их возвращения в Англию. От спокойной и благополучной жизни Тася просто расцвела. Они продолжали жить в Лондоне, чтобы Люк мог заниматься своими делами. Впервые в жизни Тася была по-настоящему счастлива — не так, как раньше, короткими вспышками чувств, а более прочно: ее счастье было похоже на ровное яркое пламя, согревавшее ее изнутри. Каким чудом было просыпаться каждое утро рядом с Люком и знать, что он принадлежит ей! Он был для нее всем на свете: иногда вел себя с ней по-отцовски, иногда просто дьявольски, иногда нежно, как юноша, влюбленный впервые в жизни. Он и поддразнивал ее, и ухаживал за ней с пылкой страстью. По мере того как шло время и Тасина беременность становилась все более заметной. Люк все сильнее восторгался происходившими в ней переменами. Они буквально завораживали его.

Иногда, не обращая внимания на смех и легкие протесты, он раздевал Тасю среди дня, чтобы полюбоваться ее расцветшим телом. Он проводил рукой по обнаженной округлости ее живота с таким благоговением, словно это было потрясающее произведение искусства.

— Никогда я не видел ничего прекраснее, — сказал он однажды утром, восхищаясь уже сильно заметной выпуклостью.

— У нас будет мальчик, — объявила она.

— Это не имеет значения, — откликнулся Люк, покрывая поцелуями нежную кожу ее живота. — Хоть мальчик, хоть девочка... Они же будут частью тебя.

— И тебя, — добавила она, ероша ему волосы.

Мода на платья с завышенной талией позволяла Тасе скрывать свое положение, и она бывала на приемах, ходила в театр, посещала различные светские развлечения. Позже, когда живот ее станет совсем большим и никакие свободные платья и шелковые шали его не скроют, правила приличия потребуют, чтобы она сидела дома.

— Вы такая тоненькая, что, по-моему, ничего не будет заметно еще очень долго, — предсказывала миссис Наггз, и Тася очень надеялась, что она окажется права. После детства и юности, проведенных в заточении — сначала в девичьей, потом в тюрьме, — она намеревалась всю наслаждаться свободой.

А пока она усердно старалась подружиться с другими молодыми женщинами, участвуя в благотворительных концертах и выполняя светские обязанности жены Люка. Наконец ей удалось расшевелить Эмму и подтолкнуть ее к дружбе с девочками-сверстницами. Эмма переросла свою застенчивость, и ее стали радовать детские праздники. Когда же наступил первый день ее первых месячных, день, которого она ждала с таким страхом, она сообщила об этом Тасе с какой-то смесью смущения и гордости.

— Теперь я не смогу больше играть в куклы? — с тревогой спросила она и с облегчением вздохнула, когда Тася уверила ее, что сможет.

Осень пришла в Англию с бодрящим холодом и разноцветьем листьев. В один из осенних дней в Англию прибыл корабль из России с множеством ящиков и сундуков. Алисия Эшборн приехала помочь Тасе их распаковать.

— Это подарки от мамы. — Тася сидела на диване, читая письмо от матери, пока Алисия и Эмма извлекали из ящиков настоящие сокровища.

Тася была счастлива, узнав, что вся история закончилась благополучно и никаких последствий для Марии Петровны бегство дочери не имело. Благодаря умело розданным Николаем взяткам Марию Петровну допрашивали очень коротко и быстро отпустили. С тех пор госпожа Каптерева дома занималась тем, что собирала для Таси самые ценные фамильные реликвии. Женщины достали из ящиков драгоценный фарфор и хрусталь, несколько старинных икон, кружевную крестильную рубашечку, серебряные подстаканники, украшенные драгоценными камнями.

Крики восторга зазвенели в комнате при виде серебряного самовара.

— Думаю, он из Тулы, — проговорила Алисия, вглядываясь в хитроумную гравировку. — Лучшие самовары делаются в Туле.

— Если бы у нас был еще и настоящий чай для заварки, — пожаловалась Тася.

Эмма удивленно посмотрела на нее:

— Белль-мер, а разве английский чай не самый лучший?

— Нет, что ты! Русские заваривают самый дорогой чай, китайский, караванный, — мечтательно отвечала Тася. — У него более тонкий аромат, и он вкуснее всех других чаев. В России многие любят его пить, потягивая через кусочек сахара, который держат во рту, придерживая языком у передних зубов.

— Как странно! — воскликнула Эмма, с огромным интересом разглядывая самовар.

Алисия вытащила отрез таинственно мерцающего золотого русского кружева и поднесла его к свету.

— Что еще пишет Мария Петровна?

Тася перевернула страницу и продолжала читать.

— Ох! — слабо вскрикнула она, и руки ее задрожали.

Настороженные этой странной ноткой в ее голосе, Алисия и Эмма внимательно посмотрели на нее.

— В чем дело? — спросила Алисия.

Тася, не отрывая глаз от тонкого листка, медленно рассказала:

— Граф Щуровский недавно найден мертвым в своем дворце. Матан пишет, что он умер от яда и все считают это самоубийством. — Голос Таси звучал все тише и под конец стих совсем. Она обменялась сумрачными взглядами с Алисией. Тася не сомневалась: смерть Щуровского — это месть Николая за убийство брата. Тася вернулась к письму:

— «Государь очень расстроен, на его здоровье и состояние духа очень повлияла эта утрата. Он ушел в себя, а все министры и высокопоставленные чиновники передрались в борьбе за власть».

— Она что-нибудь пишет о князе Ангеловском? — поинтересовалась Алисия.

Тася кивнула, сдвинув брови.

— «Николая подозревают в предательских действиях, — читала она. — Его арестовали и уже много недель держат в заключении и допрашивают. Ходят слухи, что вскоре его могут выслать. Если он еще жив».

— Почему? Что они с ним сделали? — любопытно спросила Эмма.

В комнате воцарилось тяжелое молчание.

— Они не просто задают вопросы. Дело гораздо хуже, тихо проговорила Алисия. — Бедный Николай! Такой судьбы я и худшему врагу не пожелаю.

Тася замолчала, думая о жутких пытках, о которых шептались в Санкт-Петербурге: с их помощью «развязывали языки» у врагов государства и наказывали непокорных. Как орудие пытки наиболее часто использовался кнут. Опытный палач мог рассечь тело до кости, а ведь кнут сочетали с раскаленным железом и другими изощренными орудиями пытки. Боль, которую они причиняли, могла свести с ума. Что сделали они с Николаем, насколько тяжело он искалечен?

От этих мыслей все удовольствие от подарков матери пропало, Тасю затопила щемящая сердце жалость.

— Я думаю, нельзя ли что-нибудь предпринять, чтобы помочь Николаю?

— Почему вы хотите помочь ему? — спросила Эмма. Он плохой человек. Он заслужил все, что получает.

— «Не судите да не судимы будете, — процитировала Тася Евангелие. — Прощайте и вам простится».

Эмма нахмурилась и снова занялась стоявшим перед ней ящиком с подарками, бормоча себе под нос:

— Все равно он плохой.

К огорчению Таси, отношение Люка к страданиям Николая было таким же, как и у его дочери. Когда она поздним вечером показала ему письмо матери. Люк не проявил ни капли сострадания, что очень разочаровало ее.

— Ангеловский знал, насколько опасна его затея, — сдержанно произнес он. — Он решил непременно убить Щуровского, и сделать это даже ценой собственной жизни. Его обуревают страсти к опасным играм, Тася. И его политические враги нашли способ уничтожить его. Но он же знал, что так может случиться. Николай шел на это с открытыми глазами.

— Я не могу не жалеть его, — отвечала Тася. — Уверена, что в тюрьме его жестоко мучают.

Люк пожал плечами:

— Мы ему ничем не можем помочь.

— Разве ты не можешь по крайней мере заставить кого-нибудь послать в Россию неофициальный запрос? Кого-то из твоих знакомых в министерстве иностранных дел?

Синие глаза Люка пронзительно глянули на нее.

— Почему тебя заботит, что станет с Николаем Ангеловским? Бог свидетель, ему всегда была глубоко безразлична твоя судьба, да и судьбы любых других людей.

— Частично потому, что мы в родстве...

— Очень отдаленном.

— ...а частично потому, что он стал жертвой тех же продажных чиновников, от которых пострадала я.

— В его случае этому есть причина, — едко заметил Люк. — Разве ты веришь, будто Щуровский покончил с собой?

Его снисходительный тон уязвил Тасю.

— Если ты решил стать для Николая сразу и судьей, и палачом, то ты ничуть не лучше

царя и его поганых приспешников!

Они яростно смотрели друг на друга. Гневный румянец волной залил шею и лицо Люка.

— У меня есть на это право. Я знаю, что это такое, когда все против тебя, когда все обвиняют и не к кому обратиться...

— Следующим твоим шагом, наверное, будет требование взять его в мой дом.

— Геоидом? Я-то думала, что это каждым! Нет, я так не думала, но неужели это будет слишком — попросить тебя об убежище для кого-то из моей семьи?

— Да, слишком, если этот кто-то — Николай Ангеловский. Проклятие, Тася, ты же прекрасно знаешь, на что он способен. Он не стоит этого разговора. После всего того, что он нам сделал.

— Я его простила. И если ты не можешь его простить, по крайней мере постарайся понять...

— Я скорее увижу его в аду, чем прощу его вмешательство в нашу жизнь.

— Потому что он уязвил твою гордость, — бросила Тася. — Поэтому тебя и бесит даже одно упоминание его имени.

Удар попал точно в цель. Она поняла это по внезапно сдвинувшимся бровям и яростно забившейся жилке на щеке.

Она увидела, как он стиснул зубы, чтобы удержать ядовитый ответ. Наконец ему удалось овладеть собой в достаточной мере, чтобы заговорить, хотя голос еще дрожал от ярости:

— Ты думаешь, мне моя гордость дороже твоей безопасности?

Тася упорно молчала, испытывая одновременно и гнев на мужа, и чувство вины перед ним.

— О чем мы спорим? — спросил Люк. Глаза его были холодны как лед. — Что мне надо сделать?

— Единственное, о чем я прошу, — попытайся узнать, жив Ангеловский или нет.

— И что потом?

— Я... — Тася отвела глаза в сторону и уклончиво пожала плечами:

— Не знаю.

Губы его насмешливо искривились.

— Ты никудышная лгунья, Тася.

На следующий день Люк ушел из дома, так и не согласившись выполнить ее просьбу. Тася понимала, насколько безрассудно снова заговаривать с ним об Ангеловском. Еще несколько дней прошло как обычно, но в разговорах проскальзывала натянутость, а в молчании чувствовались незадаанные вопросы, на которые не было ответов. Тася и сама себе не могла объяснить, почему беда Николая так ее тревожит, но беспокойство не исчезало, и она все сильнее хотела знать, что с ним.

Однажды вечером, после ужина, когда Эмма ушла в свою комнату, Люк выпил бренди и оценивающе посмотрел на Тасю. Она неловко поежилась под его взглядом, догадываясь, что

он хочет сообщить ей нечто важное.

— Князь Николай выслан из России, — коротко объявил он. — От министра иностранных дел я узнал, что он снял дом в Лондоне.

Тася взволнованно засыпала его вопросами:

— В Лондоне? Он сейчас здесь? Почему он приехал в Англию? Как он? В каком состоянии?

— Это все, что я знаю. И я запрещаю тебе общаться с ним.

— Запрещаешь?

Люк поигрывал рюмкой, медленно поворачивая ее в пальцах.

— Поверь, ему ничего не нужно от тебя. У него есть все, что необходимо. Кажется, ему разрешили вывезти из России десятую часть имущества. Этого более чем достаточно.

— Да, конечно, — заметила Тася, соображая, что десятая часть имущества Ангеловских составляет по меньшей мере миллионов тридцать. — Но потерять дом, наследие предков...

— Он великолепно обойдется без них.

Тася была поражена его черствостью.

— Ты знаешь, что делают на допросах с людьми, обвиняемыми в государственной измене? Любимый прием — это иссечь человеку спину до костей, а потом поджарить на огне, как свинью на решетке! И на какие бы уступки они ни пошли, уверена, что никаких денег не хватит, чтобы расплатиться за зло, которое они ему причинили. У него в Англии нет родных, кроме меня и Алисии Эшборн...

— Никогда в жизни Чарльз не позволит Алисии навестить Ангеловского.

— Ах, значит, вы с Чарльзом оба держите своих жен в кулаке? — Тася вскочила со стула, не в силах сидеть на месте и продолжать спокойный разговор. Все в ней кипело от возмущения. — Когда я выходила за тебя замуж, то считала, что муж-англичанин будет меня уважать, позволит мне говорить то, что думаю, и предоставит мне свободу. Из того, что ты рассказывал мне о первом браке, было ясно, что именно так ты обращался со своей первой женой. Ты не можешь утверждать, будто встреча с Николаем мне сейчас чем-то угрожает или что я причиню вред кому-то, если его увижу! Ты не можешь запрещать мне что-либо, не объяснив причины...

Лицо Люка потемнело от гнева.

— В этом случае ты просто мне подчинишься! — прорычал он. — И будь я проклят, если буду тебе что-то объяснять!

Мое решение окончательное.

— Просто потому, что ты мой муж?

— Да. Мэри подчинялась этому правилу, и ты тоже подчинишься.

— Никогда! — Тася задрожала, как натянутая тетива лука. Пальцы сжались в кулаки. — Я не ребенок, который должен тебя слушаться! Я не вещь, которую ты можешь переставлять с места на место по своему желанию, и не животное, которое ты волен запрячь и вести куда хочешь... и не рабыня, чтобы беспрекословно подчиняться. Мой ум и тело принадлежат мне... И пока ты не переменишь своего решения, не позволишь мне увидеть Николая, не смей ко мне прикасаться!

Люк очутился около нее так быстро, что она не успела сообразить, в чем дело, как вдруг оказалась прижатой к нему, его рука запуталась в ее волосах, его рот сокрушительно смял ее губы. Он целовал ее, так крепко прижимая рот к губам, что она ощутила вкус крови. Она всхлипнула и попыталась его оттолкнуть, а когда он ее отпустил, буквально задохнулась от

ярости. Медленно дотронулась она до своих израненных губ.

— Я буду касаться тебя когда и как захочу! — свирепо произнес Люк. — Тася, не доводи меня до крайности... Или пожалеешь об этом.

Хотя желания видеть Николая Алисия Эшборн не испытывала, ей было любопытно, что с ним происходит.

— Говорят, что понадобилось двадцать фур, чтобы перевезти его ценности из порта в дом, который он снял, — рассказывала она Тасе за чаем. — У него уже было много визитеров, но он никого не принял. В Лондоне только и говорят о таинственном изгнаннике, князе Николае Ангеловском.

— Ты собираешься его навестить? — тихо спросила Тася.

— Дорогая, я не видела Николая с детства и не чувствую ни желания, ни обязанности его видеть теперь. Кроме того, Чарльз рассердится, если я ступлю хоть на порог дома Николая.

— Не могу себе представить Чарльза гневающимся, — заметила Тася. — Он самый мягкий и вежливый человек, которого я когда-либо встречала.

— Он бывает сердитым, бывает, — уверила ее Алисия. — Раз в два года он взрывается... И тогда ты не захочешь оказаться поблизости от места взрыва.

Тася слегка улыбнулась и глубоко вздохнула.

— Люк сердится на меня, — доверилась она кухне. — Очень сердится. Возможно, он имеет на это полное право. Я не могу объяснить, почему хочу видеть Николая... Знаю только, что он одинок и очень страдает. Должен найтись способ, как мне ему помочь.

— Почему? Зачем? Ведь Николай причинил тебе столько неприятностей.

— Но ведь именно он помог мне бежать из России, — не согласилась Тася. — Ты знаешь, где он живет? Скажи мне, Алисия.

— Ты ведь не собираешься нарушить запрет мужа?

Тася нахмурила брови. За последние месяцы она очень изменилась. Когда-то такой вопрос не стоило и задавать. Ей с детства внушали, что слово мужа — закон и принимать его волю надо беспрекословно. С горькой иронией она вспомнила строки стихотворения русской поэтессы Каролины Павловой:

Учись, жена, жены страданьям,
Знай, что «покорная» она
Своим мечтам, своим желаньям
Искать дороги не должна;
Что ропщет сердце в ней напрасно,
Что долг ее неумолим,
Что вся душа ему подвластна,
Что скованы и мысли им.

Но это ей больше не грозило. Она слишком далеко зашла, слишком изменилась и не могла позволить кому бы то ни было владеть своей душой. Ей было важно доказать это не только Люку, но и самой себе. Она поступит, как велит ей совесть, а мужа будет любить, как друга, а не почитать, как хозяина.

— Скажи мне, где дом Николая? — твердо повторила она.

— Алпер-Брук-стрит, 43, — сморщившись, пробормотала Алисия. — И не проговорись что это я тебе сказала. Я буду отрицать это даже на Страшном суде.

На следующий день, когда Люк ушел, а Эмма погрузилась во французскую философию, Тася велела подать карету и поехала якобы навестить Эшборнов. Алпер-Брук-стрит находилась неподалеку от дома Стоукхерстов. Тася задумалась, почему Николай снял дом именно здесь и сопровождает ли его кто-нибудь из России. Ощущение того, что надо торопиться, нарастало в ней так же, как нервная тревога. Карета остановилась около огромного особняка, облицованного мрамором. Лакей поднялся по ступеням к парадной двери и постучал. Их встретила домоправительница, русская старуха, одетая в черное, в сером платке. Николай не стал нанимать дворецкого-англичанина. Домоправительница пробормотала несколько исковерканных слов по-английски и замахала руками, прогоняя Тасю.

Тася коротко сказала:

— Я Анастасия Ивановна Стоукхерст и приехала навестить своего кузена.

Старуха по безупречной русской речи поняла, что перед ней соотечественница. Она ответила по-русски, испытывая очевидное облегчение от того, что есть человек, которому она может довериться:

— Князь очень болен, милая барыня.

— Что значит «болен»?

— Он умирает. Медленно-медленно. — Старуха перекрестилась. — Должно быть, проклятие лежит на роде Ангеловских. Он такой после допроса в тайной канцелярии.

— Его допрашивали там? — тихо повторила Тася, зная, что слово «допрос» в России означает далеко не цивилизованное дознание. — У него горячка? Раны воспалились?

— Уже нет, матушка-барыня. Большинство ран затянулось. У него болит душа. Князь слишком слаб и не встает с постели. Он приказал, чтобы в его комнате всегда был мрак.

Ни еду, ни питье его желудок не удерживает. Только стакан водки время от времени. Он не разрешает себя мыть и вообще как-то двигать. Когда до него дотрагиваются, он трясется или кричит, словно его жгут на углях.

Тася с непроницаемым лицом выслушала этот краткий рассказ, хотя внутри у нее все сжалось от сострадания.

— Есть с ним кто-то?

— Он не позволяет.

— Проводите меня в его комнату.

Они шли по затемненному дому, все комнаты которого были забиты бесценными

сокровищами из дворца Ангеловских в Санкт-Петербурге. Даже великолепный иконостас был перевезен сюда. Подойдя к спальне Николая, Тася почувствовала резкий запах курений. Воздух, казалось, загустел от сладкого аромата ладана, который курили, чтобы облегчить умирающим последние часы жизни. Тася помнила этот запах у смертного одра своего отца... Она вошла в комнату и попросила домоправительницу оставить их наедине.

В спальне было настолько темно, что Тася ничего не смогла разглядеть. Она с трудом пробралась к окну и немного раздвинула тяжелые занавеси, впустив в сумрак комнаты дневной свет. Затем открыла окна, и бодрящий осенний ветер стал рассеивать туман благовоний. Она медленно подошла к кровати, на которой тяжелым сном спал Николай Ангеловский.

То, что она увидела, ужаснуло ее. Николай был укрыт почти до груди, длинная тонкая рука свисала с кровати. Пальцы слегка подергивались, словно и во сне ум его продолжал блуждать. Свежие воспаленные шрамы, как красные змеи, обвивали его запястья и ползли вверх к локтям по внутренней стороне рук. Тася перевела взгляд на его лицо и с грустью увидела, что от замечательной красоты Николая почти ничего не осталось. Глубокие провалы были видны на его щеках и шее. Здоровый золотисто-бронзовый загар сменился мертвенно-серо-желтизной. Блестящие, пронизанные золотыми бликами волосы потускнели и свалялись.

На столике около кровати стыла тарелка душистого от трав супа. Поодаль стояли курильница, над которой вился дымок, и столик с резными фигурками животных — амулетов, отгоняющих злых духов. Тася закрыла курильницу, и благовонный дымок перестал подниматься. Ее движения и свежий воздух потревожили Николая. Он испуганно вздрогнул и проснулся.

— Кто здесь? — еще не совсем придя в себя, спросил он. — Закройте окна. Слишком много воздуха... Слишком много света...

— Разве ты не хочешь поправиться? — спокойно спросила Тася, подходя ближе к кровати.

Николай заморгал и уставился на нее своими странными волчьими глазами, которые стали еще более пустыми, чем раньше, хотя это казалось невозможным. Он напомнил ей мятущегося, страдающего зверя, которому было уже все равно, жить или умереть.

— Анастасия, — прошептал он.

— Да, Николай. — Она осторожно опустилась на край кровати и заглянула ему в лицо. Хотя она не сделала попытки дотронуться до него, Николай отпрянул подальше. "

— Оставь меня, — хрипло произнес он. — Я не могу тебя видеть..., как, впрочем, и других людей.

— Почему ты приехал в Лондон? — ласково спросила она. — Твои родные живут по всему свету — во Франции, Финляндии, даже в Китае. А здесь у тебя никого нет, кроме меня. По-моему, ты хотел, чтобы я пришла к тебе, Николай.

— Когда я захочу этого, я пошлю тебе приглашение. А теперь..., уходи.

Тася хотела было ответить, но почувствовала, что у двери кто-то стоит. Она оглянулась. К ее ужасу и удивлению, это была Эмма. Ее тоненькая фигурка почти слилась с мраком дверного проема, но рыжие волосы сверкали коричневатым огнем.

Нахмурившись, Тася подбежала к ней.

— Эмма Стоукхерст, что ты здесь делаешь? — с раздражением прошептала она.

— Я взяла лошадь и последовала за вами, — отозвалась Эмма. — Я слышала, как вы

говорили с папой о князе Николае Ангеловском, и все поняла.

— Это мое личное дело, и ты не должна в него вмешиваться. Ты знаешь, что я думаю о твоей манере подслушивать и лезть в дела, которые тебя не касаются.

Эмма попыталась изобразить на лице раскаяние, но у нее это плохо получилось.

— Я должна была приехать и убедиться, что он не причинит вам снова вреда.

— Спальня больного джентльмена — не место для молодой девушки. Эмма, я хочу, чтобы ты немедленно уехала отсюда. Вели кучеру отвезти тебя домой, а потом пусть он вернется за мной.

— Нет, — послышался тихий голос с кровати.

Тася и Эмма обернулись к нему. Ярко-голубые глаза Эммы стали круглыми, как пуговицы, от любопытства.

— Это тот самый человек, которого я видела тогда? — вполголоса спросила она. — Он совсем не похож на прежнего.

— Подойди сюда, — властно произнес Николай и поманил ее слабым движением руки. Усилие дорого обошлось ему, и рука безжизненно упала на постель. Глаза его были неотрывно устремлены на обрызганное веснушками лицо Эммы в ореоле сверкающих кудрей.

— Вот мы и встретились еще раз, — произнес он, глядя на нее немигающим взглядом.

— Здесь плохо пахнет, — заметила Эмма, скреживая руки на плоской груди. Не обращая внимания на протесты Таси, она подошла к постели и презрительно покачала головой. — Гляньте только на все эти пустые бутылки. Вы, должно быть, здорово надрались?

Тень улыбки тронула сухие губы Николая.

— Что означает «надрался»?

— Это означает «пьян в стельку», — дерзко ответила Эмма.

Быстрым движением, ошеломившим ее, Николай потянулся и поймал тонкими пальцами блестящий локон.

— Я знаю, — мягко проговорил он, — русскую народную сказку о девушке, которая спасла умирающего князя... Она принесла ему волшебное перышко..., из хвоста жар-птицы. У этих перьев особый цвет: средний между красным и золотым. Как твои волосы. Огненный букет...

Эмма отдернула голову и, когда локон выскользнул из его слабой руки, насупилась, сердито сверкнув на него глазами.

— Скорее пучок морковок. — Она глянула на Тасю:

— Я поеду домой, бель-мер. Вижу, что вам его нечего бояться.

Проговорив эти слова с глубоким презрением, она развернулась и вышла из комнаты.

Николай с трудом повернул голову на подушке, провожая ее глазами.

Тася была поражена происшедшей в нем переменой, взгляд его уже не был так беспокоен, лицо слегка порозовело.

— Бесенок, — произнес он. — Как ее зовут?

Тася не ответила на его вопрос и стала закатывать рукава.

— Я сейчас прикажу слугам подогреть еще супа, — сказала она, — и ты его съешь.

— А потом ты уйдешь. Обещаешь?

— Разумеется, нет. Я собираюсь выкупать тебя и наложить мазь на пролежни. Уверена, что у тебя их хватает.

— Я велю слугам выбросить тебя из дома.

— Подожди, пока окрепнешь настолько, чтобы сделать это самому, — предложила Тася.

Глаза Николая закрылись — разговор его утомил.

— Не знаю, может, я и не окрепну. Я еще не решил, хочу ли жить.

— Такие люди, как ты и я, всегда выживают, — отозвалась она, повторяя слова, сказанные им в Санкт-Петербурге. — Боюсь, что у тебя нет выбора, Никки.

— Ты здесь против желания своего мужа. — Это был не вопрос, а утверждение. — Он никогда бы не согласился, чтобы ты меня навещала.

— Ты ничего о нем не знаешь, — спокойно сказала Тася.

— Он побьет тебя, — продолжал Николай с мрачным удовлетворением. — Такого не потерпит даже англичанин.

— Он ни за что не сделает этого, — заявила Тася, хотя в глубине души не была в этом полностью уверена.

— Ты пришла сюда ради меня или ради себя, чтобы доказать ему, что ты имеешь свою волю?

Тася помолчала мгновение, потом ответила:

— И то и другое.

Она хотела, чтобы Люк ей доверял во всем. Ей нужна была свобода, свобода делать то, что считает правильным!

Если бы она жила в России, ей пришлось бы во всем слушаться мужа. Но здесь ей предоставилась возможность стать другом, а не рабыней. Люк должен понять, какую роль она предпочитает... И она попытается доказать ему это... Какие бы ни были последствия.

Был уже поздний вечер, когда она вернулась в дом Стоукхерстов. Николай, мягко говоря, был трудным пациентом. Пока Тася с помощью домоправительницы умывала и обтирала его, Николай переходил от оскорблений к тоскливому тихому терпению, словно его продолжали пытать. Еще одним испытанием было кормление, но им все-таки удалось уговорить его проглотить несколько ложек супа и кусочек или два хлеба. Наконец Тася уехала, немного успокоенная: Николай был более чистым, лежал более удобно и рядом больше не стояла бутылка водки — ее убрали, хотя он и расsvирепел.

Тася решила навестить его на следующий день, и на следующий за ним, и так далее, пока кузен ее не начнет выздоравливать всерьез. Изувеченное тело Николая произвело на нее удручающее впечатление — она чувствовала себя усталой и подавленной. Его раны были страшным доказательством жестокости, с которой люди обращаются с себе подобными.

Она мечтала оказаться в объятиях Люка, хотела, чтобы он ее утешил. Вместо этого дома ее ожидало настоящее сражение.

Люк уже должен был знать, что она сделала и откуда возвращается так поздно. Безусловно, он воспримет ее поступок как посягательство на его мужской авторитет. Возможно, он уже придумал, как наказать ее за непокорность. Или, того хуже, он посмотрит

на нее с холодным презрением и будет молчать час за часом, день за днем.

В доме царил полумрак. У слуг был свободный вечер, и дом опустел. Тася устало поднялась по лестнице в комнаты, которые занимали они с Люком, зажгла в спальне лампы и позвала его. Не дождавшись ответа, она стала раздеваться. В одной ночной рубашке она села к туалетному столику, расчесывая свои длинные волосы.

Она услышала, как Люк вошел в комнату, и рука ее замерла, крепко сжимая щетку.

— Милорд? — настороженно спросила она. Перед ней стоял Люк в темном халате. Лицо его было мрачным, а взгляд таким, что она уронила щетку и вскочила со стула. Инстинкт требовал, чтобы она бежала от него без оглядки, но ноги налились свинцом и не повиновались. Все, что она смогла, — это попятиться на несколько шагов.

Он приблизился к ней, прижал ее к стене и крепко взял за подбородок. В напряженной тишине комнаты слышались только два дыхания: его — глубокое и тяжелое, ее — частое, прерывистое. Тася знала его грубую мощь, знала, что он может раздавить ее, как яичную скорлупку.

— Что ты собираешься делать? — неуверенно спросила она.

Он впихнул колено между ее бедрами, зажав ее в клещи между стеной и своим возбужденным телом. Взгляд его обжигал.

— А как по-твоему?

Тася слегка задрожала.

— Я должна была поехать туда, — прошептала она. — Люк..., я не хотела быть непослушной. Я сожалею...

— Ты не сожалеешь. С чего бы?

Она не знала, что ответить. Таким она его никогда раньше не видела.

— Люк, — повторила она, — не надо...

Он заглушил ее слова свирепым поцелуем. Рука его скользнула по ее шее, плечу, нашла тонкую бретельку ночной рубашки и грубо рванула ее, так что та разорвалась. Горячая ладонь накрыла ее грудь и начала сжимать, водить по ней пальцами, пока вершина ее не превратилась в тугий чувствительный бутон. Сначала Тася была слишком напугана, чтобы откликнуться, но затем его рот, его прикосновения, его тело воззвали к ней, и волнение вдруг захлестнуло ее.

Кровь стучала в висках, в ушах, заглушая все остальные звуки. Она смутно сознавала, что выговаривает слова, признающие ее полное поражение и сдачу на милость победителя...

Но он ее не слушал. Он сжимал ее в объятиях и, покусывая, целовал ее шею. Голова Таси запрокинулась, тело выгнулось, отдаваясь дикой буре страсти.

Вздернув вверх до пояса подол ее рубашки, Люк просунул руку ей между бедер. Он вжал пальцы в то место, где она больше всего хотела их ощутить, бережно вдавливая, пока легкая пена завитков не разгладилась под его ладонью. Его рот снова накрыл ее губы, и язык глубоко ворвался в ее рот.

Она отталкивала его руку, но ее лицо уже повлажнело от пота, дыхание стало прерывистым. Когда ноги уже не могли ее держать, он потянул ее к кровати и опустил на матрас.

Она лежала на боку безмолвно, бездумно. Глаза были закрыты. Она ждала его, дрожа от нетерпения.

Твердое и мощное, его тело прижималось грудью к ее спине.

Он подтолкнул ее ногу вверх, устраивая ее удобнее для себя, и вошел в ее теплое тело

одним искусным выпадом. Его рука бродила по ее груди, животу, лаская нежные округлости. Тася извивалась под его рукой, забыв обо всем на свете, кроме этой сладкой муки.

— Пожалуйста, — стонала она.

— Нет еще, — отвечал он, дыша ей в затылок, его зубы сомкнулись на ее нежном мягком плече.

— О-о!..

— Подожди, — прошептал он, замедляя ритм и тем заставляя ее кричать от досады. Несколько томительных минут он держал ее на краю пропасти, прекрасно понимая ее, управлял ее ощущениями, пока не завладел ее телом и душой.

Только тогда он проник глубоко в самую ее сердцевину, вынуждая излиться мощным потоком, в котором любовь, нежность, желание слились в дурманящую страсть.

Когда все кончилось, она повернулась, чтобы прижаться к нему, и уткнулась лицом в его широкую грудь. Никогда не чувствовала она себя такой близкой ему. На несколько ослепительных мгновений они оказались вне времени: радостный покой и полное блаженное взаимопонимание. Оно еще длилось, отражаясь в ее глазах, и она поняла, что собирается сказать ей Люк, еще до того, как он заговорил — Ты сильная женщина, Тася... И сегодня я осознал, что люблю тебя именно такой. Я рад, что ты не боишься меня. И я не хочу этого менять. У меня нет причин запрещать тебе посещать Ангеловского. По правде говоря, я просто ревновал тебя. — Люк погладил ее по голове. — Временами мне хочется спрятать тебя от всего мира, чтобы ты была только моей. Мне нужны все твое внимание, твое время, твое имя, твоя любовь...

— Но ведь все это у тебя есть, — мягко проговорила она. — Моя любовь отдана тебе добровольно и навсегда не потому, что ты владеешь мной, а потому, что я так решила.

— Знаю. — Он глубоко вздохнул. — Я вел себя неразумно и эгоистично. Мне нечем гордиться...

— Но ты постарайся быть лучше, — не смолчала Тася.

— Попытаюсь, — криво усмехнулся он.

Она засмеялась и обвила руками его шею.

— Наша совместная жизнь никогда не будет ровной и гладкой.

— По-видимому, нет. — Он провел ладонью по ее округлому животу. — Но я наслаждаюсь каждой минутой.

— Я тоже, — сказала она. — Никогда не думала, что буду такой счастливой.

— А будешь еще более счастлива, — прошептал он ей на ухо. — Подожди — увидишь.

Пронзительный ноябрьский ветер проморозил Люка до костей за то краткое время, пока он ехал от конторы железнодорожной компании до своего дома на Темзе. Уже приближаясь к дому, он подумал, что стоило, наверное, взять экипаж, так как день оказался гораздо холоднее, чем он ожидал. Спешившись, он передал поводья поджидавшему лакею и взбежал по ступеням к парадной двери. Дворецкий открыл дверь и принял у него шляпу и плащ.

Люк с удовольствием ощутил приятное тепло дома.

— Где леди Стоукхерст?

— Леди Стоукхерст и мисс Эмма в гостиной с князем Николаем, сэр.

Люк удивленно моргнул. До сих пор Николай у них не появлялся. Одно дело было терпеть визиты Таси к больному изгнанному кузену, и совсем другое — приветствовать его в собственном доме в качестве гостя. Сжав зубы, Люк направился в гостиную.

Звук его шагов, по-видимому, Эмма услышала еще издалека, и, прежде чем он успел войти в гостиную, она появилась перед ним, покрасневшая от волнения.

— Папа, случилась самая необыкновенная вещь! Николай приехал с визитом и привез мне подарок!

— Что за подарок? — сумрачно поинтересовался Люк, следуя за ней в гостиную.

— Больной котенок. Его бедные лапы воспалены. Человек, которому он принадлежал, вытащил у него когти, и теперь котенок так ослабел от лихорадки, что мы не уверены, что он выздоровеет. Мы сейчас старались уговорить его попить молока. Папа, если он поправится, можно мне оставить его себе? Пожалуйста.

— Я не понимаю, почему с котенком будут какие-то хлопоты... — Люк остановился на пороге гостиной как вкопанный при виде открывшегося ему зрелища.

Тася сидела на корточках рядом с полосатым черно-бело-оранжевым комком. Он был размером с маленькую собаку.

Под недоверчивым взглядом Люка «котенок», шатаясь на забинтованных лапах, сделал шаг к блюдцу с молоком и осторожно начал лакать. Две горничные настороженно наблюдали за животным из дальнего угла гостиной.

— Они ведь едят людей, не правда ли, сэр? — с тревогой спросила одна из них.

Люк понял: это был тигренок. Возможно, даже дальневосточная разновидность, которая вырастает до размеров небольшой лошади. Он перевел сдержанный взгляд с полного надежды лица Эммы на извиняющееся лицо Таси... и, наконец, на сидящего в стороне на диване Николая Ангеловского.

Люк видел Николая впервые после памятной встречи в России. Ангеловский выглядел как раньше, только гораздо худее, так что нос, скулы и челюсти были острыми, как лезвие ножа. Золотистая кожа приобрела какую-то выцветшую нездоровую бледность. Но пронзительные желтые глаза ошеломляли так же, как всегда, и губы изгибались в той же насмешливой улыбке.

— Здравствуйте, — мягко произнес он.

Люк не смог удержаться от неприязненной гримасы.

— Ангеловский, — пробормотал он. — Я буду весьма признателен, если вы воздержитесь от своих даров моей семье.

Вы и так уже достаточно сделали для Стоукхерстов.

Улыбка застыла на лице Николая.

— Я долго думал над подарком и решил принести этого котенка моей кузине Эмме, покровительнице раненых животных.

Люк глянул на дочь, склонившуюся над дрожащим полосатым комком, как озабоченная мать. Ангеловский сделал правильный выбор. Ничто другое не смягчило бы так сердце Эммы.

— Посмотри на него, папа, — сказала Эмма, в то время как тигренок шумно лакал молоко. — Он же такой маленький... Он ведь не займет много места!

— Он вырастет, — предостерегающе произнес Люк. — Взрослые тигры весят до двухсот пятидесяти килограммов, а некоторые даже больше — Неужели? — Эмма с сомнением взглянула на тигренка. — Он будет такой большой?

— Мы никак не можем оставить тигра в своем доме! — Люк переводил яростный взгляд с Ангеловского на жену и обратно. — Кому-то следует подумать, как от него избавиться. Или это сделаю я.

Тася вмешалась осторожно и дипломатично: она поспешила к нему, шелестя шелком юбки, и легонько коснулась его руки.

— Люк, — тихо сказала она, — мне надо поговорить с тобой наедине. — И, бросив взгляд на Николая, добавила:

— Уверена, что тебе следует больше отдыхать, Николай. Тебе не надо переутомляться, а то не выздоровеешь.

— Пожалуй, мне следует удалиться, — согласился Николай, поднимаясь с дивана.

— Я провожу вас, — предложила Эмма, укладывая тигренка на плечо, где он и повис с полным удовлетворением.

Когда Эмма и Николай покинули комнату, Тася стала на цыпочки и шепнула на ухо Люку:

— Пожалуйста. Она будет так счастлива, если он останется.

— Бога ради! Мы же говорим о тигре. — Люк откинул голову и, нахмурясь, смотрел на жену. — И потом, мне не нравится, когда я, приходя домой, застаю в своей гостиной кого-то вроде Ангеловского.

— Его визит был полнейшей неожиданностью и для меня, — с раскаянием сказала Тася. — Но не могла же я прогнать Николая с порога.

— Я не допущу, чтобы он влез в нашу жизнь.

— Разумеется, — отозвалась Тася, направляясь вместе с Люком в холл. — Николай пришел, чтобы помириться. Не верю, что он хочет причинить вред кому-то из нас.

— У меня не такой всепрощающий характер, как у тебя, — пробормотал Люк. — Что касается меня, то я радоваться его посещениям не намерен.

Тася собралась было возразить, когда, случайно повернувшись, увидела Эмму, стоявшую с тигренком на руках перед Николаем. Она что-то говорила ему, смотря ему в лицо, а Николай в этот момент протянул руку, чтобы погладить тигренка по голове. Делая это, он бережно дотронулся пальцем до блестящего рыжего локона Эммы. Этот жест был кратким, едва заметным. Но предостерегающий озноб пробежал у Таси по спине. Перед ее глазами пронеслось видение: Николай рядом с повзрослевшей Эммой. Он смотрит на нее, обольстительно улыбаясь, и уводит ее шаг за шагом в бесконечную тень..., и оба наконец исчезают.

Означает ли это, что Эмме в будущем грозит какая-то опасность со стороны Николая? Тася наморщила лоб, раздумывая, стоит ли говорить Люку о своем видении. Нет, она не станет его тревожить зря. Они вместе позаботятся об Эмме и, если понадобится, защитят ее. Ничто не грозит Эмме теперь, когда они одна семья.:

— Может, ты и прав, — обратилась она к Люку, тихонько пожимая его руку. — Я найду возможность сказать Николаю, что он не должен часто к нам навещаться.

— Хорошо, — удовлетворенно откликнулся Люк. — Теперь насчет тигренка...

— Пойдем со мной, — воркующим голосом проговорила она, подталкивая его к слабо освещенному уголку за парадной лестницей, которая скрыла их от всех взглядов.

Люк снова начал:

— Так насчет этого тигра...

— Подойди поближе. — Она притянула его прохладную руку к своей груди, скрытой бархатом платья. Машинально его ладонь скользнула в вырез платья, охватывая упругую округлость, и продолжила свой путь далее — в нежную теплоту между грудями. Тася вздохнула от удовольствия. Она прижалась к нему всем телом, пышно расцветшим беременностью.

— Ты ушел утром до того, как я проснулась, — пробормотала она. — Я по тебе скучала.

— Тася...

Она притянула к себе его голову, слегка покусывая за шею. Люк слепо повернулся и нашел ее губы. Поцелуй становился все глубже, он почувствовал, как жар разливается по всему телу. Как всегда, ее близость, ее вкус будоражили его, заставляя кровь быстрее струиться по жилам. Маленькая рука Таси легла на его большую и вжимала дальше в вырез лифа, под бархат, пока его ладонь не накрыла острый сосок.

Он еще раз поцеловал ее, и Тася откликнулась с пылкой страстью, всем телом прильнув к нему.

— Ты пахнешь зимой, — проговорила она.

Люк вздрогнул, ощутив ее губы у себя на шее.

— На улице холодно.

— Отнеси меня наверх, и я тебя согрею.

— Но как же насчет тигра...

— Позже, — прошептала она, ослабляя на нем узел галстука. — А сейчас отнеси меня в постель.

Люк поднял голову и насмешливо улыбнулся ей:

— Я прекрасно понимаю, когда мной манипулируют.

— Тобой не манипулируют, — успокоила она его, наконец развязав галстук и бросая его на пол. — Тебя соблазняют. И перестань мне сопротивляться.

Оказаться в постели с ней, прижать к себе ее тело... Устоять против этого Люк не мог. Сколько бы он еще ни прожил на свете, нет и не будет ничего лучше — соблазна сильнее, удовольствия глубже, страсти ярче, — чем то, что испытывал он с ней!

Бережно поднимая ее на руки, он пробормотал:

— Кто же сопротивляется? — И понес ее в постель.

Больше книг на сайте — Knigolub.net